

Мозаики греческой истории

Роберт Пирпонт Уилсон
Марсиус Уилсон

Mosaics of Grecian History

Marcus Willson and Robert Pierpont

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of Mosaics of Grecian History.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или онлайн на www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Мозаики греческой истории

Автор: Марсиус Уиллсон

Роберт Пирпонт Уилсон

Дата выхода: 1 ноября 2004 [eBook #6841]

Последнее обновление: 21 ноября 2022 г.

Язык: Английский

Кредиты: Роберт Дж. Холл

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MOSAICS OF GRECIAN HISTORY ***

Мозаики греческой истории

МАРСИУС УИЛЛСОН И РОБЕРТ ПИРПОНТ УИЛЛСОН

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Главной целью подготовки настоящего тома было создание в умеренном объеме истории Греции, которая не только заслуживала бы доверия, но и была бы интересна всем категориям читателей.

Следует признать, что наши стандартные исторические труды, при всей их ценности, не пользуются популярностью у широких слоев населения; и столь же очевидно, что наши обычные школьные пособия - сокращения и конспекты более объемных трудов - не встречают большего одобрения. Система исторического изучения в общих чертах, которой обычно придерживаются в школах, интересна только тем, кому она подсказывает детали, на которых она основана; и мы уже давно убедились, что она не является лучшей для начинающих и для популярного использования; что она нарушает естественный порядок приобретения знаний; что для молодых овладение ею - каторжный труд; что ее статистическое перечисление, если и усваивается ими, то вскоре забывается; что она имеет тенденцию создавать предубеждение против изучения истории; что она не закладывает надлежащего фундамента для будущего исторического чтения; и что, за пределами принудительного изучения в школьном классе, она редко используется. Люди в целом - массы - не читают таких произведений, в то время как они с жадностью читают исторические легенды, исторические романы, исторические поэмы и драмы, биографические очерки. И

мы без колебаний утверждаем, что из исторических пьес Шекспира читающая публика почерпнула (вместе с множеством другой ценной информации) в сто раз больше знаний о некоторых частях английской истории, чем из всех громоздких томов официальной истории, которые когда-либо были написаны. Могут сказать, что люди должны читать Хьюма, Лингарда, Макинтоша, Халлама, Фрауда и Фримена вместо шекспировских "Короля Джона" и "Ричарда II", "Генриха IV" и "Генриха VIII" и т. д. Достаточно ответить, что это не так.

Поэтому исторические произведения, чтобы их читали массы, должны быть адаптированы к народному вкусу. Именно признание этой истины заставило Маколея, самого блестящего из историков, заметить: "Мы не уверены, что лучшими историями не являются те, в которых разумно используется немного преувеличения вымышленного повествования. Что-то теряется в точности, но многое выигрывает в эффекте. Более слабыми линиями пренебрегают, но великие характерные черты навсегда запечатлеваются в памяти". Если результат, на который ссылается Маколей, будет однажды достигнут вводной работой, настолько интересной, что она войдет во всеобщее употребление, это, как мы полагаем, естественным образом приведет к чтению некоторых из лучших стандартных работ в той же исторической области. Пытаясь сделать эту работу такого подготовительного характера, мы помнили о потребности, которая возникла в поэтических иллюстрациях при чтении и преподавании истории, и отвели этой восхитительной помощи в историческом изучении видное место - иногда делая ее единственным средством передачи информации. И все же мы не ввели ничего, что не соответствовало бы нашему идеалу того, какой должна быть история; ведь хотя некоторые из поэтических подборок откровенно легендарны, а другие, в большей или меньшей степени, вымышлены в своих мелких деталях, как, например, бай-плей в исторических драмах Шекспира, мы считаем, что они не наносят вреда исторической достоверности, поскольку являются точными изображениями времени, сцен, происшествий, принципов и верований, которые они призваны иллюстрировать. Помимо исторического интереса, они имеют и литературную ценность. В книгу также включены многочисленные прозаические отрывки из произведений лучших историков, придающие повествованию приятное разнообразие стиля, которое невозможно найти ни у одного писателя, даже если он Гроут, Гиббон или Маколей.

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ.

Полагая, что это может принести некоторую пользу широкому читателю, мы приводим здесь краткий очерк основных историй Греции, которые сейчас находятся в распоряжении публики. Среди всеобъемлющих работ мы можем упомянуть труды Голдсмита, Гиллиса, Митфорда, Тирлуолла, Грота и Курциуса:

ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ, "популярный поэт, очаровательный романист, успешный драматург и остроумный эссеист", написал популярную историю Греции в двух томах, 8vo, 1774, охватывающую период от самой ранней даты до смерти Александра Великого. Это привлекательная работа, изящно написанная, но поверхностная и неточная.

В 1786 году была опубликована история Древней Греции в нескольких томах, написанная ДР. Джоном Джиллиесом, который сменил доктора Робертсона на посту историографа Шотландии. Это труд значительных достоинств, но написан он в духе явно монархических тенденций, хотя автор, очевидно, стремился к большой справедливости в своих политических взглядах.

Он говорит: "История Греции разоблачает опасное буйство демократии и осуждает деспотизм тиранов. Описывая неизлечимые пороки, присущие любой республиканской политике, она демонстрирует неоценимые преимущества, которые приносит самой свободе законное правление наследственных королей и стабильное функционирование хорошо регулируемой монархии".

В 1784 году вышел первый том "*Истории Греции*" Уильяма Митфорда, впоследствии расширенный до восьми и десяти томов, 8vo. Это первая история Греции, которая сочетает в себе обширные исследования и глубокие философские размышления; но это "монархическая" история, написанная писателем с очень сильными антиреспубликанскими принципами. "Она была написана, - говорит Элисон, выдающийся историк современной Европы, - во время или вскоре после Французской революции; и в основном она была призвана противостоять провидческим идеям относительно благ греческой демократии, которая так далеко распространилась в мире благодаря магии афинского гения". Канцлер Кент говорит: "Митфорд не стесняется говорить правду, и всю правду, и рисовать бурные демократии Греции во всем их величии и во всей их убогости". Лорд Байрон сказал об авторе: "Его большое удовольствие состоит в том, что он восхваляет тиранов, поносит Плутарха, странно пишет и причудливо излагает свои мысли; и что самое странное - это лучшая современная история Греции на любом языке". Но это было написано до того, как были опубликованы истории Тирлуолла и Грота. Лорд Маколей говорит о Митфорде: "Всякий раз, когда этот историк упоминает Демосфена, он нарушает все законы откровенности и даже приличия: он не взвешивает авторитеты, не делает никаких поблажек, забывает о самых достоверных фактах в истории того времени и о самых общепризнанных принципах человеческой природы". *North British Review*, назвав Митфорда "плохим ученым, плохим историком и плохим английским писателем", пишет далее, что "он был первым известным писателем, который обнаружил, что греческая история - это живое существо, имеющее практическое значение".

Следующая по-настоящему важная и всеобъемлющая греческая история, опубликованная в 1835-1840 годах в восьми томах, 8vo, была написана Коннопом Тирлволлом, доктором философии, епископом Св. Д., епископом Сент-Дэвидса. Это ученая, продуманная и философская работа, свидетельствующая о глубоком знании греческой литературы и немецких комментаторов. Историк Гроте говорит, что, если бы она появилась на несколько лет раньше, он, вероятно, никогда бы не взялся за свою историю Греции. "Меня бы точно, - говорит он, - не побудили к этому недостатки, подобные тем, которые я ощущал и о которых сожалел в Митфорде".

Сравнивая историю Тирлуолла с историей Грота, "*Норт Бритиш Ревью*" делает следующее разумное замечание: "Многие люди, вероятно, не имеющие особого пристрастия к греческой истории, хотят изучить ее основные контуры в чем-то более высоком, чем просто школьный учебник. Таким читателям мы, безусловно, должны рекомендовать Тирлуолла, а не Гроте. Сравнительная краткость, большая ясность и краткость изложения, свобода от отвлечений и отступлений - все это делает его гораздо более подходящим для такой цели. Но для политического мыслителя, который рассматривает греческую историю главным образом в ее практическом значении, работа г-на Гроте подходит гораздо лучше. Первая - работа ученого, правда, расширенного и практичного, но все же такого, для которого характер ученого является главным. Другая - работа политика и делового человека, лондонского банкира, радикального депутата, чья преданность древней истории и литературе является самым ярким опровержением обвинений в бесполезности и непрактичности подобных занятий".

"Стиль Тирлуолла, - говорит доктор Сэмюэл Уоррен из Англии в своем *"Введении в изучение права"*, - сухой, краткий и точный - не подходящий, возможно, для исторического новичка, но наиболее приемлемый для продвинутого студента, который находится в поиске вещей".

Джордж Грот, член парламента и лондонский банкир, написавший историю Греции в двенадцати томах, опубликованных с 1846 по 1855 год, был назван историком Греции, потому что его работа, по всеобщему признанию критиков, является лучшей для продвинутого студента, которая еще не была написана. Лондонский *"Атенеум"* называет его историю "великим литературным начинанием, одинаково примечательным независимо от того, рассматриваем ли мы его как дополнение к стандартной ценности нашего языка или как почетный памятник того, что может сделать английская ученость". Лондонское *ежеквартальное обозрение* отмечает: "Ошибки, самые закоренелые, которые передавались из поколения в поколение, были впервые исправлены г-ном Гротом; факты, самые известные, были исправлены г-ном Гротом. Гротом; факты, наиболее знакомые, были представлены в новых аспектах и отношениях; вещи, тускло видимые и лишь частично понимаемые ранее, теперь обрели свои истинные пропорции и реальное значение; в то время как многочисленные черты греческого характера и новые жилы греческой мысли и чувства, были открыты глазам ученых благодаря тщательной критике мистера Грота, как новые формы живой природы под микроскопом."

Общий характер работы еще более точно подытожил сэр Арчибальд Элисон. Он говорит: "Будучи убежденным либералом, возможно, даже республиканцем в политике, мистер Грот стремился противостоять влиянию Митфорда в греческой истории и создать историю Греции из подлинных материалов, которая должна проиллюстрировать оживляющее влияние демократической свободы на потуги человеческого разума. В ходе осуществления этой попытки он продемонстрировал обширность знаний, разнообразие исследований, способность к комбинированию, которые достойны самой высокой оценки и обеспечили ему прочное место среди историков современной Европы".

В этой связи можно также упомянуть ценный и научный труд немецкого профессора Эрнста Курциуса (1857-'67) в пяти томах, переведенный А. Уордом (1871-'74). Его симпатии монархические, и его взгляды более близки к взглядам Митфорда и Тирлуолла, чем к взглядам Гроте.

Работа Уильяма Смита в одном томе, 1865 год, является прекрасным кратким изложением греческой истории, как и работа Джорджа В. Кокса, 1876 год. Первая работа, которая в значительной степени является сокращением Гроте, была издана в Бостоне от римского завоевания до середины нынешнего века доктором Фелтоном, покойным президентом Гарвардского колледжа. Президент Фелтон также опубликовал два тома научных лекций о Древней и Современной Греции (1867).

Работы, посвященные отдельным периодам греческой истории и специальным отделам исследований, очень многочисленны. Среди наиболее ценных из них - *"История Пелопоннесской войны"* греческого историка Фукидида, имеющая несколько английских версий. Он родился в Афинах около 471 года до н. э. Его история - одна из самых блестящих из когда-либо написанных.

Геродот, самый ранний и лучший из романтических историков, которого иногда называют "отцом истории", был современником Фукидида. Он написал в очаровательном стиле подробный труд о персидских и греческих войнах, большинство сцен которых он посетил

лично; в многочисленные эпизоды и отступления он вплетал самую ценную историю, которую мы имеем о ранних азиатских народах и египтянах; но он слишком много предается чудесам, чтобы быть полностью достоверным".

Из многочисленных произведений Ксенофонта, афинянина, которого иногда называют "аттической музой" за простоту и красоту его стиля, наиболее известными и приятными являются *"Анабсис"*, *"Памяти Сократа"* и *"Киропедиум"*, политический роман. Он родился около 443 г. до н. э. Лучший английский перевод его работ сделан Уотсоном в "Новой классической библиотеке" Харпера.

Труд греческого историка Полибия, первоначально состоявший из сорока томов, из которых сохранилось только пять, охватывал период от падения Македонской державы до подрыва греческой свободы римлянами, 146 г. до н. э. Это работа большой точности, но мало риторического блеска, и охватывает большую часть римской истории, из которой Ливий почерпнул большинство материалов для своего рассказа о войнах с Карфагеном.

В первом веке нашей эры Плутарх, греческий биограф, написал "Параллельные жизни" сорока шести выдающихся греков и римлян - очаровательную и поучительную работу, переведенную Джоном и Уильямом Лэнгхорнами в 1771 году и Артуром Хью Клафом в 1858 году.

История Греции в семи томах" Джорджа Финлея, британского историка, долгое время проживавшего в Афинах, отличается глубоким знанием греческой топографии, искусства и античности. Завершенный труд охватывает период от завоевания Греции римлянами до середины нынешнего века.

История греческой литературы" Дж. П. Махаффи - наиболее совершенная описательная работа в том отделе, который она охватывает. Она удачно дополнена *"Исследованиями греческих поэтов"* Дж. Аддингтона Саймондса. Г-н Махаффи, как и многие немецкие ученые, не верит в единство *"Илиады"*.

СОДЕРЖАНИЕ.

[Имена авторов, из которых взяты иллюстративные прозаические отрывки, выделены МАЛЫМИ КАПИТАЛАМИ; те, из которых взяты поэтические отрывки, *выделены курсивом*].

ГЛАВА I.

ОБЩИЙ ВИД ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ И ОСТРОВОВ.

Вступление.-Олимп.-Геманс.-Пи'е-рус.-Папа.

1. Фессалия.-Тем'пе.-Геманс.

2. Эпи'рус.- Коци'тус, Ахерон, Додо'на.- *Мильтон: Хейгарт: Байрон.*

3. Акарна'ния.

4. Æto'lia.

5. Lo'cris.

6. До'риз.

7. Фо'цис.-Парнас.-Байрон.-Дельфи.-Геманс.

8. Вæо'tia.-Thebes.-Schiller.

9. Аттика.-Байрон.

10. Коринф.-Байрон: Хейгарт.

11. Ахаия.

12. Арка'диа.

13. Ar'golis.-Мусе'næ.-Hemans.

14. Лако'ния.

15. Мессе'ния.

16. Е'lis.

17. Острова Греции.- Байрон.

Лемнос.- Эвбея.- Цикла-дес.- Де'лос.- Спор'а-дес.- Крит.- Родос.- Сал'амис.- Иги'на.-
Киф'эра.- "Венера, восходящая из моря".- Вулнер.

Строфа'а-дес.-Виргилий.-Паксос.-Закин'с.-Цефало'ния.-Ит'ака.-Леу'кас или Леука'диа.-
Корси'ра или Кор'фу.-"Сады Алкина'о-ус".

ГЛАВА II.

СКАЗОЧНЫЙ И ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРИОД ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.

1. **Греческая мифология.**

2. Значение греческих басен.- Дж. Стюарт Блэки

Битва гигантов - Гезиод

Гимн Юпитеру.

Бог Аполлон.- Ов'ид.

Fancies of the Greek Mind.- Wordsworth: LIDDELL: Blackie.

Плач поэта.- Шиллер.

Творение.- Овидий.

Происхождение зла.- Гесиод.

Что олицетворяет Прометей.- Блэки.

Наказание Прометея - Æs'chylus: Шелли

Потоп в Девка'лионе.- Овидий.

Нравственные черты богов и т.д.- МАHAFFY: GLADSTONE: Гомер: Эсхил: Гесиод.

Клятвы.- Гомер: Эсхил: Софокл: Вергилий.

Будущее государство.- Гомер.

а. История Тан'тала.

б. Спуск Орфея.- Овидий: Гомер.

с. Элизиум.- Гомер: Пиндар.

Индусский и греческий скептицизм.- (Cornhill Magazine).

3. **Древнейшие жители Греции.**
 4. Основание Афин.- *Блэки*.
 5. **Героический век.**
 6. Героические времена, предсказанные Адаму.
Двенадцать трудов Геракла.- *Гомер*.
Басня о Геракле и Антее.- *Коллинз*.
Экспедиция аргонавтов.- *Пиндар*.
Легенда о Хи'ласе.- *Байярд Тейлор*.
Троянская война.
 - a. Греческое вооружение.- *Еврипид*.
 - b. Имя Елена.- *Эсхил*.
 - c. Улисс и Терситы.- *Гомер*. (Поуп).
 - d. Бой Менелая и Париса.- *Гомер*. (Поуп).
 - e. Расставание Гектора и Андром'а-ша.- *Гомер*. (Поуп).
 - f. Подвиги Гектора и смерть Патрокла.- *Гомер*. (Поуп).
 - g. Щит Ахилла.- *Гомер*. (Сотби).
 - h. Обращение Ахилла к своим коням.- *Гомер*. (Поуп).
 - i. Смерть Гектора.- *Гомер*. (Bryant).
 - j. Приам умоляет о теле Гектора.- *Гомер*. (Cowper).
 - k. Плач Андромахи и Елены.- *Гомер*. (Поуп).Судьба Трои.- *Вергилий: Шиллер*.
Огни маяков от Трои до Аргоса.- *Эсхил*.
Замечания о Троянской войне.- ТИРЛВАЛ: ГРОТЕ.
Судьба действующих лиц в конфликте.- *Энний: Ландор: Ланг*.
 7. **Искусство и цивилизация в героическую эпоху.**
 8. Политическая жизнь греков.- МАНАФФУ: НЕЕРЕН.
Бытовая жизнь и характер.- МАНАФФУ: *Гомер*.
Плот Улисса.- *Гомер*.
 9. **Завоевание Пелопоннеса и колонии в Малой Азии.**
 10. Возвращение Гераклидов.- *Лука*.
-

ГЛАВА III.

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ГРЕЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ.

1. Ионийский язык и культура.- *ФЕЛЬТОН*.
 2. **Гомер и его поэмы.**- *Антип'атер: ФЭЛТОН: ТАЛФОРД: ПОП: КОЛЕРИДЖ*.
 3. **Некоторые причины греческого единства.**
 4. Греческие праздники.
 - a. Гонки на колесницах и смерть Ореса.- *Софокл*.
 - b. Конфликт Аполлона с пифоном.- *Овидий*.
 - c. Бельведер Аполлона - *Томсон*.Национальные советы.
-

ГЛАВА IV.

СПАРТА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИКУРГА.

1. Описание Спарты.- *Томсон*.
 2. **Конституция Ликурга.**
 3. Патриотические добродетели спартанцев - *Тыльное*.
 4. **Спартанская поэзия и музыка.**
 5. Спартанский марш.- CAMPBELL.: *Hemans*.
Песни спартанцев.- ПЛУТАРХ: *Терпан'дер: Пиндар: Ion*
 6. **Завоевания Спарты.**
 7. Военная песня - *Тиртоэ'ус*.
-

ГЛАВА V.

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ.

1. Вступление.- ТИРЛВАЛ: ЛЕГ'АРЕ.
 2. **Изменения от аристократии к олигархии.**
 3. **Изменения от олигархий к деспотиям.**-THIRLWALL: HEEREN: BULWER: *Теог'нус*.
-

ГЛАВА VI.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ АФИН.

1. **Законодательство Дра'ко.**
 2. **Законодательство Со'лона.**- ПЛУТАРХ: *А'кенсид: Солон: Томсон: Солон*.
 3. **Узурпация Писистрата.**
 4. Узурпатор и его уловки.- *Акенсид*.
Обращение Солона к афинянам.- *Акенсид*.
Характер Писистрата.-THIRLWALL.
Заговор Гармодия и Аристогиона.-Каллис *Тратус*.
 5. **Рождение демократии.**
-

ГЛАВА VII.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ.

Пещера кумейской сивиллы.- Вергилий: ГРОТЕ.
Агригентумский рон.- *Пиндат*.
Увеличение численности сицилийских греков.- ГРОТЕ.

ГЛАВА VIII.

ПРОГРЕСС ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

1. **Поэмы Гесиода.**- "Зима".- ФЕЛЬТОН: МУРЭ: ТИРВОЛ: МАХАФФИ.
2. **Лирическая поэзия.**

3. Каллинуc Эфесский - "Военная элегия".
Архил'ох из Па'роса - Симонды: Махаффи.
Алк'ман.- "Сон, или Ночь".- МУРЭ.
Ari'on.-Stesich'orus.-МАНАФФУ. - "Военные трофеи". -Акенсайд. - "Оборона."-SYMONDS:
Antip'ater.
Анас'reon. - "Кузнечик". - Акенсайд.
 4. **Ранняя греческая философия.**
 5. Семь мудрецов (максимы).- ГРОТЕ.
Та'лес, Анаксим'эн, Геракли'т, Диог'эн, Анаксиман'дер и Ксеноф'ан.
Pythag'oras and his Doctrines.-Blackie: *Thomson: Кольридж: Лоуэлл*.
Элевсинские мистерии.- *Вергилий*.
 6. **Архитектура.**
 7. Цикло'пеанские стены.- Лорд Хоутон.
Дорский, ионический и коринфский ордера. *Томсон*.
Херсифрон и храм Дианы. *История*.
Храмы в Пез'туме.
 8. **Скульптура.**
 9. Глаука, Розка, Теодоруса, Дипæнуса, Сциллиды.
Причина прогресса скульптуры.
-

ГЛАВА IX.

ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ.

1. **Восстание ионийцев.**
2. **Первая персидская война.**
3. Битва при Марафоне.
Легенды о битве. Хеманс: *Блэки*.
Смерть Мильтиада: его характер.- Гроте: GILLIES.
Аристи'дес и Феми'токл:- Томсон: PLUTARCH: ТИРЛВАЛЛ.
4. **Второе персидское вторжение.**
5. Ксеркс в Аби'досе:- ХЕРОД'ОТУС.
Переправа через Геллеспонт.- Ювенал: *Мильтон*.
Битва при Фермоп'иле.
 - a. Непобедимость спартанцев.- *Хейгарт*.
 - b. Описание состязания.- Хейгарт.
 - c. Эпитафии павшим. Симон'иды.
 - d. Гробница Леон'идаса.-Анон.
 - e. Надгробная речь о павших.-*Байрон*Морской конфликт при Артемиде.- ПЛУТАРХ: *Пиндар*.
Покинутые Афины.
Битва при Саламине.
 - a. Ксеркс наблюдает за конфликтом.- *Байрон*.
 - b. Бегство Ксеркса.- Ювенал: *Аламанны*.
 - c. Знаменитое описание битвы.- МИТФОРД: *Эсхил*.

d. Другой рассказ.- *Блэки*.

Битва при Платее.

a. Описание битвы.- Бульвер.

b. Важность победы.- *Southey*: БУЛЬВЕР.

c. Победа при Мик'а-ле.

d. "Осы" - *Аристофан*.

ГЛАВА X.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ АФИНСКОЙ ИМПЕРИИ.

1. **Бесчестие и смерть Фемистокла.**

2. Трибуны его памяти. *Платон: Гемин*: ТРЕХЛИСТНИК.

3. **Взлет и падение Кимона.**

4. Характер Кимона - *Томсон*.

Битва при Эвримедоне.- *Симонид*.

Землетрясение в Спарте и восстание гелиотов.- Бульвер: АЛИСОН.

5. **Приход Перикла к власти.**

6. Изменения в афинской конституции.- БУЛЬВЕР.

Дань уважения Периклу.- *Кроли*.

Картина мирных Афин.- *Хейгарт*.

ГЛАВА XI.

ПЕЛОПОННЕССКИЕ ВОЙНЫ И ПАДЕНИЕ АФИН.

1. Речь Перикла о войне.

2. **Первая Пелопоннесская война.**

3. Похоронная оратория Перикла.

Комментарии к оратории.- КУРТИЙ.

Чума в Афинах.- *Лукреций*.

Смерть Перикла.- *Кроли*: ТИРЛВАЛ: БУЛЬВЕР.

Характер Перикла.- МИТФОРД.

4. **Афинские демагоги.**

5. Клеон, демагог.-GILLIES: ARISTOPH'ANES.

Нисийский мир.

6. **Сицилийская экспедиция.**

7. Обращение с афинскими пленниками.- *Бирон*.

8. **Вторая Пелопоннесская война.**

9. Унижение Афин.

Варварство соперников.- МАХАФФИ.

ГЛАВА XII.

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ОТ НАЧАЛА ПЕРСИДСКИХ ДО КОНЦА ПЕЛОПОННЕССКИХ ВОЙН (500-403 ГГ. ДО Н.Э.).

ЛИТЕРАТУРА.

1. Вступление.

Эпоха афинского величия.

2. **Лирическая поэзия.**

3. Симонид. "Плач Дан'а-ё".

Пиндар.- "Тренос."-THIRLWALL: *Prior*: СИМОНДС: *Грей: Поуп: Гораций*.

4. **Драма.**- Бульвер.

5.

а. **Трагедия.**- Мельпомена.- *Акенсид*.

Эсхил.-"Смерть Агамемнона".-Плуптп: ЛАВРЕНС: VAN SCHLEGEL: *Byron*: МАХАФФИ.

Софокл. "Эд'ипус Тиран'нус": *Сим'миас*.

Еврипид. "Альцестис готовится к смерти". Симонды: *Мильтон*: МАНАФФУ.

Переходы трагедии.- ГРОТЕ.

б. **Комедия.**

с. Характеристика.

Аристофан.- Отрывки из "Облака". "Хоровая песня из "Птиц"" - *Платон*: ГРОТЕ: СВЕЛЛ: *Мильтон*: РАСКИН.

6. **История.**

7. Гекатæ'нс.-МАХАФФИ: НИЕБУХР.

Геродот.- "Введение в историю".- ЛАВРЕНС.

Геродот и его сочинения.-MACAULAY.

Thusyd'i-des.-МАНАФФУ.

Фукидид и Геродот.-BROWNE.

8. **Философия.**

9. Анаксаг'орас: его смерть.- Уильям *Кантон*.

Софисты.-МАНАФФУ.

Сократ. "Защита Сократа", "Взгляды Сократа на будущее государство": СМИТ: ТАЙЛЕР: ГРОТ.

ИСКУССТВО.

1. **Скульптура и живопись.**

2. Фидия.-Любке: Гиллиес: LÜBKE.

Полигно'тус.-Аполлодо'рус.-Зевкс'ис.-Паррха'сиус. -Тиман'тес.

Паррасий и его пленница.-СЕНЕКА: *Уиллис*.

3. **Архитектура.**

4. Вступление.- *Томсон*.

Украшение Афин.- Бульвер.

а. **Акрополь и его великолепие.**

б. Парфенон.- *Хеманс*.

с. **Другие архитектурные памятники Афин.**

d. Храм Тесея. *Хейгарт*.
Энтузиазм афинян к искусству.- Бульвер.
Слава Афин.- *Талфурд*.

ГЛАВА XIII.

СПАРТАНСКОЕ И ФИВАНСКОЕ ГОСПОДСТВО.

1. **Экспедиция Кира и отступление десяти тысяч человек.**- *Томсон*: КУРТИЙ.
 2. **Господство Спарты.**
 3. **Взлет и падение Фив.**
 4. Пелоп'иды и Эпаминон'дас.- *Томсон*: КУРТИЙ.
-

ГЛАВА XIV.

СИЦИЛИЙСКИЕ ГРЕКИ.

Основание Этны.- *Пиндар*.
Победа Хиеро при Кумæ.- *Пиндар*.
Наставления Иеро.- *Пиндар*.
Дионисий Старший.- ПЛУТАРХ.
Дамон и Пифия.- Заложник.- *Шиллер*.
Архимей.
Посещение Цицероном могилы Архимеда.- Винтроп.

ГЛАВА XV.

МАКЕДОНСКОЕ ГОСПОДСТВО.

1. **Священная война.**- ТИРЛВАЛЛ.
 2. **Очерк Македонии.**
 3. **Вмешательство Филиппа Македонского.**
 4. Демосфен. "Первый филиппик".
Фокион.- Его влияние в Афинах.- ГРОТЕ.
 5. **Война с Македонией.**
 6. **Восшествие на престол Александра Македонского.**
 7. **Александр вторгается в Азию.**
 8. **Битва при Арбе'ла.**- Бегство и смерть Дари'уса.- ГРОТЕ: ИС'КИНЫ.
 9. Пир Александра в Персеп'олисе.- *Драйден*.
 10. **Смерть Александра.**
 11. Его карьера и характер.- *Лу'кан*.
Размышления о его жизни и т. д.- Ювенал: *Байрон*.
-

ГЛАВА XVI.

ОТ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА ДО ЗАВОЕВАНИЯ ГРЕЦИИ РИМЛЯНАМИ.

1. **Ретроспективный взгляд на Грецию.**
 2. Орация Эсхина против Ктесифона.
Орация Демосфена о короне.
 3. **Войны, последовавшие за смертью Александра.**
 4. Характер Птолемея *Филадельфа-Феокрита*.
 5. **Вторжение кельтов и война с Пирром.**
 6. Царица Архидамия.
-
7. **Ахейская лига.- Филипп V. Македонский.**
 8. Эпиграммы о Филиппе и македонцах.
 9. **Греция, завоеванная Римом.**
 10. "Свобода Греции" - *Вордсворт*.
Опустошение Коринфа.- *Антипатр*.
Последняя борьба Греции. *Гораций*.
-

ГЛАВА XVII.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Драма.- МАХАФФИ.**
2. Филемон. "Вера в бога".
Менандр.-"Человеческое существование".-Саймондс: ЛАВРЕНС.
3. **Ораторское искусство.-Милтон: CICERO.**
4. Эсхины и Демосфен.-LEGARÉ: BROUGHAM: HUME.
5. **Философия.**
6. Платон.- *Хейгарт*: БРОУЭМ: КЕНДРИК: МИТЧЕЛЛ.
Аристотель.- *Поуп*: BROWNE: ЛАВРЕНС: СМИТ: МАХАФФИ.
Academe.-Arnold.
Эпику'рус и Зе'но.- *Лукреций*.
7. **История.**
8. Ксен'офон.- МИТЧЕЛЛ.
Полибий.

ИСКУССТВО.

1. **Архитектура и скульптура.**
2. Изменения в скульптуре.-WEYMAN.
Умиравший гладиатор.-LÜBKE: *Thomson*.
Ла-ок'он.- Томсон: *Холланд*.
3. **Картина.**
4. Венера, восходящая из моря.- *Антипатр*.
Апеллес и Протогений.
Картина Протогена на Родосе.- *Томсон*.

Заключительные размышления.

Образ Афин.- *Шелли*.

Бессмертное влияние Афин.- МАКОЛЕЙ: *Хейгарт*.

ГЛАВА XVIII.

ГРЕЦИЯ ПОСЛЕ РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ.

1. **Греция под властью римлян.**
2. Восстание.- *ФИНЛАЙ*.
Христианство в Греции.- *ФЕЛЬТОН*.
3. **Изменения до XIV века.**
4. Суды вождей крестовых походов.-*ЭДИНБУРГСКОЕ ОБЗОРЕНИЕ*.
Афинское герцогство.- *ФЕЛЬТОН*.
Турецкое вторжение.- *Хеманс*.
5. **Состязания между турками и венецианцами.**
6. Прошлое и настоящее афинского Акрополя.
Осада и падение Коринфа.- *Байрон*.
7. **Окончательное завоевание Греции Турцией.**
8. Турецкие притеснения.
Рабство Греции.- *Каннинг: Байрон*.
Первые шаги по обеспечению свободы.- *Клефты.- ФЕЛЬТОН*.
Греческие военные песни.- *Ригас: Полизоис*.
9. **Греческая революция.**
10. Пророческое видение борьбы.- "Эллада" *Шелли*.
Песня греков.- *Кэмпбелл*.
Американская симпатия к Греции.-*TUCKERMAN: WEBSTER*.
Вылазка в Миссолонги.- *УОРБЕРТОН*.
Визит в Миссолонги.-*STEPHENS*.
Марко Боззар'ис.- *Халлек*.
Битва при Навари'но.-*Кэмпбелл*.
11. **Греция в условиях конституционной монархии.**
12. Революция против короля Отхо.- *БЕНЖАМИН*.
Низложение короля Оттона: Греция под его властью. -*ТАКЕРМАН: БРИТАНСКИЙ ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК*.
Вступление на престол короля Георга: его правление.
Прогресс в современной Греции.

ИНДЕКС

ГЛАВА I.

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ И ОСТРОВАХ.

Страна, называемая *хелласцами*, ее коренными жителями, и известная нам под именем Греции, составляет южную часть самого восточного из трех больших полуостровов Южной

Европы, вдающихся в Средиземное море между морем Эгеан, или Греческим архипелагом, на востоке и Ионическим морем на западе. Площадь этой страны, так прославившейся в истории, составляет всего около двадцати тысяч квадратных миль, что значительно меньше площади Португалии и меньше половины площади штата Пенсильвания.

Материк Древней Греции естественным образом делился на Северную Грецию, включавшую Фессалию и Эпирусс; Центральную Грецию, состоявшую из Акарнании, Этолии, Ло'криса, До'риса, Фо'циса, Бреотии и Аттики (последняя образует восточную оконечность всего полуострова); и Южная Греция, которую древние называли *Пел-о-пон-не'сус*, или Остров Пе'лопса, который был бы островом, если бы не узкий Коринфский перешеек, соединяющий его на севере с Центральной Грецией. Современное название - *Мо-ре'а* - было дано ему из-за сходства с листом шелковицы. Главными политическими подразделениями Пелопоннеса были Коринф и Ахаия на севере, Аргolis на востоке, Лакония и Мессения на южной оконечности полуострова, Элис на западе и центральная область Аркаия.

Собственно Греция отделена от Македонии на севере цепью Кераунских и Камбунских гор, протянувшихся неровными контурами от Ионического моря на западе до Термического залива на востоке и заканчивающихся на восточном побережье возвышенной вершиной горы Олимп, сказочной резиденции богов, где на заре истории Юпитер (называемый "отцом богов и людей"), как говорили, держал свой двор и где он царил над небом и землей. Олимп круто вздымается в колоссальной величелии на высоту более шести тысяч футов, поднимая свою снежную голову намного выше пояса облаков, которые почти всегда нависают над боками горы.

Дикая и величественная в освященной гордыне,
В синеве небес возвышается Олимп,
Опоясанный туманом, легкой дымкой, скрывающей
Скалистый дворец бессмертных сил.
-ГЕМАНС.

В олимпийской гряде также находилась гора Пиеус, где был Пиерийский фонтан, один из священных курортов муз, о котором так часто упоминают поэты и на который с мягким сарказмом ссылается Папа, когда говорит,

Немного знаний - опасная вещь:
Пейте глубже, или не вкусите *пирского* источника.

1. Фессалия. От северной цепи гор центральный хребет Пинд, идущий на юг, отделяет Фессалию на востоке от Эпируса на западе. Первая область, окруженная горными хребтами, обрывающимися только на востоке, и орошаемая рекой Пенеас и ее многочисленными притоками, охватывает самую большую и плодородную равнину во всей Греции. На фессалийском побережье, к югу от Олимпа, находились знаменитые горы Осса и Пелион, которые гиганты во время своих войн с богами, по преданиям поэтов, нагромодили на Олимп в своей дерзкой попытке возвыситься над небесами и свергнуть богов. Между этими горами лежала знаменитая долина Темпе, через которую в море впадала река Пенеас.

Романтичный Темпе! Ты все тот же -
Дикий, как в песне бардов былых времен:
Годы изменили классическое название твоей реки,
[Сноска: Современное название Пене'ус - Селембрия или Саламврия].
Оставили тебя все еще в дикарской пышности возвышенной.
-ГЕМАНЫ.

Дальше к югу, с одной стороны моря, а с другой - высоких скал горы Оэ'та, находился знаменитый узкий проход Термоп'иле, ведущий из Фессалии в Среднюю Грецию.

2. Страна Эпир, расположенная на западе Фессалии, была в основном дикой и гористой, но с плодородными промежуточными долинами. Среди местностей Эпира, прославленных в баснях и песнях, была река Коцитус, которую поэты, из-за ее тошнотворных вод, описывали как одну из рек нижнего мира.

Коцит, названный по имени причитаний громких
Услышанных на горестном потоке.

Другой рекой был Ахерон.

Грустный Ахерон печали, черный и глубокий...
-МИЛТОН.

которую поэты относили к нижнему миру и через которую, как говорили, сначала переправляли души умерших, прежде чем они попадали в Ле'т, или "поток забвения", за его пределы. Настоящий Ахерон в Эпире был описан таким образом:

Вон катит Ахерон свой мрачный поток,
Погруженный в узкое русло: кипарисы и пихты
Машут своей тусклой листвой на его изрезанных берегах;
И под их ветвями иссохшая земля,
покрытая можжевельником и увядшими листьями,
Кажется, что ни один смертный не ступал по ней.

Поскольку Ахерон впадает в озеро Ачерусия и, поднявшись из него, течет под землей на некотором расстоянии, с этим озером поэты также связывают мрачную легенду о его фонтанирующем потоке.

Это место
воспетое древними мастерами лиры,
где бесплотные духи, прежде чем покинуть
Свои земные обиталища, на время задерживались
На границах вечной ночи,
оплакивая свою судьбу; и часто изумленный олень,
когда он возвращался домой на закате,
видел неведомые формы, мелькавшие на его пути,
И в дуновении ветерка, развевающего вздыхающие ветви.
услышал крики горя.
-ХАЙГАРТ.

В Эпире находился и знаменитый город Додо'на с храмом этого имени, где находился древнейший в Греции оракул, слава о котором дошла даже до Азии. Но за долгие века даже место, где некогда находился этот знаменитый оракул, было забыто.

Где же теперь, Додона, твоя вековая роща,
пророческий источник и божественный оракул?
В какой долине раздается эхо ответа Юпитера?
Какой след остался от святилища Громовержца?
Все, все забыто!
-БАЙРОН.

3. Акарнания На крайнем западе Центральной Греции, к северу от Коринфского залива, находится Акарнания, по большей части плодородная страна с хорошими гаванями; но акарнанцы, грубый и воинственный народ, были мало склонны к торговым занятиям; они сильно отставали от остальных греков в культуре, и на их территории не было почти ни одного важного города.

4. Это 'лия, в целом неровная и гористая страна, отделенная на западе от Акарнании рекой Ахе-лоус, самой большой из рек Греции, была населена, как и Акарнания, выносливой и воинственной расой, которая долго сохраняла дикие и нецивилизованные привычки варварского века. Река Ахелус была тесно связана с религией и мифологией греков. Герой Геракл боролся с речным богом за руку Де-и-а-ни'ра, самой красивой женщины своего времени; а сам поток был настолько известен, что додонский оракул часто давал указания "принести жертву Ахелусу", само имя которого использовалось на языке поэзии как обозначение водной стихии и рек.

5. Ло 'крис, расположенный вдоль Коринфского залива к востоку от Этолии, был населен дикой, нецивилизованной расой, едва ли эллинской по характеру, и, как говорят, с самого раннего периода пристрастившейся к воровству и грабёжам. Их двумя главными городами были Амфиса и Наупактус, последний сейчас называется Лепанто. Еще одно поселение локри находилось к северу от Фоциса и Беотии.

6. До 'риз, небольшая территория в северо-восточной части Этолии - грубая, но плодородная страна - была ранней резиденцией дорийцев, самых предприимчивых и самых могущественных из эллинских племен, если принять во внимание их многочисленные миграции, колонии и завоевания. Их колонии в Малой Азии основали шесть независимых республик, которые были ограничены пределами стольких же городов. От этого народа берет свое начало дорический ордер в архитектуре - стиль, характерный для величественности и внушительного величия, который греки чаще всего использовали при строительстве своих храмов.

7. Фокис. На востоке от Локриса, Этолии и Дориды находился Фокис, горный регион, омываемый с юга Коринфским заливом. На севере центральной части его территории находилась знаменитая гора Парнас, большую часть года покрытая снегом, со священной пещерой и касталийским фонтаном, бьющим между двумя возвышенными скалами. Считалось, что эти воды наделяют тех, кто их пьет, поэтическим даром. Поэтому и гора, и фонтан были священны для муз, а их названия дошли до наших дней как синонимы поэзии и песни. Байрон пишет о Парнасе в строках, исполненных почти благоговения, как он впервые увидел его из Дельф, с южного основания горы:

О, ты, Парнас! Который я сейчас осматриваю,
Не в безумии мечтательного взора,
Не в сказочных пейзажах,
Но парящий в снегах над твоим родным небом
В дикой пышности горного величия!

Я часто мечтал о тебе! Чье славное имя
Кто не знает, тот не знает божественных преданий:
И вот теперь я вижу тебя, но, увы, со стыдом.
Что в слабых речах я должен преклоняться.
Когда я вспоминаю, как поклонялись тебе в давние времена.
Я трепещу и могу лишь преклонить колено;
Не возвышаю голос и не осмеливаюсь взмыть ввысь,

Но гляжу под твой облачный полог.

С тихой радостью думая, что наконец-то я смотрю на тебя!

В городе Дельфы находился знаменитый храм и оракул с таким названием. Здесь Пифия, жрица Аполлона, произносила пророческие ответы в прозе или стихах *exempore*; здесь же в честь Аполлона проводились Пифийские игры.

Здесь, погруженные в раздумья, мы бродим, где издревле
Из дельфийской пропасти поднимался мистический пар,
И трепещущие народы слышали, как их судьбу предсказывал
Страшным духом, что среди скал и снегов.
Хотя его богатые веера смешались с пылью,
И тишина теперь царит в его священных чертогах,
Но все еще остается местом проведения древних обрядов,
Великолепная в горном одиночестве;
По-прежнему Вдохновение витает над землей,
Где Греция свои советы держала, Где пифийские победители венчались.
-MRS. NEMANS.

8. Беотия, лежащая к востоку от Фокисы, граничащая с Эврипусом, или "Эвбейским морем", узким проливом, отделяющим ее от острова Эвбея, и соприкасающаяся с Коринфским заливом на юго-западе, представляет собой в основном одну большую котловину, окруженную горными хребтами, и имеет очень плодородную почву. Это была самая густонаселенная часть Греции; она изобиловала городами, представляющими исторический интерес, главным из которых были Фивы, столица, чьи стены были построены, согласно преданиям, под звуки муз:

С их девятикратными симфониями
Там звонкие Музы толпятся;
Камень на камень стены воздвигают
Под хоровое пение Музы.
-ШИЛЛЕР.

Бётия была местом действия многих легенд, воспетых поэтами, и особенно тех, на которых основывались пьесы греческих трагиков. Возле фонтана на горе Китерон, на южной границе страны, охотник Актеон, превращенный богиней Дианой в оленя, был выслежен и убит своими же гончими. Пентеус, ранний царь Фив, поднявшись на Китæрон, чтобы посмотреть на оргии вакханок, был разорван на части собственной матерью и тетками, которым Вакх дал возможность предстать в образе дикого зверя. На этом же горном хребте произошло и разоблачение Эдипа, героя самой знаменитой трагедии Софокла. Недалеко от Коринфского залива находилась гора Геликон, священная для Аполлона и муз. Ее склоны и долины славились плодородием, на ней была священная роща, а неподалеку находился знаменитый фонтан Аганипе, который, как считалось, наделял прорицательскими способностями тех, кто пил его воды. Ближе к вершине находился фонтан Гиппокр'не, который, как говорят, забил, когда крылатый конь Пег'асус, любимец муз, ударил копытами о землю, и который Венера в сопровождении своих постоянных спутников - голубей - с удовольствием посещала. Здесь, как нам рассказывают,

Ее дорогие голуби, легко парящие вокруг своей королевы,
макали свои красные клювы в струи из Гиппокрены.

[Сноска: В прозе всегда *Hip-ro-cro'ne*; но в поэзии допускается сокращение до трех слогов, как в приведенном выше примере].

Это было здесь, также -

возле этого свежего источника,
На приятной горе Геликона...

произошло знаменитое состязание между девятью дочерьми Пие'руса, царя Э-ма'ти-а (древнее название Македонии), и девятью Музами. Говорят, что "при песне дочерей Пиера небо потемнело, и вся природа вышла из гармонии; при песне же Муз сами небеса, звезды, моря и реки остались неподвижными, а Геликон вздыбился от восторга, так что его вершина достигла неба". Тогда Музы, превратив самонадеянных дев в болтливых сорокопутов, впервые получили имя *Пи-ер'и-дес*, от Пиерии, их родной области.

9. Аттика. Граничащая с Беотией на юго-востоке область Аттика имела форму треугольника, две стороны которого омывались морем, а другая, северная, была отрезана от востока Центральной Греции горной цепью Китерон на северо-западе и Паренес на востоке. Другими известными горами были Пентеликус (иногда называемый Менде'ли), прославившийся своими каменоломнями прекрасного мрамора, и Гимет'тус, известный своим превосходным медом и широким поясом цветов у его основания, которые ароматизировали воздух своими восхитительными духами. Он мог похвастаться своим главным городом, любимым местом богини Минервы.

Афины, глаз Греции, мать искусств
и красноречия.

как превосходящий все другие города по красоте и великолепию, а также по количеству своих прославленных граждан. Однако почва Аттики в целом была крайне бесплодной, за исключением нескольких очень плодородных участков; зато оливковые рощи изобиловали, и оливки были самым ценным продуктом.

Общая бесплодность Аттики была большой бедой ее жителей в ранней истории. "Оно гнало их за границу; оно наполняло их духом активности, который любил бороться с опасностями и трудностями; оно говорило им, что, если они хотят поддерживать себя в том достоинстве, которое им подобает, они должны рассматривать ресурсы своей собственной земли как ничто, а ресурсы других стран - как свои собственные." Кроме того, положение Аттики выдающимся образом выделяло ее как торговую страну; она стала выделяться среди других государств Греции своими обширными торговыми связями, а ее климат считался самым благоприятным из всех регионов цивилизованного мира для физического и интеллектуального развития человека. Ее называли "солнечной землей", и, несмотря на неплодородность почвы, она была полна живописных красот. Поэт Байрон в своем апострофе к Греции делает множество ярких и красивых намеков на Аттику своего времени:

И все же небо твое так же сине, а скалы так же дики;
Сладки твои рощи, и зеленеют твои поля,
Оливы твои спелы, как улыбка Минервы,
И до сих пор медовое богатство Гиметтуса дает.
Там пчела душистую крепость строит,
Вольный странник горного воздуха;
Аполлон все еще золотит твое долгое-долгое лето,
По-прежнему в его лучах сверкают мраморы Мендели;
Искусство, слава, свобода не работают, но природа все так же справедлива.

10. Вступив на перешеек, ведущий в Южную Грецию, мы видим маленькое государство Коринф с его знаменитым одноименным городом, охраняющим узкий проход, одной ногой стоящий на берегу Коринфского залива, а другой - на берегу Саронского, и таким образом командующий Ионическим и Эгейским морями, контролирующий торговлю между ними и владеющий ключами от Пелопоннеса. Это была гористая и бесплодная местность, за исключением небольшой равнины к северо-западу от города. Благодаря такому расположению Коринф рано стал центром роскоши и искусств, что сделало его украшением Греции. На возвышенности, нависающей над городом и бросающейся в глаза с большого расстояния, находилась знаменитая цитадель - настолько важная, что Филипп Македонский назвал ее "оковами Греции". Круто возвышаясь над окружающей равниной почти на две тысячи футов, холм в своей естественной обороне является самой сильной горной крепостью в Европе.

Ярость вихря, толчки землетрясения,
оставили нетронутой ее легендарную скалу,
Ключевой камень земли, которая до сих пор,
хоть и павшая, гордо взирает на этот холм,
ориентир для двойного прилива.
Который с пурпурным отливом катится по обе стороны,
Как будто их воды стремятся встретиться,
И все же остановитесь и склонитесь под ее ногами.
-БАЙРОН.

В дни славы Коринфа подъем на цитадель был с обеих сторон усыпан храмами и алтарями; но храмы и алтари исчезли, а цитадель и город лежат в руинах. Антип'атер Сидонский описывает город как сцену запустения после того, как он был завоеван, разграблен, а его стены разрушены римлянами в 146 году до н. э. Хотя город был частично восстановлен, это описание полностью применимо к его нынешнему состоянию. Современный путешественник так описывает место, где находился древний город:

Хриплый ветер вздыхает вокруг заплесневелых стен
Огромного театра, как глубокий рокот
далеких волн или бурный шум
толпы людей: лишайник ползет по
По каждой зияющей расщелине, а дикий цветок свисает
длинные фестоны вокруг каждого осыпающегося камня.
Арка окна и массивный контрфорс светятся
глубокими оттенками времени, а тени кипарисов колышутся
На вершине, и распространяют меланхоличный мрак.
Вечно молчит голос
Трагедии и красноречия. В далеких краях
Далеко-далеко, под облачным небом,
Слышно эхо их арф; но вся
Душераздирающая энергия улетучилась.
-ХАЙГАРТ.

11. С запада к Коринфу примыкала Ахаия, протянувшаяся на шестьдесят пять миль вдоль южного побережья Коринфского залива и гористая внутри, но ее побережье по большей части было ровным, подверженным наводнениям и без единой гавани любого размера. Поэтому ахейцы никогда не славились мореходством. Из одиннадцати ахейских городов,

составлявших знаменитую Ахейскую лигу, сохранился только Палтраэ (ныне Патры). Сици-он, расположенный на восточной границе Ахайи, временами был независимым государством.

12. К югу от Ахайи находилась центральная область Аркадия, окруженная кольцом гор и полностью охваченная другими государствами Пелопоннеса. Наряду с Лаконией это была самая большая из древних областей Греции, самая живописная и красивая часть (не похожая на Швейцарию по своему горному характеру), не имевшая ни морских портов, ни судоходных рек. Ее населял простой в своих привычках и нравах народ, отличавшийся любовью к музыке и танцам, гостеприимством и пастушескими обычаями. Для поэтов Аркадия была страной мира, простых удовольствий и спокойствия, и вполне естественно, что именно здесь, где музыкальные пастухи вели свои стада по лесным долинам бурных потоков, впервые появился играющий на дудке Пан.

13. Ар'голис, расположенный к востоку от Аркадии, представлял собой в основном скалистый полуостров, лежащий между Саронским и Арголическим заливами. В значительной степени это был бесплодный регион, за исключением равнины, прилегающей к его столице, Аргосу, и в ранние времена он был разделен на ряд небольших, но независимых царств, которые впоследствии стали республиками. Весь регион богат историческими ассоциациями героической эпохи. Здесь находился Тир'инс, чьи массивные стены возвел одноглазый Циклоп, и откуда Геракл отправился в начале своих двенадцати трудов. Здесь же находилось озеро Лернеан, где герой сразил многоголовую гидру; Не'меа, место обитания льва, убитого Гераклом, и место проведения знаменитых Не'средних игр; Мике'наэ, царский город Агамемнона, командовавшего греками в Троянской войне, о котором сегодня известно лишь по его руинам и легендам ушедших веков.

И до сих пор легенды отмечают одинокое место.

где покоится прах Агамемнона;

И тени царей и вождей незабвенных,

витают вокруг, в воображении встают.

-HEMANS.

14. На юго-восточной оконечности Пелопоннеса находилась Лакония, плодородные районы которой состояли в основном из длинной и узкой долины, закрытой с трех сторон горными хребтами Та-игет с запада и Парнон с севера и востока и открытой к морю только на юге. Через эту долину протекает река Евротас, на берегах которой, примерно в двадцати милях от моря, стоял столичный город Лакедемон, или Спарта, который в период своего наибольшего расцвета был без стен и укреплений, так как спартанцы считали, что настоящая защита города заключается исключительно в доблести его граждан. Морское побережье Лаконии было усыпано городами, снабжено многочисленными портами и удобными гаванями. Хотя по великолепию храмов и статуй Спарта не уступала немногим другим греческим городам, частные дома и даже дворец царя всегда были простыми и неукрашенными.

15. К западу от Лаконии находилась Мессения, юго-западная часть Греции, горная страна, но с множеством плодородных промежуточных долин, славящаяся мягкостью и соленостью своего климата. Ее главная река Памис, берущая начало в горах Аркадии, течет на юг к Мессенскому заливу через прекрасную равнину, нижняя часть которой была настолько знаменита своим плодородием, что ее называли *Макарией*, или "благословенной"; и даже по сей день она покрыта плантациями виноградной лозы, фиго и шелковицы, и "настолько богата культурой, насколько можно себе представить".

16. Еще один район - Элис, расположенный к северу от Мессении и к западу от Аркадии и охватывающий западные склоны Ахайских и Аркадских гор, - составляет дополнение к

древним пелопоннесским государствам. Хотя, как и Мессения, она была холмистой и гористой, в ней было много плодородных долин и склонов. Река Алфея, которую поэты сделали самой знаменитой из рек Греции, течет на запад через Элиду к Ионическому морю, и на ее берегах находилась Олимпия, знаменитое место проведения Олимпийских игр. Здесь же находилась священная роща оливковых и платановых деревьев, внутри которой стояли храмы, памятники и статуи, воздвигнутые в честь богов, героев и завоевателей. В самом центре стоял великий храм Юпитера, в котором находилась колоссальная статуя бога из золота и слоновой кости, шедевр скульптора Фидия. Поэтому по общему праву Греции Элида считалась священной территорией, а ее города не имели стен, так как считалось, что они достаточно защищены святостью страны; и только когда древняя вера начала уступать, священный характер Элиды был проигнорирован.

17. Острова Греции.

Острова Греции! Острова Греции!
Где любила и воспевала Сапфо.
Где развивались искусства войны и мира,
Где возвышались Делос и Фибус!
Вечное лето еще сияет на них,
Но все, кроме их солнца, закатилось.
-БАЙРОН.

Основная территория Греции была глубоко изрезана заливами и почти не имеющими выхода к морю бухтами, а вдоль берегов тянулись многочисленные острова, которые были заняты греками. Начав обзор этих островов в северной части Эгеана, мы находим у побережья Фессалии остров Лемнос, который, по легенде, является местом, на которое упал бог огня Вулкан - Люцифер языческой мифологии - после того, как был сброшен с Олимпа. Под одним из вулканов острова он основал свою мастерскую, где выковал громовые молнии Юпитера и оружие богов и богоподобных героев.

Из собственно греческих островов самый большой - Эвбея, длинный и узкий остров, лежащий к востоку от Центральной Греции, от которой его отделяет узкий пролив Эврипус, или Эвбейское море. К юго-востоку от Эвбеи находятся Цикла-ды [Сноска: От греческого слова *kuklos* - круг] - большая группа, которая охраняла священный остров Делос, неожиданно поднявшийся, по преданию, из моря. Спор'а-ды [Сноска: От греческого слова *spreiro* - сеять; *рассеянные*, как семена, настолько они были многочисленны. Отсюда наше слово "споры"] были другой группой, рассеянной по морю дальше на восток, к побережью Малой Азии. Крупные острова Крит и Родос находились к юго-востоку от этих групп. В Саронском заливе, между Аттикой и Арголой, находились острова Сал'амис и Иги'на, первый из которых был местом великого морского конфликта между греками с одной стороны и персами при Ксерксе - с другой, а второй долгое время был морским соперником Афин.

Кифа, ныне Сер'иги, остров, имевший большое значение для спартанцев, был отделен узким каналом от южной оконечности Лаконии. Именно на побережье этого острова, по преданию, впервые явилась смертным богиня Венера, возникшая из пены морской, с красиво эмалированной раковиной в качестве колесницы, запряженной дельфинами, как изображают некоторые картины; другие же изображают ее несущейся на сияющем морском коньке. Сначала ее называли Сиф-эр-эа, по названию острова. Нимфы океана, земли и

ручьев, рыбы и чудовища глубин, а также птицы небесные с восторгом приветствовали ее приход и воздавали почести красоте царицы любви. Современный поэт прекрасно описывает эту сцену, поистине греческую по духу:

Восставшая из моря, Цитерия,
Сияя первозданной красотой, бледнел день,
Дивные воды затихли, они вздыхали.
Что сотрясали мир - грозно вздымались
К великому трону из лазури, омытому светом.
И пеною покрыт, чтоб царицу свою украсить.
С воплем радости прибежала О-це-ан'и-дес,
И стремительный Нер-и-дес примчался издалека,
И поплыли по водам. Пришли с нетерпением в глазах
Даже робкие На-и'а-ды из внутренних ручьев,
С дикими воплями мчались по волнам;
И дриады с берега протягивали свои длинные руки,
И хриплый звук раковины Тритона;
Крики беззвучные, недоуменные звуки,
И бесчисленные плещущиеся ноги
Чудовищ, резвящихся вокруг своего бога,
Впереди сиял морской конь, свирепый и плавниковый.
Некоторые из них сидели на рыбах, сверкающих сумрачным золотом,
или яростным малином, или холодным серебром;
Другие же дергались на своих скудных хвостах;
И морские птицы, с криками взмывающие ввысь по обе стороны,
И морские птицы, с криком взлетая ввысь, Над царицей любви огромную арку соткали,
Которая, глядя на это множество
В знак уважения к ее красоте, смеялась. Она смеялась
Мягким, восхитительным смехом, который сводит с ума;
Низкие звуки в горле, которые сжимают жизнь человека
крепче, чем тюремные решетки.
-ТОМАС ВУЛНЕР.

У берегов Элиса находились два небольших острова Строфаа-Дес, известные как место обитания сказочных крылатых чудовищ - гарпий. Здесь высадился Энеас во время своего бегства от руин Трои, но никаких приятных приветствий он там не встретил.

"Наконец я высадился на Строфадах,
в безопасности от опасностей бурных морей.
Эти острова омываются Ионическим морем,
Страшное обиталище, где царствуют злобные гарпии:
Чудовищ более свирепых, оскорбленных Небом, никто не посылал
Из адской бездны для людской кары.
Мы накрываем столы на зеленой земле;
Мы кормим с голодухи, и чаши кругом;
Когда с горных вершин, с ужасным криком
и грохоча крыльями, слетают голодные гарпии:
Они выхватывают мясо, оскверняя все, что находят,
И, расставаясь, оставляют после себя отвратительный смрад".
- "Энеида" Виргилия, Б. III.

К северу от Строфадов, вдоль западного побережья Греции, находились шесть Ионических островов, известных в греческой истории как Паксос, Закинф, Кефалония, Итака (родной остров Улисса), Леукас (или Леукадия) и Корсира (ныне Корфу), последний остров Гомер называет Феакией, и на нем он помещает сказочные сады Алкиноуса. Именно царь Алкиной любезно принимал Улисса в своем доме на острове, когда тот потерпел кораблекрушение у его берегов. В греческих легендах он высоко ценится за любовь к земледелию, а его сады, так прекрасно описанные Гомером, стали излюбленной темой для поэтов последующих веков. Описание Гомера выглядит следующим образом:

Рядом с воротами раскинулся просторный сад,
От бурь защищает и ненастья;
Четыре акра земли было отведено,
Огороженный зеленым забором;
Высокие процветающие деревья признали плодовитую форму,
И краснеющие яблоки созревают здесь до золота.
Здесь голубая смоква истекает сочным соком;
И красным цветом сияет гранат;
Здесь ветка сгибается под тяжелой грушей,
И зеленеющие оливы цветут круглый год.
Бальзамический дух западного ветра
Вечно дышит на плоды, не приученные к неудачам;
Каждая падающая груша дает следующую грушу;
На яблоках - яблоки, на инжире - инжир:
В то же самое мягкое время года распускаются цветы,
Бутонам затвердеть, а плодам вырасти.
Здесь упорядоченные виноградные лозы стоят ровными рядами,
с объединенными трудами года;
Одни разгружают плодородные ветви,
Одни сушат на солнце чернеющие гроздья,
Другие укладывают жидкий урожай,
И стонущие прессы пенятся от налитого вина.
Вот виноградные лозы в раннем цвету,
Здесь виноград обесцвечивается на солнечной стороне,
А там - в богатейший пурпур осени.
Грядки разнообразных трав, вечно зеленые,
в прекрасном порядке завершают сцену.
Два обильных фонтана венчают всю перспективу:
Этот через весь сад ведет свои струи,
Посещает каждое растение и орошает всю землю;
А тот в трубах под дворцом течет,
И дальше по городу течет.
К разным целям ведут они свои потоки;
Народ один, и один снабжает царя".
-Одиссея, Б. VII. Перевод папы римского.

ГЛАВА II.

БАСНОСЛОВНЫЙ И ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРИОД ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.

I. ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ.

Поскольку греки, как и египтяне и другие восточные народы, считали правление богов предшествующим роду смертных, греческая *мифология* - система мифов, или сказочных мнений и доктрин, касающихся вселенной и божеств, которые, как предполагалось, руководили ею, - является наиболее естественным и подходящим введением в греческую историю.

Наши основные знания об этой системе почерпнуты из произведений Гомера, Гезиода и других древних писателей, которые собрали плавающие легенды, из которых она состоит, в сказания и эпические поэмы, многие из которых отличаются большой силой и красотой. Некоторые из этих легенд очень естественны и приятны, другие же шокируют и отвращают нас грубыми невозможностями и отвратительными уродствами, которые они демонстрируют. Тем не менее, эти легенды - спонтанный и самый ранний рост греческого разума, и долгое время люди принимали их как серьезную реальность. Поэтому их следует рассматривать как выразителей ранней греческой философии - всего того, во что верили, что чувствовали, что предполагали первые греки относительно Вселенной и ее правительства, а также относительно социальных отношений, обязанностей и судьбы человечества, - и их влияние на национальный характер было огромным. Как хорошо замечает шотландский поэт и ученый наших дней,

Old fables these, and fancies old!

Но не спешите гордиться

Пусть логика холодная и разум смелый

Отбросьте эти старые мечты.

Сны не бывают ложными во всем их объеме:

Часто из сонного логова

Выходят гигантские фигуры страха и надежды.

Которые, если их прочесть, заявляют

О нашей глубинной природе. Бог во сне

Говорит с мудрыми;

И в мифических сюжетах народа

Мудрость народа кроется.

-J. СТЮАРТ БЛЭКИ.

Согласно греческой философии, первым в порядке времени появился Ча'ос, неоднородная масса, содержащая все семена природы. Рука неизвестного бога превратила ее в "широкогрудую Землю" (мать богов), которая произвела на свет У'рануса, или Небо. Затем Земля вышла замуж за Урана, или Небо, и от этого союза произошел многочисленный и могущественный выводок - титаны, циклопы и боги зимнего сезона Кот'-тос, Бриа'реус и Ги'гес, у которых было по сто рук), которые, как предполагалось, олицетворяли град, дождь и снег.

Титаны вступили в войну со своим отцом Ураном, которого ранил Хронос, или Сатурн, самый младший и храбрый из его сыновей. Из капель крови, вытекших из раны и упавших на землю, родились фурии, гиганты и нимфы-мелианы, а из тех, что упали в море, - Венера, богиня любви и красоты. Когда Уран был свергнут, братья разрешили Сатурну царствовать при условии, что он уничтожит всех своих детей мужского пола. Но Рея (его жена), не желая видеть гибели своих детей, скрыла от него рождение Зевса (или Юпитера), Пос-еи'дона (или Нептуна) и Плутона.

БИТВА ГИГАНТОВ.

Титаны, узнав, что Сатурн спас своих детей, подняли на него войну и свергли его с престола, но вскоре он был восстановлен своим сыном Юпитером. Однако вскоре Юпитер вступил в заговор против своего отца и после долгой войны с ним и его гигантским потомством, которая длилась целых десять лет, изгнал Сатурна из царства, которое он удерживал против неоднократных нападений всех богов, которые в конце концов были уничтожены или заключены в тюрьму его подавляющей силой. Это состязание называется "Битвой гигантов" и очень знаменито в греческой мифологии. Описание ее, данное Гесиодом в его *"Теогонии"*, считается "одним из самых возвышенных пассажей в классической поэзии, задуманным с большой смелостью и исполненным с силой и мощью, свидетельствующими о мастерстве, хотя и грубоватом гении". Его можно сравнить с "Битвой ангелов" Мильтона в *"Потерянном рае"*. Мы приводим следующие выдержки из нее:

Неизмеримое море грозно грянуло
С ревом, земля зазвучала, широкие небеса
Стонал, разбиваясь, огромный Олимп,
Вниз, к своему корневому основанию, под натиском
бессмертных. Темная бездна ада
Сотрясалась от дрожи, от топота
От гулких шагов и сильных боевых ударов,
И безмерный рев дикой погони.
Так они друг против друга по воздуху
И оружие сшибали, и стоны раздавались.
где бы они ни упали.

Голос армий поднялся
С призывным криком сквозь звездный небосвод,
И с могучим боевым кличем оба войска
столкнувшись, сомкнулись. И дольше не сдерживал Юпитер
Сдерживал свою силу, но внезапно в его душе
В душе его возросла сила, и наполнилась она
Всемогуществом своим; вся мощь его
Из него вырвалась, и божество устремилось за границу.
Сводчатое небо, гора Олимп, вспыхнули
Его постоянным присутствием, ибо он проходил
Непрерывно проходя, он освещал все вокруг.

Вырвавшись из его нервной хватки, молнии разлетелись,
Повторялись стремительно; вихревые вспышки,
Залитая священным блеском, и громовой болт
падал. Затем со всех сторон земля, полная пищи.
Вздыхалась в пылающем пламени, и далеко-далеко
Бескрайние глубины лесов полыхали огнем;
Да, широкая земля горела красным, потоки Нила
пылали, и пустынные воды моря.

Вокруг земных форм Титанов
Крутился жаркий пар, и огненная волна
Устремился ввысь, охватив одним безбрежным пламенем
чистейший небесный воздух. И свет устремился

В трепещущем великолепии из раскаленной вспышки;
И хотя они были сильны, но нестерпимо страдали
Их зрение, и с проливным блеском
Опалял их взорванное зрение. Через пропасть
зияющего хаоса сверхъестественное пламя
Распространилось, смешав огонь с тьмой.

Вихри неслись, и пустота вызывала
Дрожание и собирание пыли,
И грохот, и пыль,
Раскаленные громовые молнии и пламя, огненные дротики
Ловя; и посреди обоих воинств
Они несли в своих взрывах смятенный крик
битвы, и крики. И грохот
Громкий от этой ужасающей схватки
Раздавался без конца. Суровая сила, стойкая в бою
Там совершала свои деяния, пока не устала война.
-Перевод ЭЛТОНА.

Так Юпитер, или Иов, стал главой вселенной; ему приписывается сотворение последующих богов, человека и всего животного мира, а также верховный контроль и управление всем. Его верховенство прекрасно воспето в следующем гимне греческого философа Клеанты, который, как говорят, является единственным из его многочисленных сочинений, сохранившимся до наших дней. Как и многие другие древние гимны поклонения, он представляет нам высокие духовные концепции единства и атрибутов Божества; и если бы он был обращен к Иегове, то считался бы великой данью его величю и благородным образцом глубокого преданного чувства.

Гимн Юпитеру.

Славнейшая из бессмертных сил.
О ты, многоименный таинственный Джов!
Навеки всемогущий! Источник природы,
Который управляет всеми вещами в их упорядоченном течении,
Все приветствуют тебя! С тех пор, как без вины виноватый,
Смертные существа могут обращаться к твоему имени.
Ибо все, что дышит и ползает по земле.
Эхо твоего бытия с отраженным рождением.
Тебя я воспевать буду, сила твоя вовеки будет звучать!
Вселенная, что вращает этот шар
Двигается туда, куда направляет твое пластичное влияние,
И, податливая, подчиняется богу, чья рука верховодит.

Молнии - твои слуги гнева,
Двурогий и вечно живой огонь;
В твоей непобедимой руке они сияют,
И от вспышки дрожит вся природа.
Так, громом вооруженный, ты творение притягиваешь
К одному огромному, неизбежному закону;
И с разнообразной массой дышащих душ
Твоя сила смешана, и дух твой катится.

Грозный гений творенья! Все вещи склоняются
Тебе! Вселенский монарх ты!
Ничто не совершается без твоего мудрого контроля
Ни на земле, ни на море, ни вокруг бесплотного полюса,
Только когда нечестивые, в безумии своем ослепленные,
Действуют по глупости бессмысленного ума.

Ты обуздываешь излишества; путаница в глазах твоих
Успокаивает; нелюбовная сцена ярка.
Рука твоя, отделяя добро от зла, приводит
К единой гармонии раздор вещей.
Один вечный закон все еще связывает все,
Хотя душа грешника избегает его, сопротивляется ему.
Несчастные! Пока они еще стремятся к блестящему призу,
Закон Божий ускользает от их ушей и глаз.
Жизнь тогда была бы добродетелью, если бы они подчинялись ей;
Но от главного жизненного блага они уклоняются в сторону.

Теперь тяжкие труды славы разжигают грудь;
Теперь жадность жаждет, не чувствуя стыда;
Теперь лень не дает им покоя в сладострастии,
И сладостные удовольствия тела ублажают.
С нетерпением спешат они в пропасть,
И вся их душа сосредоточена на грехе.
Но о, великий Бог! Кто все блага дарует -
Обитатель молний и небесных облаков.
Спаси от страшной ошибки заблудшее человечество!
Отче, рассеивай эти тени разума!
Дай им познать чистый и праведный закон Твой,
Где справедливость Твоя управляет всем под землей.
Так почитается знание пути Твоего,
Пусть люди воздадут честь Тебе,
И восхвалят твои могучие дела,
Как подобает смертным устам воспевать;
Более блаженны ни люди, ни небесные силы
Чем когда их песни о законе твоём и о тебе.
-Перевод ЭЛТОНА.

Юпитер, как говорят, разделил владычество над вселенной между собой и двумя своими братьями, Нептуном и Плутонем, забрав себе небо, поставив свой трон и устроив суд на горе Олимп в Фессалии, а Нептуну передал владычество над морем, а Плутону - нижние области - обиталища мертвых. У Юпитера было несколько жен, как богинь, так и смертных, но последней он женился на своей сестре Юноне, которая навсегда сохранила за собой титул царицы богов. Потомство Юпитера было многочисленным и включало в себя как небесных, так и земных богов. Среди первых наиболее известны Марс, бог войны; Вулкан, бог огня (олимпийский художник, выковавший громовые болты Юпитера и оружие всех богов); Аполлон, бог стрельбы из лука, пророчества, музыки и медицины.

"Я изобрел чарующую лиру;
Сладкие ноты и небесные числа я вдохновляю.
Медицина - моя: какие травы и травы растут

В полях и лесах, все их силы я знаю,
И великим врачом зовусь я внизу".

-Аполлон к Дафне, в *"Метам"* Овидия. Перевод Прайдена.

Далее следуют Меркурий, крылатый вестник, переводчик и посол богов; Диана, царица лесов и богиня охоты, а значит, аналог своего брата Аполлона; и, наконец, Минерва, богиня мудрости и мастерства, которая, как говорят, появилась с полным оружием в руках из мозга Юпитера.

Кроме этих божеств было множество других - например, Церера, богиня зерна и урожая, и Веста, богиня домашних радостей и уюта, которая следила за святостью домашнего очага. Были и низшие боги и богини, таких как божества лесов и гор, лугов и рек - одни земные, другие небесные, в соответствии с местами, над которыми они должны были председательствовать, и возрастающие по значимости в зависимости от проявляемой ими силы. Даже музы, судьбы и грации были причислены к греческим божествам.

Но хотя, несомненно, большая масса греческого народа верила, что их божества были реальными личностями, которые управляли делами людей, их философы, поощряя эту веру как наиболее подходящую для понимания народа, придерживались совершенно иного мнения о них и объясняли мифологические легенды как аллегорические представления общих физических и моральных истин. Так, хотя Юпитер, по мнению вульгарного ума, был богом верхних областей, "который обитал на вершинах самых высоких гор, собирал вокруг себя облака, сотрясал воздух своим громом и владел молнией как орудием своего гнева", во всем этом он был лишь символом эфира или атмосферы, которая окружает землю; Поэтому многочисленные басни об этом монархе богов можно рассматривать лишь как "аллегии, которые типизируют великую порождающую силу вселенной, проявляющуюся различными способами и под величайшим разнообразием форм". Так и Аполлон, по всей вероятности, изначально был богом солнца у азиатских народов; он демонстрировал все атрибуты этого светила; а поскольку огонь - "великий агент в восстановлении и обработке металлов, Вулкан, бог огня, естественно, стал художником и изображался работающим с молотом и щипцами на своей наковальне". Таким образом, греки, вместо того чтобы поклоняться природе, поклонялись силам природы, олицетворенным в почти бесконечном количестве их божеств.

Процесс, в результате которого существа греческой мифологии появились на свет среди ярых и суеверных людей, прекрасно описан поэтом УОРДСВОРТОМ как очень естественный, возникший из

Кипучей фантазии греческого ума.

Живой греческий человек, живущий в стране холмов, рек и плодородных равнин,
Реки, и плодородные равнины, и шумные берега,
Под пестрым небом,
мог найти место для каждого бога.
В том прекрасном краю одинокий пастух, растянувшись
На мягкой траве полетного дня,
Музыка убаюкивала его безмятежный покой;
И в приступе усталости, если он,
когда его собственное дыхание затихало, ему случалось услышать
Далекую мелодию, куда более сладостную, чем те звуки.
Которые мог издавать его бедный талант, его фантазия уносилась
Даже с пылающей колесницы солнца

Безбородого юношу, прикоснувшегося к золотой лютне,
И наполнил восторгом освещенные рощи.

Ночной охотник, подняв яркий взор
На полумесяц, с благодарным сердцем
Призывал прекрасную странницу, даровавшую
Этот своевременный свет, чтобы разделить с ним его радостный спорт.
И тут же появилась сияющая богиня со своими нимфами,
Через лужайку и темную рощу
(Не без сопровождения мелодичных нот,
Эхом разносящимся от скал и пещер),
Пронесется в буре погони, как луна и звезды
По небу, затянутому тучами, быстро скользят
Когда дуют сильные ветры. Путник ослабил
жажду из ручья или фонтана, и благодарил
Наяд. Солнечные лучи, на далеких холмах
быстро скользили по дальним холмам, сопровождая их тенями,
Могут, с небольшой помощью фантазии, превратиться
В флотилии Ореады, спортивной на вид.

Зефиры, пролетая мимо, взмахивали крыльями,
Не испытывали недостатка в любви к прекрасным объектам, которых они завлекали
нежным шепотом. Засохшие ветви гротескны,
Лишенные листьев и веток от старости,
Из глубины мохнатого укрытия выглядывают
В долине или на крутом склоне горы.
А иногда к ним примешиваются рога
живого оленя или козлиной бородой.
Это были скрывающиеся сатиры, дикий выводок
игривых божеств; или сам Пан,
простой пастуший бог, внушающий благоговение".

Подобные идеи выражены в статье "*Природа ранней истории*" знаменитого английского ученого [Сноска: Генри Джордж Лидделл, доктор философии, декан Крайстчерч-колледжа в Оксфорде], который говорит: "Легенды, или мифические басни, греков в основном связаны с религиозными идеями, и в основном их можно отнести к тому виду благоговения или удивления, с которым простые и необразованные умы относятся к изменениям и движениям природного мира. Прямой и простой способ, с помощью которого воображение таких людей объясняет чудесные явления, заключается в том, чтобы отнести их к действию Личности. Когда внимание возбуждается регулярными движениями солнца, луны и звезд, чередованием дня и ночи, повторением времен года, подъемом и опусканием морей, непрерывным течением рек, сгущением туч, раскатами грома и вспышками молний, процессами жизни в растительном и животном мире - словом, любым проявлением активной и движущей силы, - для непросвещенных умов естественно рассматривать такие изменения и движения как работу божественных личностей. Так в ранних греческих легендах появляются олицетворения сил природы. Все попытки объяснить чудеса, которые нас окружают, отменяются; все ссылается на непосредственную деятельность бога. Зевс, создающий облака, - автор воздушных явлений; Посейдон, сотрясающий землю, - всего, что происходит в воде под землей; нимфы привязаны к каждому источнику или дереву; Де-ме'тер, или Мать-Земля, шесть месяцев радуется присутствию Прозерпины, [Сноска: В

некоторых легендах Прозерпина считается дочерью Матери-Земли, или Цереры, и олицетворяет растущую кукурузу. В некоторых легендах Прозерпина считается дочерью Матери-Земли, или Цереры, и олицетворяет растущую кукурузу, свою дочь, и в течение шести месяцев сожалеет о ее отсутствии в темных обителях под землей.

"Эта тенденция к обожествлению сил природы объясняется отчасти чистой атмосферой и солнечным климатом, которые склоняют народ к жизни под открытым небом в тесном общении со всем, что природа предлагает для очарования чувств и возбуждения воображения; отчасти характером народа, а отчасти поэтами, которые в ранние времена превратили эти легендарные сказания в произведения, которые читаются с большим удовольствием в те века, когда наука и метод изгнали простую веру, обеспечившую признание этих легенд.

"Среди греков все эти условия были признаны существующими. Они жили, так сказать, вне дома; их наблюдательность была чрезвычайно быстрой, а воображение необычайно ярким; их древние поэмы - самые благородные образцы старых легендарных сказаний, которые сохранились в любой стране".

Эта тенденция греческого ума также очень удачно изложена в следующих строках ПРОФЕССОРА БЛЭККИ:

Старые греки, старые греки...

Они не были глупцами,
Но со свободным и широким взглядом
взирали на славный день.
Они смотрели на солнце в своем безоблачном небе,
И увидели, что свет его прекрасен;
И сказали они, что круглый, полный огня глаз
пылающего БОГА!

Они смотрели на огромную Землю и видели
Различные формы, с благоговением
Зеленой и ползучей жизни,
И говорили: "В каждой движущейся форме,
С живительным дыханием и теплым пульсом,
В цветущих кронах и листьях с прожилками,
живет богиня, чье лоно пылает
В чьей груди кипит борьба".

Они посмотрели и увидели бескрайнее море,
с его безбрежным потоком свободной воды,
опоясывающее твердую землю, далеко и широко,
Потоком своим глубоким, незапятнанным;
И с удивлением наблюдал в его прозрачном голубом потоке,
Быстрый и сверкающий чешуей выводок,
Спортивный бесчисленный в глубине
С дротиками, и погружениями, и воздушными прыжками;
И сказал: "Непременно царствует БОГ
Царь этой водной, широкой области",
И едет в машине лазурного цвета
Среди зеленых и голубых бухт;
И в одной руке трехконечное копье

держит он, скипетр своего страха,
А другой трясет поводья
Своих коней, с пенистыми гривами,
И куревом в рассоле;
И когда он поднимает свою булаву-трезубец,
Широкий Океан осыпает его мрачное лицо,
И бормочет гнев божественный;
Огромные волны с шипением вздымаются,
И бьются о берег широкой грудью,
И сотрясают скалы:

Гневный бог разбудил волну.
Тщетно все искусство лоцмана, чтобы спастись,
И вот! Глубокая могила с черным горлом
Заглатывает ялик".
Вскоре поток становится менее яростным,
В голубом эфире облаков разрывы,
Ветреные бури стихают;
Посейдон больше не терзает свое сердце,
Его голос сдерживает рев бурь,
И люди могут плыть спокойно.

[Сноска: *Посейдон* - другое имя Нептуна, морского бога].

В старом дубе жила дриада;
Пальцы нимфы ощущались
В мелкой ряби потоков;
В дремотный полдень, когда все было спокойно,
Фавн спал на холме,
И странные и ясноглазые игривые существа,
с волосатыми конечностями и козлиными чертами лица,
выглядывали из колючего леса.

[Сноска: Са'тиры].

Так каждая сила, что наполняет сферу
С формами красоты и страха,
В звездном небе, на травянистой земле,
И в рыбьем рассоле глубоком,
Были для хриплых пеласгов
Которые населяли древние греческие леса,
Боги - или *действия* бога:
Боги были в каждом взгляде и звуке.
И каждый уголок был освящен.
где ступали эти странствующие патриархи.

Но весь этот сказочный мир канул в Лету, чтобы жить лишь как тени в царстве фантазии и песни. Шиллер выражает сетования поэта в следующих строках:

Неужели ты, прекрасный мир, больше не существуешь?
Вернись, девственный цветок на лице природы!
Ах, только на волшебном берегу менестреля

Мы можем проследить следы милой Басни!
Луга скорбят о прежней жизни;
Тщетно мы ищем на земле, лишенной богов;
Там, где некогда царило тепло и жизнь.
Остались одни лишь тени.

Латинский поэт OVID, живший во времена христианской эры, собрал из вымыслов ранних греков и восточных народов и сплел в одну непрерывную историю языческие рассказы о Сотворении, включающие описание первобытного мира и ранних изменений, которые он претерпел, затем историю четырех эпох или возрастов первобытного человечества, потоп Девкалиона и далее вплоть до времен Августа Сезара. Этот великий труд языческого поэта под названием "*Метаморфозы*" - не только самая любопытная и ценная запись, сохранившаяся в древней мифологии, но некоторые считают, что обнаружили в каждой истории, которую он содержит, моральную аллегория; другие же пытаются проследить в нем всю историю Ветхого Завета, а также типы чудес и страданий нашего Спасителя. Но как бы мало правды ни было в последнем из этих предположений, прекрасный и впечатляющий рассказ этого поэта о сотворении мира, о четырех веках человеческой истории, которые последовали за ним, и о потопе совпадает в столь многих замечательных отношениях с библейским повествованием, а также с геологическими и другими данными, что мы приводим его здесь как образец греческой басни, содержащей некоторые следы подлинной истории. Перевод выполнен Драйденом:

Рассказ о сотворении мира.

До появления морей и земного шара,
И небесный полог, что все покрывает,
Один был лик природы - если лик...
Скорее, грубая и непереваренная масса;
Безжизненная глыба, не имеющая формы и обрамления,
Из сплетенных элементов, и имя им - хаос.

Ни солнце не освещало мир,
И луна не обновляла свои затупленные рога,
И земля не висела в небе,
И не лежала на своем фундаменте,
И моря не обхватывали берега своими руками;
Но земля, и воздух, и вода были едины.
Так воздух был лишен света, и земля была неустойчива,
А темная пучина воды была непроходима.
Ни один из них не имел определенной формы;
Все они были спутаны, и каждый мешал остальным.

Распутавшись, они заняли свои места;
Ближайшие родственники обнимаются,
А врагов разделяет большее пространство.
Сначала сила огня поднялась ввысь,
И поселилась в сводчатом небе;
Затем воздух сменяет огонь по легкости,
чьи атомы уходят из бездействующей земли;
Земля опускается под землю и влечет за собой многочисленную толпу
Из тяжелых, толстых, громоздких семян.

У ее берегов ревут непокорные воды,
И, поднявшись на гребень, оскорбляют берег.
Таким образом, когда бог - кем бы он ни был -
Сформировал целое и привел части в согласие,
Чтоб не было неравных частей,
Он вылепил землю в просторный круг;
Затем, вздохнув, он дал ветрам дуть,
И заставил течь скопившиеся воды.
Он добавил бегущие источники и стоячие озера,
И берега для извилистых рек создает.
Некоторые части земли поглощены; большинство,
В огромных океанах, размытых, теряются.
Он затеняет леса, долины сдерживает
Скалистыми горами, и расширяет равнины.

Затем, чтобы заполнить все пустоты природы,
Формы богов заполняют небо;
Новые стада зверей посылает на равнины;
Новые колонии птиц - в воздух;
И в свои уютные постели возвращаются мелкие рыбки.
Существо более возвышенного вида
Не хватало еще, и тогда был создан человек;
Сознание мысли, более вместительная грудь,
Для империи, чтобы править всем остальным;
Частицами ли небесного огня
Бог природы душу его вдохновил,
Или земля, но новая, отделенная от неба,
И податливая, все еще сохраняла неземную энергию.
Так, пока немое творенье вниз склоняло
И к земной матери их взор устремлен,
Человек смотрит ввысь и с возведенными глазами
созерцает свое наследственное небо.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА.

Теперь поэт описывает века, или различные эпохи в цивилизации человеческой расы.
Первый - Золотой век, период патриархальной простоты, когда Земля давала свои плоды
спонтанно, а весна была вечной.

ЗОЛОТОЙ ВЕК был первым, когда человек был еще нов,
не знал никаких правил, кроме неиспорченного разума,
И, с родной склонностью, творил добро.
Без наказания, без страха.
Его слова были просты, а душа искренна;
Не нужно было писать законы там, где никто не угнетал;
Закон человеческий был написан на его груди.
Перед судьей не появлялись толпы просителей,
Не было ни суда, ни слушаний,
Но все были в безопасности, ибо совесть стояла на страже.

Не было ни стен, ни ограды, ни рва, ни кургана;
Не слышно было ни барабана, ни гневного звука трубы;
Не ковались мечи, но, лишённые забот и преступлений,
Мягкое творение спало.

Кишащая земля, ещё не повинная в плуге,
И, не спросясь, давала плоды;
Цветы, незасеянные, в полях и лугах царили,
И западные ветры бессмертную весну поддерживали.

Следующий, или Серебряный век, ознаменовался сменой времен года, разделением и возделыванием земель.

В последующие времена наступил серебряный век,
превосходящий медный, но ещё более превосходящий золотой.
Затем наступили лето, осень, зима,
А весна была лишь временем года;
Солнце свой годовой ход косо совершало,
Хорошие дни сокращались, а плохие увеличивались.
Потом воздух знойным жаром стал пылать,
Крылья ветра были забиты льдом и снегом;
И дрожащие смертные, загнанные в дома,
Искали убежища от небесного зноя.
Тогда эти дома были пещерами или уютными сараями,
Вьющимися осинами огороженные, и мхом устланные.
Тогда плуги для семян плодотворные борозды прокладывали,
И волы трудились под ярмом.

Затем наступила эпоха бронзы, которая была эпохой войн и насилия.

За ним последовал БРАЗЕНСКИЙ ВЕК;
Воинственное потомство, склонное к кровавой ярости,
но ещё не нечестивое.

Согласно Гезиоду, следующая эпоха - героическая, когда мир начал стремиться к лучшему;
но Овидий опускает её совсем, а в качестве четвертой и последней называет железный век,
также называемый плутоническим, полный всевозможных трудностей и зла. Он описывает
его следующим образом:

Тогда преуспела твердая сталь,
И упрямыми, как металл, были люди.
Правду, скромность и стыд мир оставил;
Мошенничество, скупость и сила заняли их места.
Тогда паруса были расправлены на любой ветер;
Моряки были сырыми, а глубины - новыми:
Деревья, грубо выдолбленные, поддерживали волны,
Пока корабли с триумфом бороздили водные просторы.

Затем ориентиры ограничили право каждого;
Ибо все было общим, как свет.
Не только земля должна была нести
Ее годовой доход на кривую долю;
Но жадные смертные, порывшись в ее запасах,
Из ее недр выкапывали сначала драгоценную руду;

(Которую рядом с адом предусмотрительные боги положили),
И эту манящую злобу на обозрение выставили:
Так прокляла сталь и еще более прокляла золото,
Рождали зло и делали его дерзким;
И двойная смерть настигла несчастного человека,
Сталью атакован и золотом предан.
Теперь (оружие сверкает в их руках)
Человечество освободилось от моральных уз:
Никаких прав на гостеприимство не осталось;
Гостя убивает тот, кто его приютил;
Зять преследует жизнь отца;
Жена убивает мужа, он - жену;
Падчерица яд для сына готовит,
Сын допытывается о годах отца.
Вера бежит, а Благочестие в изгнании скорбит;
А Справедливость, здесь угнетенная, на небо возвращается.

Писание утверждает, что нечестие человечества стало причиной Ноевого потопы, или потопы наводнений. Так же, как и в греческой мифологии, подобные причины привели к потопу Девки. Поэтому, прежде чем привести рассказ Овидия об этом последнем событии, мы приводим из Гесиода любопытный рассказ о

ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗЛА И ЕГО ПОЯВЛЕНИЯ В МИРЕ.

Из легенды следует, что во время спора между богами и людьми Прометей, [Сноска: В большинстве греческих имен, оканчивающихся *на eus, eus* произносится в один слог; как *Or'pheus*, произносится *Or'phuse*] который, как говорят, превосходил всех своих собратьев в интеллектуальной силе и проницательности, похитил огонь с неба и, спрятав его в полый посох, принес человеку. Юпитер, разгневанный кражей того, что было уготовано смертным для мудрых целей, решил наказать Прометея, а через него и все человечество, чтобы показать, что человеку не дано ускользнуть от мудрости богов. Поэтому он заставил Вулкана создать образ из воздуха и воды, наделить его человеческим голосом и силой, а также придать ему облик прекрасной женщины, подобной самим бессмертным богиням. Минерва наделила новое творение художественным мастерством, Венера - колдовством красоты, Меркурий - искусным нравом, а Грации добавили все свои чары. Мы же приводим следующие выдержки из прекрасно написанного рассказа Гесиода, начиная с повеления, которое Юпитер дал Вулкану, богу огня:

Так говорил государь, которому повинуются небо и земля,
И велел богу огня вылепить свою пластичную глину;
Вдохните человеческий голос в ее грудь;
С крепко натянутыми нервами, упругими конечностями;
Ее облик прекрасен, как у богинь.
Девственный облик, с бровями любви.

Он велел Минерве обучить мастерству, что красит
Шерсть красками, пока летит челнок:
Он призвал волшебство очаровательной царицы Любви.
Чтоб дышала вокруг колдовством мига;
А потом - укусы острого желания.
И заботы, что обманывают конечности, наряжая их в шалости:

Пусть в последний раз она [Сноска: Меркурий] обучит ремеслу изысканному
Воровским манерам и бесстыдному уму.

Он приказывает - низшие силы повинуются.
Калека-художник [Сноска: Вулкан] лепит из закаленной глины:
По велению Юпитера восстал девичий образ;
Минерва сжимает зону, Распространенную слишком жирно;
Обожаемые Убеждения и Грации юные
Ее стройные конечности золотыми драгоценностями увешаны;
Вокруг ее гладкого чела часами
Гирлянда из пурпурных цветов весны.

Весь наряд Минервы - изящное искусство
Расположены, подогнаны, подогнаны к каждой части;
И, наконец, крылатый вестник [Сноска: Меркурий] небес,
Убийцы Аргуса, дали дар лжи.
Дал обманчивые манеры, привил медовые слова,
По воле того, кто раскатывает гром:
Тогда пернатый посланник небес
Имя ПАНДО'РА деве дал;
Ибо все боги одарили ее благодатью.
Чтоб увенчать это злосчастье смертного рода.

Обставленная таким образом, Пандора была принесена в дар Юпитером в жилище Эп-и-метея, брата Прометея; и тот, ослепленный ее чарами, принял ее, несмотря на предостережения своего мудрейшего брата, и сделал своей женой.

Сир повелевает крылатому вестнику нести
Готовая нимфа - неразрывная ловушка.
Эпиметею принесли подарок:
Предупреждение Прометея исчезло из его мыслей -
Чтоб презрел он все подношения небес,
И сразу вернуть, чтобы не случилось беды с человеком.
Но он принял и, осознав, слишком поздно понял.
Коварный дар и почувствовал проклятие судьбы.

В жилище Эпиметея стоял закрытый ларец, который ему было запрещено открывать; но Пандора, пренебрегая запретом, подняла крышку, и вот, к ее ужасу, все зло, доселе неведомое смертным, вылилось наружу и распространилось по земле. В ужасе от вида этих чудовищ Пандора закрыла крышку как раз вовремя, чтобы не дать вырваться *Надежде*, которая, таким образом, осталась для человека главной опорой и утешением в испытаниях его странствий.

На земле в давние времена сыны человеческие жили
От зла свободны, от тяжкого бремени труда;
Свободны от болезней, что с яростью неистовствуют,
Предваряют бледный упадок возраста.
Теперь же стремительно уходят дни мужественности,
И страдания давят на виски.
Руки Женщины несут вместительный ларец;
Она поднимает крышку и развеивает в воздухе несчастья.

Лишь надежда осталась внутри и не улетела.
Под кромкой сосуда, скрытой от света;
Остальные, быстро рассеявшись, сгнули,
И несметные беды бродили по дышащему миру:
Недугами полна земля, недугами море;
Болезни преследуют наше хрупкое человечество;
Самостоятельно бродят в полдень, ночью скользят
Без голоса - голос, которого лишены все мудрые силы:
Знай же эту страшную истину: не дано
Уклониться от мудрости всеведущих небес.
-Перевод ЭЛТОНА.

ПРОФЕССОР БЛЭККИ сделал эту легенду темой приятной поэмы, из которой мы приводим следующие отрывки, начиная с принятия Эпиметеем дара Юпитера. Заблуждающийся смертный восклицает.

"Благословен ты, благословен ты, нежный Гермес!

Когда-то я согрешил и тщетно боролся
Тщетно с надменным братом
Против олимпийца Джова.
Теперь мои сомненья любовь его победила;
Зла не знает он,
Чья вольная благодать приготовила
Такой дар богов для меня.
Отныне я и прекрасная Пандора
Соединились в святой любви,
Лишь одному на небе будем поклоняться -
Облакоохотливому Джову".
Так говорил он; и от бога получил
Славный дар от Джова,
И с нежностью обнял ее,
трепеща от неистовой любви;
И в любовных утехх с ней
Жил изо дня в день,
Пока ее щедрые улыбки
Scare pale care away.

У горы, у реки,
Под лохматой сосной,
У прохладного и травянистого фонтана.
Где сияют чистые воды,
Он с нею легкомысленно блуждал,
Или мягко прилег,
Пить сладкое опьянение
От этой божественной формы.

Однажды, когда луна проехала
Четыре медовые недели,
Из покоев своих вышла Пандора
Украшенная атрибутами,
И перед ласковым Эпиметеем

С нежностью стояла она,
С ящичком ярким опаловым
Держала в руке.

"Прелестная шкатулка!" - воскликнул Эпиметей.

"Не правда ли, изящная".

"Любопытный Вулкан

хитроумно оправил ее;

И в приданое мне ее дал сам Бог:

Как яркий луч Феба

Он сияет снаружи; внутри же, что за богатство

Я не знаю и по сей день".

Далее следует заметить, что поэт не очень строго придерживается легенды, приведенной Гесиодом, в которой говорится, что Пандора, вероятно, под влиянием любопытства, сама подняла крышку таинственного ларца. Вместо этого поэт приписывает этот поступок Эпиметею и тем самым снимает с Пандоры вину и одиоз.

"Дай мне посмотреть, - говорит Эпиметей,

"Что может сделать мое прикосновение!"

И быстро на зов его пальцев

Ящик распахнулся.

О небо! О ад! Какое столпотворение

В пуантах обитает!

Как он дрожит, как он трепещет;

Как он кипит и раздувается!

Туманный пар от него поднимается,

Волна за волной расходится!

Как чертог, дышит он

Испарениями мертвецов!

Дым за дымом, как из глотки

Из сажи Вулкана поднимаются,

Облака красные, синие и желтые

Затмевая прекрасные небеса!

И воздух, наполненный неприятным смрадом,

как от вещей, которые гниют,

подавляет дыхание и выдох

из адского котла.

И среди сгущающихся паров

Отвратительные формы я вижу

Страшных болезней, Эпиметей,

Запущенных на землю тобой.

Ужасная команда! Одни худые и исхудавшие,

Кто-то с нарывами и пятнами.

С волдырями, с опухольями, распухшими,

И вода в венах;

Некоторые с пурпурными пятнами,

Некоторые с вытекающими гноями

Гнилые, с ползучими лишаями.

Как лишайник растет

На сухой коже, покрытой чешуей;
Некоторые с искривленным позвоночником
И с искривленным позвоночником, и с медленной пыткой.
Человеческий облик божественный;
Хромые некоторые, некоторые без конечностей лежат;
Лихорадка, с бешеным воздухом,
И бледная чахотка, скрывающая смерть
С видом безмятежно прекрасным.

Весь отряд неизлечимых зол,
без усталости мчится вперед
Из проклятого ящика твоего, Пандора,
Захвати запятнанную землю!
И уложи легионы
Наших дьявольских болей,
Одна лишь надежда, жалкий чародей,
В ящике остается.
Эпиметей знал, что такое долги,
Но понял слишком поздно;
Сам ревнивый Юпитер, теперь тщетно,
Отменит судьбу.
И он проклял прекрасную Пандору,
Но проклял напрасно;
И все же глупцам мимолетное наслаждение
Приобретает неизбежную боль!

ЧТО ОЛИЦЕТВОРЯЛ ПРОМЕТЕЙ.

ПРОФЕССОР БЛЭККИ говорит о Прометее, что общепринятое представление о нем состоит в том, что он был представителем свободы в борьбе с деспотизмом. Однако он считает, что Гете ближе к глубине мифа, когда в своей прекрасной лирике он представляет Прометея как олицетворение той неутомимой стойкости в человеке, которая покоряет землю искусным трудом, в противовес и вопреки; тем ужасным влияниям диких, элементарных сил природы, которые, как полагали греки, сосредоточены в лице Юпитера. Соответственно, ПРОФЕССОР БЛЭККИ в своей *"Легенде о Прометее"* представляет его как провозглашающего, следующим языком, свою империю на земле, в противовес силам свыше:

"Jove rules above: Судьба так распорядилась.
Это хорошо; Прометей правит внизу.
В их порывистых играх пусть играют дикие ветры,
И тучи на тучи густой массой
В небе темные армии собирают:
А мне предстоит более суровое ремесло -
Эта твердая Земля, этот скалистый каркас
Чтобы лепить, покорять и укрощать.
И для выполнения трудоемкого плана
Моим работником будет человек.

"Земля молода. Даже этими глазами
Я видел, как расплавленные горы поднимаются
Из кипящих глубин, а Земля

содрогалась от предвестия их рождения.
Я видел, как из первобытной грязи
Ползут рептилии с тусклой, холодной кровью,
А крылатые ящерицы с широким взглядом,
вглядывались в сырой и туманный воздух.
Где же был критский Джов? Где же тогда
Этот царь богов и людей?

"Когда, обнаженный от своей матери-земли,
слабый и беззащитный, человек вышел на свет,
И в нерадостном одиночестве
Из невспаханного поля и неструганого леса
грубо глядел; когда вместе с животными питался
желудями, а его каменистое ложе
В темных, нездоровых пещерах,
Не было умения укротить землю,
И не было помощи свыше.
Этого тиранического, грозного Иова.

"Земля молода. Она недавно родилась,
Этот слабый человек, мой промысел обхватит
хитроумной силой. Я возьму его,
И в суровом искусстве мой ученый.
Этот дымящийся тростник, в котором хранится
Искра эмпирея, я вылеплю
Камень и твердую сталь для использования человеком:
Он будет, как бог, планировать
И ковать все вещи по своему желанию
Алхимией огня.

"Эти зубчатые скалы, которые рассекают воздух,
Суровые гранитные скалы, так грубо обнаженные,
Мудрое искусство Вулкана и мое будет владеть
Вырастим груды прекраснейшей красоты.
Пар, что выдыхает тщетную силу.
Послужит любопытному мановенью,
Как мудрое дитя; как облака, что плывут
Белокрылые перед летним ветром,
Дымящаяся колесница над землей
Катится по его приказу.

"Дуйте, ветры, и трещите чеки!" Мой дом
Стоит незыблемо под грохочущим куполом Юпитера,
Эта стабильная Земля. Здесь дайте мне работать!
Духи занятые, что в нетерпении таятся
В тысяче трудящихся грудей
Здесь позвольте мне пробудиться; и тот, кто отдыхает
От труда, пусть отдохнет от жизни.
Жить - значит стремиться, и в борьбе
Чтобы сдвинуть камень и взбить комья
Человек делает себя богом!"

НАКАЗАНИЕ ПРОМЕТЕЯ.

Что касается наказания Прометея за его дерзкий поступок, то, согласно легенде, Юпитер приковал его цепями к скале или столбу, предположительно в Скифии, и послал орла беспрерывно охотиться на его печень, которая каждую ночь увеличивалась настолько, насколько она теряла за день. Через тридцать тысяч лет Геракл, герой великой силы и мужества, убил орла и освободил страдальца. Греческий поэт Эсхил, которого справедливо называют отцом греческой трагедии, положил наказание Прометея в основу драмы под названием *"Прометей, связанный"*, которую многие считают шедевром поэта и о которой сказано следующее:

"Ничто не может быть прекраснее пейзажа, в котором поэт заставил страдать своего героя. Он прикован к пустынной и громадной скале на краю самых отдаленных земных дебрей, хмуро взирающей на старый океан. Дочери Оцеа-нуса, составляющие хор трагедии, приходят утешить и успокоить его; и даже сам престарелый Океан, а затем Меркурий делают все возможное, чтобы убедить его покориться своему притеснителю Юпитеру. Но все безрезультатно; он сурово и торжественно отказывается. Между тем буря бушует, молнии сверкают на скале, пески разрываются вихрями, моря бьются о небо, и вся небесная артиллерия направлена против его груди, а он гордо бросает вызов мести своего тирана и погружается в землю до самых низов, призывая силы справедливости отомстить за свои обиды".

Пытаясь уговорить непокорного Прометея сдаться, Эсхил представляет Меркурия таким образом:

"Я, верно, много напрасно говорил,
Ведь сердце твое, под ливнем моих молитв,
Лежит сухим и твердым! Нет, скачет, как молодой конь.
Который кусает новое удило в зубах,
И рвется и борется с новым испытанным поводьем,
И все еще свирепствует в самом слабом из всех,
Который софизм - лишь для абсолютной воли,
когда ее оставляют на произвол судьбы в извращенных умах,
хуже, чем ноль силы! Смотрите и видите,
Если только мои слова не убедят тебя, какой взрыв
И вихрь неизбежного горя
Должен пронестись по тебе! Ибо вначале
Отец расколет эту скалу
Великим громом и пламенем болтов,
И спрячет тело твое там, где каменные петли
Схватит его, как рука! И когда ты пройдешь
Долгое черное время, ты выйдешь наружу.
Чтобы встретить солнце, и крылатую гончую Зевса,
Сильный, плотоядный орел, спустится на колесах
Чтобы встретить тебя, призванного на ежедневный пир.
И всадит в тебя свой свирепый клюв, и разорвет
Длинные лохмотья плоти твоей, и наедаться досыта
На твою сумрачную печень!

"Не ищи
Не ищи конца этому проклятию,

И пока не явится бог, чтобы вынести твои муки
На свою голову заступника, и спустится
Неспешным шагом в адский мрак,
И в глубокий мрак Тартара!
Подумайте вот о чем: угроза не порождена
не пустая выдумка - она произнесена и подразумевается!
Ведь уста Зевса бессильны лгать,
И завершает изречение в действии.
Итак, внимай, внимай! и никогда больше
Не забывай добрых советов и не потакай своей воле!

На что Прометей отвечает следующим образом:

"Мне, предвидящему, дана эта власть,
Он кричит, чтобы я открыл его!
И странен мой удел, если я страдаю от ненависти
В тот час, когда я ее чувствую!
Пусть камни молний, все щетинясь и белея,
Вспыхивают, обвивая меня!
Пусть эфир вздымается под громом и бичом
диких ветров!
Пусть взрыв небесной тверди срывает с места
Земля, уходящая корнями вниз.
И рассол океана в стремительном порыве,
Пусть в лицо
Звездам на небе, когда они ходят туда-сюда!
Пусть он ввергнет меня в Тартар...
В самую черную степень,
И вихри необходимости задушат меня!
Но он не может соединить смерть с судьбой, предназначенной *мне!*"
-Перевод Элизабет Бэрретт Броунинг.

СТРАДАНИЯ ПРОМЕТЕЯ.

В завершение этой темы приведем небольшой отрывок из "*Прометеевых уз*" английского поэта Шелли, в котором ярко изображены страдания непокорного пленника:

"Ни перемен, ни передышки, ни надежды! И все же я терплю.
Я спрашиваю Землю, разве горы не чувствуют?
Я спрашиваю у Неба, у всепобеждающего Солнца,
разве оно не видело? Море, в шторм и штиль,
Вечно меняющаяся тень небес, раскинувшаяся внизу,
Неужели его глухие волны не слышат моей агонии?
Ах я! Увы, боль, боль вечная, вечная!

Ползучие ледники пронзают меня копьями
Своих лунных ледяных кристаллов; Яркие цепи
Вгрызаются в мои кости своим раскаленным золотом.
Небесная крылатая гончая, загрязняющая твои губы.
В клюве его яд не его собственный, разрывает
Мое сердце; и бесформенные взгляды бродят мимо -
Ужасные люди из царства снов

Насмежаются надо мной; и звери землетрясенья
Чтобы вырвать заклепки из моих трепещущих ран.
Когда скалы расколются и снова сомкнутся за спиной;
А из их громких бездн воеет толпа
Гении бури".

Возвращаясь теперь к поэту Овидию, мы приводим рассказ, который он дает о потопе, или уничтожении человечества наводнением, называемым греками,

ПОТОП ДЕУКАЛИОНА.

Девкалион представлен как сын Прометея и считается отцом греческой нации последилувианских времен. Когда Юпитер решил уничтожить человеческий род за его нечестивость, он, по словам Овидия, сначала хотел сделать это с помощью огня. Но его собственная безопасность требовала применения менее опасного средства.

И вот уже Юпитер вскинул пламя,
И гром раскатил в своей просторной руке,
готовясь обрушить его на моря и сушу;
Но остановился, опасаясь, что при таком неистовом движении
Чтоб искры зацепили небесную ось.
Вспомнив, что в судьбах было время, когда огонь
Должен был устремиться в небесные чертоги,
И все его пылающие миры должны были сгореть,
И весь низший шар превратится в пепел.
Отбросив грозную артиллерию, он склонился
Он задумался о более надежном наказании;
И решил обрушить на землю потоп,
А то, что не смог сжечь, решил утопить.

Как видно, во всех этих мифах Юпитер вполне может рассматриваться как олицетворение стихийного раздора, в котором утонул виновный мир. Девкалион, предупрежденный своим отцом о грядущем потопе, сделал себе ковчег или ялик и, положив в него провизию, вошел в него вместе со своей женой Пиррой. Затем вся земля покрывается потопом воды, и все животное, кроме Девкалиона и его жены, погибает.

Северное дыхание, замораживающее потопа, связывает Иов,
со всей расой ветров, разгоняющих облака:
Южный он отпустил, который ночь и ужас приносит,
И туманы стряхнул с крыльев своих.
Из его разделенной бороды льются две струи;
Его голова и больные глаза омываются дождем.
Небеса, от полюса до полюса, звучат;
И ливни расширенные льются на землю.

Не только с родных небес
Не с одних лишь родных небес Джов изливает свою месть:
Он просит помощи у своего морского брата,
Чтоб помогли ему вспомогательные волны.
Водный тиран призывает свои ручьи и потоки,

Которые катятся из мшистых пещер, своих влажных обителей,
И вечными урнами наполняет свой дворец;
Которым, вкратце, он так излагает свою волю:

"В малом увещеванье нуждаюсь; ваши силы использую,
И этот скверный мир (так велит Юпитер) разрушить.
Отпустите вожжи всем вашим водным запасам;
Спустите плотины и откройте все двери".

Наводнения, по природе своей враги суши,
И гордо вздымаясь от нового повеления,
Убрали живые камни, преграждавшие им путь,
И, хлынув из источника, увеличили море.
Затем своей булавой их монарх ударил по земле:
Земля с внутренним трепетом приняла рану,
И восходящий поток нашел готовый проход.
Разросшиеся воды собираются на равнине,
Они затопили поля и опрокинули зерно;
Затем, устремляясь вперед, с размаху,
Уносят стада и стада, и трудящихся оленей.
Не были в безопасности и их жилища, ибо, затопленные наводнением,
Их дома обрушились на их домашних богов.
Крепкие холмы, слишком прочно построенные, чтобы упасть,
Над их головами возвышалась водяная стена.
Теперь моря и земля были в смятении.
Мир водный, без берегов.

Один взбирается на утес, другого в лодке несут,
И пашет там, где раньше сеял кукурузу.
Другие взбираются на верхушки дымоходов и башен,
И бросают якорь на лугах внизу;
Или, вниз устремленные, они сшибают нежную лозу,
Или, подброшенные вверх, ударяются о сосну.
И там, где недавно дети стригли траву,
теперь их место занимают чудовища глубин.
Оскорбительные Нер'е-иды скачут по городам,
И дивные дельфины над дворцом скользят.
Они обглаживают листья и мачты могучих дубов,
А их широкие плавники путаются в ветвях.

Испуганный волк теперь плавает среди овец,
Желтый лев бродит в глубине;
Его стремительная сила больше не помогает кабану,
Олень плывет быстрее, чем бежал раньше.
Птицы, долго бьющие крыльями впустую,
отчаиваются от земли и падают в море.
Теперь холмы и долины больше не различают,
И выровненная природа лежит угнетенная внизу.
Большинство смертных погибло во время потопа,
Оставшиеся умирают от недостатка пищи.

Девкалион и Пирра были доставлены на вершину Парнаса, самой высокой горы в Центральной Греции. Согласно Овидию, Девкалион обратился к древнему оракулу Фемиды с вопросом о восстановлении человечества и получил следующий ответ: "Выйди из храма, покрой головы, сними с себя одеяния и брось позади себя огромные кости своего родителя". В конце концов Девкалион понял смысл прорицания: кости - это камни или скалистые возвышенности земли. Затем поэт рассказывает об утихании вод и появлении земли:

"Когда Юпитер, обозревая землю с высоты,
Увидел, что она в озере водном лежит.
То, где недавно жило столько миллионов,
но двое, лучшие из обоих полов, остались в живых.
Он послал северный ветер: свирепый Борей летит
Чтоб раздуть тучи и очистить небеса:
Безмятежно, пока он дует, пары гонит
Открывают небо земле и землю небу;
Волны падают, когда Нептун опускает свою булаву
на бурное море и разглаживает его изрезанное лицо.
Уже Тритон [Сноска: сын Нептуна] по его зову появляется
Над волнами: в тирийской мантии он,
А в руках кривая труба.
Государь велит ему мирные звуки внушить,
И дать волнам сигнал отступить.
Воды, слушая трубный рев,
Повинуясь призыву, покидают берег.
Появляется тонкая окружность суши,
И Земля, но не сразу, поднимает свой взор,
И смотрит на моря с высоты:
Ручьи, только что заключенные в свои пределы,
медленно вползают в свои русла,
И земля растет по мере того, как падают воды:
Через некоторое время появляются верхушки деревьев,
Которые грязь на своих позорных ветвях несут.
В конце концов мир был восстановлен,
Но пустынный и болезненного оттенка:
Природа увидела себя и ужаснулась,
Унылая пустыня и безмолвная пустошь.

Когда воды утихли, Девкалион, повинуясь указанию оракула, покинул скалистые высоты и отправился жить на равнину.

МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА БОГОВ И ИХ ВЛАСТЬ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ.

Характерной особенностью политеистической системы греков является то, что боги представлены как подверженные всем страстям и слабостям человеческой природы. Среди них действительно были олицетворения добра и зла, как мы видим в А'те, богине мести или наказания, и в Эрин'нис (или фуриях), которые мстят за нарушение сыновнего долга, наказывают за лжесвидетельство и поддерживают порядок как в моральном, так и в природном мире; но если эти моральные идеи сдерживали и контролировали людей, то боги, кажется, были почти полностью свободны от такого контроля. "Таким образом, общество Олимпа, - говорит Махаффи, - это лишь идеал греческого общества в самом низком смысле - идеал школьника, который считает, что любой контроль раздражает, а его

отсутствие - величайшее благо, идеал сладострастного человека, который испытывает сильные страсти и жаждет власти, чтобы потакать им без неприятных последствий". Таким образом, оказывается, что гомеровская картина Олимпа очень ценна, поскольку раскрывает нам представление поэта об обществе, освобожденном от ограничений религии; ведь рапсолисты [Сноска: Рапсолист - термин, применяемый к чтецам греческих стихов] наносили смертельный удар (возможно, неосознанно) по принятой религиозной вере именно этими картинами греха и преступления среди богов. Их идея - это своего рода полумонархическая аристократия, где несколько человек имеют власть помогать фаворитам и мешать общему ходу дел; где любовь к фракции преобладает над всеми другими соображениями и оправдывает насилие или обман. [Сноска: "Социальная жизнь в Греции", Дж. П. Махаффи].

MR. Глэдстоун в следующем отрывке изложил нам свои взгляды на то, что он называет "интенсивной гуманностью" олимпийской системы, взятые из того, что ее великий выразитель изложил в "*Илиаде*" и "*Одиссее*". "Эта система, - говорит он, - представляет собой нечто вроде царской или дворцовой жизни человека, но, с одной стороны, более великолепной и могущественной, с другой - более интенсивной и свободной. Это удивительное и великолепное творение. Оно полностью соответствует значению английского эпитета - довольно любимого, по-видимому, нашими старыми писателями - эпитета *joyial*, который происходит от латинского названия его головы. Это жизнь, состоящая из всех удовольствий души и тела, пиров и пирушек, музыки и песен; жизнь, в которой торжественное величие чередуется с шуткой и подколкой; жизнь, в которой детское своеволие и шаловливость сочетаются с серьезными, мужественными и императорскими заботами; Ибо гомеровский Олимп заслуживает уважения хотя бы за то, что он населен не просто ленивыми и эгоистичными богами Эпикура, а его обитатели деловито обсуждают вопросы управления человеком, и в их спорах побеждает справедливость.

"Я не обсуждаю сейчас моральные названия олимпийской схемы; я останавливаюсь на ее интенсивной человечности, как в ее величии, так и в ее малости, ее славе и ее позоре. Как заботы и радости человеческой жизни, так и устройство общества внизу отражается, благодаря непутевой смекалке человека, на небесах вверх. Хотя имена и основные традиции нескольких божеств были полностью или в значительной степени заимствованы из-за рубежа, их характеры, отношения и атрибуты подверглись процессу эллинизации, который постепенно выделил для них особые области и функции, по законам, которые, как представляется, были в основном оригинальными и исконными, и были взяты по аналогии с разделением труда в политическом обществе. В олимпийском обществе есть свой штат чиновников и слуг с соответствующими функциями. Он-фесстус (или Вулкан) отливает двадцать золотых тронов, которые автоматически двигаются, образуя круг совета богов, и строит для каждого из своих братьев-богов отдельный дворец в глубоких складчатых недрах могучей горы. Музыку и песни обеспечивают Аполлон и Музы; Ган-и-ме'де и Хе'бе - виночерпии, Гермес и Ирис - вестники; но Фемида, в которой воплощена идея обсуждения и относительных прав, является созывателем Великого собрания богов в двадцатой Илиаде, когда решается великий вопрос Троянской войны." [Сноска: Выступление в Эдинбургском университете, 3 ноября 1865 г.].

Но как бы ни были боги склонны к дурным страстям и подвержены человеческим слабостям, считалось, что они не одобряют (в людях) пороки, которым сами предаются, а, напротив, должны карать нарушения справедливости и гуманности и награждать храбрых и добродетельных. Мы узнаем, что их нужно было умиротворять возлияниями и жертвоприношениями, а их помощь, не только в великих делах, но и в обычных жизненных

делах, должна была быть получена молитвами и мольбами. Например, в девятой книге "Илиады" престарелый Финикс, воин и мудрец, в прекрасной аллегории, олицетворяющей "Обиду" и "Молитвы", представляет первых сильными и ловкими, обгоняющими вторых, а потому бродящими по земле и наносящими огромный вред человечеству; Но Молитвы, следующие за ними, ходатайствуют перед Юпитером и, если мы воспользуемся ими, исправят зло; если же мы пренебрежем ими, нам говорят, что возмездие за зло настигнет нас. Так, Феникс говорит о богах,

"Если смертный человек
Оскорбит их нарушением их законов,
Подношения, благовоения, жертвы и молитвы,
с кротостью принесенные, отвращают их гнев.
Молитвы - дочери Иова,
Которые, хоть и далеки, но постоянно идут
Следуют за обидой. Обида, крепкие конечности,
и твердо ступая по земле, опережает их всех,
И по всей земле перед ними бежит,
Нанося вред человеку. Они, следуя за ним, исцеляют обиду.
Их почтительно принимают, когда они приближаются,
Они оказывают нам помощь и слушают наши молитвы;
Но если мы пренебрегаем и с упрямым сердцем
Противятся им, к сатурнианскому Джову взывают.
Против нас, моля, чтобы обида
Могут к нам прильнуть, чтоб отомстить за обиду".
-COWPER'S *Trans.*

В Семнадцатой книге Мен-и-ла'ус отправляется на битву, "обращаясь сначала с мольбой к повелителю всех", то есть к Юпитеру, царю богов. В Двадцать третьей книге Антил'очус объясняет неудачу Эу-ме'луса в гонке на колесницах тем, что он пренебрег молитвой. Он сказал,

"Ему следовало бы вознести молитву; тогда бы он не
Прибыл, как сейчас, самым задним из всех нас".

Из произведений греческих поэтов можно привести множество других примеров предполагаемой эффективности молитвы к богам.

Взгляды ранних греков на распоряжения всевластного Провидения, проявляющиеся в их вере в справедливость возмездия, особенно ярко выражены в некоторых возвышенных припевах греческих трагиков, а также в "*Трудах и днях*" Гесиода. Например, Эсхил говорит,

Безжалостная и деспотичная власть
Может восторжествовать на свой малый час;
Но вскоре, со всей своей мстительной ратью,
Восстают угрюмые фурии,
И, сломив всю силу его, закружили его
По темным путям жизни, непобежденным и неизвестным.
-Перевод Поттера.

Приведенные ниже отрывки из Гесиода иллюстрируют уверенность в том, что Справедливость, как считалось, настигнет и накажет тех, кто извращает ее пути, в то время

как за добрыми людьми следуют благословения. Они также показывают, что преступления одного часто "навлекаются на всех".

Кривые судьи Земли - о! Ужасный бог клятвы
Мститель бежит и следит за ними, где они ступают.
Суровы пути правосудия, как море,
влекомые туда и сюда развращенными людскими постановлениями;
Подкупные люди! чьи руки, извращая, уводят
Право в сторону, и искажают вырванный закон.

Пока коррупция ждет приговора
Они отталкивают бледную Справедливость от своих надменных ворот,
Невидимыми шагами ступает Дева,
И зло на их грешные головы насылает.
Она в темноте воздушной свой облик облекает,
И ходит в ужасной скорби по городским дорогам:
Ее вопль слышен; слеза, укоряя, падает
На их запятнанные нравы и преданные стены.

Но те, кто никогда не отступал от права, -
Кто, как гражданин, чужеземцу помогает.
Они и их города процветают: благодатный мир
Живет в их пределах, и юность их возрастает;
И не Юпитер, чей лучезарный взор созерцает вдали,
Не вещает в небесах о тяжелой войне;
Ни бедствий, ни голода; на праведной добыче
Мир венчает ночь, и изобилие веселит день.
Богаты их горные дубы: самое высокое дерево
желудями наполнена, ствол ее - пчелами;
Овцы их с рунами блеют; женский род их
Отражают обоих родителей в лице младенца:
Они по-прежнему процветают и не искушают корабли;
Плоды земли льются с каждой равнины.

Но над нечестивым родом, которому принадлежат
Мысли о зле и поступки неправедные,
Сатурнианский Джов, широко раскрыв глаза,
Показывает темные знаки возмездия;
И часто деяния одного губительны.
Преступленья одного на всех обрушиваются.
Бог ниспосылает свои гневные язвы с высоты.
Голод и мор - они умирают грудями!
И снова, мстя за свой гнев, он обрушивается
На их великие войска, и ломает их пошатнувшиеся стены;
Рассеивает их военные корабли; и там, где море
вздывает свои горные волны, там и он!

Размышляйте, о судьи, в своих помыслах.
О возмездии, что свершил он.
Невидимые, боги всегда рядом,
Пройди через середину и склони свое всевидящее око.

Тот, кто поносит бедных, кто отнимает право,
Не видя Небес, предстает перед их взором обнаженным:
Ибо трижды десять тысяч святых духов бродят
В этом дышащем мире, делегаты Джова;
Хранители людей, их взгляд одинаково следит
Праведные суды и неправедные пути.

Дева чистая - Справедливость, и рождение ее
Август от того, кто правит небесами и землей.
Существо, славное для богов на небесах,
Чья обитель - вечное небо.
Гонимая злобой, она занимает свое место,
В смиренной печали у вечных ног Джова.
Там от души несправедливой возносятся ее жалобы:
Так жалеют народы, когда цари их обижают.
Когда, лукавая и замышляя зло,
Они гнут законы и подчиняют их своей воле.
О, напитанные золотом, вы, царственные судьи, слушайте!
Прямыми сделайте пути, кривых суждений убойтесь,
Чтоб больше не было видно нечестных записей.
Стерта, забыта, как будто ее и не было.
-Перевод ЭЛТОНА.

ОАТХ.

Как и в начале предыдущего отрывка, поэты часто упоминают о *клятвах*, которые давали те, кто заключал важные договоры, показывая, что тогда, как и сейчас, и как в ветхозаветные времена, призывали некое верховное божество, чтобы оно засвидетельствовало соглашение или обещание и наказало за его нарушение. Иногда человек прикасался к алтарю бога, которому он клялся, или к крови, пролитой во время ритуального жертвоприношения, а некоторые проходили через огонь, чтобы освятить свою клятву. Когда Авраам поклялся царю Содома, что не обогатится ни одним из царских благ, он поднял руку к небу, указывая на предполагаемое место пребывания божества, как бы призывая его в свидетели клятвы. Когда он требует от своего слуги принести ему клятву, то говорит: "Положи, молю тебя, руку твою под бедро мое, и я заставлю тебя поклясться Господом, Богом неба и земли"; Иаков требует той же церемонии от Иосифа, когда тот обещает вынести кости своего отца из Египта.

Когда богиня Веста давала клятву в самом присутствии Юпитера, как это представлено в гимне Гомера, она коснулась его головы, как наиболее подходящей церемонии.

Прикосновение к голове Юпитера,
Она дала могучую клятву и выполнила ее,
Что она среди богинь небесных
Будет девственницей оставаться.

Военная клятва описана Эсхилом в драме *"Семь вождей против Фив"*:

Над впадиной медного щита
Быка они зарезали, и, коснувшись руками
Жертвенный поток, они громко зывали
К Марсу, Энио и кровожадному Страху,
И поклялись в пыли заложить

Эти стены и отдать наш народ на меч,
Или, погибая, залить землю кровью!

О том, что для освящения клятвы иногда проводилось огненное испытание, мы узнаем из "Антиг'о-не" Софокла. Вестник, принесший весть о погребении Полиника, рассказывает,

"Готовы мы были схватиться за раскаленную сталь,
Пройти сквозь огонь и богами поклясться.
Это дело не наше, и мы не знали ни о чем.
О живом человеке, кем оно было задумано или совершено".

В двенадцатой книге "Инеид" Виргилия, когда царь Турнус заключает договор с троянцами, он прикасается к алтарям своих богов и к огню, что является частью церемонии:

"Я прикасаюсь к священным алтарям, касаюсь пламени,
И все эти силы подтверждают, и все их имена,
Что бы ни случилось с каждой из сторон,
Ни один срок не разлучит этот союз;
Ни сила, ни судьба не развяжут моих обетов,
Чтоб поколебать непоколебимый настрой моего ума".

Древние поэты и ораторы осуждают лжесвидетельство в самых резких выражениях и говорят об этом преступлении как о самом одиозном.

БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВО.

Будущее состояние, в которое верили греки, в определенной степени состояло из наград и наказаний. Однако предполагалось, что души большинства умерших спускаются в царство Ха'дес, где они остаются безрадостными призраками, лишь тенями своих прежних сущностей, лишенными душевной бодрости, и, подобно призракам североамериканских индейцев, преследуют с мечтательной пустотой пустые образы своих прошлых занятий и удовольствий. Так безрадостны сумерки нижнего мира, что призрак Ахилла сообщает Улиссу, что он предпочел бы жить самым жалким наемником на земле, чем быть обреченным на существование в нижних тенях, пусть даже в качестве суверенного правителя там. Ахилл спрашивает его.

"Как осмелился ты спуститься во мрак
Аида, где тени мертвых,
Где обитают одни лишь *формы, лишенные разума?*"

И когда Улисс пытается утешить его, напоминая, что и там он был верховным над всеми своими собратьями, он получает такой ответ:

"Знаменитый Улисс! Не думай, что смерть - тема
утешения: Я бы предпочел жить
Подневольным оленем по найму, и есть хлеб
Скудный хлеб того, кто сам себя содержит,
Чем властвовать над всеми тенями империи".
-*Odyssey*, by COWPER, B. XI.

Но даже в Аиде проводится различие между хорошими и плохими людьми, ибо там Улисс застаёт Миноса, раннего законодателя Крита, возвышающегося над собравшимися тенями в качестве судьи, оправдывающего справедливых и осуждающего виновных.

Он возвышается на троне, внушающем трепет,
Суровый Минос размахивает булавой из полированного золота;
Вокруг стоят десять тысяч тысяч призраков,
Через широкий купол Диса, трепещущая группа;
Пока они умоляют, он бросает роковой жребий,
Отпускает праведников и обрекает на гибель виновные души.
-Одиссея, автор POPE, В. XI.

Виды наказаний здесь, как и следовало ожидать, носят сугубо земной характер и могут рассматриваться скорее как отражение человеческих страстей, чем как моральное возмездие богов. Так, Танталус, помещенный по подбородок в воду, которая постоянно стекала с его губ, мучился от неутолимой жажды, а плоды, висевшие вокруг него, постоянно ускользали от его взгляда. История Тантала хорошо изложена ПРОФЕССОРОМ БЛЭККИ следующим образом:

Тантал.

О Тантал! Ты был человеком
Более блаженным, чем все с тех пор, как земля начала
Свой изнурительный путь;
Но, попав в рай, подобно Еве,
Ты сплел свое собственное проклятье,
Без помощи дьявола.
Увы! Я боюсь рассказывать твою историю;
Ты в глубочайшем омуте ада,
И останешься там навсегда.
Почему? Когда ты на возвышенном месте
Сидел и ел бессмертное мясо
С Джовом, щедрым дарителем,
Боги перед тобой развязали языки,
И много веселых баллад спели,
И все свои тайны открыли
В твоё смертное ухо.

Далее поэт описывает сплетни, удовольствия, ревность и скандалы на Олимпе, которые слышал и видел Тантал, и продолжает следующим образом:

Но неумный он такой милости удостоился;
И, с развратным лепетом,
Он тайны небесные разглашал
Сквозь весь людской сброд,
И насытил жадность болтунов тщеславных
Небесным скандалом,
И давал каждому жадному уму
И развратному языку рукоять
Против богов. За этот великий грех,
По велению праведного Джова,
В адском черном бассейне по самый подбородок
Жаждающий король стоит:
С пересохшим горлом он жаждет пить,
Но когда он наклоняется, чтобы глотнуть,

Завистливые волны отступают,
И обманывают его жаждущие губы.

Подобное наказание постигло и Сиси-фуса, "хитрейшего из людей", как называет его Гомер. Он был приговорен к тому, чтобы катить огромный камень на холм, но это оказалось бесконечным, все еще начинающимся трудом, потому что, как только камень достигал вершины, он снова скатывался на равнину. Так и Икс-и'он, "Каин Греции", как его прямо называют, - первый проливатель родственной крови - был обречен быть пристегнутым медными кольцами к вечно вращающемуся огненному колесу. Но самым утонченным мучением, подобным тому, которому подвергся Прометей, было мучение великана Тит'иуса, которого положили на спину, а стервятники постоянно питались его печенью, которая вырастала заново так же быстро, как и съедалась.

СПУСК ОРФЕЯ.

Лишь однажды мы узнаем, что эти мучения прекратились, когда музыкант Орфей с лирой в руках спустился в нижний мир, чтобы вернуть свою любимую жену, потерянную Эу-рид'и-це. Под музыку его "золотой раковины" Тантал забыл о жажде, Сизиф отдохнул от трудов, колесо Иксиона остановилось, а Титий перестал стонать. Поэт Овид так описывает чудесные эффекты мастерства музыканта:

Сами бескровные тени внимание хранят,
И, молча, как будто сострадательно плачут;
Даже Тантал свой поток не жаждет,
И не летит поток, и не преследует его:
Иксиона дивное колесо свой вихрь задерживает,
И прожорливый стервятник, очарованный, следит;
Не оплакивают больше бельцы свой труд,
И Сизиф, откинувшись, сидит, слушая, на камне".
-Перевод КОНГРЕВА.

Перевод Поупа этой сцены из "*Илиады*" отличается особой мелодичностью:

Но когда, сквозь все адские пределы
Что пламенный Флегетон окружает,
Любовь, сильную, как смерть, поэт повел
К бледным народам мертвых,
Какие звуки раздавались,
Какие сцены представали,
Над всеми унылыми берегами!
Ужасные отблески,
Ужасающие крики,
пылающие пожары,
Крики горя,
Угрюмые стоны,
Полые стоны,
И крики измученного призрака!!!

Но вот он ударяет по золотой лире;
И видите! Измученные призраки дышат!

Видите! Тенистые формы продвигаются вперед!
Твой камень, о Сизиф, стоит неподвижно,
Иксион опирается на свое колесо,
И танцуют бледные призраки;
Фурии опускаются на свои железные ложа,
И змеи, распускаясь, висят вокруг их голов.

Греки также верили в Элизиум - некий далекий остров в океане, вечно охлаждаемый освежающими бризами и где царит вечная весна, куда после смерти переносились блаженные и где им позволялось наслаждаться своей счастливой судьбой. В четвертой книге "Одиссеи" морской бог Протей, предсказывая Менелаю более счастливую участь, чем в Аиде, так описывает Елисейские равнины:

Но, о возлюбленный Небес, тебе уготован
Более счастливый жребий улыбчивые судьбы уготовили:
Свободен от того закона, под чьей властью смертный
Материя изменяется, а формы распадаются,
Элизиум будет тонок - блаженные равнины
Предельной земли, где царствует Радаман.
Радости вечно юные, без боли и страха,
Заполнят широкий круг вечного года.
Суровая зима улыбается этому благоприятному краю;
Поля цветут неувядающим цветом;
С мрачного полюса не дуют ветры ненастные,
ни град, ни хлопья снега;
Но из ветреной глубины блаженные вдыхают
Ароматный рокот западного ветра.
-POPE'S *Trans*.

Аналогичные взгляды выражает лирический поэт Пиндар в следующих строках:

Все, чья непоколебимая добродетель трижды
По обе стороны могилы неизменна,
Невоспитанные, не запятнанные пороком.
Они, по таинственной дороге Джова,
Переходят в царство покоя Сатурна.
Счастливый остров, где живут блаженные;
Где морской бриз нежно дует
Над цветами золотыми, что вокруг них сияют,
Которые природа, даруя ручьи и берега
Или с дерева доброго, обильно осыпает;
Когда они срывают множество ароматных лент,
И оплетают свои локоны неувядающими цветами.
-Перевод А. Мура.

Между мифологией ранних греков и мифологией многих азиатских народов так много сходства, что мы приводим здесь предполагаемые размышления индусского принца и скептика на великую тему будущего состояния существования, чтобы завершить наш краткий обзор религиозных верований древних. Среди азиатских народов можно найти рассказы о сотворении мира и о множестве богов, добрых и злых, причем все они не уступают греческим мифам; и хотя среди простых людей преобладали самые дикие и грубые

суеверные фантазии, скептицизм и атеистические сомнения, как известно, были почти всеобщими среди ученых. Поэтому поэма, которую мы приводим в этой связи, хотя и является индуистским творением, может быть принята не только как изображение индуистского сомнения и уныния, но и как верная картина тревоги, сомнения и почти полного отчаяния не только древних греков, но и всего языческого мира в отношении судьбы человечества.

Индусский скептик говорит нам, что с тех пор, как человечество начало свой род на этой земле, оно ищет "знаки и шаги Бога"; и что в мистической Индии, где божества парят и роятся, а миллионы святилищ стоят открытыми, с их мириадами идолов и легионами бормочущих жрецов, человечество все еще блуждает во тьме; все еще слушает и пока тщетно надеется на послание, которое скажет, что означают чудеса творения и к чему они ведут; Тщетно ища убежища от бедствий жизни и покоя за ее пределами для усталых и обремененных, он обращается к обожествленным героям своей расы, и хотя он долго смотрит и поклоняется в поисках разгадки тайн жизни, он тщетно ждет ответа, ибо их мраморные лица никогда не расслабляются в ответ на его молитвы и мольбы; и он скорбно говорит: "Увы! ибо боги немы". Стрелы смерти падают все так же уверенно, как и прежде, пущенные невидимой Силой и неведомой рукой; а за завесой - лишь безвестность и мрак.

I.

По всему миру, я удивляюсь, в землях, по которым я никогда не ступал,
неужели люди вечно ищут знаки и шаги Бога?

На запад через океан и на север за снегами,
Все ли они стоят и смотрят, как всегда? И что знают самые мудрые?

II.

Здесь, в этой мистической Индии, божества витают и роятся.
Как дикие пчелы в верхушках деревьев или порывы надвигающейся бури;
В воздухе слышны их голоса, видны их ноги на скалах,
И все же мы говорим: "Откуда послание и что означают эти чудеса?
чудеса?"

III.

Миллион святилищ открыты, и вечно кадиланица качается,
Когда они склоняются перед мистическим символом или фигурами древних королей;
И фимиами вечно возносится, и бесконечный плач
тех, кто отягощен, и трусов, не желающих умирать.

IV.

Ибо судьба сводит нас вместе, как оленей на перевале холмов:
Над нами - небо, а вокруг - звук и выстрел, который убивает.
Нас толкает сила, которой мы не видим, и поражает неведомая рука,
Мы молим деревья об укрытии и прижимаемся губами к камню.

V.

Деревья машут тенью в ответ, А камень хмурится впало и мрачно,
И вид, и кивок демона в сумерках тусклых;

И мы смотрим на солнечный свет, падающий вдали на горный гребень...
Неужели никогда не найдется тропинка, ведущая вверх, чтобы найти там убежище и отдых?

VI.

Путь - ах, кто его указал, и кто верный проводник?
Пристанище - ах, кто его знает? Ведь крут горный склон.
Ибо вечно бьют выстрелы, и вечно дыхание впустую
Молящейся толпы, в ответ лишь смерть!

VII.

Вот могилы моих сородичей, первых из древнего рода.
Вожди, убитые на поле брани, и женщины, погибшие в огне.
Они - боги, эти короли предков, они - духи, охраняющие наш род:
Вечно я смотрю и поклоняюсь им - они сидят с мраморным лицом.

VIII.

И мириады идолов вокруг меня, и легион бормочущих жрецов...
Пиршества и обряды нечестивые, темные, невыразимые пиры...
Что они извлекли из тишины? Дошел ли хоть один шепот
о тайне, откуда и куда? Увы, боги немые.

Не получив ответа от религиозных наставников своей страны, он обращается к стране, где
живут англичане - нынешние правители Индии, и спрашивает,

IX.

Должен ли я прислушаться к словам англичан, пришедших из-за самого дальнего моря?
"Тайна, поведана ли она тебе? И что ты мне скажешь?"
Это не что иное, как история всего мира, как возникли земля и небеса.
О том, как боги радуются и гневаются, а божество когда-то было человеком.

И вот он собирает вокруг себя мантию сомнений и уныния; он спрашивает, не является ли
жизнь, в конце концов, лишь сном и заблуждением, в то время как перед ним все время
встает другой вопрос: *"Где проснется сновидец?"*

X.

Я подумал: "Возможно, в городах, где обитают правители Индии,
чьи приказы приходят из дальних стран, кто опоясывает землю заклинанием,
Они постигли глубины, по которым мы плывем, или измерили неведомую гладь..."
С грустью они отказываются от затей и говорят, что поиски напрасны.

XI.

Так неужели жизнь - это сон и заблуждение? И где проснется тот, кто видит сон?
Разве мир похож на тени на воде? А если зеркало разобьется?
Пройдет ли он, как лагерь, который разбили, как шатер, который собрали и ушли.
С песков, которые накануне освещались лампами, а утром стали ровными и одинокими?

XII.

Нет ли чего в небесах над головой, откуда сыплется град и левин,
Но ветер, что носится вокруг нас в порыве катящегося мира...
Ветер, что развеет мой прах, и унесет меня в тишину и сон,
С диргом, звуками причитаний и голосами плачущих женщин?
-The Cornhill Magazine.

Каким комментарием ко всем этим сомнениям и унынию служат размышления христианина, который, "поддерживаемый и успокаиваемый непоколебимым доверием", приближается к своей могиле.

Как тот, кто окутывает драпировкой свою кушетку
И ложится в приятные сны!
-БРАЙАНТ.

II. САМЫЕ РАННИЕ ЖИТЕЛИ ГРЕЦИИ.

Самые ранние достоверные сведения, которыми мы располагаем о стране под названием Греция, представляют ее как владение нескольких грубых племен, из которых пеласги были самыми многочисленными и могущественными, и, вероятно, самыми древними. О раннем характере пеласгов и о степени цивилизации, которой они достигли до предполагаемого основания Аргоса, мы имеем неудовлетворительные и противоречивые сведения. С одной стороны, их представляют не лучше самых грубых варваров, живущих в пещерах, питающихся рептилиями, травами и дикими фруктами и незнакомых с простейшими искусствами цивилизованной жизни. Другие и более достоверные традиции, однако, приписывают им знание сельского хозяйства и некоторое знакомство с мореплаванием; в то же время существует большая вероятность того, что именно они были авторами тех огромных сооружений, которые обычно называют циклопическими, остатки которых до сих пор видны во многих частях Греции и Италии, а также на западном побережье Малой Азии.

Аргос, столица Арголиды, обычно считается самым древним городом Греции, а его предполагаемое основание Ин'ахусом, сыном бога О-це'ана, за 1856 лет до христианской эры, обычно относят к периоду начала греческой истории. Но массивные циклопические стены Аргоса явно свидетельствуют о пеласгическом происхождении этого места, в противовес традиционному финикийскому происхождению Инаха, само существование которого весьма проблематично. Действительно, хотя многие традиции греков указывают на противоположный вывод, рассказы, которые обычно приводятся о ранних иностранных поселенцах в Греции, которые основали там колонии, династии, построили города и привнесли знания искусств, неизвестные более грубым туземцам, должны быть восприняты с большой долей преувеличения. Цивилизация греков и развитие их языка носят все признаки домашнего роста и, вероятно, мало подверглись иностранному влиянию. Тем не менее, многие из этих традиций чрезвычайно интересны и приобрели большую известность. Одна из самых знаменитых - та, что описывает основание Афин, одного из знаменитых греческих городов.

ОСНОВАНИЕ АФИН.

Говорят, что египтянин Се'кропс привел колонию из Дельты в Грецию около 1556 года до н. э. Через два года он отправился в Аттику, опустевшую от потопа за столетие до этого, и там, как говорят, основал на скале Кекропий - Акроп'олис - город, который при следующих обстоятельствах назвал Афинами, в честь греческой богини Ате'на, которую римляне называли Минервой.

Согласно древней аттической легенде, примерно в это время боги начали выбирать среди человеческих жилищ излюбленные места для своего обитания; и какой бы город ни выбирал бог, он давал ему защиту, и там этому божеству поклонялись с особым почтением. Случилось так, что Нептун и Минерва боролись за главенство над новым городом, основанным Цекропом, и Цекроп был сильно обеспокоен этим спором, так как не знал, какому божеству воздавать почести. Тогда Юпитер созвал совет богов, и они решили, что верховенство должен получить тот, кто одарит благосклонный город самым большим даром. История этого состязания рассказана ПРОФЕССОРОМ БЛЭККИ в следующих стихах.

Меркурий, вестник богов, посланный к Цекропу, сообщает ему о решении совета:

"На вершинах Олимпа, ярко-снежных,
Боги собрались сегодня на совет,
Гнев Посейдона, могучего широкогрудого,
Против Палласы, девы, потрясающей копьем, унять.
И вот они постановили: Посейдон оскорблен.
А Паллас должна принести дар месту:
На холме Эрехтея распря закончится,
Когда она своим копьем, а бог своей булавой
Ударят по быстрому камню; и боги вынесут
Приговор, как справедливость назначит; и ты
Увидишь, как город твой любимый навеки утвержден,
С Джовом в качестве судьи и Стиксом в качестве клятвы".

Так боги собрались в присутствии самого Кекропса на "холме Эрехтея" - впоследствии известном как афинский Акрополь, чтобы стать свидетелями суда между соперничающими божествами, описанного следующим образом. Сначала Нептун ударяет своим трезубцем по скале:

Прикосновение его трезубца - чудо!
Добродетель на землю от его божества течет;
Из расселины кремнистой скалы, расколовшейся на части,
Темноводный фонтан буйно расцвел.
Упруго, с воздушной легкостью
Он прыгал, пока не обманул зрение; и вот!
Он показался на солнце, с разнообразной яркостью,
Тончайшие оттенки небесного лука.
"Вода лучше всего!" - вскричал могучий, широкогрудый
Посейдон; "О Кекропс, я предлагаю тебе
Прокатиться на спине коней с пенными гребнями.
Которые вскидывают свои дикие гривы на огромном вздымающемся море.
На пути вод ты начертишь шар,
Для кораблей твоих будут свободны порты дальнего океана;
Морские острова будут считаться дочерьми твоими,
Жемчужины Востока будут собраны для тебя!"

Так Нептун предложил в качестве своего дара, символизируемого соленым источником, который он вызвал из скалы, владычество над морем со всеми богатствами и славой, которые проистекают из неограниченной торговли с чужими землями.

Но теперь Минерве предстояло пройти испытание:

И тогда боги, с громкими песнопениями,
Но Юпитер утихомирил многоголосый шум;
"Ибо теперь с владыкою моря Эгеаном
Афина будет бороться за город", - вскричал он.
"И она пришла, подобно Аполлону,
Безмятежная, с красотой, которую дарит зрелая мудрость;
Ясный взор и уверенная рука.
След дальновидной цели - все это было ее.
Крепко стоит она в отцовской броне,
И крепко держит в руке сильное копье;
Но дикими гончими войны она повелевает со спокойной силой,
И сражается лишь для того, чтобы закрепить мир на земле.
Целомудренно подошла голубоглазая и, оглядев
Совет мудрых богов без страха,
Повинуясь кивку своего высокородного отца,
Она ударила по серой скале своим копьем с прекрасным наконечником.
И вот от прикосновения девы чудо!
Добродетель на землю от ее божества течет:
Из расселины в скале, расколовшейся на части,
Оливковое дерево, зеленое, пышное, росло.
Зеленая, но бледная, как дева с глазами,
Нежная, от полнокровной похоти далекая;
Не надо пышных красок, чтоб гордость грубая в них проступала,
Ни багрянца, чтоб знамена войны расцветить.

Боги молча, спокойно совещались,
Размышляли над фонтаном и размышляли над деревом;
И сердце Посейдона, с большим ожиданием,
трепетало, пока великий Иов не произнес указ:
"Сын отца моего, ты, могучий, широкогрудый
Посейдон, верна гибель, которую я произношу;
Велика мощь твоих волн с пенистыми гребнями.
Когда они бьются о белые стены кричащего моря;
Велика гордость кия, когда он танцует,
Нагруженный богатством, над легкой волной.
Когда Восток к Западу, весело плывя, продвигается,
С мудрым словом и помощью храбрых.
Но земля, твердая земля - дом смертного.
Чтоб жить, и чтоб жить, чтоб трудиться;
И зелень оливкового дерева обвивает венки его портала.
Кто мирно добывает свой хлеб из земли".
Так говорил Юпитер; и к небу небесный совет
И бог морской в море уплыл;
Но Афина дала Афинам свое имя, и земная
Радость из масла зеленой маслины.

Таким образом, Джов принял решение в пользу мирных занятий промышленностью на земле, в противовес более заманчивым обещаниям, но неопределенным результатам торговли, преподав тем самым урок политической экономии: народ, состоящий из одних купцов и пренебрегающий возделыванием земли, никогда не сможет стать великой и

могущественной нацией. Так Минерва, богиня мудрости и покровительница всех гуманитарных искусств и наук, стала божеством-покровительницей Афин. Состязание между ней и Нептуном было изображено на одном из фронтонов Парфенона.

Об истории Афин на протяжении многих веков после их предполагаемого основания Хекропом у нас нет точных сведений, но вполне вероятно, что примерно до 683 г. до н. э. ими правили цари, как и всеми другими греческими государствами. Из этих царей наиболее известны имена Тесея и Ко'друса. Первому приписывают объединение двенадцати государств Аттики в единое политическое тело со столицей в Афинах и другие важные государственные деяния, которые снискали ему любовь афинского народа. Обратившись к дельфийскому оракулу по поводу своего нового правления, он, как говорят, получил следующий ответ:

Из царских стеблей проистекает честь твоя, Тесей;
Возлюбленный Богом, верховный сын царей.
Видишь растущие города, видишь обширные государства,
От тебя зависящие, спроси об их будущих судьбах!
Отсюда, отсюда со страхом! Твой любимый корабль будет плыть
В безопасности над всплесками пенистого прилива.

Примерно через полвека после Сесропа другой египтянин, по имени Дан'а-ус, как говорят, бежал в Грецию с семьей из пятидесяти дочерей и основал вторую египетскую колонию в окрестностях Аргоса. Впоследствии он стал царем Аргоса, а его жители стали называться Дан'а-и. Примерно в то же время финикиец Кадм привел колонию в Беотию, захватив с собой финикийский алфавит, ставший основой греческого, и основал Кадмею, которая впоследствии стала цитаделью Фив. Считается, что еще одну колонию привел из Азии Пелопс, от которого южный полуостров Греции получил название Пелопоннес, и чьим потомком был Агамемнон, царь Микинеи. Примерно в это время на юге Фессалии впервые появился народ под названием *эллины* - но точно ли это пеласгическое племя, неизвестно - и, постепенно распространившись по всей стране, стал, благодаря своему воинскому духу и активному, предприимчивому гению, правящим классом и наложил новые черты на греческий характер. Эллины дали свое имя населению всего полуострова, хотя термин "*греки*" был впоследствии применен к ним римлянами.

В соответствии с греческим обычаем приписывать происхождение своих племен или народов какому-то отдаленному мифическому предку, Хеллен, сын сказочного Девка'лиона и Пирры, представлен как отец эллинского народа. Его тремя сыновьями были И'о-лус, До'рус и Сю'с, от двух первых из которых, как считается, произошли иолийцы и дорийцы, а от Ахе'нас и И'он, сыновей Ксута, - ахейцы и ионийцы. Эти четыре эллинских или греческих племена отличались друг от друга многими особенностями языка и институтов. Эллин, как говорят, оставил свое царство Эолу, своему старшему сыну; племя эолов распространилось наиболее широко и долгое время оказывало наибольшее влияние на дела народа; но в более поздний период оно было превзойдено славой и могуществом дорийцев и ионийцев.

III. ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЕК.

Период с момента первого появления эллинов в Фессалии до возвращения греков из похода на Трою - около двухсот лет - обычно называют героическим веком. Это период, изобилующий великолепными вымыслами о героях и полубогах, охватывающий, в частности, двенадцать чудесных трудов Геракла, подвиги афинского царя Тесея и Миноса, царя Крита, основателя греческого права и цивилизации; события экспедиции аргонавтов, Фиванская и

Арголическая войны, приключения Беллерофона, Персея и многих других; и в завершение - Троянская война и предполагаемое падение Трои. Похоже, это были те времена, которые архангел Михаил предсказал Адаму, сказав,

Ибо в те дни будет восхищаться только сила,
И доблесть и геройство призваны:
Побеждать в битвах, покорять
Народы, и приносить домой трофеи с бесконечным
И приносить домой трофеи с безмерной жестокостью, Будет высочайшей вершиной
человеческой славы; и, за славу совершенную,
С триумфом называться великими завоевателями,
Покровителями человечества, богами и сыновьями богов.
Разрушителями, которых по праву называют, и чумой для людей.
-Paradise Lost, B. XI.

ТРУДЫ ГЕРКУЛЕСА.

Двенадцать тяжких трудов знаменитого героя Геракла, сына Юпитера от дочери одного из первых микенских царей, по преданию, были навязаны ему врагом Эврисфеем, воле которого Юпитер, побуждаемый обманом Юноны и фурии-богини А'те, и невольно связанный клятвой, сделал героя покорным на двенадцать лет. Юпитер скорбел о сыне, но, не в силах вспомнить о клятве, он наказал Ате, сбросив ее с Олимпа в нижний мир.

Горе охватило Громовержца, с которым он поклялся;
Уязвленный до глубины души, он скорбел и бушевал.
С головы его, где она восседала,
Он схватил фурию, богиню спора:
Страшную, бесповоротную клятву он дал,
Бессмертные места не должны больше видеть ее;
И с вихрем бросилась она вниз, навеки изгнанная
С яркого Олимпа и звездного неба:
И на нижний мир обрушилась ярость,
И в мир низменный, где жить ей суждено.
Много раз бог оплакивал тяжкие труды своего сына,
Проклинал безрассудство и втайне стонал.
-HOMER's *Iliad*, B. XIX. Перевод Папы Римского.

Ниже вкратце перечислены двенадцать трудов, приписываемых Гераклу: 1. Он задушил льва Нея и с тех пор носил его шкуру. 2. Он уничтожил лернейскую гидру, у которой было девять голов, восемь из которых были смертными, а одна - бессмертной. 3. Он привел к Эврисфею оленя, который славился невероятной быстротой и золотыми рогами. 4. Он привел в Микены дикого вепря Эримана и убил двух кентавров, чудовищ, которые были наполовину людьми, а наполовину лошадьми. 5. Он за один день очистил Авгиевы конюшни, изменив русла рек Алфея и Пенея. 6. Он уничтожил плотоядных птиц озера Стимфа'лус в Аркадии. 7. Он привез в Пелопоннес огромного дикого быка, который разорял Крит. 8. Он привез из Фракии кобыл Диомеи, которые питались человеческой плотью. 9. Он добыл знаменитый пояс Гипполаи-те, царицы амазонок. 10. Он убил чудовище Ге'ри-он, которое имело тела трех мужчин. 11. Он принес из сада Геспер'и-деса золотые яблоки и убил дракона, охранявшего их. 12. Он спустился в нижние области и привел на землю трехголового пса Цер'беруса.

Благосклонность богов полностью вооружила Геракла для его начинаний, а его огромная сила позволила ему выполнить их. Принято считать, что вся эта басня о Геракле - лишь

причудливое изображение солнца в его прохождении через двенадцать знаков зодиака, в соответствии с финикийской мифологией, из которой, как предполагается, и происходит легенда. Таким образом, Геркулес - бог солнца. В первый месяц года солнце проходит через созвездие *Льва*, и в своих первых схватках герой убивает Немейского льва. Во втором месяце, когда солнце переходит в знак *Девы*, появляется вытянутое созвездие *Гидры*, звезды которой, как множество голов, поднимаются одна за другой; поэтому во втором труде Геракл уничтожает лернейскую гидру с ее девятью головами. Подобным образом объясняется вся легенда. Однако, помимо этих двенадцати трудов, Геракл, как говорят, по собственному почину добился и других; об одном из них рассказывается в басне о Геракле и Антее, в которой олицетворяются силы искусства и природы.

БАСНЯ О ГЕРКУЛЕСЕ И АНТЕЕ.

Антей - сын Нептуна и Терры, правивший Ливией, или Африкой, и живший в лесной пещере, - был настолько знаменит своей титанической силой и мастерством борьбы, что решил покинуть свое лесное убежище и вступить в поединок с прославленным героем Гераклом. Пока Антей стоял на земле, его не могли одолеть, тогда Геракл поднял его в воздух и, сжав в объятиях до смерти, бросил вниз; но когда Антей коснулся своей матери-земли и лег на ее лоно, ему вернулись жизнь и сила.

В этой басне Антей, олицетворяющий лесное уединение и пустынную африканскую пустошь, легко побеждается своим противником, олицетворяющим реку Нил, которая, разделенная на тысячу рукавов, или оросительных каналов, не позволяет засушливому песку уноситься прочь, а затем возвращаться обратно под действием ветров, опустошая плодородную долину. Таким образом, легенда - это не что иное, как триумф искусства и труда, отвоевывающих власть над лесным одиночеством и наступающими песками пустыни. Один английский поэт очень удачно передал дух этой легенды, приложив к ней подходящую мораль, несомненно, навеянную предупреждением о его собственной приближающейся печальной судьбе[Сноска: Этот талантливый поэт, Мортимер Коллинз, умер в 1876 году в возрасте сорока девяти лет, став жертвой чрезмерного литературного труда и беспокойства].

Глубокий смысл заключался в этой басне. Люди
Смотрели тогда на землю более ясным взором,
В одиночестве созерцали бессмертные Силы,
И отмечали следы быстроскрылых Часов.
Поскольку она никогда не меняется, все могут вынести
Бремя кругосветного воздуха;
Поскольку он никогда не прекращается, никто не может услышать
Музыку вечно катящейся сферы.
Никто, кроме поэта, который в болоте и лесу
Ведет беседу с духом одиночества.

И я помню, как Антей услышал,
В глубине великих дубрав, таинственное слово.
Которое гласило: "Иди через небритый лесок
Чтобы встретить непобедимого Геракла".
Покидая свою пещеру у кедровой рощи,
этот Титан из первобытной расы людей,
Которого боялись львы и который мог разорвать
Огромные дубы на части, на бой вышел.
Мужество несокрушимо. Полный гигантской грации,

Возведенный, как бы, из гранитного основания земли.
Колоссальный, железом прокованный, он твердо ступал
по лужайкам. Как тщетно против полубога!
О, горе поражения! Он погружается далеко
В свои леса, где глубокие тени,
И не доносится шум ветра, и мрак
сосен и кедров, кажется, создал гробницу
Для павших амбиций. Смертный лежит.
Кто осмелился безумно воевать с бесстрастными небесами,
Но вот он уже погребен в папоротниках,
Поверженный гигант жаждет забвения,
Проклиная свою человеческую слабость, он чувствует
Внезапный импульс новой силы, который исцеляет
Его гневные раны; он вновь обретает бодрость.
Его кровь весело танцует в его жилах.
Свежая сила, свежая жизнь - он покоится
На щедрой груди доброй Герты".
[Сноска: *Герта*, богиня древних германцев,
то же, что и Терра, или Земля. Ее любимым пристанищем
была священная роща на одном из островов океана].

Так и ты, о поэт, миром покоренный,
Восстанови свое здоровье в совершенном уединении.
В шумных городах, вдали от холмов и деревьев,
Драчливый полубог, суровый Геркулес,
способен ранить твой спокойный дух.
Чтобы каждый час подавлять твои радостные инстинкты,
Утомлять тебя бедами смертных,
Красное золото (чеканная ненависть) и меч тирана.

Тогда - тогда, о печальный Антей, ты будешь тосковать
По густым зеленым лесам и душистому папоротнику;
Тогда расстели свою форму на лугу и отдохни
От мирских трудов на милостивой груди Герты;
Окупись в пенящуюся реку или раздели
Счастливые руки седого океана,
И каждый уединенный час наслаждаться
Бессмертной красотой и бессмертной силой,
Ты сможешь избавить мир от буфетов
И жить титаном самой ранней расы Земли.
-МОРТИМЕР КОЛЛИНЗ.

ЭКСПЕДИЦИЯ АРГОНАВТОВ.

Из того, что, вероятно, было морским приключением, в ходе которого была разграблена какая-то богатая страна в период, когда мореплавание у греков только зарождалось, мы получили басню об экспедиции аргонатов. Общепринятая история этой экспедиции такова: Пе'лиас, потомок И'о-луса, мистического прародителя великой эолийской расы, лишил своего сводного брата И'сына царства Иолкус в Фессалии. Когда Ясон, сын Эсона, достиг совершеннолетия, он предстал перед своим дядей и потребовал трон. Пелий согласился только при условии, что Ясон сначала поймает и принесет ему золотое руно барана, который

унес Фрикса и Хелле, когда они бежали от своей мачехи И'но. Хелле упала в море между Сигем и Херсонесом, получившим от нее название Геллеспонт; Фрикс же сумел добраться до Колхиды, страны на восточной оконечности Эвксинского, или Черного, моря. Здесь он принес в жертву барана, а руно прибил к дубу в роще Марса, где его охранял бессонный дракон.

Вместе с главными героями Греции, среди которых был и Геракл, Ясон отплыл из Иолка на корабле "Арго", предварительно обратившись к Юпитеру, ветрам и волнам с просьбой об успехе экспедиции. Церемония по этому случаю, описанная поэтами, напоминает современный рассказ о "крещении корабля", но мы, кажется, утратили всю значимость этого действия.

И как только на носу судна
Был повешен якорь,
Тогда вождь на нос поднялся
В руках золотой кубок,
И к великому отцу Джову воззвал;
И на ветры и воды все
Понесся стремительный ветер,
И на ночи, и на океанские пути,
И в прекрасные благоприятные дни,
И сладостное возвращенье наконец.

Из облаков, в ответ на это,
Раздался голос грома,
И, сверкая лучами вокруг,
Вспыхнула молния пламенем.
Вожди вздохнули свободно, и по знаку
Поверили в божественную силу.
Провидец, возлагая надежды, зывал
Вперёд на вёсла,
И стремительно понеслись назад грубые руки.
Грести без устали.
-ПИНДАР. *Перевод преподобного Х. Ф. КЭРИ.*

После многих приключений Ясон достиг Колхиды, где с помощью магии и сверхъестественных искусств, а также благодаря благосклонности Ме-деа, дочери колхидского царя, ему удалось захватить руно. После четырех месяцев непрерывных опасностей и бесчисленных лишений Ясон вернулся в Иолк с призом в сопровождении Медеи, которую он впоследствии бросил и чья дальнейшая история рассказана поэтом Еврипидом в его знаменитой трагедии "*Медея*".

Из легенды об аргонавтах выросла легенда о юноше Хиласе, участнике экспедиции и сыне царя Мисии, страны в Малой Азии. Хилас был очень любим Гераклом. На побережье Мисии аргонавты остановились, чтобы набрать воды, и Хилас, сойдя с судна один с урной для той же цели, воспользовался случаем, чтобы искупаться в реке Скамандер, под сенью горы Ида. Накинув на урну пурпурную хламиду, он спускается в воду, где его подхватывают нимфы потока и, несмотря на все его усилия и уговоры, уносят "с полуденной яркости в свои темные пещеры в глубине". Геракл отправился на поиски Хайласа, а корабль отплыл с места стоянки

без него. Мы имеем точное и прекрасное воспроизведение этой греческой легенды, как по теме, так и по духу, в поэме Бэйярда Тейлора, из которой взяты следующие выдержки:

Гилас.

Измученный бурей "Арго" спал на воде.
Ни облачка не было видно: на синей и скалистой Иде
Жаркий полдень, и на равнинах эмаль;
В одиночестве прохлаждался на своем ложе стремительный Скамандр.
"Зачем мне спешить?" - сказал молодой и румяный Хилас;
Море бурное, а путь из Колхиды долог.
Под белоснежным навесом дремлет Ясон,
Опираясь на свою прирученную фессалийскую пантеру;
Щиты сложены, весла подвешены
На черных таях, и все волосатые кабатчики
дремлют на скамьях. Пусть ждут воды
Пока я не искупаюсь в горном Скамандере".

Он увидел свои великолепные конечности, отраженные в зеркале
в неподвижной волне, и вытянул ногу, чтобы прижать ее
на гладкую подошву, откликнувшуюся на поверхности:
Увы! Фигура растворилась в сверкающих осколках.
Тогда, сначала робко, он нырнул и, уловив
быстрое дыхание, со звенящей дрожью, когда воды
закручивались вокруг его конечностей, и все глубже, медленнее, глубже,
Пока на его грудь не легла щека реки;
И еще глубже, пока каждая прибрежная рябь
говорила ему на ухо, и, как грудь синички.
Его белое, круглое плечо омывал капельный хрусталь.

И вот, когда он плыл в восторженном движении,
Прозрачная прохлада сомкнулась вокруг него,
И лилейная рябь шептала: "Хайлас!"
Он стряхнул с ушей гиацинтовые
Локоны, что лежали на воде,
А рябь все еще журчала: "Хайлас! Хайлас!"
Он подумал: "Эти голоса - всего лишь музыка для ушей.
Пан живет не здесь, и Эхо все еще зовет его
С высокой скалы, что над фракийской долиной;
Так долго слух мой, на бушующем Геллеспонте
Слышал, как морские волны бьют в лоб Арго,
что я принимаю рифление этого течения
За какую-то потерянную нимфу" - и снова рокот: "Хилас!"

Звук, доносившийся из лилий, был голосом морских нимф, призывавших его отправиться с ними в странствия...

"Вниз, под зеленый полупрозрачный потолок...
Где на песчаном ложе старого Скамандера
С прохладными белыми бутонами мы заплетаем наши пурпурные локоны,
Убаюканные бурлящими волнами вокруг нас".

На все их уговоры Хилас восклицает:

"Оставьте меня, наяды!

Оставьте меня!" - взывает он. "*День для меня дороже*

Чем все ваши пещеры в тиши океана.

Я бы не изменил этому гибкому, теплому существованию,

Хоть бури и грозы, и грозные громы,

чтобы стать царем под темно-зелеными водами.

Позвольте мне вернуться! Ветер спускается с Иды,

И скоро галера, пробудившись от дремоты,

Поплывет туда, где Пелиона сумрачная тень

Падает на башни морского города Ясона.

Я не твоя - я не могу заплетать лилии

В твои мокрые волосы и на твои золотые груди.

Закрыть глаза, чтобы услышать ваши зыбкие голоса.

Мне ненавистен твой сладкий, холодный, хрустальный мир.

Твой мир водной тишины. Помоги, Аполлон!"

Но уговоры и борьба Хиласа были безуспешны:

Голубые глаза мальчика, поднятые вверх, смотрели сквозь воду.

моля о помощи, но бессмертный небесный лучник

был окутан облаками. Зыбь скрыла его лоб;

И, наконец, густые, яркие кудри на миг поплыли,

Такие теплые и шелковистые, что поток поднял их,

И нехотя закрылся, погрузившись в вечность.

Закат угасал за скалами Имброса.

Арго дергала за цепь, ибо свежий

Подул стремительный ветер, и вскочили беспокойные волны.

Голос Ясона разбудил дремлющих матросов,

И на мачте взметнулся снежный холст.

Но могучий Геракл, рожденный Богом,

Беззаботно стоял у прохладного Скамандра,

Опираясь на свою булаву. Пурпурная хламида

брошенная в урну, - вот и все, что лежало перед ним;

И когда он воззвал, ожидая: "Хайлас! Хайлас!"

Пустое эхо заставило его ответить: "Хайлас!"

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА.

Из всех событий героического периода Троянская война стала самой знаменитой благодаря гению Гомера. Предполагаемые причины войны, вкратце изложенные, таковы: Елену, самую красивую женщину эпохи и дочь Тындала, царя Спарты, искали в жены все греческие князья. Тиндар, озадаченный трудностью выбора одного из женихов без недовольства всех остальных, по совету мудреца Улисса, связал их всех клятвой, что они одобряют беспристрастный выбор Елены и объединятся, чтобы вернуть ее мужу и отомстить за оскорбление, если она когда-нибудь будет похищена. Избранницей Елены стала Менелая, которая вскоре после смерти Тындала заняла освободившийся трон Спарты.

Через три года после этого Парис, сын Приама, царь Илиума, или Трои, посетил двор Менелая, где был радушно принят; но во время временного отсутствия последнего он развратил верность Елены и побудил ее бежать с ним в Трою. Когда Менелай вернулся, он

собрал греческих принцев и приготовился отомстить за нанесенное оскорбление. Объединив свои силы под командованием Агамемнона, царя Микей, брата Менелая, они отплыли с большим войском к Трое. Воображение поэта Эврипида описывает это вооружение следующим образом:

С нетерпением спеша
Я по берегу моря Аулиса шел,
Пока взору моему не предстал воинственный строй
Эллады, вооруженный для могучих дел,
И галеры величественной величины,
Чтоб нести героев по морю;
Тысяча кораблей к Илиону направляется,
И вокруг копыа двух Атридов
Воины клянутся вернуть себе прекрасную Елену.

После десятилетней осады Троя была взята хитростью, и прекрасная Елена была возвращена. Опираясь на причудливую этимологию слова "Елена", происходящего от греческого глагола, означающего "брать" или "захватывать", поэт Эхилус предается следующим размышлениям, описывающим характер и историю этой "греческой девы с копьем".

Кто дал ей имя
столь верное для ее славы?
Провидение ли управляет судьбой слова?
Мечется ли в небесах безглазая власть
Над случайностью языка в час наречения?
Кто дал ей имя,
Эта дочь раздора, эта дочь позора,
Копьеносная дева Греции!
Елена, взявшая имя! Это очевидно,
Похитительница кораблей, похитительница людей,
Похитительница городов!
Из мягких покоев Гимена она бежала,
Дыханием великана Зефира,
И щитоносные толпы в сплоченном строю
Преследовали ее бег по безбрежному пути,
Где быстрое весло
Прекрасную добычу несла
К лиственному берегу Сим'о-ис,
И всколыхнула багровый бой.
-Перевод Блэки.

Согласно Гомеру, главными греческими героями, участвовавшими в осаде Трои, помимо Агамемнона, были Менелай, Ахилл, Улисс, Аякс (сын Теламона), Диомед, Патрокл и Паламеец; среди самых храбрых защитников Трои - Гектор, Сарпеон и Энеас.

Повествование поэта открывается на десятом году осады рассказом о ссоре между двумя греческими вождями - Ахиллом и Агамемноном, в результате которой Ахилл со своими войсками покинул греческую армию. Ахилл обратился за помощью к богам, и Юпитер послал Агамемнону обманчивое видение, чтобы убедить его повести свои войска в бой, чтобы греки осознали свою нужду в Ахилле. Агамемнон сначала хотел выяснить настроение или

расположение армии по поводу предпринятой экспедиции и предложил вернуться в Грецию, на что было получено единодушное и неожиданное согласие, и он двинулся к кораблям. Но благодаря усилиям доблестного и мудрейшего Улисса все недовольство войска было подавлено, и оно вернулось на равнины Трои.

Среди тех, кто в греческом лагере жаловался на своих предводителей и на глупость самой экспедиции, был драчливый, буйный и беспокойный персонаж по имени Терсит, чью дерзость Улисс сурово и действенно обличил. Нижеследующий очерк о Терситесе похож на картинку из современной жизни, а заслуженный упрек, сделанный Улиссом, выдержан в самой счастливой жиле справедливого и патриотического негодования:

Улисс и Терсит.

Терситы только шумели в толпе,
болтливый, громкий и буйный на язык;
Ни стыда, ни уважения не ведая,
В злословии занят, в упреках дерзок;
С язвительной злобой, стремясь опорочить;
Презрение - вся его радость, порицанье - вся его цель;
Но вождя он прославлял, с развратным стилем,
Плеть великих и монархов поносить.

Фигура его была такова, что могла бы рассказать о его душе:
Один глаз моргал, а одна нога была хромой;
Его горные плечи наполовину покрывали его грудь,
Тонкие волосы украшали его длинную голову;
Селезенкой к человечеству завистливое сердце его владело,
И всех он ненавидел, но больше всех - лучших.
Улисс или Ахиллес все еще были его темой;
Но королевский скандал был его высшим наслаждением.
Он долго жил, презирая всех греков,
Когда он говорил, они все равно слышали его речь:
Резким был его голос, пронзительным,
И с вредными насмешками на трон нападал.

Улисс в своем шатре некоторое время выслушивает жалобы, порицания и скандалы против вождей, с которыми Терсит обращается к собравшейся вокруг него толпе, и в конце концов...

С негодованием, сверкающим в его глазах,
Он смотрит на него и сурово отвечает:
"Мир, развратное чудовище, рожденное, чтобы смущать государство.
С талантами, созданными для нечестных дебатов,
Сдерживай свой буйный язык, и не спеши тщеславиться,
И в одиночку безумствуя, не поносить государево правление.

"Разве мы не знаем тебя, раб! Из всего нашего войска
Кто меньше всех действует, тот больше всех бранит?
Не думай, что греки в позорное бегство обратятся;
И пусть эти уста оскверняют имя царя.
На возвращение наше мы уповаем на небесные силы;
Пусть это будет их забота; сражаться, как люди, - наша.

"Но даруй воинство, богатством наш вождь нагружен;
Кроме умаления, что *ты* даровал?
Предположим, что какой-нибудь герой уступит свою добычу,
Ты ли тот герой? Могут ли эти трофеи быть твоими?
Боги! Дайте мне погибнуть на этом ненавистном берегу,
И пусть эти глаза больше не увидят моего сына,
Если при следующем твоём преступлении эта рука не позволит
Снять с тебя оружие, которое ты недостойно носишь,
Изгоните совет, где собираются наши принцы,
И отправьте тебя на бичевание и вой по флоту".
-В. II. Перевод Папы Римского.

БОЙ МЕНЕЛАЯ И ПАРИСА.

Когда враждующие армии готовы вступить в бой, Менелай и Парис, сын Приама, договариваются о единоборстве, чтобы решить исход войны. Парис вскоре побежден, но его спасает от смерти Венера, и Агамемнон, в соответствии с условиями, на которых проходил бой, требует вернуть Елену. Но боги объявляют, что война должна продолжаться. Так начинается сражение, и Диомед, которому помогает богиня Палласа (или Минерва), совершает чудеса в этой битве, ранив и обратив в бегство Пандара, Энея и богиню Венеру, даже ранив бога войны Марса, вызвавшего его на бой, и отправив его со стонами на небо.

Гектор, старший сын троянского царя Приама и главный герой троянцев, на короткое время покидает поле боя, чтобы обратиться с молитвами к Минерве о помощи и особенно об удалении Диомеда из боя. Сделав это, он ищет минутной беседы со своей женой, прекрасной и добродетельной Андром'а-че, чье трогательное обращение к нему и его ответ, пожалуй, не имеют аналогов в нежной, естественной заботе.

Расставание Гектора и Андромахи.

"Слишком смелый принц! Ах, куда ты бежишь?
Ах, слишком забываешь о жене и сыне!
И не думаешь ли ты, как мы будем несчастны,
Вдовой я, беспомощным сиротой он?
Ведь такой отваге жизнь отказана,
И ты должен пасть, жертвою добродетели своей.
Греция в своих героях-одиночках тщетно боролась;
Теперь против тебя выступают войска, и ты должен быть убит!
О, дайте мне, боги! Пока Гектор не встретил свою гибель,
Все, что я могу просить у небес, - это ранняя могила!
Так будут дни мои в печальном теноре идти,
И кончатся печалью, как начались.

"Ни один родитель теперь не разделяет моего горя,
Ни отцовской помощи, ни материнской нежности.
Свирепый Ахиллес объял огнем наши стены,
Истребил в пух и прах моего воинственного отца!
От той же руки пали семь моих храбрых братьев;
В один печальный день увидели врата ада.
Моя мать дожила до победного конца,
Царица сильных земель Гиппоплакии.

"И все же, пока мой Гектор еще жив, я вижу
Отец мой, мать, братья - все в тебе:
Увы! Мои родители, братья, родня, все
Погибнут вновь, если падет мой Гектор.
Жена твоя, младенец твой, в опасности твоей участвуют:
О, прояви заботу мужа и отца!
В этом квартале искусные греки больше всего досаждают,
где дикие смоковницы скрепляют стены Трои;
Ты с этой башни защищай важный пост;
Туда Агамемнон направляет свое грозное войско,
Чтоб проход Тидиес, Аякс, стремились завоевать,
И там мстительный спартанец стреляет в свой отряд.
Трижды наши смелые враги давали яростный отпор,
То ли ведомые надеждой, то ли ведомые небесами.
Пусть другие в поле оружие свое применяют,
Но мой Гектор пусть останется здесь и охраняет свою Трою".

Вождь ответил: "Этот пост будет моей заботой,
И не только он, но и все военные дела".
Как бы сыновья Трои, оружием прославленные,
И гордые дамы Трои, чьи одежды устилают землю,
Достигнут блеска моего прежнего имени,
Если Гектор подло покинет поле славы!
Моя ранняя юность была воспитана в духе военного искусства,
Душа побуждает меня к сражениям на равнинах:
Пусть я буду первым, кто защитит трон,
И охранять славу отца и свою.

"И все же он придет, день, предначертанный судьбой;
(Как сердце мое трепещет, пока язык мой говорит!)
День, когда ты, имперская Троя, должна сгинуть,
Должна увидеть, как падут твои воины, как закончится твоя слава.
И ни одно страшное предчувствие так не ранит мой разум,
Смерть моей матери, гибель моего рода,
Не оскверненные кровью волосы Приама,
И не весь мой бордель, задыхающийся на берегу,
Как ты, Андромаха! Твоих скорбей я страшусь.

"Я вижу, как ты дрожишь, плачешь, пленницей ведомая!
В Аргиве вырисовываются наши битвы,
И горести, в которых так велика была доля твоя!
Нести суровые приказы победителя, или нести
Вес воды из источника Гипеи.
Там, пока ты стонешь под грузом жизни,
кричат: "Вот жена могучего Гектора!
Какой-нибудь надменный грек, который живет, видя твои слезы,
Обольстит все твои беды, назвав меня.
Мысли о былой славе и нынешнем позоре,
Тысяча скорбей пробудится при этом имени!
Да буду я холоден перед тем страшным днем",

придавленный грузом монументальной глины!
Твой Гектор, погруженный в вечный сон,
Не услышит вздохов твоих и не увидит слез твоих".

Сказав так, прославленный вождь Трои
Протянул свои ласковые руки, чтобы прижать к себе прекрасного мальчика.
Младенец с плачем прижался к груди своей кормилицы,
испуганно глядя на ослепительный шлем и кивающий гребень.
С тайным удовольствием улыбнулся каждый из родителей,
И Гектор поспешил избавить свое дитя;
Сбросил с его бровей сверкающий ужас,
И положил на землю сверкающий шлем.
Затем поцеловал ребенка и, подняв высоко в воздух,
Так к богам молитву отцовскую вознес:

"О ты! Чья слава наполняет бесплотный трон,
И все бессмертные силы! Защитите моего сына!
Даруй ему, как и мне, приобрести справедливую славу,
Охранять троянцев, защищать корону,
Против врагов своей страны войну вести,
И восстать Гектором будущего века!
Так, торжествуя после удачных трудов,
И героев убитых он несет,
И все войска заслуженно приветствуют его,
И сказать: "Этот вождь превзошел славу своего отца".
Пока доволен он, среди всеобщих криков Трои,
Сердце его матери от радости переполняется".

Он говорил, с нежностью взирая на ее прелести,
Вернул приятную ношу ей на руки;
На ее душистую грудь он положил младенца,
Успокоил и с улыбкой оглядел.
Беспокойное удовольствие вскоре было подавлено страхом,
Она смешала с улыбкой нежные слезы.
Смягченный вождь с добрым состраданием смотрел на нее,
И, осушив падающие капли, продолжал:

"Андромаха, моя душа - лучшая часть,
Зачем безвременными печалью сердце твое терзать?
Ни одна враждебная рука не может отсрочить мою гибель,
Пока судьба не приговорит меня к безмолвной могиле.
Судьба обрекает на безмолвную могилу весь род земной;
И таково тяжелое состояние нашего рождения,
Ни сила не устоит, ни бегство не спасет.
Все тонут одинаково, и страшные, и храбрые.
Не надо больше - поспеши к своим делам дома,
Направляй там веретено и ткацкий станок:
Меня же слава зовет на боевую сцену.
Поле битвы - сфера мужчин;
Там, где воюют герои, на первенство я претендую,
Первый в опасности, как и первый в славе".

Сказав так, славный вождь вновь вступает в бой.
Его полотенчатый шлем с черными плюмажами.
Его принцесса расходится с пророческим вздохом,
Не желая расставаться, и часто возвращает свой взгляд,
Который струился при каждом взгляде; затем, двигаясь медленно,
Искала свой дворец и предавалась печали.
Там, пока ее слезы сожалели о богоподобном человеке,
По всему ее поезду пробежала нежная инфекция:
Благочестивые служанки проливали свои смешанные печали,
И оплакивали живого Гектора, как мертвого.
-В. VI. ПАПСКИЙ. Перевод.

ПОДВИГИ ГЕКТОРА И СМЕРТЬ ПАТРОКЛА.

Гектор поспешил на поле боя, и там его подвиги вызвали энтузиазм и мужество его соотечественников; они отбросили греков назад. Удрученные, греки послали Улисса и Аякса к Ахиллу, чтобы тот умолял воина вернуться со своими войсками в греческий лагерь. Но Ахилл упорно отказывался принимать участие в конфликте, который продолжался с переменным успехом, пока троянцам не удалось прорвать греческую стену и попытаться обстрелять греческие корабли, которые были спасены благодаря доблести Аякса. Однако в соответствии с просьбой престарелого Нестора, о котором поэт Юнг рассказывает следующее.

Когда Нестор говорил, никто не спрашивал, одержал ли он верх;
Этот бог сладостных уговоров *никогда не* подводил.

Ахилл надел на Патрокла свои доспехи и, дав ему щит, отправил его на помощь грекам. Троянцы, приняв Патрокла за знаменитого Ахилла, впали в панику и с большой резней преследовали его до стен Трои.

Аполлон приходит на помощь троянцам, поражает Патрокла, доспехи которого рассыпаются по равнине, а затем героя убивает Гектор, который гордо помещает плюмаж Ахилла на свой шлем.

Его копье в дрожи падает; его огромный щит
падает с его руки; его балдрик усеивает поле;
Корсет изумленная грудь его оставляет;
Каждый сустав разболтался, каждый нерв дрожит от ужаса;
Тупо смотрит он, и все без помощи стоит:
Такова сила более чем смертных рук.
Плюмаж Ахилла запятнан пылью и кровью:
Тот плюмаж, что прежде не опускался до земли,
Долго использовался, нетронутый, на полях сражений, чтобы сиять,
И затенял храмы безумных богов.
Теперь на шлеме Гектора он кивает;
Недолго, ибо судьба преследует его, и бог.
-В. XVI.

После этого началась жесточайшая борьба за тело убитого воина, в которой участвовали Аякс, Глаукс, Гектор, Эней и Менелай, и в конце концов последнему удалось отнести его на корабли. Горе Ахилла по поводу тела своего друга и потери его чудесных доспехов представлено как сильное; и настолько большим ударом для греков считалась потеря

доспехов, что Вулкан изготовил для Ахилла новые, а также новый щит. Гомеровское описание последнего чудесного изделия, на которое часто ссылаются как на правдивую картину того времени, и особенно передового состояния некоторых искусств и наук в героическую или постгероическую эпоху, слишком длинно, чтобы вставить его сюда целиком; но мы приведем достаточно выдержек из него, чтобы показать хотя бы великолепную концепцию поэта.

Как Вулкан создал щит Ахилла.

Сначала он сделал огромный и массивный щит;
Там все чудеса своей работы показал,
Серебряным поясом украшен, и тройною обмотан,
Сфера в сферу, граница сияет кругом.
Пять пластин составляли щит; их Вулкана искусство
Зарядил своим искусным умом каждую часть.

Там земля, там небо; там океан течет;
Там луна и солнце неустанно сияли;
Там каждая звезда, украшающая лоб ночи.
Плеяды и Хиады, и могущество О-риона;
Медведь, что, бдительный в своем непрестанном кружении
Вокруг звезды, чей свет озаряет полюс,
Все еще смотрит на Орион, и даже не опускается, чтобы опустить
Его лучи, не замечая океанской волны.

Там, творческой силой бога явленные,
Два величественных города наполняют жизнью щит.
Здесь бракосочетания - торжественные обряды - и толпы веселых
Собравшихся гостей; вперед выходя, заполняли путь.
Ярко пылали факелы, когда они проносились
По улицам, которые звенели песнями;
А в это время юноши, стремительно кружась вокруг,
танцевали под гармоничные звуки трубы и арфы,
Женщины толпились, и, глядя на них, удивлялись,
Стояли у каждого портала и следили за пышностью.

Далее на щите открывался форум;
Двое мужчин, споря, там собрались:
Гражданин был убит; острая вспыхнула драка.
Взыскивалась компенсация за потерю жизни.
Этот клялся, что за кровь заплачено строго:
Тот клялся, что штраф, давно назначенный, еще не выплачен.
Оба требовали награды и требовали, чтобы законы решали;
И неполные ряды, по обе стороны,
с нетерпением взывали к решению,
Пока не сели боязливые глашатаи и не заставили всех замолчать.
Вот и хриплые старейшины на своем священном месте,
На сиденьях из полированного камня круг украшают;
Поднимитесь со скипетром герольда, взвесьте дело,
И говорят по очереди приговор законов;

А в середине, чтобы унести тот.
Кто справедливее всех говорил, два золотых таланта лежат.

Другой город на щите изображен
Два войска, что его опоясали, в ярких доспехах;
Разные у них советы: кто сжечь решит,
А те - захватить, и все богатство разделить.
Город их призыв презрел, сопротивляться осмелился,
И тайно для засады оружие приготовили.
Жена, внук, дитя, одна душа на всех,
Стоят на стенах и охраняют стену.
Марс, Паллас, возглавляли их воинство: золотой и бог,
Золотое сияние от их доспехов струилось.

Далее, как показано на щите, изображены шпионы на расстоянии, засада и битва; затем сцена переходит к пахоте и севу и событиям, связанным со сбором обильного урожая; далее представлены виноградник, сбор винограда и веселье молодежи в конце дня; затем мы имеем дикую сцену пастухов со скотом, на которых напали два голодных льва, и последовавшую за этим суматоху. Описание завершается следующим образом:

Вот бог изменчивый коварство явил
Прекрасные стада на пастбище на прекрасной поляне;
Между ними виднелись складки и укрытия,
И пастушьи хижины разнообразили сцену.

Теперь на щите показался хор,
чьи летящие ноги плели мелодичный лабиринт;
Юноши и девушки, рука об руку, шли вперед,
В такт песне шагали и танцевали.
Вокруг каждой девы струились легкие одежды из льна;
Вокруг каждого юноши блестела туника;
В венках из цветов, в то время как с их партнеров свисали
Мечи золотые с поясов серебряных свисали.

Обучены искусству, чтобы каждая гибкая конечность могла двигаться,
Их мерцающие ножки в мерный лабиринт вплетены,
Как колесо, которое гончар пытается использовать,
Когда, крутясь под его рукой, летит его ось.
Теперь все разом их изящные ряды соединились,
Каждый из них надвигается на другого, строй за строем.

Толпа стекалась вокруг, и, удивляясь, смотрела на них,
При каждом изменении танец продолжался;
А в это время два кувыркателя, возглавляя песню,
Повернулись в середине и покатались.
Затем, наконец, бог силой Океана связал,
И залил своими волнами сферу пряжки.

-В. XVIII. Перевод Сотеби.

Ахилл вступает в бой.

Желание отомстить за смерть Патрокла оказывается в груди Ахилла сильнее гнева на Агамемнона, и, облачившись в новые доспехи, он с трудом удерживается от того, чтобы в одиночку не броситься в бой, пока его товарищи отдыхают. Повернувшись и обратившись к своим лошадям, он упрекает их в смерти Патрокла. Один из них представлен как чудесным образом наделенный голосом, и, отвечая Ахиллу, пророчит ему скорую смерть; но неустрашимый вождь с неослабевающей яростью отвечает:

"Пусть будет так!

Предвестия и прорицания мне ни к чему.

Я знаю свою судьбу: умереть, чтобы больше не видеть любимых родителей и родного берега.

Довольно - по воле небес я утону в ночи.

Теперь погибни Троя!" - сказал он и бросился в бой.

Юпитер собирает совет богов и разрешает им помогать одной из сторон. Поэт ярко описывает ужасы битвы и шум, поднявшийся, когда "силы нисходящие раздули бой". Сначала Ахилл сталкивается с Энеем, которого хранит Нептун; затем он встречает Гектора, которого уже готов убить, но Аполлон спасает его и уносит в облаке. Троянцы, побежденные страшной резней, загнаны в реку Скамандр, где Ахиллу помогают Нептун и Паллас.

Смерть Гектора.

Вулкан, помогая троянцам, осушил Скамандр, и все выжившие, кроме Гектора, укрываются в Трое. Только этот герой остается без стен, чтобы противостоять Ахиллу. Однако при наступлении последнего решимость и мужество Гектора подвели его, и он бежит, преследуемый Ахиллом трижды вокруг города; в конце концов он поворачивает на своего преследователя, решив встретить свою судьбу; рассказ о встрече и поединке с Ахиллом в переводе Брайанта таков:

Он заговорил и выхватил острый меч, который висел,

Массивный и прекрасно закаленный, у него на боку,

И взвился, как орел высоко в небесах

Сквозь густые тучи на равнину опускается,

Чтобы схватить нежного ягненка или робкого зайца.

Так и Гектор, взмахнув острым мечом,

бросился вперед, а Ахилл напротив

Навстречу ему прыгнул Ахилл, весь пылая дикой ненавистью,

И держал в руках свой яркий, благородно выточенный меч,

перед собой. Как в ночные часы

Геспер идет среди звезд,

Как в тихий час ночи Геспер идет среди сонма звезд, так ярко сияет самый прекрасный небесный свет,

зажжен в правой руке сына Пелея,

Острый клинок копья, как, уверенный в том, что убьет благородного Гектора, окинув его славный вид.

Его быстрый взор бежал, ища, где нанести

вернейшую рану. Сверкающий медный доспех

Полученная от убитого Патрокла, хорошо защищала

Все части, кроме тех, где ключицы

где плечо отделяется от шеи, и там

Горло, место, где жизнь наиболее опасна.

в опасности. Через это место благородный сын
Пелея пронзил его копьем; оно прошло сквозь
Нежную шею, и все же медное лезвие
Не рассекло дыхательное горло, и способность говорить
Осталась.

И тогда гребнистый Гектор слабо сказал:
"Молю тебя, жизнью твоей и коленями твоими,
И родителями твоими, не позволяй псам
Чтоб не растерзали меня на галерах греков.
Примите обильный запас меди и золота,
Которые с радостью примут мой отец и царица,
Моя мать, дадут выкуп. Пошлите к ним
Мое тело, чтобы воины и девы
Трои зажгут для меня погребальный костер".

Стремительный Ахилл ответил, нахмурившись:
"Нет, на коленях моих не умоляй меня, проклятый,
И не к родителям моим. Я даже желать могу
Ярость побудила меня разрезать плоть твою
На куски и сожрать ее, - такова обида.
что я получил от тебя. Не будет никого.
чтобы отогнать псов от головы твоей,
И пусть друзья твои троянские принесут мне
Десятикратные и двадцатикратные дары,
И обещали другие - пусть Приам, родом из Дардана.
Из Дардануса, пусть пришлет золотой груз твой.
Мать твоя не положит тебя на одр,
чтобы оплакивать тебя, которого она родила;
Но собаки и хищные птицы растерзают тебя".

И тогда гребнистый Гектор, умирая, сказал:
"Я знаю тебя, и слишком ясно я предвидел.
Мне не сдвинуть тебя с места, ибо сердце у тебя
железное. Но подумай, что ради меня
Гнев богов может обрушиться на тебя.
Когда Парис и Аполлон поразят тебя,
сильного, как ты, перед воротами Скеана".

Так говорил Гектор, и тотчас над ним сомкнулся
Свет смерти; душа оставила его конечности,
И полетела в Аид, скорбя о своей судьбе,
Так скоро разлучившись с юностью и силой.

После великого свершения Ахилла последовали погребальные игры в честь Патрокла и другие праздники. По их окончании Юпитер посылает к Ахиллу Тиса, чтобы тот вернул мертвое тело Гектора его семье, и посылает Ириду к Приаму, чтобы побудить его лично отправиться на лечение. Приам отправляется в путь и, прибыв в лагерь Ахилла, взывает к его состраданию:

Приам умоляет о теле Гектора.

"Подумай, о Ахилл, о подобие богов,
Об отце твоём, полном дней, как я,
И трепещущего на мрачной грани жизни.
Может быть, какой-нибудь соседский вождь и сейчас
Притесняет его, и нет никого под рукой,
Ни друга, кто бы помог ему в беде.
И все же, несомненно, услышав, что Ахилл жив,
Он все еще радуется, надеясь день ото дня.
Что однажды он снова увидит лицо
Своего сына, из далекой Трои вернувшегося.
Но нет утешенья мне, чьи храбрейшие сыны,
Так поздно цветущие в Илиуме, все убиты.

"Когда Греция пришла сюда, у меня было пятьдесят сыновей;
Но пламенный Марс их поредел. Один у меня был...
Один, больше всех моих сыновей, сила Трои,
Которого, стоя за родину, ты убил...
Гектор. Его тело искупить я пришел
В ахейский флот, принеся с собой,
Выкуп неоценимый в шатер твой.
Почитай богов, Ахилл! Вспомни отца своего.
Отца твоего; ради него сострадание прояви
Ко мне, еще более жалкому, который влечет
К устам моим (унижение еще
Невиданное на земле) его руку, убившую моего сына!"
-Перевод Ковпера.

Ахилл, движимый состраданием, удовлетворил просьбу убитого горем отца и отправил его
домой с телом сына. Первой к труп подлетела плачущая Андромаха и заговорила:

Плач Андромахи.

"О, мой Гектор! О, мой господин!
Похищен в цветущем виде из этих желающих глаз!
Ушел ты в мрачные дали навеки!
А я брошена, покинута, одинока!
Единственный сын, некогда утешение наших страданий,
Печальный плод несчастной любви, остался!
Никогда этот сын не достигнет зрелого возраста,
И не будет радовать мой взор возрастающей благодатью;
Ибо Илион теперь (ее великий защитник убит)
На равнине дымящейся развалиной.

"Кто теперь оберегает своих жен?
Кто спасет ее младенцев от ярости войны?
Теперь враждебные флоты должны унести этих младенцев
(Те жены должны ждать их) на чужой берег:
И ты, сын мой, в варварские края отправишься,
Печальный спутник горя матери твоей;
Или греком, чей отец на равнине,
Или сын, или брат, убитый великим Гектором,

Кровью Гектора отомстит он,
И сбросит тебя с башен Трои".

[Сноска: Такова была судьба Астианакса, сына Гектора.
сына Гектора, когда Троя была взята:

"Здесь с башни на стебле Улисс брошен,
Андромаха оплакивала своего младенца-сына".
-MERRICK'S *Tryphiodorus*].

Смерть Гектора оплакивала и Елена, и о ее причитаниях так отзывается Колеридж: "Я всегда считал следующую речь, в которой Елена оплакивает Гектора и намекает на свое собственное неблагоприятное и незащищенное положение в Трое, едва ли не самым приятным отрывком в поэме. Это еще один яркий пример той утонченности чувств и мягкости тона, которые так обычно отличают последнюю книгу "*Илиады*" от остальных".

Плач Елены.

"Ах, дражайший друг! В ком боги соединили
Мягчайшие нравы с храбрейшим умом,
Вот уже дважды по десять лет (несчастливых лет) прошло.
С тех пор как Парис привел меня на троянский берег;
(О, если бы я погиб, пока эта божественная форма
Соблазнил это мягкое, легкое сердце мое!)
Но не было в судьбе моей от тебя
Ни поступка нежного, ни слова недоброго:
Когда другие проклинали автора своего горя,
Твоя жалость сдерживала мои печали:
Если гордый брат смотрел на меня с презрением,
Или презрительная сестра, с ее проклятым шлейфом,
Твои нежные слова смягчали мою боль.
О тебе я скорблю, и сам скорблю в тебе,
Жалкий источник всех этих страданий.
О судьбе, которую я навеки создал, я скорблю;
Печальная Елена не имеет друга, теперь ты ушла!
По широким улицам Трои покинутой я брожу!
В Трое покинутой, как дома отвращенье!"
-POPE'S *Trans.*

СУДЬБА ТРОИ.

Гомеровская "*Илиада*" заканчивается погребением Гектора и не сообщает о результатах войны и судьбе главных действующих лиц конфликта. Но в "*Энеиде*" Виргилия, где рассказывается о бегстве Энея из пламени Трои и о его скитаниях до берегов Италии, о том, как была взята Троя вскоре после смерти Гектора, Эней рассказывает Дидо, царице Карфагена. По совету Улисса в греческом лагере был построен огромный деревянный конь, в котором укрылся он и другие греческие воины, а остальные сожгли свои шатры и уплыли на остров Тенедос, за которым спрятали свои суда. Эней начинает свой рассказ следующим образом:

"Судьба заставила, и в отчаянии,
Греки устали от утомительной войны,
И с помощью Минервы воздвигли строение.

Которая, как конь чудовищной высоты, предстала.
Бока были обшиты сосной: они притворились, что сделали ее
Для возвращения, и этот обет они исполнили.
Так они притворялись, но в полом боку
скрываются отборные воины;
Внутренним оружием они нагружают страшную машину,
И железными недрами набивают мрачную обитель.

"В виду Трои лежит Тенедос, остров.
(Когда Фортуна улыбалась империи Приама).
Славившийся богатством, но с тех пор ставший бухтой неверных,
Где лежат корабли, подверженные ветрам и непогоде.
Там был спрятан их флот. Мы думали, что для Греции
Их паруса были подняты, и страх наш рассеялся.
Троянцы, так долго запертые в своих стенах,
Отперли ворота и вышли толпой,
Как роящиеся пчелы, и с восторгом осматривают
Лагерь покинутый, где греки лежат.
Помещения семи вождей они показали.
Здесь Феникс, здесь Ахилл поселились;
Здесь сходились в битвах, здесь скакал флот.

"На громаду их дивные взоры устремлены.
На грудь, воздвигнутую Палласом для разрушения Трои.
Первым был Тимофей (сомнительно, что нанятый,
Или так требовала троянская судьба)
Пошел на разрушение валов.
Чтоб чудовище в городе поселилось.
Но Каис и остальные более здравомыслящие,
Роковой подарок пламени предназначил,
Или в водные глубины; по крайней мере, чтобы вынести
Полые бока и скрытые обманы.

"Легкомысленные вульгарные люди, как им вздумается,
С шумом молчат и на части делятся.
Ла-ок-о-он, за которым следовала многочисленная толпа,
Бежал из форта, и кричал, издалека, громко:
"О несчастные соотечественники! Что за ярость царит?
Что за безумие овладело вашими мозгами?
Думаете, греки с ваших берегов ушли?
И искусство Улисса не стало более известным?
Эта полая ткань должна быть закрыта,
В его слепой нише - наши скрытые враги;
Или это двигатель, поднятый над городом.
Чтоб стены оглядеть, а потом разрушить.
Непременно обманом или силой.
Не верь их подаркам и не признавай коня".

"Сказав так, он бросил в коня
Свое мощное копье, которое, шипя, полетело,
пронзило податливые доски дерева,

И дрожало в полном животе.
Бока, пронзенные, отзывались дребезжащим звуком,
И стоны греков, заключенных в объятия, вырывались из раны;
И разве не предначертали Небеса падение Трои,
И не суждено ли людям быть слепыми,
Достаточно было сказано и сделано, чтобы вдохновить лучший разум.
Тогда наши копья пронзили коварный лес,
И устояли башни Илиона и империя Приама".

Обманутые коварством пленного грека Синона, который утверждает, что деревянный конь был построен и посвящен Минерве, чтобы получить помощь, в которой богиня до сих пор отказывала грекам, и что, если его впустить в стены Трои, надежды греков будут навсегда потеряны, очарованные троянцы разрушают часть городской стены и, втащив коня, предаются празднеству и ликованию. Эней продолжает рассказ следующим образом:

"Такими обманами он завоевал их легкие сердца,
слишком склонных верить его коварным искусствам.
Что Диомед, что великий сын Фетиды,
Тысяча кораблей и десятилетняя осада...
Фальшивыми слезами и льстивыми словами город завоевал.

"Проделан просторный пролом; город лежит голый;
Кто-то рычаги поднимает, кто-то колеса готовит,
И крепят к ногам коня; остальные
тросами тащат громоздкое животное:
Каждый зовет на помощь своего товарища.
Наконец роковая ткань поднимается на стены,
Большая и разрушительная. Мальчики с чашечками венчают,
и хоры девственниц, поют и танцуют вокруг.
Поднятая ввысь, она спускается вниз,
Он проносится над нашими головами и угрожает городу.
О священный город, построенный божественными руками!
О доблестные герои троянского рода!
Четыре раза он ударил; и столько же раз раздавался лязг
Оружия раздавался, и стоны внутри раздавались.
И все же, обезумев от рвения и ослепленные судьбой,
Мы торжественно ведем коня,
А затем поместили страшное знамение в башню.
Кассандра плакала и проклинала этот несчастный час,
Предсказала нам судьбу; но, по указу богов,
Все слышали, но никто не верил пророчеству.
Ветвями мы украсили фейн и расточили
В веселье день, назначенный последним".
- "Энеида". Книга II.- Драйден.

Ночью Синон распряг коня, греки выбежали, открыли ворота города и подняли факелы, чтобы подать сигнал тем, кто находился на Тенедосе, которые вернулись, и вскоре Троя была

захвачена и предана огню и мечу. Затем последовало ликование победителей, плач и причитания троянских женщин, которых, согласно обычаям войны, собирались увести в плен в дальние страны.

Величественные стены Трои рухнули,
Ее башни и храмы усеяли землю;
Сыны Эллады, опьяненные победой,
богато нагруженные добычей,
На возвышенных барках откинулись
Вдоль берегов Геллеспонта;
Благосклонный ветер, как сверкающий груз
В славный край Греции понесет;
И хоровые напевы,
Как к домашним алтарям сейчас
Каждая кора склоняет нарисованное крыло...
Ведь дом снова улыбнется!

А там троянские женщины, плача,
Сидят в длинном ряду;
Их беззаботные локоны, всклокоченные, взметаются
По щекам, измученным горем.
Не слышно праздничных звуков,
не могут заглушить их заунывные песнопения;
Сквозь гимны радости одна скорбная песнь,
смешавшись, оплакивает разрушенное царство.
"Прощайте, любимые берега!" - говорилось в ней:
"От дома далекого нас оторвали,
чужеземные владыки несут нас как пленников.
Ах, счастливы мертвые!"
-ШИЛЛЕР.

Десять долгих лет греки в Аргосе по ночам следили за огнями маяков, зажигавшихся от точки к точке, которые должны были возвестить о гибели Трои. Когда в *"Агамемноне"* Эсхила Клитемнеса объявляет, что Троя пала, а хор, наполовину недоверчивый, спрашивает, какой гонец принес весть, она отвечает:

"Отблеск - отблеск - с высоты Иды
Богом огня посланный, он пришел;
От вахты к вахте он скакал, этот свет;
Как всадник на пламени скакал!
Он пронесся по изумленному небу,
И факел этой пылающей славы
Старый Лемнос застыл на высоте
На своем священном мысе,
И послал его, радостный знак,
На Афон, гору божественного Иова.
Дико вздымался он с острова,
Так что мощь странствующего света
Пронеслась над спиной сверкающей рапы!
Все дальше и дальше он мчится,
Пока дозорные, стерегущие кручи Мацис'туса.

Увидели, как он вспыхнул, словно пылающее солнце!
Спит ли Мацист
на своей башне?
Нет! Стремительное и красное пламя взвивается ввысь:
Он вспыхивает вдалеке на бегущем потоке
дикого Эври'пуса, стремительный луч!
Он пробуждает свет на высоте Мессапиона,
И питают его дыханием увядшие верески.
Но он не может остаться!
И вдаль, вдаль...
Он мчится в своей свежей силе.

"Тихо и скоро
Как расширившаяся луна
Проходит в сиянии зеленом Асо'пус,
И вспыхивает в ситэ'роне сером.
Просыпается страж к лучам сигнала,
И он с холмов слетает, пылая все шире:
На огненной славе скачет...
Твое одинокое озеро, Горго'пис, сияет...
К горе Мег'ара он прилетел;
Они снова кормят его,
И он струится дальше...
Гигантская борода пламени!
Утесы, что мрачно спускаются
Над водами Сарона хмурятся,
Мимо них проносится стремительный поток,
И огромная скала сверкает в лучах прилива.
Могучим маршем и яростной силой
Он достиг соседней башни Араха -
И там, на крыше Ар'дай, он обрел покой,
Сын огня Иды, давно ушедший от нас!
Яркий предвестник славы и радости!
Так первый и последний с равной честью увенчаны,
В торжественных пирах ратный факел кружит.
А это мои глашатаи, это мой знак Мира!
Пока мы дышим, владыки-победители Греции
Идут в суровом беспорядке по залам Трои".
-Перевод Бульвера.

Таков, вкратце, общепринятый рассказ о Троянской войне, как мы находим его у Гомера и других древних писателей. По этому поводу историк ТИРЛВАЛЛ замечает: "Мы считаем необходимым признать реальность Троянской войны как общий факт, но дальше этого мы едва ли осмелимся сделать хоть шаг. Мы считаем невозможным принять поэтическую историю о Елене, отчасти из-за ее внутренней неправдоподобности, а отчасти потому, что мы убеждены, что Елена - это просто мифологическая личность". ГРОТЕ говорит:[Сноска: "История Греции", гл. XV] "В глазах современного исследователя Троянская война - это, по сути, легенда и не более того. Если нас спросят, не является ли она легендой, воплощающей части исторической материи и возведенной на основу правды, - не могла ли действительно произойти у подножия холма Илиум война чисто человеческая и политическая, без богов,

без героев, без Елены, без амазонок, без эфиопов под началом прекрасного сына Эос, без деревянного коня, без характерных и выразительных черт старой эпической войны - если нас спросят, не было ли на самом деле такой исторической Троянской войны, как эта, наш ответ должен быть таким: как нельзя отрицать ее возможность, так нельзя и утверждать ее реальность." В связи с этим интересно отметить, что открытия немецкого исследователя Шлимана на месте древней Трои указывают на то, что Гомер "следовал реальным событиям более близко, чем когда-то готова была допустить слишком скептическая историческая критика".

СУДЬБЫ ГЛАВНЫХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ КОНФЛИКТА.

О судьбе некоторых главных участников Троянской войны можно сказать, что из видных троянцев спасся только Эней. После долгих лет скитаний он с небольшой компанией троянцев высадился в Италии, и римские писатели связывают с ним происхождение своей нации. Приам был убит Пирром, сыном Ахилла, во время сожжения Трои, а сам Ахилл пал за некоторое время до этого, раненный стрелой в пятку Парисом, как и пророчествовал Гектор о его смерти. Аякс после смерти Ахилла вступил в поединок с Улиссом за доспехи погибшего героя, но не добился успеха и погиб от собственной руки. Поэт Энний приписывает Тельамону, отцу Аякса, следующее высказывание, когда он узнал о смерти сына:

Я знал, когда рождал его, что он должен умереть,
И не готовил его к другой судьбе.
Знал, когда отправлял его на троянский берег,
Не в пиршественные залы, а на поля кровавые.
-Перевод ПЕТЕРСА.

Агамемнон, вернувшись в Грецию, был варварски убит своей неверной царицей Клитемнестрой. Диомед был изгнан из Греции и едва спасся. Неизвестно, где и как он погиб. Улисс, после почти бесчисленных бед и лишений на море и на суше, наконец, благополучно вернулся на Итаку. О его странствиях повествует *"Одиссея"* Гомера.

Но можно спросить, что же стало с Еленой, главной причиной Троянской войны, губительной как для победителей, так и для побежденных? Согласно Вергилию, [Сноска: *Энеида*, Б. VI.] после смерти Париса она вышла замуж за троянского героя Деифа, а в ночь после взятия города предала его Менелаю, с которым примирилась и которого, как рассказывает Гомер, сопровождала [Сноска: *Одиссея* Б. IV.] в течение восьми лет его скитаний, когда он вернулся в Грецию. Ландор в одной из своих *"Эллинских книг"* изображает Менелая после падения Трои, преследующего Елену по ступеням дворца и угрожающего ей смертью. Он обращается к ней:

"Стой, чертог, на этой лестнице.
Другой, клянусь богами, ты не поднимешься!
Теперь прими смерть, которую ты заслужила, смерть",
Зевс, возглавляющий гостеприимство.
И всех остальных богов, которых ты покинула,
И всех других, кто покинул тебя
В этот проклятый город, наконец, посылает.
Повернись, гнуснейшая из гнусных рабынь! Повернись, подруга
ненавидимый всеми другими женщинами, трус;
Повернись, чтобы эта рука не откинула твою голову и не повергла ее вместе с запахами в
пыль.
Ее с запахами в пыль и пламя".

Елена с покаянием принимает его упреки и принимает угрозу смерти; а когда он говорит об их дочери Гермione, которую она, будучи младенцем, так жестоко бросила, она восклицает:

"О дитя мое!

Единственная моя! Ты жива: этого достаточно;
Ненавидь меня, отвращайся от меня, проклинай меня - таковы обязанности.
Зови меня только матерью в тени смерти!
Ей уже двенадцать лет, когда набухает почка,
и первые краски неопределенной жизни
Начинают окрашивать ее".

Менелай отходит в сторону и говорит,

"Может ли она думать о доме?

О своем, о моем, о милой Гермione!
Осталась ли хоть одна искра, что веселила мой очаг, хоть одна.
Для тебя, моя последняя любовь?"

Когда она умоляет его не медлить со своей заслуженной участью, ее слова очень трогают его, и он восклицает (*в сторону*),

"Голос ее музыкален

Как у юных дев, что поют Артемиде:
Как блестит эта желтая коса, которую я схватил
Схватил и распустил! Ах, неужели десять лет прошло
Но дети богов, как и они,
не стареют.[Сноска: Юпитер, по преданию, был
отцом Елены].

(*Затем обращается к Елене.*) Елена, говори честно,
И избежишь ты мести моей - не сила ли
Тебя унесла?"

Ее слова и скорбь вызывают у него жалость, если не любовь, и он снова отходит в сторону, говоря

"Истинный одинок и любящий рыдает, как она.

Пойдем, Хелен!" (*Он берет ее за руку.*)

Елена. О, пусть никогда Грек не увидит этого!
Спрячь меня от Аргоса, от Амикла [Сноска: город в Лаконии, где находился храм Аполлона.
в Лаконии, где был храм Аполлона. Он находился
на небольшом расстоянии к юго-западу от Спарты.] спрячьте меня,
Спрячь меня от всех.

Менелай. Твои муки слишком сильны.
Чтобы я мог с ними бороться.

Елена. Оставь все это мне.

Менелай. Мир! Мир! Ветер, надеюсь, попутный для Спарты.

Намек Лэндора и других, пытавшихся оправдать Елену, на то, что она была не по своей воле унесена Парисом, был усилен, с большим поэтическим мастерством и красотой, недавним поэтом[Сноска: А. Лэнг в своей "Елене из Трои".] в рассказ о том, что ей явилась богиня Венера и, пока Елена сжималась от страха перед ее силой, сказала ей, что она должна погрузиться в глубокий сон, а проснувшись, забыть о своей прошлой жизни, "не зная стыда

и быть безупречной в тех злых делах, которые богиня должна навязать ей". Венера заявляет ей:

"Ты - игрушка богов, оружие.

С помощью которого все смертные будут страдать или благоденствовать,

По моему желанию; да, ты будешь согнута

В ту и в другую сторону, как мне будет угодно:

И вслед за тобой, как приливы луны, Запад

Наводнит восточные берега волнами войны,

И едва ли будет покойна твоя измученная душа,

Даже в убежищах, где нет смерти.

"Орудия людей слепы и немые,

И этот дар я даю тебе: быть слепым

И невнимательным к тому, что грядет,

И не знать того, что позади;

С невинным, забывчивым умом

В каждой новой удаче, пока я не посетю тебя

И будоражить сердце твое, как молния и ветер

Несут огонь и бурю сквозь спящее море.

"Забудь Гермению! Забудь,

Забудь своего повелителя, свой возвышенный дворец и своих родственников;

Руку свою в чужую ты вложи,

И следовать за ним, не считая это грехом;

И много чужих земель ты покоришь;

И в город несчастный ты придешь,

И двадцать долгих лет проживешь в нем,

Пока аргивяне не разрушат его полотенчатый венец.

"О конце твоём я не говорю, но имя твоё...

Имя твоё, которое ты оплакиваешь, - оно будет

Песней в речи всех людей, языком пламени

Меж пылающих уст Поэзии;

И девять дочерей Мнемосы,

С принцем Аполлоном, предводителем девяти,

Сделают тебя бессмертным в их менестрелях!

Да, ибо ты переживешь божественный род".

Как провозгласила богиня, так и случилось, ибо когда Елена очнулась от долгой дремоты,

она ничего не помнила о несчастьях,

Она не знала о грядущих злых днях,

Забыты были ее древние странствия;

И как воды Лета полностью онемели.

Чувства духов в Элизииуме,

Чтоб память о блаженстве их не омрачала,

Так и молва о ее днях умолкла,

И все ее сердце было готово к новой радости.

Примирение Менелая с Еленой легко достигается тем же приемом; когда при взятии Трои он встречает ее и достает меч, чтобы зарубить, богиня, снова явившись, насылает на него свои колдовские чары:

Тогда пал безжалостный меч, который никогда не падал
Когда в грохоте битвы копье пронзило сбрую,
И заговорила Афродита, и как заклинание
Убеждал ее сладкий голос, пока в его сердце
В его сердце не осталось воспоминаний о грехе;
Не жаждал он больше мести, но все стало ясно,
И гнев расплавился в желании завоевать
Золотое сердце Елены вновь.

Говорят, что после смерти Менелая Елена была изгнана из Пелопоннеса возмущенными спартамцами.

IV. ИСКУССТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЕК.

Хотя в реальности лиц и событий, упомянутых в поэмах Гомера, мало кто может быть уверен, все же есть один вид истины, от которого поэт вряд ли мог отклониться, иначе его сочинения не были бы столь приемлемы, какими они, очевидно, были для его современников, - это верное изображение правительства, обычаев, учреждений, нравов и общего состояния греков в эпоху, в которую он жил и которая, несомненно, мало отличалась от нравов и обычаев героического века. Нарисованные им картины жизни и характера должны были иметь реальное существование, и они, несомненно, в значительной степени дают нам верное представление о состоянии греческого общества в тот ранний период мировой истории.

И все же мы должны помнить, что *эпосы*, подобные гомеровским, описывающие нравы и обычаи полуварварской эпохи, предназначенные для чествования вождей, восхваляющие деяния и жизнь их предков, а также для чтения при дворах царей и принцев, вполне естественно, будут приспособлены к желаниям, пристрастиям и предрассудкам их знатных слушателей. И это заставляет нас задуматься о том, насколько даже великий эпос Гомера может служить верным изображением *политической* жизни греков в героическую эпоху. Мы приводим следующие наводящие на размышления замечания по этому поводу одного из недавних авторов и искусного греческого критика:

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГРЕКОВ, КАК ОНА ПРЕДСТАВЛЕНА В ИХ ВЕЛИКИХ ЭПОСАХ.

"Хотя в греческих эпосах рядовой состав армии должен быть собран царями и поднять боевой клич, на самом деле они исчезают из действия и оставляют поле совершенно чистым для вождей, чтобы те совершали свои доблестные подвиги. Пожалуй, во всей *"Илиаде"* нет примера, когда бы вождь пал или даже был ранен неблагородной рукой. Среди туч ракет, летящих по равнинам Трои, среди толпы вождей и царей, выстроившихся по обе стороны, мы ни разу не слышали, как "некий человек натянул лук на авантюре и поразил царя между суставами сбруи". Тем не менее это обязательно должно было произойти в затяжных боях, подобных тем, что происходили у стен Трои.

"Итак, здесь явное отступление от истины и даже от разумной вероятности. Это действительно простое упущение, которое не оскорбляет читателя; но такие неточности

наводят на серьезные размышления. Если эпические поэты игнорируют важность массы на поле боя, то разве не вероятно, что они недооценивают ее в общественных собраниях? Не может ли быть так, что и здесь, чтобы угодить своим покровителям, они описывают славные века прошлого как дни, когда собравшийся народ не оспаривал высшую мудрость своих ставленников, а просто собирался, чтобы поучать и аплодировать? Поэтому я не могу, как это делает г-н Грот, принять политическое положение вещей в гомеровских поэмах, особенно в *"Илиаде"*, как надежное руководство к политической жизни Греции в дни самого поэта.

"Фигура Терсита кажется нарисованной с особой злобой и ядом, как сатира на первых критиков, которые поднялись среди собравшегося народа, чтобы поставить под сомнение божественное право царей творить зло. Мы можем быть уверены, что реальный Терсит, с которого поэт срисовал свой образ, был совсем другим и гораздо более серьезной силой в спорах, чем бесформенный шут из *"Илиады"*. Но царь, которому он мешал и разоблачал днем, вечером за чашей наслаждался пародией поэта и тосковал по старым добрым временам, когда он мог пресечь любую дерзкую критику ударом своего узловатого скипетра. Гомеровская Агора вряд ли могла бы существовать, если бы была такой праздной формой, какой ее представляют поэты. Но как низшие классы были тщательно выстроены на поле боя, из полного ощущения важности, которую поэт им отказывает, так же они были выстроены в общественном собрании, где, мы можем быть уверены, их вес говорил с таким же эффектом, хотя поэт пренебрег им ради большей славы вождей-консультантов." [Сноска: "Общественная жизнь в Греции от Гомера до Менандра", преп. Дж. П. Махаффи]. Несмотря на все это, как говорит Герен, "Гомер - лучший источник информации, которой мы располагаем о героическом веке".

Форма правления, преобладавшая среди ранних греков, особенно после того, как пеласгическая раса уступила место более воинственным и авантурным эллинам, была, очевидно, царской, на демократической основе, хотя трудно установить точный объем царских прерогатив. Во всех греческих государствах существовал наследственный класс вождей или знати, отличавшихся от простых свободных людей почетными титулами, большим богатством, достоинством, доблестью и благородным происхождением; последнее подразумевало не что иное, как происхождение от самих богов, к которым, похоже, восходил каждый княжеский дом.

Но короли, хотя и были наследственными, не всегда были таковыми, как и абсолютными монархами; скорее, это были самые выдающиеся представители знати, которым принадлежало командование на войне и главенство в отправлении правосудия; их власть была более или менее обширной в зависимости от благородных качеств, которыми они обладали, и особенно от их доблести в бою. Если короли не отличались храбростью и силой, они не могли командовать даже во время войны, а во время мира они были обязаны советоваться с народом по всем важным вопросам. Среди их материальных преимуществ были доходы от обширных владений, которые, по-видимому, были связаны с царской должностью, а не являлись частной собственностью человека. Так, Гомер представляет Телемаха в опасности не только потерять свой трон из-за неблагоприятного выбора народа, но и, среди прав короны, владения Улисса, его отца, если ему не будет позволено стать его преемником [Сноска: См. *Одиссею* (перевод Каупера), xi., 207-223].

В героическую эпоху у греков, по-видимому, не было фиксированных законов, установленных законодательно. Общественное мнение и обычаи, подтвержденные и разъясненные судебными решениями, были единственными источниками, к которым слабые и обиженные могли обращаться за защитой и возмещением ущерба. Частные разногласия чаще всего решались частными средствами, и в этих случаях слабые и достойные обычно подвергались

грабежу и жестокому обращению со стороны сильных и виновных; но в ссорах, грозивших нарушить мир в обществе, общество заставляло пострадавшую сторону принять, а агрессора - выплатить оговоренную компенсацию. Как и среди диких племен Америки, и даже среди наших ранних саксонских предков, убийце часто позволяли выплатить оговоренную компенсацию, которая останавливала дух мести и воспринималась как полное искупление его вины. Взаимоотношения нескольких независимых греческих государств друг с другом не регулировались никакими установленными принципами, и международное право в этот ранний период еще не существовало.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕР.

В бытовых отношениях греки вели себя достойно. К детям относились с нежностью и уделяли много внимания их воспитанию; с другой стороны, уважение, которое они оказывали своим родителям, даже после периода молодости и зависимости, приближалось почти к почитанию. Однако, как свидетельство грубой эпохи, отец распоряжался рукой своей дочери в браке с абсолютной властью; и хотя мы встречаем много примеров супружеской привязанности, как в благородных характерах Андромахи и Пенелопы, все же история Елены и другие подобные слишком ясно показывают, что неверность жены не считалась очень большим преступлением. Жена, однако, занимала не менее, а то и более влиятельное положение в семье, чем в исторический период; но она не была равной мужу, и даже Гомер не изображает тех чувств любви, которые проистекают из более высокого уважения к женскому полу.

Из Гомера мы узнаем, что среди греков гомеровской эпохи было низкое чувство *правды*, но люди были лучше, чем можно было ожидать, исходя из примеров, подаваемых им богами, в которых они исповедовали веру. МАХАФФИ: "Ни в один период нация не достигала того высокого уровня, который является великой чертой германской цивилизации. Даже римляне, при всей их грубости и вульгарности, стояли выше в этом отношении. Но ни в *"Илиаде"*, ни в *"Одиссее"* нет, за исключением отдельных фраз, никакого осуждения обмана как такового. Обмануть врага - похвально, обмануть незнакомца - невинно, обмануть даже друга - совершенно не возбраняется, если нужно добиться какой-либо цели. Так, о Менелее, как бы в порядке исключения, сказано, что он скажет правду, если вы на него надавите, ибо он очень внимателен. Но по-настоящему главные герои *"Одиссеи"* и *"Илиады"* (за исключением Ахилла) не стесняются лгать на все лады. Улисс постоянно выдумывает, как и его покровительница Палласа Афина, и она действительно упоминает это качество хитрого обмана как особое основание своей любви и привязанности к нему". Так, в *"Одиссее"* мы читаем, что когда Улисс в ответ на слова богини - тогда еще переодетой и неизвестной ему - сказал,

С невозмутимой готовностью вернул
Не истину, а плод истине противоположный,
Ибо коварство в нем не терпело паузы.

Богиня, похоже, довольная его "уловками речи обманчивой", ответила так:

"Кто тебя обходит, в хитрости обставлен;
И в самозванстве различном, нужду найдет
Всю свою политику, хоть и бог.
Не можешь ли ты, изобретательный, как ты
И тонкий, от хитростей, что любил ты
С тех пор как ты был младенцем, и от уловок речи
Обманчивых даже в родной стране?"

Но пойдем; отбросим мы эти хитроумные перестановки
От нашей беседы, в которой мы оба преуспели;
Ибо ты из всех людей в уловках наиболее
Превосходишь и красноречием, а я по всем небесам
Все небеса хвалят за мудрость и искусство".
-COWPER'S *Trans.*

К вышесказанному можно добавить, что "Зевс обманывает и богов, и людей; другие боги обманывают Зевса; в сущности, все гомеровское общество полно коварства и лжи". Однако все еще сохраняется надежда на то, что если боги будут призваны в свидетели сделки посредством клятвы, они накажут обман. Поэты однозначно считали, что боги, если они не сдерживаются и не боятся наказания со стороны Зевса, могут обманывать, как им заблагорассудится. Одна гарантия все же оставалась - клятва у Стикса, [Сноска: см. указатель в конце тома] наказания за нарушение которой перечислены в "*Теогонии*" Гесиода и состоят в девятилетней перевозке, с одиночным заключением и каторжными работами. Что касается клятв, то "Гимн Гермесу" показывает, что в последующих поколениях их торжественность открыто высмеивалась. Среди гомеровских богов, как и среди героев, были, самом деле, старомодные персонажи, которые придерживались честности. Характер Аполлона не запятнан обманом. Так же как и характер Менелая".

Греки в героическую эпоху делились на три сословия - знатных, свободных и рабов. О первых мы уже говорили. О состоянии свободных трудно судить, но большинство из них владело участками земли, которые они обрабатывали. Был и другой класс свободных, не имевших собственности и работавших по найму на чужой территории. "Среди свободных людей, - говорит один из авторов, - мы находим некоторых профессиональных людей, чьи знания и умения возвышались над их классом и обеспечивали им уважение и общество знати. Таковы были провидец, бард, глашатай, а также кузнец и плотник". Рабы принадлежали только знати, и к ним относились с гораздо большей добротой и вниманием, чем к рабам республиканской Греции.

В этот период греки почти ничего не знали о географии за пределами Греции, ее островов и побережья Эгейского моря. Предполагалось, что обитаемый мир окружен океаноподобной рекой, подобной той, что, по описанию Гомера, окаймляет щит Ахилла, за которой находятся царства тьмы, сна и смерти. Законная торговля, судя по всему, считалась малозначимой. Самыми крупными кораблями были стройные полупалубные гребные лодки, способные перевозить не более сотни человек и имевшие подвижную мачту, которую поднимали, а парус прикрепляли только для того, чтобы воспользоваться благоприятным ветром. Большая часть мореплавания в этот ранний период осуществлялась с целью грабежа, и пиратство не считалось бесчестным. Когда Ментор и Телемах прибыли ко двору Нестора, тот, любезно приняв их, из любопытства спросил, кто они - путешественники или разбойники!

Но героический век не был по сути своей грубым и варварским. Греция тогда была густонаселенной и хорошо окультуренной страной, с многочисленными и большими городами, окруженными стенами и украшенными дворцами и храмами. Гомер описывает различные отрасли сельского хозяйства и разнообразные работы, связанные с земледелием, выращиванием винограда и обязанностями пастухов. Ткачество шерстяных и льняных тканей было главным занятием женщин и достигло высокой степени совершенства. Хотя Гомер, возможно, в значительной степени опирался на свое воображение при создании своих блестящих картин, все же их основные черты, несомненно, были взяты из жизни, и многие древние остатки греческого искусства свидетельствуют об общей верности его изображений: В замечательном описании щита Ахилла мы получаем некоторое

представление о прогрессе, которого достигло искусство металлургии и гравировки, а в следующем описании, в пятой книге *Одиссеи*, плота Улисса, на котором этот странствующий герой плыл, покинув остров Калипсо, мы узнаем, какой степени достигло искусство кораблестроения в героическую эпоху. Калипсо дает ему материал для постройки плота.

Плот Улисса.

Она дала ему топор, приспособленный для захвата.
Из железа, громоздкий, обоюдоострый, с рукоятью
из оливкового дерева, прочным и сделанным
С диковинным искусством. Затем, вложив ему в руку
отполированное лезвие, она повела себя по пути
К самому краю острова, где возвышались
ольха, тополь и пронзающая облака ель,
Хоть и безжизненные, но крепкие и самые подходящие для его использования,
как самые жизнестойкие. В эту самую зеленую рощу
Его шаги вела прекрасная нимфа Калипсо,
И снова искала свой дом. Тогда он не спал,
Но, замахнувшись обеими руками на топор, свою задачу
Вскоре закончил; деревьев полных двадцать на землю
Он свалил их, а затем, ловко орудуя кувалдой, разгладил,
А узловатую поверхность расколол леской.
Тем временем прекрасная богиня ему на помощь
Принесла острые шнеки, которыми он просверлил балки,
Затем поставил их рядом, приспособливая каждую
друг к другу, а швы закрыл ватой.

Широкий как художник, искусный в морских делах,
Расстилает днище корабля,
Такую ширину Улисс отвел своему плоту.
Он накрыл его длинными досками, поднятыми
На массивных балках; сделал мачту, к которой
Он пристроил подходящий ярд; он сделал
Руль и штурвал, чтобы регулировать ее курс;
Ивовыми прутьями обнес он всю длину ее
Для безопасности, и много балласта уложил внутри.
Тем временем Калипсо принесла ему для паруса
И он сделал его из самых подходящих материалов,
И к парусу приложил все необходимое.
Из крепкого шнура, канатов и веревок на крыше,
А затем спустил ее с помощью рычагов в глубину".
- *Одиссея*, перевод Б. В. Коупера.

В этом описании мы видим использование адзе - обоюдоострого топора; шнеков для сверления балок; конопатку корпуса; настил из досок; одиночную мачту; верфь, на которой расправляли парус; использование руля и штурвала; "канаты и веревки на крыше"; для безопасности палубу опоясывает плетеный шнур, а внутри уложено много "балласта".

В какой степени высшие виды искусства - те, которые в более поздние времена стали высшей славой Греции и в которых она всегда будет непревзойденной, - культивировались до времен Гомера, остается предметом большой неопределенности. Однако ясно, что

поэзия и музыка, которые были почти неразрывно связаны друг с другом, рано стали важными инструментами религиозного, военного и политического воспитания народа. Поэтическая песня была призвана оживить и украсить банкеты великих общественных собраний, Олимпийские и другие игры, и вряд ли можно назвать хоть одно общественное или публичное мероприятие, которое не казалось бы пылким грекам холодным и бездушным без этого аккомпанемента.

Однако не совсем ясно, достигла ли архитектура во времена Гомера такого уровня, чтобы заслужить место среди изящных искусств. Но вполне вероятно, что если частные жилища, которые описывает поэт, были скорее прочными и удобными, чем декоративными и изящными, то общественные здания - храмы, дворцы и т. д. - были элегантными по дизайну и архитектурному оформлению. В эту эпоху культивировалась скульптура, о чем свидетельствуют остатки многих греческих городов; и хотя у Гомера нет ни одной картины, его описания доказывают, что его современники, должно быть, были знакомы с искусством дизайна. Вопрос о том, были ли греки знакомы в столь ранний период с искусством письма, является, пожалуй, самым важным из всех вопросов, связанных с прогрессом искусства и знаний в это время, поскольку ему уделяется наибольшее внимание. Преобладает мнение, что искусство письма тогда было неизвестно и что никаких письменных сочинений не существовало до многих лет после Гомера.

V. ЗАВОЕВАНИЕ ПЕЛОПОННЕСА И КОЛОНИИ В МАЛОЙ АЗИИ.

Хотя мы еще не полностью вышли из сказочной эпохи греческой истории, теперь мы вступаем в период, когда грубые вымыслы более чем смертных героев начинают уступать место реалиям человеческого существования; но все еще смутные, спорные и часто противоречивые летописи, на которые мы вынуждены полагаться, проливают вокруг нас лишь неопределенный свет; и даже то, что мы можем собрать как наиболее достоверное, не может быть принято полностью за несомненную историческую правду.

Непосредственные последствия Троянской войны, как их представляют греческие историки, были едва ли менее катастрофичны для победителей, чем для побежденных. Возвращение греческих героев домой, как мы видели, было полно трагических приключений, а их долгое отсутствие способствовало захвату многих тронов узурпаторами. Отсюда возникали жестокие войны и междоусобицы, которые значительно замедляли прогресс греческой цивилизации. Однако среди этих мелких революций не было событий, представляющих всеобщий интерес, до тех пор, пока примерно через шестьдесят лет после падения Трои эпирусский народ, перевалив через горную цепь Пинда, не спустился на богатые равнины, лежащие вдоль берегов Пеней, и в конце концов завоевал страну, которой дал название Фессалия. Беглецы из Фессалии, изгнанные из своей страны, перешли в Беотию, которую они покорили после долгой борьбы, в свою очередь изгнав древних жителей этой земли. Предполагается, что это событие произошло в 1124 году до нашей эры.

Неустойчивое состояние общества, вызванное фессалийскими и беотийскими завоеваниями, привело к так называемой "миграции иолийцев", по имени расы, принявшей в ней главное участие. Эти люди перешли в Малую Азию и основали свои поселения в окрестностях руин Трои. Они стали известны как Эолийская конфедерация.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРАКЛИДОВ

Примерно через двадцать лет после фессалийского завоевания дорийцы, которые часто меняли место жительства и в конце концов поселились в горной местности на юге Фессалии, начали переселение в Пелопоннес, сопровождаемые частью других племен и

возглавляемые, как утверждалось, потомками Геракла, которые были лишены своих владений в этой стране и до сих пор предпринимали несколько безуспешных попыток вернуть их. Поэтому это важное событие в греческой истории называется "Возвращение Гераклидов". Дорийцы могли собрать около двадцати тысяч воинов, и хотя они значительно уступали в численности жителям страны, в которую вторглись, весь Пелопоннес, за исключением нескольких районов, был покорен и распределен между завоевателями. Из Гераклидов Темен получил Аргос, сыновья Аристода - Спарту, а Кресфонт - Мессению. Некоторые из непокоренных племен южной части полуострова захватили провинцию Ахаия и изгнали ее ионийских жителей. Последние укрылись на западном побережье Малой Азии, к югу от эолийских городов, и образовавшиеся поселения получили название Иония. Еще позже отряды дорийцев, не удовлетворившись завоеванием Пелопоннеса, устремились в Малую Азию, где заселили несколько городов к югу от Ионии, так что в итоге Эгейское море оказалось окружено греческими поселениями, а его острова покрыты ими.

Дорийцы стали бесспорными хозяевами Пелопоннеса только после завоевания Коринфа в следующем поколении. Взятие Коринфа сопровождалось еще одной экспедицией, которая увлекла дорийцев на север от перешейка. Они вторглись в Аттику и расположились лагерем перед стенами Афин. Прежде чем приступить к штурму города, они обратились к оракулу в Дельфах - самому замечательному оракулу древнего мира, о котором так пишет поэт Лукан:

Слушающий бог, все еще готовый к ответам,
Никому не отказывает в помощи, ни оракулу;
Но мудрый и праведный всегда, не желает слушать
Ни прихоти глупца, ни мольбы виновного;
Хоть тщетно в клятвы они верят,
Никто, кроме праведников, не находит у него милости.
Часто изгнанному, странствующему, бездомному роду
Священным велениям отведено место:
Часто от сильных он спасает слабых на войне,
И исцеляет бесплодную землю и язвенный воздух.

Оракул сказал дорийцам, что они будут успешны до тех пор, пока афинский царь Ко'др будет невредим. Последний, узнав об ответе оракула, переоделся крестьянином и, выйдя из города, был встречен и убит дорийским солдатом, пожертвовав таким образом собой ради блага своей страны. Суеверные дорийцы, сочтя войну безнадежной, ушли из Аттики, а афиняне из уважения к Кодру объявили, что никто не достоин стать его преемником, и полностью отменили царскую власть. Магистраты, называемые архонтами, сначала назначались пожизненно из семьи Кодра, а затем были заменены на других, назначаемых на десять лет. Эти и другие последовательные посягательства на царские prerogatives привели к установлению аристократического правительства знати, и это почти единственные события, которыми наполнены скудные летописи Афин на протяжении нескольких столетий.

Основание греческих колоний в Малой Азии, можно сказать, завершает мифический период греческой истории, а также создает основу для ранних форм подлинной греческой литературы. Поэтому, прежде чем перейти к общим событиям, которые отличают подлинный период греческой истории, мы дадим, во-первых, краткий очерк этой ранней литературы, воплощенной главным образом в поэмах Гомера, и, во-вторых, укажем на некоторые причины, которые имели тенденцию объединять греков как народ, несмотря на их разделение на множество независимых общин или государств.

ГЛАВА III.

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ОБЩНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ ГРЕКОВ.

Самые ранние письменные сочинения греков, о которых сохранились какие-либо записи в традиции или истории, были поэтическими; это обстоятельство, подмеченное и у других народов, дало основание утверждать, что поэзия - это преимущественно язык природы. Но первые поэтические произведения греков не были написаны. Самыми первыми из них, несомненно, были религиозные поучения жрецов и провидцев; за ними вскоре последовали другие, основанные на легендах и генеалогиях греческих героев, которые были обращены их авторами к уху и чувствам сочувствующей аудитории, а затем были взяты на вооружение профессиональными чтецами, называемыми рапсодами, которые путешествовали из места в место, исполняя их перед частными компаниями или на общественных фестивалях.

Из греческих колонистов Азии ионийцы обладали самой высокой культурой, и именно у них мы находим первое развитие греческой поэзии. Взяв из общего языка более богатый тон, ясность и графическую силу, с которыми никогда не сравнивались их соседи, они рано развернули древние легенды и генеалогии расы в новые и расширенные формы поэтической красоты. По словам ДР. С. С. FELTON, [Сноска: "Лекции о древней и современной Греции", т. I, с. 78] "В Ионии народный энтузиазм принял поэтический оборот, и гений этой богато одаренной расы благородно откликнулся на призыв. Поэты-певцы, как их называли вначале, нашли в устно передаваемых балладах богатейшие копи легендарных преданий, которые они переработали в новые формы, отличающиеся ритмической красотой и великолепием. Вместо коротких баллад расе, любящей красоту и ищущей удовольствий, требовались произведения большой длины, с более полно разработанными характерами и драматическим действием; и досуг мира и требования изысканной роскоши послужили поводом и побудительным мотивом для этого более протяженного вида эпической песни". Из высокоцитируемой работы доктора Фелтона мы приводим некоторые наблюдения о красоте ионийского диалекта, а также о поэтическом вкусе и изобретательности, которые в конечном итоге привели к созданию бессмертных эпосов Гомера:

Ионический язык и культура.

"Ионический диалект, созданный из азиатских форм и элементов, прошедших через Север и пересекших Эгейское море, под счастливым влиянием безмятежного и прекрасного неба, среди самых разнообразных и прекрасных пейзажей природы, народом мужественной силы и утонченной умственной и физической организации - острейшей восприимчивости к красоте звука, а также формы, живого и творческого воображения в сочетании с детской импульсивностью и простотой - этот ионийский язык, зародившийся и возвращенный таким образом, обрел описательную силу, полноту и гармонию, что сделало его самым восхитительным инструментом, на котором когда-либо играл поэт. Для каждого настроения ума, каждого оттенка страсти, каждой сердечной привязанности, каждой формы и аспекта внешнего мира у него была своя графическая фраза, свое четкое, уместное и богатое выражение. Его изобразительные слова и предложения ставили описываемые вещи и дышащие ими мысли в живую форму перед глазами и разумом читателя. Она была яркой, насыщенной, мелодичной; по своему общему характеру поразительно конкретной и объективной; очарование для слуха, восторг для воображения; обильная и бесконечно гибкая; свободная и изящная в движении и структуре, в самом начале прошедшая через аккорды лиры и модулированная живым голосом певца; подчиняющаяся скорее импульсу мысли и чувства, чем формальным принципам грамматики.

"Она выражала страсти крепкой мужественности с бесхитростной и бессознательной правдой. Его свобода, его объемная тонкость очертаний, его быстрые изменения конструкции, его перерывы, паузы, значительные и внезапные переходы, его легкие неровности, демонстрируют интеллектуальную игру национальной юности; в то время как в смелости и великолепии он отвечает требованиям самой высокой выдумки и самого величественного размаха воображения, и несет на себе отпечаток гения в полной силе его зрелости". Фредерик Джекобс причудливо, но верно говорит, что "язык Ионии напоминает гладкое зеркало широкого и тихого озера, из глубины которого в преображенной красоте отражается безмятежное небо с его мягким и солнечным сводом и разнообразная природа вдоль его улыбающихся берегов". В Ионии, по выражению того же красноречивого писателя, разум человека "наслаждался жизнью, свободной от рутины, среди ярмарочных празднеств и торжественных собраний, полной чувствительности и веселой радости, невинного любопытства и детской веры". Преданные внешнему миру, склонные ко всему, что привлекало новизной, красотой и величием, люди с величайшей готовностью слушали истории людей и героев, чьи деяния, приключения и странствия наполняли славой минувший век, а когда они перекликались с песнями, то доводили до экстаза грудь слушателей".

"Ионцы с самого начала обладали превосходными природными способностями к литературе и искусству, и когда эта одаренная раса вступила в контакт с античной культурой и безграничным торговым богатством Азии и Африки, во всех направлениях распустились самые прекрасные и благоухающие цветы интеллекта. Неся с собой традиции своей расы и военные песни своих бардов на те самые места, где совершались знаменитые подвиги их предков, эти местные обстоятельства пробудили новый интерес к старым легендам, и эпическая поэзия получила новое начало, более смелый характер, более высокий размах, более широкий диапазон. Общий подъем интеллектуальных сил и поэтического духа внезапно произошел посреди нового процветания и непривычной роскоши Востока, посреди веселой и праздничной жизни, которая сменила века странствий, трудов, лишений и конфликтов, как субботний отдых после изнурительных военных действий недели. Красота природы на ионических берегах и на островах, венчающих Эгейские глубины, вскоре была украшена гением искусства. Величественные процессии, гимны в честь богов, изящные танцы перед алтарями, статуями и святынями, праздничные или торжественные собрания под открытым небом Ионии или в залах князей и вельмож - все это заполняет мгновения нового и ослепительного существования, которым возбужденная эллинская раса приглашена насладиться здесь и сейчас.

"Их первой и самой глубокой потребностью, которая в предыдущие периоды их существования была удовлетворена в первую очередь, было стремление сердца, требование воображения к поэзии и песне; и было бы удивительно, если бы яркий гений Ионии, при всех этих благоприятных обстоятельствах, не ворвался в мир с великолепием, затмившим все его прежние достижения. Поэты, повинувшись призыву, стали появляться на свет, и быстро сформировалась новая школа поэтического творчества, воплотившая в себе эллинские традиции троянской истории и легенды, переданные самими троянцами. Из этих поэтов-певцов формировались отряды или компании, и их произведения приводили в восторг толпы слушателей, которые собирались вокруг них. Наконец, среди этих менестрелей, посвятивших цвет своей жизни служению Музам, появился человек, чей гений затмил их всех. Этим человеком был Гомер".

I. ГОМЕР И ЕГО ПОЭМЫ.

Гомер был не только величайшим из поэтов древности, но и, по общему признанию, отличался перед всеми конкурентами явным и даже огромным превосходством. Обстоятельства его жизни малоизвестны, кроме того, что он был странствующим поэтом и, по крайней мере, в последние годы жизни, был слеп. Предполагается, что он жил почти за тысячу лет до христианской эры; но, как ни странно, ничего не известно с достоверностью ни о его происхождении, ни о месте его рождения. Хотя он, вероятно, был уроженцем острова Хиос, семь греческих городов оспаривали честь его рождения. Ввиду этих споров и сомнений, которые витали в воздухе, поэт Антипатер из Сидона, процветавший незадолго до христианской эры, как будто не мог слишком возвеличить своего великого предшественника, приписывает место его рождения небу, а богине Каллио-пе, одной из Муз, ведавшей эпической поэзией и красноречием, честь быть его матерью.

Некоторые считают, что ты произошел от Колофона;
Некоторые - из Смирны, а некоторые - из Хиоса;
Эти благородные сал'ами воспеты,
А *те* провозглашают, что ты родилась на Иосе;
А другие взывают к Фессалии,
Мать лапийцев.
Так каждый Гомеру назначил
Место рождения, которое соответствует его мнению.

Но если я правильно прочитал книгу,
Фиб своим последователям дал,
я бы сказал, что все они сильно ошибаются,
И что его настоящая страна - рай;
А матерью его может быть
Не кто иная, как Каллиопа.
-Перевод МЕРИВАЛЕ.

Главные произведения Гомера, и, по сути, единственные, которые не были объявлены подделкой, - это "*Илиада*" и "*Одиссея*". Первая, как мы видели, рассказывает о некоторых обстоятельствах последнего года Троянской войны, а вторая повествует о странствиях греческого принца Улисса после падения Трои. Древние, которым были так хорошо знакомы труды Гомера, полностью верили, что именно он является автором двух великих эпосов, которые ему приписывают. Современным критикам оставалось лишь утверждать обратное. В 1795 году немецкий профессор Ф. А. Вольф опубликовал "*Пролегомены*", или предисловие к "*Илиаде*", в котором выдвинул гипотезу о том, что и "*Илиада*", и "*Одиссея*" были собранием отдельных рассказов разных авторов, впервые переложенных на бумагу и объединенных в две великие поэмы афинским деспотом Писистратом и его друзьями. [Сноска: Почти все современные немецкие писатели придерживаются мнения Вольфа против гомеровского авторства этой поэмы, но среди английских критиков существует большее разнообразие мнений. Полковник Мюре, мистер Гладстон и другие выступают против немецкой точки зрения, в то время как Грот, профессор Геддес, профессор Махаффи и другие известные люди принимают ее, по крайней мере до такой степени, что считают, что Гомер не был единственным автором поэм]. Мы не можем здесь вдаваться в подробности споров, которые породила эта теория, и не беремся сказать, на чьей стороне авторитет. Приведенные ниже выдержки хорошо выражают взгляды тех, кто придерживается общепринятой теории по этому вопросу. Так, ПРОФЕССОР ФЕЛЬТОН в предисловии к своему изданию "*Илиады*" замечает: "Со своей стороны я предпочитаю рассматривать ее, как мы получили ее от

древних редакторов, как одну поэму - произведение одного автора, и этот автор Гомер, первый и величайший из менестрелей. Как я понимаю *"Илиаду"*, в ней есть единство плана, гармония частей, согласованность между различными ситуациями одного и того же персонажа, которые характеризуют ее как произведение одного ума; но ума столь же многогранного, сколь разнообразны формы природы, аспекты жизни и сочетания сил, склонностей и страстей в человеке".

По этому же поводу английский автор и критик ТОМАС НУН ТАЛФОРД делает следующие интересные замечания: "Гипотеза, к которой вынуждены прибегать антагонисты личности Гомера, подразумевает нечто гораздо более удивительное, чем теория, которую они опровергают. Они исповедуют глубочайшее почитание гения, проявленного в поэмах. Они также согласны с древностью, которую им обычно приписывают, и делают этот гений и эту древность аргументами, доказывающими, что один человек не мог их сочинить. Они предполагают, что в варварскую эпоху вместо одного человека, обладавшего чудесным даром, было много: могущественная раса бардов, какой мир никогда не видел с тех пор, - множество чудес вместо одного. Весь опыт говорит против этого мнения. В разные периоды существования мира при самых разных обстоятельствах появлялись великие люди, которые удивляли и восхищали его; но то, что интуитивная сила должна быть так странно распределена в какой-то один период среди огромного числа людей, не оставивших после себя преемников, недостойно доверия. И нас просят поверить, что это произошло в эпоху, которую сторонники этой теории считают неблагоприятной для поэтического искусства! Общая теория, независимо от других доказательств, является наиболее вероятной. Поскольку в раннем существовании этих произведений сомневаться не приходится, легче поверить в одного, чем в двадцать Гомеров".

Очень многочисленны и разнообразны характеристики Гомера и приписываемых ему произведений. Поуп в своем *"Храме славы"* воздает должное древнему барду:

Высоко в списке сиял могучий Гомер;
Вечный адамант составил его трон;
Отец стиха! в священные филейные части одет,
Его серебряная борода нежно развевалась на его груди;
Хоть и слеп, но смелость в его взгляде;
В годах он казался, но годы его не тронули.
Вокруг колонн виднелись войны Трои:
Вот свирепый Тидий ранит кипрскую царицу;
Вот Гектор, славный падением Патрокла;
Вот Гектор с триумфом пронесся по троянской стене.
Движение и жизнь вдохновляли каждую часть,
Смелым был труд, гордым - огонь мастера:
Все его лица были полны решимости,
И то тут, то там обнаруживал храброе пренебрежение.

Все признают, что гомеровские персонажи нарисованы, каждый по-своему, рукой мастера. "Самое проникновенное достоинство *"Илиады"*, - говорит один из авторов, - это ее верность и живость как зеркала человека и видимой сферы, в которой он жил, с ее бесконечно разнообразными образами, как реальными, так и идеальными; и задача, которую поставил перед собой великий поэт, была выполнена в совершенстве". "Ум Гомера, - говорит другой, - подобен золотой арфе, так тонко натянутой, что она отвечает на малейшее движение воздуха соразмерной вибрацией. С каждым более сильным током ее музыка поднимается по

почти неизмеримой шкале, которая начинается с самого низкого и тихого шепота и заканчивается полным взмахом органа".

О "возвышенном марше" *"Илиады"* также часто говорят как о характерном стиле, в котором написан этот великий эпос. И все же, как уже было сказано, "хотя стихосложение в ней всегда уместно и, следовательно, никогда не бывает пошлым, оно поднимается до величественности или ужасной возвышенности только тогда, когда Гомеру случается напрячь все свои силы. Так, во Второй книге он с истинным величием начинает сбор греческой армии, отчасти обращаясь к Музам, а отчасти собирая не менее шести последовательных уподоблений, которые описывают, соответственно, во-первых, блеск греческого оружия и великолепие греческих войск; 2-й - кишащие ряды; 3-й - гулкий топот; 4-й - сведение рядов в линию; 5-й - деловитое построение командиров; 6-й - величие великого вождя Агамемнона, "как Марс или Нептун, такой, каким его назначил Иов, выдающийся над всеми своими соратниками"."

Эти уподобления с большим эффектом вводятся в каталог кораблей и войск греков; таким образом, из одной точки на все это льется широкий поток великолепия; и хотя последующее перечисление является лишь простым делом, оно не лишено поэтического приукрашивания и время от времени разбавляется короткими легендами о странах и знаменитых воинах различных племен. Мы приводим здесь эти поразительные уподобления как характерные черты искусства Гомера, с которого, без преувеличения, была скопирована или перефразирована большая часть уподоблений всех последующих писателей, более или менее непосредственно.

Когда было решено вести армию в бой, престарелый Нестор обращается к Агамемнону:

"Пусть твои глашатаи подадут громкий сигнал тревоги,
И созывай отряды, одетые в медное оружие;
Теперь воспользуйся случаем, теперь осмотри войска,
И веди на войну, когда небеса укажут путь".
Он сказал: монарх отдал приказ;
Громкие глашатаи созывают отряды:
Вожди окружают своего короля; войска расходятся,
На племена и народы по обе стороны.

Внешний вид собирающихся воинов описывается следующим образом

Символы.

(1.) Как на какой-нибудь горе, через возвышенную рощу,
Треещащее пламя поднимается и пылает над головой;
Огонь расширяется, как ветер,
Выпускают свои длинные лучи и освещают половину неба;
Так из полированного оружия и медных щитов
По полям пронеслось сверкающее великолепие.

(2.) Не меньше их, чем воплощенных журавлей,
Или молочно-белых лебедей на водных равнинах Асиуса,
Которые, над извилинами источников Ка-ис-тер,
Вытягивают свои длинные шеи и хлопают шуршащими крыльями;
То взлетают ввысь, то кружат в воздухе,
То светятся с шумом, то шумят в поле.

(3.) Так многочисленны и путаны, простираясь вширь,
Легионы теснят Скамандра цветущий край;
Стремительными войсками покрыты равнины,
И громовые шаги сотрясают гулкий берег".

(4.) Вдоль ровных лугов реки они стоят,
Густо, как весной цветы украшают землю,
или листья деревьев; или густо, как играют насекомые,
Бродячий народ летнего дня,
Которые, влекомые молочными потоками, в вечерние часы,
Собравшись в рой, окружают сельские чащи;
От ведра к ведру с деловитым рокотом бегут
Позолоченные легионы, сверкающие на солнце.
Так толпились, так тесно стояли греческие эскадроны
В сияющем оружии, жаждущие троянской крови.

(5. Каждый вождь теперь объединяет свои разрозненные силы
В тесный строй, и образует все более глубокие линии.
Не с большей легкостью умелый пастух
Собирает свои стада из тысяч на равнине.

(6.) Царь царей, величественно высокий,
Возвышается над своими армиями и превосходит их всех;
Как гордый бык, что вокруг пастбищ ведет
Свои подвластные стада, монарх лугов,
Великий, как боги, возвышенный вождь,
Его грудь, как у Нептуна, и как у Марса, его мимика;
И взор его небесной славой овевая,
И рассветные завоевания играли вокруг его головы.
-POPE'S *Trans.*

Симилы встречаются почти на каждой странице "*Илиады*", и они всегда соответствуют теме. Мы выбираем из них следующий дополнительный пример, в котором яркость и количество костров троянцев в их лагере уподобляются луне и звездам в их великолепии, когда, как переводит четвертую строку Каупер, "ни один пар не рассеивает безбрежной синевы".

As when the moon, refulgent lamp of night,
Над небесной лазурью распространяет свой священный свет,
Когда ни один вздох не нарушает безмятежной глубины,
И ни одно облачко не заслоняет торжественную сцену;
Вокруг ее трона вращаются яркие планеты,
И звезды без числа золотят сияющий столб,
Над темными деревьями проливается желтая зелень,
И серебром осыпают все горы;
Затем сияют долины, возвышаются скалы,
Потоком славы заливаются все небеса;
Сознательные лебеди, радуясь этому зрелищу,
Взирают на синий свод и благословляют полезный свет;
Перед гордым Илионом пылает множество костров,
И освещают лучами мерцающий Ксанф.
-*Илиада*, Б. VIII. Перевод Папы Римского.

Шеффилд, герцог Бекингемский, как говорят, заявил о двух великих эпосах Гомера:

Прочтите Гомера один раз, и больше вы не сможете читать,
Ибо все остальные книги покажутся такими убогими, такими бедными;
Стихи покажутся прозой, но все же упорно читайте,
И Гомер будет всеми книгами, которые вам нужны.

Следующая характеристика, принадлежащая перу ГЕНРИ НЕЛСОНА КОЛЕРИДЖА, одновременно правдива и приятна:

"Есть много сердец и умов, для которых одна из этих бесподобных поэм будет восхитительнее другой; есть много таких, которым обе доставят одинаковое удовольствие, хотя и разного рода; но вряд ли найдется человек, не питающий крайнего отвращения к Музам, который будет совершенно нечувствителен к многообразным чарам той или другой. Драматическое действие *"Илиады"* может привлечь внимание там, где это не удалось бы сделать рассеянному повествованию *"Одиссеи"*; но как может тот, кто любит поэзию в любом ее проявлении, не отдать свою душу добродетельному пению сирен Гения и Истины, которое вечно звучит со страниц любой из этих чудесных и поистине бессмертных поэм? В *"Илиаде"* можно найти суровые уроки государственной справедливости или общественной целесообразности, и примеры предназначены для государственных деятелей и полководцев; в *"Одиссее"* нас учат максимам частного благоразумия и индивидуальной добродетели, и примеры применимы ко всему человечеству: в обоих случаях честность, правдивость и стойкость восхваляются и ставятся для подражания; в обоих случаях предательство, ложь и трусость осуждаются и выставляются для нашего презрения и избегания.

"Рожденные, как река Египта, в тайном свете, эти поэмы все еще катятся по своим великим побочным потокам, в которых тысяча поэтов омыли свои священные головы, и оттуда пили красоту и истину, и все сладкие и благородные гармонии. Никому не известно ни время, ни место их излияния из лона земли, но они текли среди полей и у человеческих жилищ, и наши дети теперь резвятся на их берегах и пьют их целебные воды. Из всей греческой поэзии я, например, без колебаний могу сказать, что *"Илиада"* и *"Одиссея"* - самые восхитительные и самые поучительные для меня произведения; в них есть свежесть, которая никогда не увядает, правда и сладость, которые очаровывали меня в детстве и юности и на которые, если я достигну их, я в значительной степени рассчитываю для успокаивающего отдыха в старости".

II. НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ ГРЕЧЕСКОГО ЕДИНСТВА.

Естественными причинами, которые объединяли греков как народ, были общее происхождение, общий язык и общая религия. Греческий гений заставлял нацию проследить свое происхождение, где историческая память отказывала, до сказочных личностей, возникших из земли или богов; а под легендами о первобытных и героических предках скрывались фактические миграции и завоевания грубых групп, возникших из родственных или союзных племен. Эти поэтические сказания, принятые во всей Элладе как исторические, убеждали людей в общности их происхождения. Таким образом, греки имели общую долю в славе своих древних героев, на достижениях или родословной которых основывались претензии семей на наследственную власть, а государств - на лидерство в конфедерациях. Гордость или честолюбие политических соперников приводили к постепенному приукрашиванию этих традиций и заканчивались поклонением предкам. Так, в Аттике был храм ионийского героя Тесея, святилище Эскулапия в Эпидаврусе славилось на

весь классический мир, а подвиги Геракла дорийцы отмечали на гробнице неарийского царя. Когда бард и драматург облакали эти сказания в стихи, вся Греция внимала им; когда художник или скульптор брал эти сюжеты для своего мастерства, вся Греция аплодировала. Так укреплялось национальное чувство братской крови.

Владение общей речью - столь великое средство объединения, что римляне ввели латинский язык для ведения всех государственных дел и официальных записей, даже там, где греческий был более привычным языком; а церковь Средневековья демонстрировала свое единство, используя латынь в каждом епископстве во всех случаях общественного богослужения. Язык не только делает литературу, воплощенную в нем, достоянием всех, кто на нем говорит, но и распространяет среди них тонкий гений, определивший его развитие. О том, как высоко греки ценили свой музыкальный и гибкий язык, свидетельствует анекдот о Фемиде Токлес, которая предала смерти переводчика персидского посольства в Афины за то, что тот осмелился "использовать греческий язык для произнесения требований варварского царя". От Колхиды до Испании некоторые греческие диалекты свидетельствовали о масштабах и единстве эллинской расы.

Греческие религиозные институты были еще более мощным инструментом единства. Именно гений расы, лишенной организованного жречества, а не фантазия поэта, одушевлял природу, олицетворяя ее силы. Зевс был всеохватывающим небесами, отцом богов и людей; Нептун управлял морями; Деметер давал урожай; Юнона была богиней размножения, Афродита - покровительницей Юпитера; Аполлон же представлял собой вдохновляющую радость сферу дня. То же самое воображение оживило землю, назначив дриады деревьями, наяды - фонтанами и ручьями, ореады - холмами, nereиды - морями, сатиры - полями; и в этом многогранном и благочестивом сочувствии к природе нашли свое выражение воображение и благоговение всей Греции. Но греческая религия в ее храмах, оракулах, играх и советах обеспечивала более осязаемые узы единения, чем чувства. В каждом городе было свое божество-покровитель, чей храм обычно был самым красивым зданием в городе, и в него мог попасть любой грек, чтобы принести жертву или помолиться. Священные места не должны были оскверняться теми, кто был осквернен нераскаянными преступлениями, кровью или присутствием мертвых: поэтому храмы Греции были местами убежища для тех, кто хотел скрыться от частной или судебной мести. Самые известные оракулы Греции находились в Додо'на, в Дельфах, в Лебаде'а в Беотии и в Эпидавре в Арголиде. К ним обращались те, кто хотел узнать будущее. К этому суеверию греки были сильно пристрастны и позволяли в самых серьезных делах ждать предзнаменований прорицателя. Народ, настроенный таким образом, требовал и обеспечивал себе беспрепятственный доступ к оракулу. Город, в котором он находился, должен был быть неприкосновенным, а дороги к нему - свободными. Оракул был национальным достоянием, а его хранители - национальными слугами.

ГРЕЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ.

Общественные игры или фестивали греков, вероятно, были более эффективны для укрепления духа единения, чем любой другой результат религиозных чувств Греции. Греки проявляли страстное пристрастие к праздникам и играм, которые время от времени устраивались в каждом государстве для развлечения народа. Однако они были гораздо менее интересны, чем четыре великих общественных игры, посвященных богам: Пифийские в Дельфах, посвященные Аполлону; Истмийские в Коринфе, посвященные Нептуну; Немейские в Немее, посвященные Гераклу; и Олимпийские в Олимпии в Элисе, посвященные Юпитеру. В эти города съезжались молодые и пожилые, частные лица и государственные деятели, торговцы и художники, чтобы посмотреть или поучаствовать в зрелищах. Игры были открыты для всех граждан, которые могли доказать свое эллинское происхождение; призы

присуждались за лучшие демонстрации мастерства в поэзии, а также в беге, борьбе, боксе, прыжках, метании диска или квоита, метании копья и гонках на колесницах.

Самой важной из этих игр была Олимпийская, хотя в ней было заложено много принципов, общих с остальными. Их происхождение неясно; и хотя, судя по всему, в героическую эпоху некоторые греческие вожди праздновали свои победы на публичных играх в Олимпии, только во времена Ликурга, в 776 году до н. э., игры в Олимпии были приведены к определенным правилам и проводились в определенные периоды. В это время они, так сказать, возродились и стали проводиться в конце каждого четвертого года. От их проведения раз в четыре года вся Эллада вела свое летоисчисление, а промежуток, который проходил между одним праздником и следующим, назывался Олимпиадой. На месяц, в течение которого продолжались игры, полностью прекращались все военные действия, чтобы каждый грек мог присутствовать на них без помех и опасностей.

Одним из самых популярных и знаменитых состязаний на этих играх были гонки на колесницах, в которых участвовали четыре лошади. Следующее описание одной из таких гонок взято из трагедии Софокла *"Электра"* в переводе Бульвера. Орест, сын Агамемнона, одержал пять побед в первый день испытаний, а во второй, о котором здесь рассказывается, он стартует с девятью соперниками - ахейцем, спартанцем, двумя ливийцами, этолийцем, магнезийцем, афинянином, афинянином и беотийцем - и встречает свою смерть в момент триумфа.

Гонка на колесницах и смерть Ореста.

Они заняли свои места там, где назначенные судьи
Бросили жребий и расставили состязающиеся машины.
Прогремела медная труба! В путь!
Ликуют разгоряченные кони и трясутся ослабленные поводья;
Как телом заполняется большое пространство
грохотом грохочущих машин;
Высоко вздымаются облака пыли; слившись воедино.
Каждый давит на каждого, и звенят плети, и громко
Фыркают дикие кони, и от их огненного дыхания
Вдоль их грив, и вниз по кругу колес,
Рассеивают хлопья пены.

Орест не шевелится,
Да, когда он пронесся вокруг опасного столба.
Последним по курсу, колесом в стремительной оси,
Левый повод обуздан - тот, что на внешней руке
распущен. Так и покатались колесницы!
Внезапно яростные и стремительные кони энийцев
Сорвались с места, и, как в седьмой раз уже
По курсу кружили, на ливийскую машину
Смял их дикий фронт: тогда порядок сменился разрухой;
Машина на машину; широкая равнина Криссеан
была, как море, усеяна обломками: афинянин увидел,
Сбавил скорость и, колесом обогнув пристань,
Непострадавший и искусный, в срединном пространстве,
Оставив дикий шум этой бури.

Позади Орест, доселе последний,
Сдерживал своих коней до конца;
Теперь остался один-единственный соперник - он летел дальше,
И резкий звук удара бича
Звенел в ушах летящих коней.
Он приближается, он достигает - они бок о бок;
То один, то другой, с каждым мгновением побеждая.
Все курсы пройдены, колеса выпрямлены.
Все в безопасности, когда, когда спешащие скакуны обогнули
Роковой столб, несчастный мальчик
ослабил левое поводье. На краю колонны
Разбилась хрупкая ось - головой вперед от машины,
Пойманный и запутавшийся в поводьях, он упал;
И, не владея собой, бешеные кони помчались вперед!

Громко от могучей толпы раздался
крик, крик! Но вчера такие дела...
А сегодня - такая гибель! Теперь он с вихрем падает на землю,
Теперь его конечности взмыли вверх, и они потащили его, эти
Дикие кони, пока, весь в крови, не сорвались с колес.
Освободили - и никого, ни его ближайших друзей,
Не мог в этом растерзанном трупe отыскать Ореста.
Они положили тело на погребальный костер,
И, пока мы говорим, несут фокийские чужеземцы,
В маленькой, медной, меланхоличной урне,
ту горсть холодного пепла, к которой приковано все
Величие прекрасного уменьшилось.
Внутри они несли его в землю его отца.
Чтобы найти это наследие - могилу.

Считается, что Пифийские игры были учреждены в честь победы, которую Аполлон одержал в Дельфах над змеем Пифоном, отправившись возводить свой храм. Это чудовище, которое, как говорят, возникло из застойных вод потопа Девкалиона, возможно, было не кем иным, как *малярией*, которая опустошала окружающую страну и которую какой-то ранний благодетель расы преодолел, осушив болота; Или, возможно, как предполагает английский писатель Додзуэлл, истинное объяснение аллегорического вымысла состоит в том, что змея была рекой Кефис, которая после потопа, переполнившего равнины, окружила Парнас своими змеевидными извивами и была, наконец, приведена лучами бога-солнца в должные пределы. Поэт Овидий приводит следующее изложение этой басни:

Борьба Аполлона с Пифоном.

Отсюда поверхность земли, грязью
и слизью (отбросы потопа),
Приняла лучи небесные, и, всасывая
семена тепла, зародились новые существа.
Некоторые из них были из нескольких видов, созданных ранее;
Но новых чудовищ земля создала еще больше.
Нехотя, но все же она вывела на свет
Тебя, Питон, и удивленный мир напугать,
И новые народы - столь ужасным зрелищем,

Столь чудовищной была его масса, столь огромным было пространство.
Его огромное тело и длинный шлейф;
Которого Фибус, греющийся на берегу, заметил.
До сих пор бог не пробовал стрел своих
только на трепетного оленя или горного козла:
Теперь он готовится стрелять в новую добычу.

Хотя каждый вал был на месте, он израсходовал весь запас
Из своего колчана; и долго еще
Истекающая змея погрязла в его крови.
Тогда, чтобы сохранить славу о таком подвиге,
Для убитого Пифона пифийские игры учредили,
где благородные юноши должны были бороться за звание мастера.
Квохтать, бегать, управлять конями и колесницами.
Призом была слава; в свидетели славы,
Победителя венчала дубовая гирлянда.
Лавр еще не был рожден для триумфов,
Но все зеленые, что Фибус носил,
Украшали с беспорядочным изяществом его струящиеся локоны.
-Метаморфозы. Перевод Дрейдена.

Победа Аполлона над пифоном представлена статуей Аполлона Бельведерского, возможно, величайшим из существующих произведений античного искусства. Она была найдена в 1503 году среди развалин древнего Антиума, а свое название получила из-за расположения в бельведере, или открытой галерее, Ватикана в Риме, куда ее поместил папа Юлий II. Она демонстрирует представление, которое древние имели об этом благодетельном божестве, а также высокую степень совершенства, которой они достигли в скульптуре. Один из современных авторов дает следующее представление о ней:

"Статуя имеет героические размеры и демонстрирует само совершенство мужественной красоты. Бог стоит с вытянутой левой рукой, все еще держащей лук, в то время как правая рука, только что покинувшая тетиву, находится у его бедра. Эта правая рука и часть правой руки, а также левая рука отсутствовали на статуе, когда ее нашли, и были восстановлены Анджело да Монторсоли, учеником Михаэля Анджело. Фигура обнажена, только через левое плечо свисает короткий плащ. Грудь полна и расширена; мускулы заметны, хотя и не преувеличены; тело кажется немного худым в области бедер, но оно выпрямлено с таким необыкновенным изяществом, что придает всему облику красоту, которой вряд ли обладает какая-либо другая статуя. Скульптор неизвестен: многие приписывают статую эфесцу Хегесиаху, другие - Пракситу-лесу или Кал'амису; но ее происхождение и дата должны оставаться предметом предположений".

Томсон дает следующее поэтическое описание этой замечательной статуи:

Весь охваченный завоеваниями, из распростертого Пифона вышел
Дрожащий бог. В грациозной поступи он стоит,
Руку протянул с ослабленным луком:
Легкие потоки струятся по его легкой одежде, и прекрасно видна
Мужественный, смягченный вид. Цветок богов
На бородатой щеке юношеской волной;
Его черты согревает героический пыл;
И, сладко замирая, улыбается родной,

Смешавшись с радостью, которую дарит победа,
Рассеянный хмурый взгляд возвышает его бесподобный воздух.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОВЕТЫ.

Хотя элементы союза, которые мы рассматривали, произвели значительный эффект в формировании греческого национального характера, укрепив в сознании грека чувства, связывающие его со своей страной, сохранив его национальную любовь и гордость, и оказав важное влияние на его физическое воспитание и дисциплину, они практически не были эффективны в качестве уз политического союза, в котором так нуждалась Греция. Вероятно, именно осознание этой необходимости привело в ранний период к созданию национальных советов, основной задачей которых было регулирование взаимных связей между несколькими государствами.

Примером таких ранних советов могут служить несколько объединений, известных как Амфикитии, из которых только одно, приближавшееся к национальному сенату, получило характерное название "Амфикитийский совет". Считается, что он был учрежден Амфикионом, сыном Девкалиона, царя Фессалии; но он, вероятно, был вымышленной личностью, придуманной для объяснения происхождения приписываемого ему учреждения. Считается, что первоначально совет состоял из депутатов от двенадцати племен или народов - по два от каждого племени. Но по мере того как росли независимые государства или города, каждое из них также имело право на такое же представительство; и ни одно государство, каким бы могущественным оно ни было, не имело права на большее. Совет собирался дважды в год: весной в Дельфах, а осенью в Анте'ла, деревне близ Фермопилии.

Хотя цели этого совета, насколько можно судить, были достойны похвалы, а его действия приводили к самым счастливым политическим последствиям, в конечном счете, он был, прежде всего, религиозной ассоциацией. Он не имел права вмешиваться в обычные войны между представленными в нем общинами, не мог отклонить планы амбиций и завоеваний или усмирить ревность соперничающих государств. Клятва, которую давали его члены, гласила: "Мы не разрушим ни одного амфикитийского города, не лишим его воды ни в войну, ни в мирное время; если кто-либо сделает это, мы выступим против него и разрушим его город. Если кто-либо расхитит имущество бога или вероломно поступит против вещей в его храме в Дельфах, мы накажем его и ногами, и руками, и голосом, и всеми средствами, которые в нашей власти". Как мы видим, главными функциями организации были охрана храма в Дельфах и интересов религии; и только в случае их нарушения или под этим предлогом она могла призвать к сотрудничеству всех своих членов. Как бы ни была неэффективна эта организация во многих случаях, Филипп Македонский, поставив себя во главе ее, подорвал независимость Греции; но ее использование полностью прекратилось, когда дельфийский оракул утратил свое влияние, за значительное время до правления Константина Великого.

Помимо уже названных причин, отсутствие политического союза между греками можно объяснить естественной и взаимной ревностью, которая, по выражению г-на Тирлуолла, "подавляла даже мысль о конфедерации", которая могла бы предотвратить внутренние войны и спасти Грецию от иностранного владычества. Эту ревность не могли устранить институты, о которых мы упоминали; она усиливалась из-за большого разнообразия форм правления, существовавших в греческих государствах. Как хорошо заметил другой писатель, "независимый суверенитет каждого города был основополагающим понятием в греческом сознании. Патриотизм грека ограничивался его городом и редко переходил в общую любовь к благосостоянию Эллады. Политическое разделение между греческими городами было

настолько полным, что гражданин одного из них был пришельцем и чужаком на территории другого. Он был не только лишен права участвовать в управлении, но и не мог ни приобрести собственность на землю или дом, ни вступить в брак с местной женщиной, ни подать иск в суд иначе, как через посредство дружественного гражданина. Таким образом, города отталкивались друг от друга, и симпатии и чувства грека становились все более центральными в его собственном городе".

Учитывая эти условия, неудивительно, что Греция никогда не наслаждалась политическим единством; и именно здесь была ее великая и самоубийственная слабость. Римляне объединили различные расы, постоянно воюющие друг с другом и отличающиеся различиями в диалектах и обычаях, в единое правительство и удерживали их там; но греки, хотя и обладали общим наследием, общим языком, общей религией и общим типом характера, манер и стремлений, позволили всем этим общим интересам, которые могли бы создать нерушимый политический союз, быть подчиненными взаимной ревности и "исключительному патриотизму", из-за которого им было трудно объединиться даже в условиях общей и страшной опасности. "Именно эта политическая рознь всегда заставляла их обращаться с оружием друг против друга и в конце концов подчиняла их власти Македона и Рима".

ГЛАВА IV.

СПАРТА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИКУРГА.

Раскинулся на берегу Евротаса,
Среди круга мягко вздымающихся холмов,
стояла терпеливая Спарта, трезвый, суровый,
И покоряющий людей город, который ни болью
Ни боль не могла покорить, ни наслажденье очаровать.
Ликург там построил, на прочном основании
равной жизни, так хорошо закаленное государство,
Что прочно в веках и непоколебимо стояла
Крепость Греции!
-ТОМСОН.

Возвращаясь к дорийцам Пелопоннеса, мы видим, что в ранние исторические времена Спарта постепенно завоевывала господство над другими дорийскими государствами и распространяла свои владения на всю южную часть полуострова. Этому результату в значительной степени способствовало ее географическое положение. На столовой земле, окруженной холмами, и с трудными спусками к морю, ее естественное состояние было одним из самых сильных, а бесплодная почва способствовала бережливости, выносливости и простоте ее граждан.

В девятом веке Полидект, один из спартанских царей, умер, не оставив детей, и бразды правления перешли в руки его брата Ликурга, который стал известен как "спартанский законодатель". Но Ликург вскоре отказался от короны в пользу посмертного сына Полидекта и отправился в добровольное изгнание. Говорят, что он посетил множество чужих земель, наблюдая за их порядками и нравами, беседуя с мудрецами и тратя свое время на разработку плана по устранению многочисленных расстройств, от которых страдала его родная страна. По возвращении он занялся разработкой новой конституции,

предварительно посоветовавшись с дельфийским оракулом, который заверил его, что "конституция, которую он установит, будет самой превосходной в мире".

I. КОНСТИТУЦИЯ ЛИКУРГА.

Заручившись помощью большинства знатных граждан, которые взялись за оружие, чтобы поддержать его, Ликург добился принятия свода законов, основанного на институтах критского Миноса, в котором форма правления, военная дисциплина народа, распределение имущества, образование граждан и правила домашней жизни должны были быть установлены на новой и незыблемой основе. В рассказе Плутарха об этих правилах утверждается, что Ликург сначала учредил сенат из тридцати членов, избираемых пожизненно, причем оба царя были из этого числа, и что первые разделяли власть вторых. Кроме того, должны были проводиться народные собрания, которые не имели права предлагать никаких предметов для обсуждения, но были уполномочены лишь ратифицировать или отвергать то, что могли предложить им сенат и цари. Затем Ликург произвел раздел земель, так как здесь он обнаружил большое неравенство, поскольку было много неимущих, не имевших земли, а богатство сосредотачивалось в руках немногих.

Чтобы еще больше устранить неравенство между гражданами, Ликург попытался разделить движимое имущество; но так как эта мера встретила сильное сопротивление, он прибег к другому способу достижения той же цели. Он прекратил хождение золотой и серебряной монеты и разрешил использовать только железные деньги; при этом большому количеству и весу этих денег он приписал лишь небольшую стоимость, так что для вывоза одной или двух сотен долларов этих денег потребовалось бы ярмо волов. Это постановление, как говорят, положило конец многим видам несправедливости; ибо "кто, - говорит Плутарх, - станет воровать или брать взятки; кто станет обманывать или грабить, когда не может скрыть добычу - когда он не может ни быть достойным, владея ею, ни быть полезным, используя ее?" Неприбыльные и излишние искусства также были исключены, торговля с иностранными государствами прекращена, а роскошь, лишившись источников поддержки, угасла сама собой.

Благодаря усилиям Ликурга Спарта была избавлена от бедствий анархии и неправильного правления, и в ней начался долгий период спокойствия и порядка. Ее прогресс был обусловлен, главным образом, той частью законодательства Ликурга, которая касалась военной дисциплины и воспитания граждан. Положение Спарты - неукрепленного города, окруженного многочисленными врагами, - вынуждало спартанцев быть нацией воинов. Каждый спартанец с самого рождения принадлежал государству; больных и уродливых детей уничтожали, считая достойными жизни только тех, кто обещал стать полезным членом общества. Поэтому главной целью спартанского воспитания было сделать спартанского юношу искусным в мужественных упражнениях, выносливым и мужественным; в семь лет он начинал курс физической подготовки, сопряженный с большими трудностями и даже пытками. Мужественности спартанец достигал только к тридцати годам, и с тех пор до шестидесяти лет он находился в условиях общественной дисциплины и служил государству. Женщины также проходили курс обучения, почти такой же строгий, как и мужчины, и проявляли такой же большой интерес к благополучию своей страны и успеху ее оружия. "Возвращайтесь либо со щитом, либо на нем", - напутствовали они своих сыновей, когда те отправлялись на битву. Следующие строки, предположительно обращенные спартанской матерью к мертвому телу своего сына, которого она убила, потому что он бесславно бежал с поля боя, проиллюстрируют спартанскую идею патриотической добродетели, которая так тщательно прививалась каждому спартанцу:

Деме'триус, когда он подло бежал с поля боя,
Спартанцем рожденный, спартанскую мать он убил;
Тогда, протянув ему окровавленный меч, она воскликнула
(С презрительной гордостью скрежеща зубами),
"Лети, проклятый отпрыск, в нижние тени,
Где гордый Евротас не будет больше течь
Для таких робких оленей, как ты! Лети, трепещущий раб,
Покинутый несчастный, в темную пещеру Плутона!
Ибо я никогда не рождал столь мерзкого чудовища:
Отвергнутый Спартой, ты больше не мой сын".
-ТИМНЕЙ.

Среди населения Лаконии было три сословия: дорийцы из Спарты, их крепостные, хеоты, и жители провинциальных районов. Первые, правильно называемые спартамцами, были правящей кастой, которые не занимались ни сельским хозяйством, ни каким-либо механическим искусством. Гелоты - это рабы, которые, как принято считать, за упорное сопротивление в некоторых ранних войнах и последующее завоевание были обращены в самое унижительное рабство. Жители провинций представляли собой смешанную расу, состоящую частично из чужеземцев, сопровождавших дорийцев и помогавших им в завоевании, а частично из старых жителей страны, покорившихся завоевателям. Провинциалы находились под контролем спартанского правительства, в управлении которым они не принимали никакого участия, а земли, которыми они владели, были данниками государства; они составляли важную часть военной силы страны и мало на что могли пожаловаться, кроме отсутствия политической независимости.

II. ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА СПАРТАНЦЕВ.

При всей своей преданности военному делу, барды, скульпторы и архитекторы находили в Спарте выгодное занятие. Хотя спартамцы никогда не проявляли многих из тех качеств ума и сердца, которые с таким успехом культивировались в Афинах, они не были чужды влиянию поэзии и музыки. Как пишет поэт Кэмпбелл, "спартамцы не использовали трубу в своем марше на битву, потому что не хотели возбуждать ярость своих воинов. Их строевой шаг был сделан под "дорийское настроение флейты и мягкого диктофона". Доблесть спартамца была слишком высоко закалена, чтобы нуждаться в ошеломляющем или возбуждающем импульсе. Его дух был подобен коню, слишком гордому для шпор".

Они маршировали не под звуки трубы,
И рог не трубил,
И лавровые рощи, когда они проходили,
Не звучал боевой клич!

Они не просили, чтоб глас кларнета зажег
Их души порывом высоким;
Но дорийский тростник и спартанская лира
Для сынов свободы!

И все еще сладостные флейты, их путь вокруг,
Посылали эолийское дыханье;
Им не нужно было более сурового звука.
Чтоб на смерть их собрать!
-МИРС ХЕМАНС.

"В песнях спартанцев, - говорит Плутарх, - присутствовал дух, способный пробудить душу и побудить ее к действию. Они состояли главным образом из восхвалений героев, погибших за Спарту, или же из выражений презрения к тем несчастным, которые отказались от славной возможности. Не забывали они и о стремлении к славе, соответствующей их эпохе. Не лишним будет привести пример. На их праздниках было три хора, соответствующих трем возрастам человека. Старики начинали,

"Когда-то в битве смелой мы блистали".

Молодые отвечали,

"Испытайте нас, наша бодрость не угасла".

а мальчики заключили,

"Пальма осталась только за нами".

И действительно, если мы внимательно рассмотрим те лакедемонские поэмы, которые сохранились до наших дней, и проникнемся духом тех песен, которые исполнялись на флейте во время похода на битву, то согласимся, что Терпангер и Пиндар очень удачно соединили доблесть и музыку. Первый так рассказывает о Лакедемоне:

То сверкает юноши яркий фальчион; то муза
Возвышает свой сладкий голос; затем ужасная Справедливость открывает
Свой широкий шатер.

И Пиндар поет,

То в серьезном совете сидит мудрец:
То пылает юношеский гнев.
Чтоб метнуть дрожащее копье;
Муза славой венчает их оружие,
И Мелодия чарует,
И Наслаждение ведет танец.

Таким образом, нам сообщают не только об их воинственности, но и об их музыкальном мастерстве".

Поэт Ион из Хиоса дает нам следующее элегантное описание мощи Спарты:

Город Спарта не обнесен стеной слов;
Но когда юная Арес обрушивается на ее мужчин,
Тогда разум правит, и рука совершает дело.

III. ЗАВОЕВАНИЯ СПАРТЫ.

При Ликурге Спарта начала свой завоевательный путь. О смерти великого законодателя мы не имеем достоверных сведений, но утверждается, что, обязав спартанцев не вносить никаких изменений в законы до его возвращения, он добровольно изгнал себя навсегда из своей страны и умер в чужих краях. В течение столетия или более после Ликурга спартанцы жили в мире со своими соседями, но между ними и мессенцами, народом к западу от Лаконии, возникла ревность, которая, стимулируемая оскорблениями и обидами с обеих сторон, привела к ПЕРВОЙ МЕССЕНИЙСКОЙ ВОЙНЕ, 743 года до христианской эры. Первые

четыре года спартанцы почти не продвигались вперед, но на пятом году войны произошла большая битва, и, хотя ее результат был нерешительным, мессенцы сочли благоразумным отступить к сильно укрепленной горе Ито'ме. На восемнадцатом году конфликта спартанцы потерпели тяжелое поражение и были отброшены на свою территорию, а в конце двадцатого года мессенцы были вынуждены покинуть крепость Итоме и оставить свои богатые поля в неприкосновенном владении своих завоевателей. Многие жители бежали в Аркадию и другие дружественные территории, а с теми, кто остался, обращались очень сурово и довели их до состояния гелотов.

Война, завершенная таким образом, развила воинственный дух, который так хорошо были рассчитаны поощрять институты Ликурга; спартанцы были настолько суровы и непреклонны в своих требованиях, что подтолкнули мессенцев к восстанию тридцать девять лет спустя, в 685 году до н. э. Мессенцы нашли умелого лидера в лице Аристомена, чья доблесть в первой же битве вселила страх в его врагов и вселила уверенность в его соотечественников. В этой борьбе аргивяне, аркадяне, си-ци-онийцы и пизанцы выступили на стороне Мессении, а коринфяне - на стороне Спарты. В тревоге спартанцы обратились за советом к дельфийскому оракулу и получили унижительный ответ, что они должны искать вождя у афинян, между страной которых и Лаконией не было сношений уже несколько веков. Боясь послушаться оракула, но не желая идти на поводу у спартанцев, афиняне послали к ним поэта Тиртия, который ничем не отличился в качестве воина. Однако его патриотические и воинственные оды подняли дух спартанцев и вдохновили их на новые усилия в борьбе с врагом. Он предстает как великий герой Спарты во время Второй Мессенской войны, и из дошедших до нас его песен мы приводим следующие в качестве примера:

На поле, на поле, доблестная спартанская дружина,
Достойные сыны, как ваши предки, нашей воинственной земли!
Пусть каждая рука будет готова к своей роли в бою,
Щит - левой, копье - правой;
Пусть в груди вашей не будет места заботам о жизни,
Не знали такой заботы герои древнего спартанского рода".
[Сноска: Mure's "History of Greek Literature", vol.
vol. iii., p. 195].

Но спартанцы не сразу добились успеха. В первой же битве они были разбиты с большими потерями, но на третий год войны мессенцы потерпели серьезное поражение из-за предательства Аристократа, царя их аркадских союзников, который покинул их в пылу сражения, и Аристомен удалился в горную крепость Ира. Война продолжалась с переменным успехом в общей сложности семнадцать лет; на протяжении всего этого периода Аристомен отличился многими благородными подвигами, но все его усилия спасти свою страну были безрезультатны. Во второй раз Спарту завоевали (668 г. до н.э.), и иго, казалось, навсегда закрепилось за Мессенией. В дальнейшем растущая мощь Спарты, казалось, была обречена на неоспоримое господство не только в Пелопоннесе, но и во всей Греции. Еще до 600 года до н. э. Спарта отвоевала у аркадян верхнюю долину Евротаса, а сорок лет спустя заставила Тегею, столицу Аркадии, признать свое главенство. Еще позже, в 524 году до н. э., долгая борьба с аргивянами завершилась в пользу Спарты, и теперь она была самым могущественным из греческих государств.

ГЛАВА V.

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ.

Хотя греческие политические писатели учили, что существуют, прежде всего, три формы правления - монархия, или правление одного; аристократия, правление немногих; и демократия, правление многих - последняя всегда ограничивалась греками *свободными людьми* - тем не менее, похоже, что когда любая из них вырождалась из своей предполагаемой законной цели, благосостояния государства, она обозначалась особым именем. Так, монархия, в которой преобладали корыстные цели, становилась тиранией; а в поздней греческой истории так преобладали настроения против царской власти, что всех царей называли *тиранами*; аристократия, которая направляла свои меры главным образом на сохранение своей власти, становилась олигархией; а демократия, которая отходила от гражданского и политического равенства, которое было ее предполагаемой основой, и отдавала преимущество какой-либо фракции, иногда обозначалась термином *охлократия*, или господство сброда. "Развращенная таким образом демократия, - говорит ТИРЛВАЛЛ, - проявляла многие черты тирании. Она завидовала всем, кто выделялся рождением, состоянием или репутацией; поощряла льстецов и подхалимов; была ненасытна в своих требованиях к собственности богатых и с готовностью выслушивала обвинения, которые грозили им смертью или конфискацией. Класс, страдавший от такого угнетения, обычно недовольный принципом самой конституции, воспламенялся самой яростной враждой от способа ее применения и считал огромную массу своих сограждан своими смертельными врагами".

Поскольку во всех греческих государствах существовал многочисленный класс людей, не имевших полных прав гражданства, включая, в частности, лиц, обращенных в рабство в качестве военнопленных, а также иностранных поселенцев и их потомков, не существовало и такой формы правления, которую современные люди понимают под полной демократией. О республике, в современном понимании этого термина, то есть *представительной* демократии, греки тоже ничего не знали. Как отмечает один американский государственный деятель, "несомненно, что величайшие философы среди них сочли бы чем-то чудовищным *республику*, раскинувшуюся на половине континента и охватывающую двадцать шесть государств, каждое из которых само по себе было бы империей, а не *содружеством* в их понимании этого слова"[Сноска: Hugh S. Legaré's Writings, vol. i., p.440].

I. ПЕРЕХОД ОТ АРИСТОКРАТИИ К ОЛИГАРХИИ.

В течение нескольких столетий после предполагаемой Троянской войны в политической истории греческих государств происходили постепенные изменения, результатом которых стал отказ от большей части царской власти, преобладавшей в героическую эпоху. В более поздний период за этим изменением последовало введение и установление сначала аристократии и, наконец, демократических форм правления, которые определили весь дальнейший характер общественной жизни греков. Три причины, более заметные, чем остальные, которые большинство авторов называют для этих изменений и окончательного принятия демократических форм, это, во-первых, более широкие взгляды, вызванные Троянской войной, и разногласия, которые последовали за возвращением тех, кто участвовал в ней; во-вторых, большие потрясения, которые сопровождали миграции фессалийцев, беотийцев и дорийцев; и, в-третьих, свободные принципы, которые естественно породили сношения и торговля с греческими колониями.

Но третья из этих причин более других способствовала изменению политического положения греков. Независимо от того, были ли миграции греческих колонистов вызваны, как правило, завоеваниями, которые вынуждали многих покидать свои дома и искать убежища в чужих землях, или предпринимались, как в некоторых случаях, с согласия и при поддержке родительских государств, редко возникало чувство зависимости с одной стороны и мало или совсем не было претензий на власть с другой. Особенно это касается ионийцев, которые едва успели обосноваться в Малой Азии, как сбросили с себя власть князей, которые привели их в новые поселения, и установили форму правления, более демократичную, чем все существовавшие тогда в Греции.

С быстрым прогрессом торговой промышленности и морских открытий, от которых зависело процветание колоний, рос дух независимости, который в течение долгого времени оказывал влияние на родительские государства Греции и способствовал развитию там свободных принципов. "Свобода, - говорит красноречивый автор[Сноска: Heeren, "Politics of Ancient Greece", p. 103], - созревает в колониях. Древние обычаи не могут быть сохранены, не могут быть полностью возобновлены, как дома. Прежние узы привязанности к земле и древним обычаям разрываются во время путешествия; дух чувствует себя более свободным в новой стране; требуются новые силы для необходимых усилий; и эти усилия вдохновляются успехом. Когда каждый человек живет трудом своих рук, возникает равенство, даже если раньше его не было. Каждый день наполнен новым опытом; необходимость общей защиты ощущается сильнее в тех землях, где новые поселенцы находят древних жителей, желающих от них освободиться. Стоит ли удивляться, что власть основателей греческих колоний, даже там, где она существовала изначально, вскоре уступила место свободе?"

Но изменения в политических принципах греческих государств происходили медленно и обычно сопровождались внутренними ссорами и судорогами. Монархия в большинстве случаев упразднялась путем отмены титула архонта, или главного магистрата, - термина менее оскорбительного, чем царь; затем должность главного правителя становилась выборной, сначала в одной семье, потом в нескольких - сначала пожизненно, потом на несколько лет; и, наконец, власть делилась между несколькими представителями знати, образуя таким образом аристократию или олигархию. В тот период греческой истории, к которому мы подошли, демократия была еще неизвестна; но главные греческие государства, за исключением Спарты, которая всегда сохраняла царскую форму правления, отменили царскую власть и заменили ее олигархией. Это изменение не улучшило положение народа, который, увеличиваясь в численности и интеллекте, в то время как правящий класс уменьшался в численности и богатстве, осознал свои ресурсы и выдвинул свои требования на представительство в правительстве.

II. ОТ ОЛИГАРХИЙ К ДЕСПОТИЯМ.

Однако падение олигархий произошло не по воле народа. "Простонародье, - говорит ТИРЛВАЛЛ, - даже реально превосходящее по силе, не могло сразу избавиться от благоговения, которое на него произвели годы подчинения. Ему нужен был вождь, который бы его одушевлял, объединял и направлял; и редко кто мог внушить ему доверие в его собственных рядах". Поэтому такого вождя обычно находили в лице честолюбивого гражданина, возможно, дворянина или члена олигархии, который с помощью хитрости и насилия делал себя верховным правителем государства. При таких обстоятельствах свержение олигархии было не триумфом народа, а лишь триумфом популярного в то время лидера. Такого человека называли *тираном*, но не в том смысле, в котором мы используем этот термин. Герен говорит: "Греки связывали с этим словом идею незаконного, но не обязательно жестокого правления". Поэтому, поскольку это слово означает просто

безответственное правление одного человека, его правильнее обозначать термином "деспот" или "узурпатор"; хотя на самом деле правительство часто носило самый жестокий и тиранический характер.

"Заслуги этой расы правителей, - говорит Бульвер, - и те неосознанные блага, которые они принесли, не были справедливо оценены ни древними, ни современными историками. Без своих тиранов Греция, возможно, никогда бы не установила демократии. Самые мудрые и знаменитые тираны отличались крайней скромностью в поведении: Они не принимали на себя ни необычайной пышности, ни высоких титулов, оставляли нетронутыми или делали еще более популярными внешние формы и институты правительства, не были требовательны в налогообложении, не связывали себя с низшими сословиями, и их приход к власти обычно приносил немедленную пользу рабочим классам, которых они использовали в новых укреплениях или новых общественных зданиях, ослепляя граждан великолепием, которое казалось не столько показным для отдельного человека, сколько для процветания государства. Именно против аристократии, а не против народа, они направляли свою острую пронизательность и неустанную энергию. Каждый политический тиран был Людовиком Одиннадцатым, ослаблявшим дворянство и создававшим средний класс. Своей цели он добивался насильственными и беспринципными методами. Он сметал смертью или изгнанием всех, кто противился его власти или возбуждал его страх. Таким образом, он не оставил между государством и демократией ничего, кроме себя самого; и, устранив себя, демократия естественно и само собой возникла"[Сноска: "Афины: их взлет и падение", т. I, стр. 148, 149].

С середины седьмого века до нашей эры и на протяжении более ста пятидесяти лет мало какой греческий город избежал деспотического правления. Хотя история Афин представляет собой, пожалуй, самый яркий пример этого, самой продолжительной тиранией в Греции была тирания в городе Сикион, которая длилась сто лет при Ортаг'орусе и его сыновьях. Их династия была основана около 676 года до н. э., и ее продолжительность объясняется мягкостью и умеренностью. Последним представителем этой династии был Клисфен, чья дочь стала матерью афинянина Клистена, основателя демократии в Афинах после изгнания писистратидов. Деспоты Коринфа были более знамениты. Их династия просуществовала семьдесят четыре года, будучи основанной в 655 году. При Периандре, который пришел к власти в 625 году и чье правление было жестоким и деспотичным, Коринф достиг своего наивысшего процветания. Его правление длилось более сорока лет, и вскоре после его смерти династия прекратилась, будучи побежденной Спартой.

Через перешеек от Коринфа находился город Мегера, деспотом которого в 630 году до н. э. стал смелый и амбициозный Феагнес. Как и многие другие узурпаторы своего времени, он украсил город великолепными и полезными зданиями. Но после тридцатилетнего правления он был свергнут, и началась жестокая борьба между олигархией и народом. Сначала последние добились успеха; они изгнали многих вельмож и конфисковали их имущество, но изгнанники вернулись и силой оружия восстановили свою власть. Но борьба продолжалась, и только спустя много лет олигархическое правительство утвердилось. Большой интерес к этим революциям в Мегаре придают труды современника поэта Теог'ниса, члена олигархической партии. "Его сочинения, - говорит ТИРЛВАЛЛ, - интересны не столько содержащимися в них историческими фактами, сколько тем светом, который они бросают на характер и чувства партий, разделивших его родной город и многие другие".

В стихах Теогниса "его острое чувство личных страданий почти поглощено горячим горем и негодованием, с которыми он созерцает состояние Мегары, торжество *плохих* [так он обычно называет народ] и деградацию *хороших* [представителей старой аристократии]". Таким

образом, описываются некоторые из социальных изменений, которые произвела народная революция:

Наше содружество сохраняет свою былую славу:
Наши простые люди уже не те, что прежде.
Они, что в шкурах и кожах, были грубо одеты,
Не мечтали о законе, не искали возмещения ущерба
По правилам права, но в былые времена
Жили на земле, как скот в стаде,
Теперь они *храбрые и хорошие*; а мы, остальные,
теперь *подлые и плохие*, хотя когда-то были лучшими.

Похоже также, что некоторые представители аристократии по рождению настолько забыли о своем главенствующем положении, что стали вступать в браки с теми, кто обладал большим богатством; на такое положение вещей поэт жалуется следующим образом:

Но в ежедневных поединках, что мы совершаем
Цена - это все; ради денег
Мужчины женятся - женщины замуж отдаются;
Плохой или трус, что в богатстве преуспел,
Может потомство свое с гордым родом сравнить:
Так все смешалось, благородное и низменное.

Узурпации в Сикионе, Коринфе и Мегаре служат иллюстрацией того, что происходило почти во всех греческих государствах в седьмом и шестом веках до христианской эры. Некоторые из них, относящиеся к более позднему периоду, будут рассмотрены в одной из последующих глав.

ГЛАВА VI.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ АФИН.

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДРАКОНОВ.

Как мы уже говорили, последовательные посягательства на царские prerogatives, последовавшие за смертью Коэдра и приведшие в конце концов к установлению олигархии, - почти единственные события, которыми наполнены скудные афинские летописи на протяжении нескольких столетий, вплоть до 683 года до н. э. "Здесь, как и везде, - говорит один выдающийся историк, - удивительная тишина внезапно сменяется разнообразным шумом предприятий и приключений, а также толпой интересных персонажей, которые предстают перед нами в героический век. Кажется, что жизнь больше не предлагает ничего для поэзии, чтобы прославить ее, или для истории, чтобы записать". История Афин, таким образом, можно сказать, начинается с учреждения девяти ежегодных архонтов в 683 году до н. э. Они обладали всей полнотой власти, религиозной, гражданской и военной. Афинское население не только не имело никаких политических прав, но и находилось в состоянии, лишь немного превышающем рабство; и, похоже, именно из-за анархии, возникшей в результате разорительных поборов знати, с одной стороны, и сопротивления народа - с другой, Драко, самый выдающийся из знати, был выбран для подготовки первого письменного свода законов для управления государством (624 год до н. э.).

Драко подготовил свой кодекс в соответствии с духом и интересами правящего класса, а суровость его законов сделала его имя нарицательным. О них говорили, что они были написаны не чернилами, а кровью. Мелкие кражи он карал так же, как святотатство и убийство, говоря, что первые преступления заслуживают смерти, а для вторых у него не было более сурового наказания. Конечно, законодательство Драко не смогло успокоить царившее недовольство, и человеческая природа вскоре восстала против такой узаконенной резни. Как пишет один английский автор, "в Афинах проявились первые симптомы политического кризиса, который, как и в других греческих государствах, ознаменовал переход власти от олигархической к народной партии". Килон, афинянин из богатой и хорошей семьи, женился на дочери Феагена, деспота Мегары. Воодушевленный успехом своего тестя, он задумал захватить Акрополь во время следующего олимпийского праздника и стать хозяином Афин. Соответственно, в это время он со значительными силами захватил Акрополь, но, не получив поддержки массы народа, заговор провалился, и большинство его участников были преданы смерти.

II. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЛОНА.

Содружество было окончательно сведено к полной анархии, без закона, порядка и системы отправления правосудия, когда Солон, происходивший от Кодр, занял пост первого магистрата (594 г. до н. э.). Солон родился в Саламине около 638 года до н. э., и его первое появление в общественной жизни Афин произошло именно в это время: За несколько лет до 600 года остров Саламин восстал из Афин в Мегару. Афиняне неоднократно терпели неудачу в попытках вернуть его, и, наконец, одиозность поражения была такова, что был принят закон, запрещающий под страхом смерти выдвигать любые предложения о возобновлении этого предприятия. Возмущенный такой пассивной политикой, Солон придумал план, как побудить своих соотечественников к действию. Обладая некоторым поэтическим талантом, он сочинил поэму о потере Саламины и, притворившись безумным, чтобы избежать наказания закона, бросился на рыночную площадь. Плутарх говорит: "Там, когда вокруг него собралось множество людей, он встал на камень глашатая и запел элегию, которая начинается так:

"Слушайте и внимайте; из Саламиса я пришел
Чтоб показать твою ошибку".

Уловка удалась: закон был отменен, экспедиция против Саламины была поручена Солону, и за один поход он изгнал мегарцев с острова.

Солон - поэт, оратор и солдат - превратился в рассудительного законотворца, чья слава достигла самых отдаленных уголков известного тогда мира, а законы легли в основу Двенадцати таблиц Рима. Английский поэт сказал,

Кто не знает Солона, последнего и мудрейшего из далеких,
Из тех, кого Греция, торжествуя на высоте
славы, называла своим отцом? Его, чей голос
В Афинах утишил бурю гражданского гнева;
Научил завистливое желание и жестокое богатство объединиться
В дружбе, и сладостным принуждением укротил
Минервы нетерпеливый народ к своим законам,
Которые вдохновляла в его груди их собственная богиня?
-АКЕНСАЙД.

Возвысившись, как уже говорилось, до должности первого архонта, Солон был избран, по согласию сторон, арбитром их разногласий и наделен всеми полномочиями для разработки новой конституции и нового свода законов. Он легко мог использовать эту почти неограниченную власть в опасных целях, и его друзья убеждали его сделать себя верховным правителем Афин. Но он сказал им: "Тирания - это честное поле, но у нее нет выхода"; его суровая честность была защитой от всех соблазнов свернуть с пути чести и предать оказанное ему доверие.

Насмешки, которым он подвергся за то, что отверг власть узурпатора, он описал следующим образом

Ни пальма мудрости, ни глубоко продуманная политика
Не может похвастаться Солон. Ведь когда благороднейшие блага
Небеса изливали ему на колени, он отторгал их от себя;
Где были его разум и дух, когда
Он нашел самую вкусную добычу и не соизволил ее взять?
Кто, владея справедливыми Афинами лишь один день,
Не пал бы сам, со всем своим родом.
Успокоившись на следующий день?

Тяжелые поборы правящих порядков уже довели трудящиеся классы до нищеты и крайней зависимости; все, кого плохие времена или случайные бедствия вынуждали брать в долг, обеднели из-за высоких процентов, а тысячи несостоятельных должников были проданы в рабство, чтобы удовлетворить требования неумолимых кредиторов. При таком положении дел наиболее жестокие и нуждающиеся требовали нового распределения собственности, в то время как богатые сохранили бы все плоды своего вымогательства и тирании. Выбрав средний путь между этими крайностями, Солон облегчил положение должников, снизив процентную ставку и повысив стоимость валюты: он также освободил земли бедняков от всех обременений; отменил тюремное заключение за долги; вернул свободу тем, кого бедность загоняла в рабство; и отменил все законы Дракона, кроме законов против убийства. Затем он разделил всех граждан на четыре класса, в зависимости от их земельной собственности; только первый класс имел право на высшие гражданские должности и высшее командование в армии, в то время как для второго и третьего классов были открыты лишь некоторые из низших должностей. Последние, однако, были частично освобождены от налогов, но на войне они должны были нести службу, один - в качестве кавалерии, другой - в качестве тяжеловооруженной пехоты.

Лица четвертого класса были отстранены от всех должностей, но взамен полностью освобождены от налогов; и все же они принимали участие в управлении государством, поскольку им разрешалось участвовать в народных собраниях, имевших право утверждать или отвергать новые законы и избирать магистратов; здесь их голоса считались наравне с голосами самых богатых дворян. На войне они служили только в легких войсках или укомплектовывали флоты. Таким образом, система Солона, основанная в первую очередь на имущественном цензе, обеспечивала всех свободных людей; ее целью было предоставить простолюдинам такую долю в управлении, которая позволила бы им защитить себя, а богатым - то, что было необходимо для сохранения их достоинства, возлагая на последних бремя управления, но не лишая первых его преимуществ.

Солон сохранил магистратуру девяти архонтов, но с урезанными полномочиями; в качестве защиты от демократической экстравагантности, с одной стороны, и сдерживания неоправданного присвоения власти - с другой, он учредил сенат из четырехсот человек и

основал или реконструировал суд Ареопага. Сенат состоял из членов, выбранных по жребия из первых трех классов; но никто не мог быть назначен на эту должность, пока не прошел строгий экзамен на знание своей прошлой жизни, характера и квалификации. Сенат должен был консультироваться с архонтами по всем важным вопросам, а также готовить все новые законы и постановления, которые должны были выноситься на голосование народного собрания. Суд Ареопага, заседавший на возвышенности в западной части афинского Акрополя, состоял из лиц, занимавших должность архонта, и был верховным трибуналом по всем делам, связанным со смертной казнью. Он также осуществлял общий надзор за образованием, моралью и религией и мог приостановить решение общественного собрания, которое считал глупым или несправедливым, до его повторного рассмотрения. Именно этот суд приговорил к смерти философа Сократа, и перед этим же почтенным трибуналом апостол Павел шестьсот лет спустя выступил с памятной защитой христианства.

Таков краткий обзор институтов Солона, которые представляют собой смесь аристократии и демократии, хорошо приспособленную к характеру эпохи и обстоятельствам жизни народа. Очевидно, что они в гораздо меньшей степени контролировали занятия и домашние привычки людей, чем спартанский кодекс, но в то же время они демонстрируют гораздо большее внимание к общественной морали. Успех Солона хорошо подытожен в следующей краткой характеристике его добродетелей и гения поэтом Томсоном:

Он построил свое общее благосостояние
На широком основании справедливости: с помощью нежных законов
Живой народ обуздал, но не затушил;
Сохраняя до сих пор тот быстрый, особый огонь,
Когда на лавровом поле изящных искусств
И смелой свободой блистали непревзойденно,
Гордость улыбающейся Греции и всего человечества.

Говорят, Солон заявил, что его законы - не лучшее, что он мог придумать, а лучшее, что могли принять афиняне. В следующих строках приводится его собственная оценка заслуг, которые он оказал своему смущенному государству:

"Сила снега и яростный град посылаются
Из вздымающихся туч, что нависли над небесами.
Отсюда громкие раскаты грома, и молнии сверкают
По мраку беспокойного воздуха.
Непоколебимый бурями, старый Океан мирно спит.
Пока громкая буря не вздыбит гневные глубины.
Так и государство, в полном смятении,
Часто теряет своих благороднейших граждан;
И часто народ, некогда безопасный и свободный,
Их собственное безрассудство обрекает на тиранию.
Мои законы вооружили толпу полезной силой,
Изгнали почести и неравное право,
Научили гордых богатством и высоким положением,
Почитанию справедливости и отвращению к бесчестию;
И дали обоим щит, их защитную башню,
Против честолубивых целей и беззаконной власти".

III. УЗУРПАЦИЯ ПИСИКРАТА.

Законодательство Солона не сопровождалось полным исчезновением партийного духа, и, пока он отсутствовал в Афинах, посещая Египет и другие восточные страны, три видные фракции в государстве возобновили свою древнюю вражду. Писистрат, богатый родственник Солона, поддерживавший меры последнего своим красноречием и военными талантами, сумел завоевать расположение массы народа и стать его лидером. Так, Звездочет с удовольствием описывает его: "Великий Писистрат!

Великий Писистрат! Этот вождь прославленный,
Которого воспитали Гермес и идалийская царица,
С самого его рождения, к каждому могучему искусству
Угождать и убеждать; из чьих уст
Струилось красноречие, которое, как клятвы любви,
Могло увести подозрения из сердец
Всех, кто слушал. Так, изо дня в день
Он завоевывал всеобщее избирательное право и видел, как
Каждый соперник был омрачен и подавлен
Под его усилением; но часто жаловался.
Как тот, с кем обращаются менее любезно, кто надеялся
заслужить благосклонность, но поневоле подчиняется.
Чтоб услуги другого предпочесть,
И не ослабляет ни веры, ни рвеня.
Потом рассказывали о его завистливых врагах,
О ловушках, что следили за его славой, о кинжалах, направленных
против его жизни.

Когда его планы созрели для исполнения, Писистрат однажды выехал на афинскую площадь, его мулы и он сам были обезображены недавними ранами, нанесенными его собственными руками, но которые он заставил толпу поверить, что они были получены от банды убийц, которых его враги, аристократы, наняли для убийства "друга народа". Об этой сцене рассказывает тот же поэт:

Наконец, с дрожащими конечностями,
Волосы его растрепались, одежды распустились,
И запятнанные кровью от ран, нанесенных им самим,
Он ворвался в общественное место, как туда,
как в убежище, и объявил
В рваных словах, со вздохами глубокого сожаления,
О смертельной опасности, которую он едва успел отразить.

Уловка удалась. Его сторонники тут же созвали собрание, и возмущенная толпа немедленно назначила ему охрану из пятидесяти граждан для защиты его личности, хотя Солон, вернувшийся в Афины и присутствовавший при этом, предупредил их о пагубных последствиях такой меры.

Вскоре Писистрат воспользовался полученной благосклонностью и, вооружив большое количество своих сторонников, сбросил маску и захватил Акрополь. Один лишь Солон, твердый и непоколебимый, публично выступил на рыночной площади и призвал народ сопротивляться узурпации.

Солон быстрыми возмущенными шагами
Называет собравшийся народ; провозглашает вслух
Не время для советов; в копьях их
Положили все свое благоразумие: тиран еще
Не так прочно сидел на своем троне,
Но один удар их объединенной силы
Сбросит его с вершины гордыни.
И в пыль его повергнет.

Но его призыв оказался тщетным, и Писистрат, не встретив сопротивления, стал хозяином Афин. Узурпатор не внес никаких изменений в конституцию и предоставил законам действовать своим чередом. Он оставил Солон в покое; говорят, что престарелый патриот, отвергнув все предложения о милости, отправился в добровольное изгнание и вскоре умер в Саламине. Дважды Писистрат был изгнан из Афин коалицией враждующих группировок, но вернул себе власть и удерживал ее до своей смерти (527 г. до н. э.). Хотя он ужесточил бразды правления, он правил справедливо и мягко, и украсил Афины многими великолепными и полезными работами, среди которых Лицей, ставший впоследствии знаменитым местом отдыха философов и поэтов. Говорят, что он был первым человеком в Греции, который собрал библиотеку, открытую для публики, и именно ему потомство обязано собранием поэм Гомера. ТИРЛВАЛЛ говорит: "В целом, хотя мы не можем одобрить шаги, с помощью которых Писистрат пришел к власти, мы должны признать, что он использовал ее по-царски; и мы можем верить, что, хотя при его династии Афины никогда не смогли бы подняться до того величия, которого они достигли впоследствии, она была обязана его правлению сезоном отдыха, во время которого она приобрела большую часть той силы, которую она в конце концов раскрыла."

ТИРАНИЯ И СМЕРТЬ ГИППИАСА.

После смерти Писистрата его сыновья Гиппий, Гиппарх и Фессал унаследовали его власть и в течение нескольких лет следовали по его стопам и осуществляли его планы, заботясь лишь о том, чтобы занять наиболее важные должности своими друзьями, и держа постоянный отряд иностранных наемников, чтобы обезопасить себя от враждебных фракций и народных волнений. После четырнадцатилетнего совместного правления возник заговор с целью освободить Аттику от их власти, во главе которого встали два молодых афинянина, Гармоний и Аристогион, чья личная неприязнь была спровоцирована жестоким оскорблением семьи первого. Один из братьев был убит, но и двое молодых афинян погибли в этой схватке. Гиппий, старший из правителей, стал жестоким тираном и вскоре потерял расположение народа, который заручился помощью спартанцев, и род Писистратидов был изгнан из Афин, чтобы никогда не вернуть себе былого могущества (510 г. до н. э.). Гиппий бежал ко двору Артаферона, правителя Лидии, входившей тогда в состав персидского владения Дария, где его интриги во многом способствовали началу войны между Персией и Грецией.

Имена Гармодия и Аристокитона были увековечены тем, что некоторые авторы называют "невежественной или предвзятой благодарностью афинян". DR. АНТОН считает их трусливыми заговорщиками, не заслуживающими героических почестей. Но, как он говорит, за государственный счет им были воздвигнуты статуи, а когда оратор хотел внушить слушателям мысль о высочайших заслугах и благороднейших заслугах в деле свободы, он не преминул напомнить о Гармодии и Аристокитоне. Их имена не переставали повторять с нежным восхищением в застольных афинских песнях, отводивших им место на островах "блаженных", рядом с Ахиллом и Тидием. Из одной из самых известных и популярных песен, написанной Каллисом Тратом, мы приводим следующие стихи:

Гармодий, град! Хоть и лишен ты дыхания,
Ты не почувствуешь смерти удар;
Счастливые острова героев будут
Светлой обителью, отведенной тебе.

Пока имя свободы понятно
Ты будешь радовать мудрых и добрых;
Ты осмелился освободить свою страну,
И дал ее законам равенство.

IV. РОЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ.

После изгнания Гиппия на политическое руководство государством претендовал Клис'тес, которому Афины были в основном обязаны своим освобождением от Писистратидов. Но ему противостоял Исаг'орас, которого поддерживала аристократия. Чтобы сделать свое дело популярным, Клисфен задумал и сумел осуществить изменение конституции Солона, которое давало народу большую долю в управлении государством. Он разделил народ на десять племен, вместо прежних ионических четырех племен, а те, в свою очередь, были разделены на округа или поселения, называемые *дезами*. Он расширил полномочия и обязанности сената, назначив в него пятьсот членов, по пятьдесят от каждого племени; управление военной службой он передал в руки десяти генералов, по одному от каждого племени. Реформы Клисфена положили начало афинской демократии. Как отмечает ТИРЛВАЛЛ, "они привели к тому, что простонародье превратилось в новое тело, снабженное новыми органами и дышащее новым духом, которое больше не подвергалось ни малейшему контролю со стороны какого-либо влияния, кроме влияния богатства и личных качеств старой знати. Весь каркас государства был реорганизован в соответствии с новым делением страны".

По заявлению Исагора и его партии Спарта, завидуя растущей силе Афин, предприняла три безуспешные попытки свергнуть афинскую демократию и восстановить Гиппия в верховной власти. В конце концов она отказалась от этого проекта, так как не смогла найти союзников для помощи в этом предприятии. "Теперь Афины вступили в свой славный путь. Институты Клисфена привили гражданам личную заинтересованность в благополучии и величии своей страны, и среди них быстро распространился дух горячего патриотизма. Персидские войны, последовавшие почти сразу же, служат ярким доказательством героических жертв, на которые они были готовы пойти ради свободы и независимости своего государства".

ГЛАВА VII.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ.

Важной частью истории Греции является та, которая охватывает эпоху греческой колонизации и распространения торговли греков почти на все побережье Средиземного моря. О различных обстоятельствах, которые привели к основанию греческих колоний, и особенно ионических, эолийских и дорийских, на побережье Малой Азии и островах Эгейского моря, мы уже говорили. Эти последние всегда были тесно связаны с Грецией, в общую историю которой они включены; но города Италии, Сицилии и Киренаики были

слишком далеки от драмы, разыгрывавшейся у берегов Эгейского моря, чтобы переменчивая судьба родительских государств влияла на них более чем эпизодически и временно. Поэтому краткое описание некоторых из этих далеких поселений, которые в конечном итоге соперничали по силе и ресурсам даже с Афинами и Спартой, не может быть неинтересным, а также поможет составить более точное представление о масштабах и важности области греческой истории.

В ранний период берега Южной Италии и Сицилии были заселены греками; греческие города стали настолько многочисленными и могущественными, что Страбон и другие исследователи объединили их под названием *Magna Græcia*, или Великая Греция. Самые ранние из этих далеких поселений были основаны в Кумæ и Неап'олисе, на западном побережье Италии, примерно в середине одиннадцатого века. Кумæ был построен на скалистом холме, омываемом морем; то же название до сих пор применяется к руинам, разбросанным вокруг его основания. Некоторые из самых великолепных вымыслов "Энеиды" Вергилия связаны с кумейской Сибиллой, чья предполагаемая пещера, вырубленная в твердой скале, на самом деле существовала под городом:

Просторная пещера, в самой дальней ее части,
Была вырублена и создана трудолюбивым искусством,
Сквозь полые бока холма; перед этим местом
Сто дверей, сто входов благодатных;
Столько же голосов раздается, и звук
Слова Сибиллы столько же раз отзвучат.
-Æneid B. VI.

ГРОТЕ говорит: "Миф о сибилле перешел от кимвров в Олисе, вместе с другими обстоятельствами сказания об Эне, к их собратьям, жителям Кумæ в Италии. В пологой скале под самыми стенами города находилась пещера Сивиллы; а в непосредственной близости располагались дикие леса и темное озеро Авернус, посвященное подземным богам и предлагавшее учреждение жрецов, совершавших обряды вызывания мертвых для предсказаний или разрешения сомнений и загадок. Именно здесь греческое воображение локализовало циммерийцев и басню об О-дисее"[Сноска: Путешествие Улисса (Одиссея) в inferнальные области. *Odyssey*, B. XI.]

Необычайное плодородие Сицилии привлекало греческих колонистов. Наксос, на восточном побережье острова, был основан около 735 года до н. э., а в следующем году некие коринфяне заложили фундамент Сиракуз. Вскоре после этого были основаны Ге'ла, на западном побережье острова, и Месса'на, ныне Месси'на, в проливе между Италией и Сицилией. Агригенум, расположенный на юго-западном побережье, был основан примерно столетие спустя и прославился великолепием своих общественных зданий. Пиндар назвал его "прекраснейшим из смертных городов", а к Терону, его правителю с 488 по 472 год, поэт обращается во второй олимпийской оде:

Ну же, душа моя! Натяни тетиву;
Согнись у лука:
К кому теперь взлетит славная стрела
Хвала благосклонности кроткой?
В Агригентум лети,
Стрела песней, и там воздай хвалу твою;
Ибо я клянусь: сто лет пролетело,
Но город никогда не знал

Более либеральной руки, более любящего сердца,
Чем, Терон, твоя! Ибо таков ты.

И все же неправда вознесла хвалу ему;
Дыханием несправедливости дышат безумцы,
Которые ищут в драке
Эхо его добродетелей заглушить,
И своими жестокими делами затмевают дни
Его безмятежной славы.
Неисчислимы пески на берегу океана;
И кто перечислит
Те радости в груди других, что посеяла рука Терона?
-Перевод ЭЛТОНА.

В это время греческие города Сибарис, Крото'на и Тарен'тум были основаны на юго-восточном побережье Италии и быстро достигли могущества и роскоши. Территориальные владения Сибариса и Кротоны простирались по всему полуострову от моря до моря. Первый владел двадцатью пятью зависимыми городами и управлял четырьмя отдельными племенами или народами. Территория Кротоны была еще более обширной. Эти два греческих государства достигли максимума своего могущества около 560 года до н. э. - времени воцарения Писистрата в Афинах, но они поссорились друг с другом, и результатом этой борьбы стало разорение Сибариса в 510 году до н. э. Тарентум был заселен колонией спартанцев около 707 года до н. э., вскоре после первой Мессенской войны. Никаких подробностей его истории за первые двести тридцать лет существования нам не известно, но в четвертом веке до нашей эры тарентинцы занимали первое место среди италийских греков и сохраняли свое могущество до времен римского господства.

В течение первых двух столетий после основания Наксоса на Сицилии греческие поселения были распространены на восточной, южной и западной сторонах острова, в то время как Хим'эра была единственным греческим городом на северном побережье. Эти двести лет были периодом процветания сицилийских греков, которые жили в основном в укрепленных городах и осуществляли власть над окружающим туземным населением, которое постепенно ассимилировалось по манерам, языку и религии с более высокой цивилизацией греков. "Нельзя сомневаться, - говорит Грот, - что эти первые два века были периодом стабильного роста сицилийских греков, не нарушаемого теми смутами и бедствиями, которые наступили впоследствии и которые привели, правда, к необычайному возвышению некоторых из их общин, но также и к разорению некоторых других; более того, кажется, что карфагеняне в Сицилии не доставляли им хлопот до времен Ге-лона. Их положение покажется необычайно выгодным, если принять во внимание необычайное плодородие почвы на этом прекрасном острове, особенно вблизи моря; его способность выращивать кукурузу, вино и масло - те виды культуры, к которым греческий земледелец привык при менее благоприятных обстоятельствах; его обильные рыбные промыслы на побережье, столь важные для греческой диеты и не уменьшающиеся даже в наши дни - вместе с овцами, крупным рогатым скотом, шкурами, шерстью и древесиной от местного населения во внутренних районах"[Footnote: "History of Greece", vol. iii., p. 367.]

В шестом веке до христианской эры греческие города на Сицилии и в Южной Италии были одними из самых могущественных и процветающих, носящих эллинское имя. Гела и Агригентум, расположенные на юге Сицилии, стали тогда самыми выдающимися из сицилийских правительств; в начале пятого века мы видим, как Гелон, деспот первого города, подчиняет своей власти другие города. Овладев Сиракузами, он сделал их

резиденцией своей империи (485 г. до н. э.), оставив Гелу под управлением своего брата Хи'эро, первого сицилийского правителя с таким именем.

Гелон укрепил укрепления и значительно расширил пределы Сиракуз, а чтобы занять увеличившееся пространство, разобрал многие окрестные города и перевез их жителей в свою новую столицу, которая теперь стала не только первым городом Сицилии, но и, по словам Геродота, превосходила все остальные эллинские державы. Когда в 480 году до нашей эры грозное карфагенское войско под командованием Гамилькара вторглось в Сицилию по наущению персидского царя Ксеркса, который захватил Грецию и Афины, Гелон во главе пятидесяти пяти тысяч человек вступил в бой с карфагенянами при Гимере и разбил их со страшной резней, причем сам Гамилькар был в числе убитых. Победа при Гимере обеспечила Сицилии иммунитет от внешней войны, а поражение Ксеркса при Саламине в тот же день рассеяло грозную тучу, нависшую над греками в этом районе.

Сиракузы оставались процветающим городом еще несколько столетий, но последующие события, представляющие интерес для ее истории, будут описаны в следующей главе. Другой важной греческой колонией была Кирена, расположенная на северном побережье Африки, между территориями Египта и Карфагена. Она была основана около 630 года до н. э. и, обладая преимуществами плодородной почвы и прекрасного климата, быстро росла в богатстве и могуществе. В течение восьми поколений ею управляли цари, но около 460 года до н. э. царская власть была упразднена и установлено демократическое правительство: В конце концов Кирена попала под власть карфагенян, и так оставалась до тех пор, пока Карфаген не был разрушен римлянами. Мы упомянули только самые важные из греческих колоний, и даже история этих, наиболее известных, не связана между собой и отрывочна.

ГЛАВА VIII.

ПРОГРЕСС ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

I. ПОЭМЫ ГЕСИОДА.

Быстрое развитие литературы и искусства - одна из самых приятных и ярких черт греческой истории. Как хорошо сказал один писатель, "развитие греческого ума шло непрерывно с самого раннего рассвета истории народа до падения его политической независимости; и в каждый последующий век создавались некоторые из тех шедевров гения, которые были образцами и предметом восхищения всех последующих времен". Первый период греческой литературы, закончившийся около 776 года до н. э., можно назвать периодом эпической поэзии. Его главными памятниками являются эпосы Гомера и Гесиода. Первые по сути своей героические, повествующие о подвигах воинов и полубогов; вторые же представляют нам различные этапы бытовой жизни и носят скорее этический и религиозный характер. Гомер представляет поэзию или поэтическую школу, принадлежащую главным образом Ионии в Малой Азии. О его поэмах мы уже рассказывали, и, минуя второстепенных поэтов, называемых *циклическими*, о творчестве которых мы почти ничего не знаем, мы дадим краткий очерк поэм, приписываемых Гесиоду.

Гесиод является представителем школы бардов, которая сначала развилась в Беотии, а затем распространилась на Фокисе и Эвбее. До нас дошли три якобы его произведения - "*Труды и дни*", "*Теогония*" и "*Щит Геракла*". Последнее, однако, сейчас принято считать произведением какого-то другого поэта. От DR. ФЕЛЬТОНА мы имеем следующую общую характеристику этих поэм: "Помимо их внутренних достоинств как поэтических

произведений, эти поэмы имеют высокую ценность благодаря свету, который они бросают на мифологические представления тех ранних времен, и благодаря ярким картинам, представленным в *"Трудах и днях"*, трудностей и удовольствий повседневной жизни, суеверных наблюдений, домашней мудрости общего опыта и пословичной философии, в которую этот опыт был превращен. За правдивость изложения вообще ручается вся древность; а в стиле изложения и тоне мыслей присутствует неистовая свежесть, напоминающая о родной земле". О самом поэте мы узнаем из его сочинений, что он был уроженцем Ас'кра, деревни у подножия горы Хел'икон в Беотии. О времени его рождения у нас нет сведений, но вполне вероятно, что он расцвел на полвека или век позже Гомера. О его жизни сохранились лишь немногие сведения, которые он приводит в своих произведениях; из них мы узнаем, что он занимался пастушеским промыслом и что его лишили большей части наследства по решению судей, которых подкупил его брат Персес. Впоследствии этот брат значительно ухудшил свое положение и обратился к Гесиоду за помощью. Поэт помог ему, а затем обратился к нему с *"Трудами и днями"*, в которых излагает определенные правила для регулирования и ведения своей жизни.

Замысел Гесиода, как отмечает один известный автор, заключался в том, чтобы "сообщить брату в резких выражениях и в том порядке, а может быть, и в беспорядке, который подсказывали его возбужденные чувства, свои мнения или советы по целому ряду вопросов, представляющих глубокий интерес для обоих и для того социального круга, в котором они находились". Книга *"Труды и дни"* может быть более уместно озаглавлена "Письмо с увещанием или советом" брату; с увещанием о глупости его прошлого поведения, с советом относительно будущего. От этих двух основополагающих данных зависит каждый факт, учение и иллюстрация поэмы, так же существенно, как сюжет *"Илиады"* от гнева Ахилла". [Сноска: Mure's "Language and Literature of Ancient Greece", vol. ii., p.384]. Другой автор хорошо охарактеризовал все произведение как "древнейший образец дидактической поэзии, состоящей из этических, политических и тонких экономических наставлений". Она написана в домашнем и неизобразительном стиле, но на всем протяжении пронизана возвышенным и торжественным чувством, основанным на идее, что боги установили справедливость среди людей, сделали труд единственным путем к процветанию и так распорядились годом, что у каждой работы есть свой назначенный сезон, знак которого можно различить".

В *"Трудах и днях"* есть три примечательных эпизода. Первый - рассказ о Промее, который продолжается в *"Теогонии"*, второй - о четырех веках человечества. Оба они являются типами определенных этапов или превратностей человеческой судьбы. Третий эпизод - описание Зимы, поэма, не слишком соответствующая духу произведения, но "в которой много прекрасной и энергичной живописи". Приведенный ниже отрывок из него служит образцом описательных способностей поэта:

Зима.

Берегись январского месяца, берегись
Этих пагубных дней, этого пронзительного воздуха.
Который сбивает стада; когда сосульки бросают
На замерзшую землю и укрывают от порывов ветра.
Из Фракии, где разводят коней, мчится
Над широким морем вихрь северный,
И движет его своим дыханием: океанские потоки
и земля воет в своих диких лесах.
Много дубов с высокой листвой он повалил,

И густыми соснами усеял горные долины:
Он опускается на землю, и вокруг раздается грохот;
В глубине леса раздается грохот.
Звери трепещут, поджав хвосты,
И сжимаются, и дрожат от порывистого холода;
Толстая шерсть, мохнатая шкура,
Но леденящее дыхание проникает внутрь.
Вола не спасет его грубая шкура;
Длинношерстный козел, беззащитный, чувствует ветер:
Но тщетно северный ветер, что мчится, ранит.
И стадо, укрытое шерстью, ограждено.
Он склоняет старика, сгорбившегося под бурей,
Но не щадит нежную девичью кожу.
Укрытой крышей матери в зимние ночи,
И незнакома с мистическими обрядами золотой Венеры,
Она купается в водах бани,
И блестящей мазью покрывает свои изящные конечности;
В своей комнате она ложится на пуховое ложе,
Пока зима воет в буре над ее головой.

Теперь грызет бескостный полип свои ноги,
И голодает среди мрачных скал его пустынное пристанище;
Ибо нет больше солнца, сверкающего лучами,
сквозь прозрачные моря освещает его добычу.
А теперь рогатые и безрогие,
чье логово в лесу, измученные, скрежещут
И, охлажденные и дрожащие, летят
Туда, где дубы в горных дебрях обнимаются с высокими деревьями:
Они ищут ворон в зарослях на поляне,
Или затаились в глубоком укрытии, в какой-нибудь скалистой норе.
Как старики, что, опираясь на костыли, ступают
С разбитой силой и согнутой головой,
Так передвигаются земные звери и, низко пригнувшись,
И белых хлопьев сторонятся, и снега боятся.
-Перевод ЭЛТОНА.

Теогония охватывает темы более высокого порядка, чем "*Труды и дни*". "Она восходит, - говорит ТИРЛВАЛЛ, - к рождению богов и происхождению природы, и раскрывает весь порядок мира в серии генеалогий, которые олицетворяют существа каждого рода, содержащиеся в ней". Поздний известный писатель говорит, что "для греков она была более ценной, чем "*Труды и дни*", поскольку содержала авторизованную версию генеалогии их богов и героев - вдохновенный словарь мифологии, отступать от которого было опасно". [Сноска: "Греческие поэты" Джона Аддингтона Саймондса]. Эта работа, однако, не обладает такими поэтическими достоинствами, как другая, хотя в ней есть несколько отрывков завораживающей силы и красоты. "Знаменитый отрывок, описывающий Стикс, - говорит ПРОФЕССОР МАХАФФИ, - показывает, что поэт знал и ценил дикие пейзажи реки Стикс в Аркадии; описание сна и смерти, которое непосредственно предшествует ему, также очень красиво. Конфликт богов и титанов сопровождается великолепным грохотом и громом и намного превосходит по замыслу, хотя и уступает по исполнению, битву богов в "*Илиаде*". [Сноска: Mahaffy's "History of Classical Greek Literature", vol. i., p. 111]. Поэмы Гесиода рано

стали популярны среди сельского населения Греции, но в городах, особенно в Спарте, где война считалась единственным достойным занятием, они были надолго отброшены в пользу более героических строк Гомера.

II. ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ.

Со времен Гомера и примерно до 560 г. до н. э. многие виды сочинений, которыми впоследствии отличались греки, были практически неизвестны. Нам говорят, что драма находилась в зачаточном состоянии, а проза, хотя и практиковалась в большей или меньшей степени в этот период в целях пользы или необходимости, не культивировалась как отрасль популярной литературы. Однако был еще один вид композиции, который достиг своего наивысшего совершенства на последнем этапе эпического периода, - это лирическая поэзия. Но от шедевров лирической поэзии сохранилось лишь несколько фрагментов.

КАЛЛИНУС.

Первым представителем этой школы был Каллинус, эфесец второй половины VIII века до н. э., которому приписывают изобретение элегического дистиха, характерной формы ионийской поэзии. Среди немногих фрагментов этого поэта есть следующая прекрасная военная элегия, вызванная, вероятно, персидским вторжением в Малую Азию:

Как долго вы будете дремать! Когда же вы возьметесь за ум,
И бояться упреков соседей?
Проклятье, товарищи, думать, что мир вам обеспечен,
в то время как меч и стрелы опустошают нашу землю!
Позор! Крепче хватайтесь за щит, прикрывайте смелую грудь!
Поднимите копье, когда вы идете на врага!
Не думая об отступлении, не признаваясь в ужасе,
Бросьте свой последний дротик, умирая, или нанесите свой последний удар.
О, это благородно и славно - сражаться за всех нас.
За нашу страну, за наших детей, за жену нашей любви!
Смерть приходит не раньше; ни один солдат не падет.
Пока его нить не сплетут сестры сверху.
Умереть однажды - вот погибель человека: спешите, спешите в бой!
Ему не спастись, хотя бы кровь его была кровью Джова.
Пусть на время он обманет пронзительную стрелу бегством;
Судьба настигнет его наконец в палате одной.
Он умрет без сожаления, без сожаления? Не так.
Когда, башня своей страны, в смерти падает храбрец;
Трижды прославлено имя его среди всех, высоких и низких,
Как с благословениями при жизни, так и со слезами в могиле.
-Перевод Г. Н. КОЛЕРИДЖА.

[Сноска: "Сестры", о которых здесь идет речь, были *Пар'ко*, или *Судьбы* - три богини, которые управляли судьбами смертных: 1-я, Кло'то, которая держала 2) Кло'то, которая держала прялку; 2) Лах'есис, которая пряла каждому его часть нити жизни, и, в-третьих, Ат'ропос, которая отрезала нить своими ножницами.

Клото и Лакесис, чья власть безгранична,
вместе с Атропос, подчиняются и люди, и боги. -HESIOD.]

АРХИЛ'ОХУС.

Следующим по времени идет Архилох Паросский, сатирик, процветавший между 714 и 676 гг. до н. э. Его принято считать первым греческим поэтом, писавшим ямбическим размером; но есть свидетельства, что этот размер существовал и до его времени. Этот поэт был обручен с дочерью знатного жителя Пароса, но отец, вероятно, соблазненный заманчивыми предложениями более богатого жениха, запретил бракосочетание. После этого Архилох сочинил столь горькую пасквиль на семью, что дочери дворянина, как говорят, повесились. По словам Саймонса, "он сделал ямбический метр своим собственным и превратил его в страшное оружие нападения. Каждый написанный им стих был отполирован и заострен, как наконечник стрелы. Каждая строка была пропитана ядом отвратительных обвинений в адрес его возлюбленной, ее сестер и отца". [Footnote: "The Greek Poets," First Series, p. 108].

С тех пор Архилох вел скитальческую жизнь, полную превратностей, но изобилующую свидетельствами его заслуг. "В то время как Гесиод в бедных и отсталых районах центральной Греции робкой рукой изменял тон и стиль эпической поэзии, не отказываясь от ее формы, Архилох, бушующий среди богатства и бедности, среди торговли и войны, среди любви и ненависти, всегда в изгнании и все же везде дома - Архилох полностью порвал с традициями литературы и колонизировал новые территории своим гением." [Footnote: "Classical Greek Literature", vol. i., p.157.] Говорят, что он вернулся на Парос за некоторое время до своей смерти, где из-за победы, которую он одержал на Олимпийском фестивале, обида и ненависть, которые раньше питали к нему, превратились в благодарность и восхищение. Его смерть, случившаяся на поле боя, не смогла погасить его славу, и его память была отмечена праздником, учрежденным его соотечественниками, во время которого его стихи исполнялись попеременно с поэмами Гомера. "Таким образом, - говорит старый историк, - по року, часто сопутствующему гениальным людям, он провел жизнь в страданиях и обрел почет после смерти. Поношение, бесчестие, презрение, нищета и гонения были обычными спутниками его личности; восхищение, слава, уважение, великолепие и пышность были спутниками его тени". За исключением Гомера, ни один поэт классической древности не приобрел столь высокой славы. Среди греков и римлян он был одинаково почитаем. Цицерон ставил его в один ряд с Софоклом, Пиндаром и даже Гомером; Платон называл его "мудрейшим из поэтов", а Лонгин "с восторгом говорит о потоках его божественного вдохновения".

ALC'MAN.

Миновал Симонида Аморгосского, прославившегося, главным образом, весьма неблагозвучной, но изобретательной и гладкой сатирой на женщин, и Тиртея, чьи вдохновляющие и патриотические оды, как мы видели, доказали безопасность Спарты в одной из мессенских войн, мы приходим к первому истинно лирическому поэту Греции - Алкману - первоначально лидийскому рабу в спартанской семье, но освобожденному своим хозяином благодаря его гению. Он расцвел после второй Мессенской войны, и его стихи отражают характер этого периода, который был приятным и мирным. В основном они эротические, аматорские или посвященные удовольствиям светской жизни. Он успешно культивировал хоровую поэзию, а его "*Парфения*", состоящая из разнообразных сюжетов, была написана для пения девицами Тайге'туса. "Его превосходство, - говорит Муре, - по-видимому, заключалось в его описательных способностях. Лучший и один из самых длинных сохранившихся отрывков его произведений - это описание сна или, скорее, ночи; описание, не превзойденное, возможно, ни одним подобным отрывком в греческом или любом другом языке, и которому подражали или перефразировали многие выдающиеся поэты." [Сноска: "История греческой литературы", том iii., стр. 205] Ниже приводится его авторский перевод:

Теперь на сонной земле царит ночь.
Спокойно спят вершины гор и тенистые долины,
суровые скалы и полые долины;
Дикие звери дремлют в своих норах,
Скот на холмах. Глубоко в море
Бесчисленная раса вьюрков и чудовищный выводок
Безмятежно отдыхают. Даже занятая пчела
Забывает о своем ежедневном труде. Тихий лес
Больше не слышно шумного гула насекомых;
И все пернатое племя, покоренное нежным сном,
Устроились на поляне и свесили свои поникшие крылья.

АРИОН И СТЕЗИХРУС.

Арион, большая часть жизни которого прошла при дворе Периандра, деспота Коринфа, и Стесихор из Гимеры на Сицилии, процветавший около 608 года до н. э., - два греческих поэта, особо отмеченные за усовершенствования, внесенные ими в хоровую поэзию. Первый изобрел дикий, нерегулярный и стремительный дифирамб, [Сноска: От *Дифирамба*, одного из названий Вакха] первоначально вид лирической поэзии в честь Вакха; но от его произведений не сохранилось ни одного фрагмента. Первоначальное имя последнего было Тис'иас, а сам он назывался Стесихор, что означает "предводитель хоров". Поздний историк характеризует его как "первого, кто нарушил монотонность хоровой песни, состоявшей до этого не более чем из одной однообразной строфы, разделив ее на строфу, антистрофу и эподу - поворот, возвращение и остальное". ПРОФЕССОР МАХАФФИ пишет о нем следующее: "Обнаружив, что вкус к эпической декламации угасает, он взялся за воспроизведение эпических историй в лирической форме и изложил суть старых эпосов в богатых и разнообразных метрах и с размеренными движениями обученного хора. Это был прямой шаг к драме, ибо, когда любой член хора вставал отдельно и обращался к остальному хору, перед нами уже была суть греческой трагедии". [Сноска: "Классическая греческая литература", т. I, стр. 203.] Произведения Стесихора состояли из гимнов в честь богов и в честь героев, любовных песен и песен-пиршеств.

АЛКЬЮС.

Среди лирических поэтов Греции некоторые авторы отводят первое место Алкею, уроженцу Лесбоса, процветавшему около 610 года до н. э., которого называли ярим другом и защитником свободы, скорее потому, что он так хорошо отзывался о патриотизме, чем из-за своих поступков во имя этой свободы. Однако поэт АКЕНСИДЕ называет его "лесбийским патриотом" и таким образом противопоставляет его стиль стилю Анакреона:

Разорвав оковы родной земли,
Посвятив стыд и месть ее владыкам,
С более громким порывом и грозной рукой
Лесбиянка-патриотка ударяет по звучащим аккордам:
"Вы жалкие, вероломные!
Вы, проклятые богами и свободнорожденными!
Вы убийцы законов!
Хоть сейчас вы славите свою похоть,
Хоть ныне вы в пыли попираете слабую шею,
Но время и праведный Джов рассудят ваше страшное дело".

Стихи Алкея были в основном военными и питейными песнями большой красоты, и говорят, что они послужили латинскому поэту Горацию "не только метрической моделью, но и темой для некоторых из его самых прекрасных од". Поэт участвовал в войне между Афинами и Митилеей (606 г. до н. э.) и пользовался репутацией храброго и искусного воина, хотя однажды, как говорят, он бежал с поля боя, оставив за собой оружие. Образцом его воинственных од является следующее описание военного убранства его собственного дома:

The Spoils of War.

Блестит медью мой особняк широкий;
Крыша украшена со всех сторон,
 В воинской гордости,
Шлемы стоят в порядке ярком,
И плюмажи из конского волоса кивают белым,
 Галантное зрелище!
Подходящее украшение для чела воина.
И вокруг стен в хорошем ряду
 Отблеск яркий
Прочные латы из меди, словно золотые,
И корсеты во множестве складок
 Из льняной фольги;
И щиты, что в битве бьются,
Поверженные неудачники дня
 отбросили.
И эвбейские фальчионы тоже видны,
С богато вышитыми поясами между ними
 ослепительным блеском:
А вокруг набросаны роскошные сюртуки,
трофеи вождей, прославившихся на войне,
 можно найти:
Это и все остальное, что вы здесь видите,
Плоды славной победы
 Достигнутой мною.
-Перевод МЕРИВАЛЕ.

САПФО.

Современницей Алкея была поэтесса Сапфо, единственная женщина Греции, которая когда-либо стояла в одном ряду с прославленными поэтами другого пола, и которую Алкей называл "темноволосой, безупречной, сладко улыбающейся Сапфо". Лесбос был центром эолийской культуры, а Сапфо - центром общества лесбиянок, которые успешно занимались литературой. По словам Саймонса: "Они создавали клубы для культивирования поэзии и музыки. Они изучали искусство красоты, стремились усовершенствовать метрические формы и дикцию. Они также не ограничивались научной стороной искусства. Не сдерживаемые общественным мнением, страстно желая прекрасного, они культивировали свои чувства и эмоции и потакали своим самым необузданным страстям". Сапфо посвятила весь свой гений теме любви, и ее стихи выражают ее чувства с большой свободой. Отсюда и возникли обвинения более поздней эпохи, которые выдвигались против ее характера. Но какие бы разногласия ни существовали по этому поводу, в отношении ее поэтического гения существует только одно мнение. Она, несомненно, была величайшим эротическим поэтом древности. Платон называл ее десятой музой, а Солон, услышав одно из ее стихотворений,

молился, чтобы не умереть, пока не запомнит его. Мы не можем не привести следующую красноречивую характеристику ее произведений:

"Нигде не прозвучало и намек на то, что поэзия Сапфо не является чем-то совершенным. Из всех поэтов мира, из всех прославленных художников всех литератур Сапфо - единственная, чье каждое слово обладает особым и безошибочным ароматом, печатью абсолютного совершенства и неповторимого изящества. В своем искусстве она была безошибочна. Даже Архилох кажется обыденным по сравнению с ее изысканной редкостью фраз. Обращаясь ли к девам, которых, как говорит Гораций, Сапфо не могла забыть даже в Элизиуме, или воплощая глубокую тоску души по красоте, которой никогда не существовало на земле, но которая воспламеняет сердца благороднейших поэтов, лишая глаза сна и давая им пить горечь слез, - эти ослепительные фрагменты,

'Которые до сих пор, как искры греческого огня,
Burn on through time and ne'er expire,

это окончательные и завершенные формы страстных изречений - бриллианты, топазы и пылающие рубины, в которых навсегда кристаллизуется огонь души". [Сноска: Symond's "Greek Poets," First Series, p. 189].

Рассказывают, что один из соратников Сапфо однажды высмеял ее таланты или заклеил ее поэтические труды как неподходящие для ее пола и состояния. Поэтесса, пылая от негодования, так ответила своему обманщику:

Когда бы смерть ни овладела твоим бранным телом,
Перо забвения вычеркнет твоё ничтожное имя;
Ведь грубая рука твоё не срывала прекрасной розы.
Что в небе на вершине Пиерии цветёт:
[Symond's "Greek Poets," First Series, p. 139.]
Твоя жалкая душа с мерзкими душами отправится
В царство Плутона - на сцены бесконечного горя;
А я на золотых крыльях вознесусь к славе,
И оставлю после себя обожаемое музами, не знающее смерти имя.

Память об этой поэтессе Любви вызывает следующую торжественную строку в "Антипатре" Сидона:

Сапфо, что под грудью твоей покоится,
Эолова земля? Эта смертная Муза признана
Уступая лишь хору над головой,
Воспитанница Венеры и Любви;
Из уст божественных убеждение исходило,
Греция, чтобы восхитить и возвеличить имя Лесбии?
О вы, кто вечно сплетает тройную нить,
Судьбы, что к безмолвным мертвецам причисляете
Эту могучую певицу, чьи непревзойденные силы
Сплести для Музы венец из бессмертных цветов?
-Перевод Френсиса Ходгсона.

АНАК'РЕОН.

Последним лирическим поэтом этого периода, о котором мы расскажем, был Анакреон, уроженец Теоса в Ионии, процветавший около 530 года до н. э. Он был сластолюбцем,

прекрасно воспевавшим любовь, вино и природу, и его называли придворным и лауреатом тиранов, в обществе которых, особенно в обществе Поликрата и Гиппарха, проходили его дни. Поэт Акинфид так характеризует его:

Я вижу, как Анакреон улыбается и поет,
Его серебряные локоны дышат ароматом;
Его щеки демонстрируют вторую весну,
Розы, которых вино научило цвести.
Прочь, обманчивые заботы, прочь,
И дайте мне послушать его речи;
Позвольте мне насладиться его пышностью,
Пока в плавном танце легкокрылых часов
Вокруг его лиры водят свои покровительственные силы,
Добрый смех и веселье".

Ниже приводится перевод Коупера маленькой симпатичной поэмы Анакреона о кузнечике:

Счастливый певчий, сидящий наверху,
На вершине рощи,
Которого капли росы подбадривают петь
Со свободой короля,
С твоего места обзоревай поля,
Где плодovitая природа
Ничто из того, что охотно, как она,
Человек не отдаст тебе.
Для вражды или ненависти
Ни к чему не могут привести твои наслаждения.
Тебе приятно петь
Сладкое возвращение весны,
Вестник благодатных часов,
Не причиняя вреда ни травам, ни цветам.
Поэтому человек твой голос внимает,
С радостью; ты и он - друзья.
И не утихают твои звуки
Фибус и Муза презирают.
Как слишком простые или длинные,
Ибо сами вдохновляют песню.
Рожденный на земле, бескровный, неувядающий,
Вечно поет, играет, играет,
Что еще может показать природа
Что есть у природы, подобной тебе?

III. РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ.

Теперь мы вступаем в новую фазу греческой литературы. Хотя первое использование прозы в письменности можно отнести к дате более ранней, чем 700 год до н. э., только в начале шестого века до н. э. проза стала использоваться в литературных целях; и даже тогда прозаические сочинения были либо мифологическими, либо сборниками местных легенд, священных или профанных. О важности и практической пользе подлинной истории не знали

и не подозревали вплоть до Персидских войн. Но греческая философия зародилась еще раньше и была связана с поэтическими сочинениями Гесиода, хотя именно в VI веке она начала отделяться от поэзии и религии и культивироваться людьми, которые не были ни бардами, ни жрецами, ни провидцами. Именно в эту эпоху практические советы и наставления семи греческих мудрецов стали собираться летописцами и распространяться в народе.

СЕМЬ МУДРЕЦОВ.

Об этих мудрецах, иначе называемых "Семь мудрецов Греции", рассказывают путано и противоречиво, а их имена называют по-разному; но чаще всего к ним относят Солона (афинского законодателя); Биас из Ионии, Ки'ло (эфор Спарты), Клеобулус (деспот Линдоса на острове Родос), Периандр (деспот Коринфа), Пит'такус (правитель Митилеи) и Та'лес из Милеи, в соответствии со следующим перечислением:

"Первый Солон, который установил афинские законы;
Хилон в Спарте прославился своими пилами;
В Милете астрономию преподавал Фалес";
Биас в Прие проповедовал мораль";
Клеобул из Линда был красив и мудр;
В Митилене против царства восстал Питтак;
Периандр, как говорят, добился успеха благодаря своему двору,
Титул, который Майсону, ченианцу, причитался".
[Сноска: Это Платон говорит, что Периандр,
тиран Коринфа, должен был уступить место Майсону].

Семь мудрецов отличались своими остроумными изречениями, многие из которых превратились в максимы, используемые и в наши дни. Из этого числа следующие семь были начертаны в качестве девизов в более поздние времена в храме в Дельфах: "Познай самого себя", *Солон*; "Задумайся о конце", *Хилон*; "Поручительство - предвестник гибели" (He who heth suretyship is sure; *Prov. xi. 15*), *Фалес*; "Большинство людей дурны" (There is no one that doeth good, no, not one, *Psalms xiv. 3*), *Биас*; "Избегай крайностей" (золотая середина), *Клеобул*; "Знай свои возможности" (Бери время в свои руки), *Питтак*; "Для промышленности нет ничего невозможного" (Терпение и настойчивость преодолевают горы), *Периандр*. ГРОТЕ говорит о семи мудрецах: "Их появление составляет эпоху в греческой истории, поскольку они являются первыми людьми, которые когда-либо приобретали эллинскую репутацию, основанную на умственной компетентности, помимо поэтического гения или эффекта - доказательство того, что политическое и социальное благоразумие начало цениться и восхищаться само по себе".

Старшая школа греческой философии, называемая ионийской, была основана Фалесом из Милета около середины VI века до н. э. При исследовании естественных причин и следствий он в качестве отличительного принципа своей философии утверждал, что *вода* или какая-то другая жидкость является первичным элементом всех вещей - теория, которая, вероятно, возникла из наблюдений за использованием влаги в питании животной и растительной жизни. Аналогичный процесс рассуждений привел Анаксимандра из Милета полвека спустя к замене *воздуха* *водой*, а Гераклита из Эфеса, прозванного "натуралистом", заставил рассматривать основу *огня* или *пламени* как фундаментальный принцип всех вещей, как духовных, так и материальных. Критский Диог'енес считал, что вселенная возникла из разумного принципа - рациональной и чувствительной души, но не признавал различий между разумом и материей; Анаксимандр же считал, что первобытное состояние вселенной

было огромным хаосом или бесконечностью, содержащей элементы, из которых мир был создан в результате присущих или самодвижущихся процессов разделения и соединения. Эта доктрина была возрождена ионийцем Анаксагорасом столетие спустя, который объединил ее с философией Диогена и учил существованию единого верховного разума.

КСЕНОФ'АН И ПИФАГ'ОРАС.

В западных греческих колониях Нижней Италии возникли две совершенно разные философские школы. Основателем одной из них был Ксенофан, уроженец Ионии, бежавший в Элию, а другой - Пифагор с острова Самос. Первая, известная как элеатская философия, признавала высший разум, вечный и бесплотный, пронизывающий все вещи и, как и сама Вселенная, имеющий шарообразную форму. Эта система была развита в следующем веке Парменидом и Зеноном, которые оказали огромное влияние на греческий ум. Пифагор был первым греком, принявшим титул философа, хотя он был скорее религиозным учителем. Много путешествовавший по Востоку, он вернулся на Самос около 540 года до н. э.; но, обнаружив, что состояние его страны, которой в то время правил деспот Поликрат, неблагоприятно для развития его доктрин, он переехал в Крото'на, в Италии, и основал там свою философскую школу.

Пифагор,
раздраженный беззаконием саамского деспота.
(Ведь тираны никогда не любили мудрость), пересек моря,
И нашел дом на берегу Гесперии,
Времена, когда Тарквиний воздвиг младенческий Рим
Со сводами, зародышами золотого зала Сезара.
Там, в Кротоне, он держал школу
мудрости и добродетели, обучая людей
Гармонии правильно распределенных сил,
И хорошо пронумерованных дней: откуда, как бог,
Люди почитали его; и из его колодцев освежались,
Мастер-строитель чистого разума,
Император Платон, воздвиг дворец, где
Все великие, истинные мысли навсегда обрели дом".
-J. СТЮАРТ БЛЭКИ.

Пифагор сделал ряд важных открытий в геометрии, музыке и астрономии. Ему приписывают демонстрацию сорок седьмого положения Евклида. Он также открыл аккорды в музыке, что привело его к мысли о том, что планеты, ударяясь об эфир, через который они движутся по своим небесным орбитам, издают гармоничные звуки, меняющиеся в зависимости от разницы величин, скоростей и относительных расстояний планет, что соответствует соотношению нот в музыкальной шкале. Отсюда "музыка сфер". Из того, что можно узнать об астрономической доктрине Пифагора, можно сделать вывод, что он обладал истинной идеей солнечной системы, которая была возрождена Коперником и полностью установлена Ньютоном. Что касается Бога, то Пифагор, по-видимому, учил, что он - универсальный, вечно существующий разум, первый принцип Вселенной, источник и причина всей животной жизни и движения, по субстанции подобный свету, по природе подобный истине, неспособный испытывать боль, невидимый, нетленный и постигаемый только разумом. Его философию и учение так изобразил поэт Томсон:

Здесь жил саамский мудрец; ему принадлежит
Ярчайшее свидетельство славы.

Он искал в Кротоне чистый, благотворный воздух,
И через великую Грецию он пронес свою нежную мудрость.
Его умственный взор впервые устремился в глубины
Безграничного эфира; где бесчисленные сферы,
Мириады за мириадами, по бескрайнему небу
Непрерывно катятся и веют своим ровным путем.
Там он увидел полный согласие хор;
Там он впервые различил тайный круг любви,
Притяжение, что к центральным солнцам
Связывает кружащие земли, и мир с миром объединяет.
Вдохновленный этим, он сформировал великие идеи
О всеподвижном, всеохватывающем Боге,
Солнце существ! Лучшее без ограничений -
Свет, жизнь, любовь и вечно действующая сила:
Которого никто не может изобразить, и который лучше всех одобряет
Безмолвное поклонение нравственного сердца,
Которое радуется щедрому Небу и распространяет радость.

Пифагор также преподавал учение о переселении душ, которое он, вероятно, заимствовал у египтян; он исповедовал, что сохранил отчетливое воспоминание о нескольких состояниях существования, через которые прошла его душа. О нем рассказывают, что однажды, увидев избитую собаку, он вступился за нее, сказав: "Это душа моего друга, которого я узнал по голосу". Похоже, что поэт Колеридж временами смутно осознавал реальность этой пифагорейской доктрины, ибо он говорит

Часто в моем мозгу проносится эта странная фантазия.
Которая заставляет настоящее (пока длится миг)
казаться лишь подобием какого-то неизвестного прошлого,
С такими чувствами, что душа недоумевает.
Самоуверенная во сне: и некоторые говорят.
Мы жили до того, как надели эту одежду из плоти.

Один из наших любимых американских поэтов, ЛОУЭЛЛ, предается подобным фантазиям в следующих строках из этой мечты, похожей на изысканную фантазию, "В сумерках", найденных в *Biglow Papers*:

Sometimes a breath float by me,
Запах из страны грез,
Что заставляет призрак казаться рядом со мной
Великолепия, которое пришло и ушло,
О жизни, прожитой где-то, я не знаю.
В какой божественной сфере...
Воспоминания, которые не проходят и не исчезают,
Как музыка, однажды услышанная ухом.
Которое не может забыть или вернуть ее.
О чем-то таком застенчивом, что было бы стыдно
чтобы показать его.
Что-то слишком смутное, чтобы я мог назвать его,
чтобы об этом узнали другие,
Как если бы я жил или мечтал об этом,

Как если бы я действовал или замышлял,
Давным-давно!

И все же, если бы я мог прожить ее снова,
Эту жизнь, что будоражит мой мозг.
Мог бы я быть и девой, и любовником,
Луной и приливом, пчелой и клевером,
как я, кажется, была снова...
Могу ли я говорить и показывать это,
Это удовольствие, более острое, чем боль,
Которое так смущает и манит меня,
Мир не испытывал бы недостатка в поэтах,
Такого, какой был у него
В века прекрасные
Давным-давно.

В целом система Пифагора, при многих достоинствах, содержала грубые нелепости и суеверия, которые были удостоены названия философии и оказали пагубное влияние на мнения многих последующих поколений.

ЭЛЕВСИНСКИЕ МИСТЕРИИ.

Тесно связанные с публичными и частными наставлениями, которые философы давали в своих различных системах, были некоторые национальные институты тайного характера, которые объединяли в себе тайны как философии, так и религии. Самый знаменитый из них, великий праздник Элевсиний, священный для Се'реса и Прозерпины, отмечался каждый четвертый год в разных частях Греции, но особенно афинский народ - каждый пятый год, в Элевсисе, в Аттике.

Все, что известно об обрядах, совершавшихся в Элевсисе, было почерпнуто из случайных упоминаний, встречающихся на страницах почти всех классических трудов; и хотя за разглашение этих символических церемоний полагалась внезапная и бесславная смерть, все же теперь известно достаточно, чтобы описать их с мельчайшими подробностями. У нас нет места для подробного описания, но церемонии длились девять дней, с 15 по 23 сентября включительно. В первый день поклоняющиеся просто собирались, во второй - очищались, купаясь в море, в третий - совершали жертвоприношения, в четвертый - приносили жертвы богине; пятый - день факелов, когда народ в сумерках бродил по лугам с факелами, подражая Церере, ищущей свою дочь; шестой - день Вакха, бога винограда; седьмой - день атлетических развлечений; восьмой - день, посвященный малым тайнам и небесным откровениям; и девятый - день возлияний.

Язык, который Вергилий вкладывает в уста Анхиса в шестой книге "*Энеиды*", рассматривается как сжатое определение секретов Элевсиса и вероучения Пифагора. Кроме того, считается, что в этой же книге изображены некоторые сцены мистерий. В следующих словах тень Анхиза отвечает на расспросы "своего богоподобного сына":.

"Знай, во-первых, что небо и земля - сжатые рамки,
И текущие воды, и звездное пламя,
И оба лучезарных света, одна общая душа
Вдохновляет и питает, и оживляет все.
Этот деятельный разум, проникающий во все пространство,
Объединяется и смешивается с могучей массой.

Отсюда люди и звери получают дыхание жизни,
И птицы воздушные, и чудовища основные.
Неземная сила во всех одинакова;
И каждая душа наполнена одинаковым пламенем.
Как земные конечности, так и грубые все
Смертных членов, подверженных тлению,
Не притупляют лучей небесных и краев дня.
Из этой грубой смеси земных частей,
Желание и страх поочередно владеют их сердцами,
И горе, и радость: и не в силах унылый разум,
В темной темнице конечностей заключенный,
Утвердить родные небеса, и не признать свой небесный род:
И сама смерть не может полностью смыть их пятна;
Но в душе остается многолетняя грязь.

"Реликвии неистребимого порока носят они
И пятна греха непристойные на каждом лице.
За это предписываются различные наказания;
Одних вешают на ветру, чтобы они отбеливались,
одних погружают в воду, других очищают в огне,
Пока не выветрится весь осадок и не исчезнет ржавчина.
У всех есть свои девы, и те гривы несут:
Немногие, очистившись, в эти обители возвращаются,
И вдыхают в просторных полях мягкий Елисейский воздух.
И счастливы они, когда по прошествии времени
С каждого совершенного преступления сходит шкура;
Ни пятнышка не остается от привычных пятен,
но остается чистый эфир души.
Но когда пройдет тысяча лет
(Так долго длится их наказание и покаяние),
Целые толпы умов, подгоняемые богом,
Принуждены пить глубокий поток Леты,
В больших забывчивых шашках, чтобы выпить заботы
Их прошлых трудов и тягостных лет,
Чтоб, не помня прежней боли,
Душа может снова страдать от смертной плоти".
-Перевод Драйден.

IV. АРХИТЕКТУРА.

В архитектуре и скульптуре Греция заметно превосходит все другие народы. Первые свидетельства прежнего искусства мы находим в гигантских стенах Тириня, Микен и других греческих городов, построенных в целях обороны в самые ранние периоды греческой истории и известных под названием Циклопеев, поскольку ранние греки предполагали, что их построили эти сказочные гиганты, Циклопы.

Да, скалы из каменной кладки, огромные сваи,
Которые ни грубое порицание знакомого времени
И не оскверняет память о нашей жалкой расе,
В безвременной тайне вы возвышаетесь,

Памятники эпохи, о которой мы видим
Только типы в вещах, которые когда-то были вами.

Неважно, покоитесь ли вы на каком-нибудь боскливом холме,
Ваши ноги украшают древние мирты,
Или, подобно сказочным драконам, разворачиваете
Ваши смуглые величественные черты на мрачном склоне холма,
И все же на ваших дикарских чертах лежит заклиание.
Что делает вас наполовину божественными, наполовину непередаваемыми.

С радостью на твоей высоте я стою один,
Как на обрыве, или лежу в
или лежать в твоей тени, или прыгать с камня на камень,
и с тщательной дисциплиной направляю свои шаги,
И думаю о тех великих конечностях, чьи нервы могли нести
Эти массы на свои места в воздухе:

Анаким, Титаны и дни
Сатурнианских, когда дух человека был связан
так близко к природе, что его лучшие эссе
в искусстве были лишь следованием ей,
Во всех измерениях, достоинствах, степенях;
И таким образом эти могучие вещи были созданы, чтобы быть.
-ЛОРД ХОУТОН.

Однако именно при возведении храмов богов греческая архитектура получила свое декоративное начало, а также добилась наиболее быстрого прогресса. Первобытный алтарь, мало чем отличавшийся от обычного очага, был вытеснен деревянным жилищем бога, а тот, в свою очередь, уступил место каменному храму. Затем быстро возникли три знаменитых архитектурных ордера - дорический, ионический и коринфский: первый - торжественный, массивный и внушительный, а остальные в своих декоративных особенностях демонстрируют постепенное продвижение к совершенству.

Первый - без украшений,
и благородно простой, возвышался мужественный дорический;
Затем ионический, с достойной матроны грацией,
Воздушный столп ее вознесся; роскошный последний,
Богатый коринфский распустил свой пышный венок.
-ТОМСОН,

Перейдя к более ранним сооружениям, предназначенным для целей поклонения, мы обнаруживаем в начале шестого века несколько великолепных храмов, находящихся в процессе возведения. Среди них наиболее известными были храм Геары (Юноны) на Самосе и храм Артемиды (Дианы) в Эфесе. Архитектурный ордер, принятый в первом, был дорическим, а во втором - ионическим. Оба были построены из белого мрамора. Первый был 346 футов в длину и 189 футов в ширину, а второй - 425 футов в длину и 220 футов в ширину. Количество колонн составляло 127, а высота - 60 футов; мраморные блоки, составляющие архитрав, или главные балки, опирающиеся непосредственно на колонны, были длиной 30 футов.

ХЕРСИФРОН И ХРАМ ДИАНЫ.

Великий храм Дианы был начат под руководством Херсифрона, архитектора с Крита, но его строительство заняло более двухсот лет. О Херсифроне рассказывают, что, возведя косяки большой двери в храм, он после многократных усилий, продолжавшихся много дней, не смог установить массивную перекладину на свое место вровень с косяками. В конце концов он в отчаянии опустился на пол и уснул. Во сне он увидел божественный облик богини, которая заверила его, что трудившиеся для богов не должны остаться без награды. Проснувшись, он увидел массивную перекладину на своем месте, установленную рукой самой богини. Американский скульптор и поэт рассказал об этом инциденте и изложил его мораль в следующем стихотворении:

Когда до предела мы выложились, И Нем'есис все еще хмурится,
А Немесис все еще хмурится и качает головой;
Когда, измученные и сбитые с толку, мы признаем
В своей слабости, и усталая рука опускается,
И надежда бежит от нас, и в пустом отчаянье
Мы опускаемся на землю, лицо, столь суровое прежде,
Август улыбнется, рука отстранится.
Протянет помощь, о которой мы тщетно молили,
Возьмется за дело и вмиг сделает то.
То, что все наши силы были бессильны сделать.

Если боги не улыбнутся, человеческий труд будет напрасным.
Венец всех трудов - благословение.
Не от нас самих, а от высших сил.
И никто не знал этого лучше, чем Херсифрон,
Когда на равнинах Эфеса он воздвиг
великолепный храм Артемиды.
С терпеливым трудом он установил наконец
Прочные косяки по обе стороны двери,
И вот уже много усталых дней он трудится.
С множеством планов и новых приспособлений,
Все еще стремясь и все еще терпя неудачу, на косяках
ровно положить массивный груз перемычки:
Но она не поддавалась; и, измученный, он наконец
Вдоль ступеней он улегся на ночь.
Сон не приходил. С тупой отвлекающей болью
Проблема бродила в его лихорадочных мыслях,
Пока в мрачном отчаянии он не возжелал смерти,
и угрожал своей жизни собственной рукой.

Наконец наступил покой, и он уснул;
И во сне, перед глазами его
Он увидел божественный облик Артемиды:
Она склонилась над ним, улыбнулась и мягко сказала,
"Живи, Херсифрон! Кто трудится для богов
Боги награждают. Вот, твоя работа завершена!"
Затем, подобно туману, который тает в небе,
Она исчезла, и, проснувшись, он увидел,
Над дверью входной ее рука простерта,

И над входной дверью ее рукой была положена громоздкая перемычка на косяках.

-W. W. STORY.

Другим знаменитым храмом этого периода был храм в Дельфах, который был восстановлен после разрушения пожаром в 548 году до нашей эры и обошелся более чем в полмиллиона долларов. Он был выполнен в дорическом стиле и облицован парианским мрамором. Примерно в то же время Писистрат начал или восстановил в Афинах храм Олимпийского Юпитера. Все упомянутые храмы почти исчезли. Храм Дианы в Эфесе был сожжен Геростратом, чтобы увековечить свое имя, в ночь, когда родился Александр Македонский (356 г. до н. э.). Впоследствии он был восстановлен с большим великолепием и обогащен гением Ско'паса, Праксителя, Паррасия, Апеллеса и других знаменитых скульпторов и художников. Несколько его колонн поддерживают купол храма Святой Софии в Константинополе, две колонны находятся в великой церкви в Пиасе, а недавние раскопки позволили обнаружить части его фундамента. Однако другие храмы, возведенные еще в четвертом и пятом веках, более успешно противостоят разрушениям времени. Среди них шесть дорических, руины которых находятся в Селинусе на Сицилии, а в Пестуме, в Южной Италии, находятся знаменитые руины двух храмов, которые, за исключением храма в Коринфе, являются самыми массивными образцами дорической архитектуры, сохранившимися до наших дней. "Именно в большем из этих двух храмов, - говорит один из посетителей, - при лунном свете беспокойного неба мы испытали эмоции ужасного и возвышенного, такие, которые впечатляют, чтобы никогда не забыть, свидетельство власти искусства над чувствами".

Там, в бухте Салерно,
В пустынях далеких,
над чьими одиночествами
Малярия страшная бродит,
Ни один труд не обрабатывает землю.
Только свирепый разбойник,
Или пастух, худой и тощий,
над широкими равнинами.
И все же там - прекрасный сон,
Там греческие храмы сверкают,
Чьи формы и мягкий тон
Соперничают с Парфеноном.
Сибарит больше не
Приходит сюда, чтобы поклониться,
С благоухающими подношениями,
богу и царю океана.
Божество ушло
Давным-давно, но вместо него
улыбающееся море,
Дорические валы между ними;
И вокруг изношенного временем основания
Вьются лозы нежной грации,
И розы Пестума до сих пор
Воздух ароматом наполняют.
-КРИСТОФЕР П. КРАНЧ.

V. СКУЛЬПТУРА.

Как и архитектура, скульптура, или, правильнее говоря, статуя, обязана своим происхождением религии и была завезена в Грецию из Египта. У египтян это искусство никогда не выходило за рамки типов, установленных при его рождении; но греки, ведомые, как хорошо сказал один недавний писатель, "интуитивным чувством красоты, которое было у них почти религиозным принципом, стремились к идеальному совершенству, и, сделав природу в ее самых совершенных формах своим образцом, приобрели способность и силу изображать все виды форм, недостижимые ни для одного другого народа, и которые сделали термины "греческий" и "совершенство" применительно к искусству почти синонимами". Первыми образцами греческой скульптуры были грубые, нетесанные деревянные изображения богов. Немного позже за ними последовали деревянные изображения, имеющие некоторое сходство с жизнью, одетые и украшенные различными орнаментами. Пока эта отрасль искусства долго оставалась в грубом состоянии, скульптурные фигуры на архитектурных памятниках были выполнены в превосходном стиле уже в эпоху Гомера.

Задолго до периода достоверной истории для изготовления статуй использовались не только дерево, но и другие материалы; уже в 700 году до н. э. была выполнена статуя Зевса или Юпитера из бронзы. Искусство пайки металлов приписывается Глауку Хиосскому, около 690 г. до н. э., а Роэкусу и его сыну Теодорусу с острова Самос - изобретение моделирования и отливки фигур из бронзы в форме. Использование мрамора для изготовления статуй было введено в начале шестого века Дипое'нусом и Сциллисом с Крита, которые являются первыми художниками, прославившимися работами из этого материала. Но, несмотря на важность этих усовершенствований, они не обязательно влекли за собой изменения в *стиле*; именно снятие ограничений, наложенных религией и наследственной культурой, заложило основу для быстрого прогресса искусства и его последующего совершенствования. Эти изменения и результаты, к которым они привели, хорошо обобщены в следующей выдержке из книги THIRLWALL:

"Главной причиной прогресса скульптуры было расширение круга ее предметов и, как следствие, множественность ее произведений. Пока статуи были ограничены внутренним убранством храмов, и в каждом святилище можно было увидеть не более идола, которому поклонялись, было мало места и мотивов для нововведений; с другой стороны, существовали сильные побуждения придерживаться античной практики. Но незаметно благочестие или показная напыщенность стали наполнять храмы группами богов и героев, чужих для этого места и гостей той силы, к которой здесь надлежало обращаться. Глубокие ниши фронтонов были заполнены колоссальными формами, изображающими какую-нибудь легендарную сцену, соответствующую месту или случаю строительства. Обычай чествовать победителей на публичных играх статуями - честь, которая впоследствии распространилась и на других выдающихся людей, - возможно, еще больше способствовал тому же эффекту; ведь какие бы ограничения ни налагались на художников при изображении священных предметов, либо в силу обычая, либо по религиозным соображениям, они снимались, когда художники занимались изображением простых смертных. По мере того как сфера искусства расширялась, охватывая новые объекты, увеличивалось число мастеров; они больше не ограничивались, как раньше, семьями или гильдиями; их мастерство оттачивалось более активной конкуренцией и более богатым вознаграждением. По мере того как изучение природы становилось все более серьезным, чувство красоты становилось все более быстрым и устойчивым; и так быстро продвигалось искусство, что последние остатки произвольных форм, освященных временем или религией, еще не везде исчезли, когда в

школе Фидия был достигнут окончательный союз истины и красоты, который мы иногда пытаемся выразить термином *идеал*". [Сноска: Thirlwall's "History of Greece", vol. i., p. 206].

Мы не можем попытаться назвать имена мастеров скульптуры, процветавших до 500 г. до н.э., или проследить все еще сохранившиеся остатки их гения; но их работы были многочисленны, а красота и величие многих из них вызвали высокую оценку во все последующие эпохи. Фактически, еще до начала персидских войн отрасль скульптуры, называемая статуарной, достигла почти вершины своего совершенства.

ГЛАВА IX.

ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ.

Возвращаясь к политической и военной истории Греции, мы узнаем, что примерно в 550 году до н. э. независимость греческих колоний на побережье Малой Азии была подавлена лидийским царем Крезом, который завоевал их территории. Таким образом, азиатские греки оказались под властью варваров, но Крез управлял ими с большой мягкостью, оставляя их политические институты ненарушенными и требуя от них лишь выплаты умеренной дани. Через несколько лет они сменили хозяина и вместе с Лидией попали в результате завоевания под власть Персии, царем которой в то время был Кир Старший. При Дарии Гистасе, втором царе после Кира, Персидская империя достигла своего наибольшего размаха, охватив в Азии все то, что в более поздний период входило в состав собственно Персии и Турции; в Африке - Египет до Нубии и побережье Средиземного моря до Барки; таким образом, она простиралась от Эгейского моря до Инда и от равнин Тартарии до катаров Нила. Такова была империя, против объединенной мощи которой нескольким греческим общинам вскоре предстояло бороться за сохранение своего имени и существования.

I. ВОССТАНИЕ ИОАННИТОВ.

Как и лидийцы, персы управляли греческими колониями с некоторой долей умеренности и позволяли им сохранять собственную форму правления, выплачивая дань; однако греки использовали любую возможность, чтобы освободиться от этого вида рабства, и в 502 году до н. э. в одном из ионийских государств вспыхнуло восстание, которое вскоре приняло угрожающий характер. Прежде чем персы смогли собрать достаточно сил для подавления восстания, ионийцы обратились за помощью к своим соотечественникам-грекам, сначала в Спарту, но тщетно, а затем в Афины и на острова Эгейского моря. Афиняне, считая Дария заклятым врагом, с радостью приняли участие в войне с ионийцами и, соединившись с Эвбеей, предоставили им флот из двадцати пяти судов. Союзные греки, хотя поначалу и добились успеха, были разбиты под Эфесом с большими потерями. После этого их командиры рассорились, и афиняне отплыли домой, оставив азиатских греков (разделенных между собой) в одиночку противостоять всей мощи Персии. Тем не менее, восстание достигло значительных масштабов и затянулось на шесть лет. Оно завершилось взятием Милета, столицы Ионийской конфедерации, в 495 году до н. э. Жители этого города, спасшиеся от меча, были уведены в плен завоевателями, и порабощение Ионии было завершено.

Главным достижением союзников-греков в этой войне стало сожжение Сард, столицы старой Лидийской монархии. Когда Дарию сообщили об этом, он впал в пароксизм ярости, направив свой гнев главным образом против афинян и эвбейцев, осмелившихся вторгнуться

в его владения. "Афиняне!" - воскликнул он, - "кто *они*?". Когда ему ответили, он взял свой лук и пустил стрелу высоко в воздух, говоря: "Дай мне, боже, отомстить афинянам". Он также поручил одному из своих приближенных трижды в день за ужином громко зывать к нему: "Сир, вспомни об афинянах!" Поэтому, как только Дарий удовлетворил свою месть греческим городам и островам Азии, он, во исполнение своего обета, обратил внимание на афинян и эвбейцев. Однако он задумал не что иное, как завоевание всей Греции; но персидский флот, который должен был помочь в осуществлении его планов, был остановлен в пути у горы Афон бурей, настолько сильной, что, как говорят, она уничтожила триста судов и более двадцати тысяч жизней; а его зять Мардоний, который вошел во Фракию и Македонию во главе большой армии, внезапно прекратил свою кампанию и переправился через Геллеспонт в Азию.

II. ПЕРВАЯ ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА.

Дарий, возобновив подготовку к завоеванию Греции, разослал глашатаев по греческим городам, требуя землю и воду в знак покорности. Некоторые из небольших государств, уstraшенные его силой, покорились, но Афины и Спарта надменно отвергли требования восточного монарха и с жестокими издевательствами предали его глашатаев смерти, бросив одного в яму, другого в колодец и приказав им взять оттуда землю и воду.

Весной 490 года до н. э. персидский флот из шестисот кораблей с армией в 120 000 человек, ведомый престарелым тираном Гиппием, направился к берегам Греции. Несколько островов Эгейского моря покорились без борьбы. Эвбея была жестоко наказана, и при незначительном сопротивлении персы высадились на берег и продвинулись до равнин Марафона, в двадцати милях от Афин. Афиняне обратились за помощью к платейцам и спартанцам, и те прислали всю свою тысячную армию, но спартанцы отказались оказать столь необходимую помощь, поскольку до полнолуния оставалось несколько дней, а начинать поход в этот промежуток времени противоречило их религиозным обычаям. Тем временем афиняне подошли к Марафону и расположились лагерем на холмах, окружавших равнину. Их войско насчитывало десять тысяч человек, а командовал им Каллимах, полимарх или третий архонт, и десять полководцев, среди которых были Мильтиад, Фемистокл и Аристис, впоследствии снискавший бессмертную славу. Пять из десяти полководцев боялись рисковать сражением без помощи спартанцев, но доводы Мильтиада убедили Каллимаха отдать решающий голос в пользу немедленных действий. Хотя десять полководцев должны были командовать всей армией последовательно, каждый по одному дню, было решено сразу же передать командование Мильтиаду и доверить его военному мастерству судьбу Афин. Он немедленно выстроил маленькую армию в боевой порядок.

БИТВА ПРИ МАРАФОНЕ.

Персы вытянулись в линию по середине равнины, расположив свои лучшие войска в центре, а их флот стоял позади них вдоль берега. Афиняне расположились в линию напротив, но их основные силы находились на крайних флангах их армии. Мильтиад быстро продвинул свои силы через милю равнины, отделявшей его от противника, и обрушился на огромную армию персов. Как он и предполагал, центр его линии был вскоре прорван, а крайние части вражеской линии, состоящие из пестрых и недисциплинированных отрядов всех народов, были разбиты и отброшены к берегу и в прилегающие болота. Мильтиад поспешно сосредоточил два крыла и направил их объединенные силы против персидского центра, который, считая себя победителем, был захвачен врасплох. Персы, потерпев поражение, в беспорядке бежали к своим кораблям, но многие погибли в болотах; берег был усеян их трупами, а семь их кораблей были уничтожены. Их потери составили шесть тысяч четыреста

человек, а потери афинян, не считая платейцев, - сто девяносто два человека. Такова, вкратце, знаменитая битва при Марафоне. Персы были сильны ужасом своего имени и славой своих завоеваний, и афинянам потребовалась самая героическая решимость, чтобы противостоять опасности, которую они еще не научились презирать.

ЛЕГЕНДЫ О БИТВЕ.

Победа при Марафоне воспринималась народом как избавление от самих богов. По легенде, перед битвой в горах раздался голос бога Пана, который предупреждал и угрожал персам и вдохновлял греков на мужество. Отсюда и чудесные легенды о битве, в которых Тесей, Геракл и другие местные герои предстают как участники сражения, несущие смерть летучим варварам. В следующих строках MRS. ХЕМАНС передала описание, которое греки дали внешнему виду и поступкам Тесея в тот день:

Был один, вождь коронованный,
И вооружен был Грецией в тот день;
Но фальчионы не издали ни звука
На его сверкающем воинском снаряжении.
На фронте битвы он стоял,
С высоким и тенистым гребнем;
Но стрелы не пролили крови,
хотя их путь лежал через его жилет.

Меч его сверкал
Там, где совершались самые смелые подвиги;
Но он пронзил его без единого удара;
Никто не услышал его удара!
Его голос не принадлежал к тем.
Кто вздымал раскаты,
И шаги его затихли, как снег.
Прошла тень Тесея!

Далеко сметая врагов
С огненным зарядом он неся;
И много луков оставил медянин
На гулком океанском берегу.
И пенились волны красные,
И паруса быстро сгущались,
Когда бежали сыны Азии,
Когда тень Тесея прошла!
Когда знамена подхватывал бриз,
Когда штурвалы в солнечном свете сияли,
Когда мачты были на морях,
И копья на Марафоне.

Говорят, что и по сей день крестьяне верят, что на поле Марафона обитают призрачные воины, чьи крики слышны в полночь, разносятся ветром и возвышаются над грохотом битвы. В свете таких легенд следующая поэма о Марафоне, написанная ПРОФЕССОРОМ БЛЭККИ, полна интереса и поэтической красоты:

С высоты Пентеликуса, покрытого соснами.
[Сноска: *Пентеликус* нависает над южной стороной равнины Марафона].

Раздался голос предупреждения,
И всколыхнул тихую осеннюю ночь
От страха перед именем Медии.
[Сноска: После поглощения Медийского царства Персией термины "*медийцы*" и "*персы*"
стали использоваться как взаимозаменяемые, без особого различия].
Пан, из своей марафонской пещеры,
[Сноска: Считалось, что у *Пана* была знаменитая пещера недалеко от Марафона. О том,
какую заметную роль сыграл Пан в великой персидской войне, см. Геродот, vi. p.105].
Посылал крики полуночного ужаса.

И темный ужас окутывал волны
На лунном зеркале широкого моря.
Горе, Персия, горе! Ты лежишь ниц!
Пусть стонут золотые дворцы!
Матери плачут о сыновьях, что спят
В крови на Марафоне.

Там, где Инд и Гидаспес,
Где безлесные пустыни сияют,
Где скифы бродят под полюсом,
Над холмами из застывшего снега,
правит великий Дарий, и сейчас,
Ты, маленькая Греция, к тебе
Он пришел: ты, тонкокостная Афина, как
Осмелишься ли ты быть свободной?
Есть бог, что жезлом владеет
И только он один
Греки будут свободны, когда медяне бегут
В позоре от Марафона.

Он идет; и над ярким Эгейским морем,
Где его мачтовая армия,
Подвластные острова возносят пеан
славы его имени.
Сильный Наксос, сильная Эритрея уступают;
Его капитаны у берега
На роковом поле Марафона,
Где тиран маршировал прежде.
И предатель вел за собой море,
Теперь землю свою пометил,
Где болота красные скоро станут постелью
Медузы в Марафоне.

Кто сосчитает воинство медян?
Их многоярусные галеры едут,
Как саранча, с быстротой темной,
Через стонущий прилив.
Кто скажет, как много копыт
Что сотрясают пыльную равнину?
Где гордость коня - сила его лагеря,
Забудет ли медянин о победе?

О гордость когорт, что скачут верхом,
Глазам утренним явленная!
Но бог в небе обрек их лежать
В пыли на Марафоне.

Бесстрашные, у шумящего моря,
Афинские мужи показывают
Свою стойкую силу. Что они свободны
Они знают; и чувствуют
В этот день их избрали,
В борьбе за первенство стоять,
И сбросить порабощающее иго
Со всей греческой земли.
Их хвала будет звучать по всему миру,
Кто потряс персидский трон,
Когда крик свободных пронесся над морем.
Из знаменитого Марафона.

Со священного склона мрачного Ситерона
Маленький отряд платейцев
Приносит сердца, полные надежд патриотов,
Чтобы скрепить их общим оружием.
С сыновьями Тесея у ворот опасности,
Пока стоит околдованная Спарта,
И перемены бледной луны ждет.
С жесткими и твердыми руками;
И не имеет доли в редкой славе,
Которую Афины сделают своей,
Когда длинноволосый медянин с ужасающей быстротой
Отступит от Марафона.

"Вперед, сыны греков!" - раздается боевой клич;
"Земля, что родила вас,
Жены ваши и все дорогие души.
Что кружат вокруг каждого очага;
Святыни на тысяче холмов,
Память о ваших предках,
Зажгите медью ваши решительные воли,
И раздуйте свой доблестный огонь!"
И, как волна, хлынул поток храбрецов.
"Сыны греков, вперед, вперед!"
И отступил медянин от стремительной атаки
греков в Марафоне.

Слышишь ли ты звон копий справа?
Видишь ли ты блеск в небе?
Боги пришли помочь грекам в борьбе,
И благосклонные герои уже близко.
Львиную шкуру я вижу в небе,
И булава узловатая так упала,
И царственный взор Тесея победоносный,

И Макарию, нимфу колодца.

[Сноска: Нимфа *Макария*, дочь Геракла, по преданию, имела фонтан на Марафонском поле. На северном конце равнины есть колодец, где, как предполагается, находился фонтан].

Чисто, чисто бил фонтан,
Когда светило утро;
Но канун узнает пунцовый поток
его волны, по Марафону.

Вперед, сын Кимона, смело вперед!

[Сноска: Мильтиад, полководец, отца которого звали Кимон].

И Аристид Справедливый!

Ваши имена сделали это поле своим,

Ваши враги повержены в прах!

Лидийский сатрап пришпоривает своего коня,

Персидский лук сломан:

Его пурпур бледнеет; побежденный медянин

Видит гневный знак

Громогласный Юпитер, что правит;

И бурлящие болота стонут.

[Сноска: На равнине Марафона есть два обширных болота, по одному на каждой оконечности. Персы были отброшены в болото на северном конце].

С растоптанными мертвецами, нашедшими себе ложе

В крови, в Марафоне.

Корабли отплыли от Марафона

На быстрых крыльях бедствия;

И злой сон вызвал стон

Из сердца царя царей.

В полумраке ночи он увидел орла,

С голубкой кровавой боролся;

И слабый победил сильного в борьбе,

Орел от голубя убежал.

[Сноска: Здесь упоминается сон Атоса, приведенный Эсхилом в его трагедии "*Персы*".]

Великий бог, что царствует на звездных равнинах,

Сердцу царя показал.

Что хвастливый парад его гордыни был повержен

В пыль при Марафоне.

Но через извилистые долины Пентеликуса

Гимн триумфальный несется,

И Афины с гордостью приветствуют

Своих свободных сыновей.

И Паллас, со своей древней скалы,

[Сноска: *Паллас*, или Минерва].

С пылающим щитом вокруг,

пылает; к ней часто стекаются поклонники,

И высоко звучат пеаны,

Как в бессмертной славе знаменитый рассказ

По ветрам разносится,

Что длинноволосый Медея с быстротой гнали
Греками из Марафона.

И Греция станет святым именем,
Пока солнце взойдет на полюс,
И Марафон раздует пламя свободы
В душе многих пилигримов.
И над тем курганом, где спят герои,
[Сноска: Этот знаменитый курган до сих пор можно увидеть на поле битвы].
У пустынного и заросшего камышом берега,
Много патриотов будет плакать,
Пока время не остановится.
И бард взовьется святейшим гимном,
Когда он будет стоять у этого кургана один,
И почувствует, что нет на земле святыни божественней.
Чем прах Марафона.

СМЕРТЬ МИЛЬТИАДА.

Вскоре после поражения персов Мильтиада, которому поначалу были оказаны все почести, какие только мог оказать благодарный народ, постигла судьба, навевающая меланхолический мрак на его историю, и часто приводимая в доказательство утверждения, что "республики непостоянны и неблагодарны". История, однако, показывает, что афиняне не сильно ошиблись в своем отношении к Мильтиаду. Он добился от них командования экспедицией, цель которой была известна только ему одному, заверив их в благородстве и успехе предприятия. Но было потрачено много сокровищ, погибло много людей, и из-за кажущегося вероломства Мильтиада экспедиция закончилась катастрофой и позором. В ходе расследования выяснилось, что мотивом экспедиции была личная обида на одного из видных граждан Пароса. Поэтому Мильтиада приговорили к смерти, но благодарность за его прежние ценные услуги смягчила наказание до штрафа в пятьдесят талантов. Он умер вскоре после этого от раны, полученной при падении на Паросе, а штраф был выплачен его сыном Кимоном.

Как хорошо замечает Грот, "судьба Мильтиада, отнюдь не иллюстрирующая ни непостоянство, ни неблагодарность его соотечественников, свидетельствует об их справедливом отношении к заслугам. Она также иллюстрирует другую мораль, имеющую немаловажное значение для правильного понимания греческих дел; она преподносит нам болезненный урок того, как безумно влияет обильная порция славы на темперамент предприимчивого и амбициозного грека. Нет никаких сомнений в том, что быстрый переход в течение примерно одной недели от афинского ужаса перед битвой к афинскому ликованию после нее, должно быть, вызвал такие демонстрации по отношению к Мильтиаду, каких не было ни к одному другому человеку за всю историю содружества. Такое безмерное восхищение лишило его здравого смысла, так что его разум предался безрассудным импульсам дерзости, антипатии и хищничества - того расстроенного состояния, за которым (согласно греческой морали) постоянно следила карающая Немезида, и которое в его случае она посетила судом, поразительным по своей стремительности, а также ужасным по своей величине". [Сноска: "История Греции", гл. xxxvi].

Но, как замечает Гиллиес, "слава Мильтиада пережила его. Через полвека, когда по приказу государства была написана картина Марафонской битвы, было приказано поместить на переднем плане фигуру Мильтиада, вдохновляющего войска на победу - награда, которая во

время добродетельной простоты древнего сообщества давала больше реальной чести, чем все то великолепное изобилие корон и статуй, которые в поздние времена республики скорее вымогались общими сборами, чем даровались общественным восхищением." [См. "Орацию Эсехина", с. 424-426].

АРИСТИЙ И ТЕМИС ТОКЛ.

После смерти Мильтиада Фемистокл и Аристид стали самыми выдающимися людьми среди афинян. Первый, способнейший государственный деятель, но под влиянием честлюбивых побуждений стремился сделать Афины великими и могущественными, чтобы самому возвыситься; второй же был чистым патриотом, полностью лишенным корыстных устремлений и не знавшим иных дел, кроме справедливости и общественного благосостояния. Поэт Томсон так характеризует его:

Тогда Аристид поднимает свой честный фронт;
Безупречный сердцем, кому нелестный голос
Свободы дал имя Справедливый.
В чистой величавой бедности почитаем;
Который, славу свою ради блага страны
Покорившись, возвысил славу надменного соперника.

Но сама честность Аристида создала для него тайных врагов, которые, хотя и не обвиняли его в преступлениях, все же смогли добиться его изгнания путем *остракизма*, в котором главную роль играл его великий соперник Фемистокл. Подобное осуждение применялось не в качестве наказания, а как мера предосторожности против такой степени личной популярности, которая могла быть сочтена опасной для общественного благосостояния. Процесс происходил следующим образом: На народном собрании каждый имел право написать на ракушке имя человека, которого он хотел бы изгнать, и если набиралось шесть тысяч голосов или больше, то человек, против которого было подано наибольшее число голосов, изгонялся на десять лет, но с правом пользоваться своим имуществом и вернуться по истечении этого срока. Плутарх рассказывает о следующем инциденте, связанном с изгнанием Аристида: "К Аристиду пришел неграмотный мещанин, которого он принял за какого-то обычного человека, и, дав ему свою раковину, попросил написать на ней "Аристид". Добрый человек, удивленный таким приключением, спросил его: "Не обижал ли его когда-нибудь Аристид?" "Нет, - ответил тот, - я его даже не знаю; но мне досадно слышать, что его везде называют *Справедливым*". Аристид ничего не ответил, но взял раковину и, написав на ней свое имя, вернул ее человеку. Выйдя из Афин, он поднял руки к небу и, в соответствии со своим характером, произнес молитву, сильно отличающуюся от молитвы Ахилла, а именно: "Чтобы афинский народ никогда не увидел дня, который заставил бы его вспомнить Аристида".

Но, возможно, для свобод Греции было счастьем, что Фемистокл, а не Аристид, остался в Афинах в полной власти. "Особенностью его ума, - пишет ТИРЛВАЛЛ, - которую Фукидид созерцал с восхищением, была быстрота, с которой он схватывал каждый предмет, возникавший на его пути, определял ход действий, которых требовали новые ситуации и неожиданные повороты, и проникал в отдаленные последствия. Именно такие способности были наиболее необходимы в этот период на службе Афин". Вскоре после Марафонской битвы между Афинами и Эгиной началась война, которая продолжалась до сих пор и дала Фемистоклу возможность проявить свои способности к изобретательству и быстрому исполнению. Эгина была одним из самых богатых греческих островов и обладала самым мощным флотом во всей Греции. Фемистокл вскоре понял, что для успешной борьбы с этим

грозным соперником, а также для того, чтобы занять более высокое положение среди греческих государств, Афины должны стать великой морской державой. Поэтому он заручился согласием афинян направить большой излишек, находившийся в то время в государственной казне, но принадлежавший отдельным гражданам, на строительство ста галер; и благодаря этой жертве индивидуального обогащения на общее благо афинский флот был увеличен до двухсот кораблей. Но прозорливость Фемистокла простиралась еще дальше, и он, превращая Афины в первоклассную морскую державу, не менее тщательно стремился защитить ее от Персии, которая, как он хорошо знал, готовилась к новому и еще более грозному нападению на Грецию.

III. ВТОРОЕ ПЕРСИДСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ.

В течение трех лет после Марафонской битвы Дарий вел большие приготовления ко второму вторжению в Грецию, намереваясь лично возглавить свои войска; но смерть положила конец его планам. Ксеркса, его сына и преемника, многие советники призывали осуществить замыслы отца. Один только его дядя Артабанус пытался отвлечь его от этого предприятия; но Ксеркс, потратив четыре года на сбор большого флота и огромного количества войск со всех концов своих обширных владений, весной 480 года с большой помпой отправился из Сард, чтобы отомстить за позор Марафона. Геродот рассказывает, что, дойдя до Абиаса на Геллеспонте, Ксеркс оглядел свое огромное войско и прослезился, подумав о краткости человеческой жизни и решив, что из всего его огромного войска ни один человек не останется в живых, когда пройдет сто лет. Рассказ историка таков:

Ксеркс в Абидосе.

"Прибыв сюда, Ксеркс пожелал взглянуть на свое войско; так как на холме близ города стоял трон из белого мрамора, который абидосцы заранее приготовили по приказу царя для его особого пользования, Ксеркс сел на него и, глядя с него на берег внизу, увидел в одном месте все свои сухопутные войска и все свои корабли. Окинув взглядом весь Геллеспонт, покрытый кораблями его флота, и весь берег и все равнины вокруг Абидоса, заполненные людьми, Ксеркс поздравил себя с удачей; но через некоторое время он заплакал. Тогда Артабан, дядя царя (тот самый, который вначале так свободно высказывал царю свои мысли и советовал ему не вести войско против Греции), услышав, что Ксеркс плачет, подошел к нему и сказал:

"Как отличается, государь, то, что ты делаешь сейчас, от того, что ты делал некоторое время назад! Тогда ты поздравлял себя, а теперь, вот, плачешь".

"На меня, - отвечал он, - напала внезапная жалость, когда я подумал о краткости человеческой жизни и о том, что из всего этого множества, столь многочисленного, ни один не останется в живых, когда пройдет сто лет".

"И все же есть в жизни вещи печальнее этого", - ответил другой. Как бы ни было коротко наше время, нет человека, будь то здесь, среди этой толпы, или в другом месте, который был бы настолько счастлив, чтобы не испытывать желания - не скажу, что однажды, но много раз - быть скорее мертвым, чем живым. На нас обрушиваются несчастья, болезни досаждают и изводят нас, и жизнь, пусть и короткая, кажется длинной. Так что смерть, благодаря убогости нашей жизни, является самым сладким прибежищем для нашего рода; и Бог, дающий нам вкус приятных времен, как видно, в самом своем даре завидует".

-Перевод РАУЛИНСОНА.

Многое рассказывают о Ксерксе: как он отрезал каналом гору Афон от основной земли; как он устроил мост из лодок через Геллеспонт шириной в три мили и приказал бичевать воды за то, что они разрушили мост; Как он построил новые мосты, по которым его огромная армия пересекла Геллеспонт, как по царской дороге; и как его армия выпила целую реку досуха - все это, о чем серьезно рассказывает Геродот как о фактах, опровергается латинским поэтом Ювеналом, который приписывает эти истории фантазиям "бравурных поэтов".

Старая Греция сказку об Атосе сочинила бы,
Отрезан от континента и плавает по нему;
Моря с флотами, колесницы проезжают
Канал по мосту от берега до берега;
Реки, глубины которых не видит ни один зоркий наблюдатель,
Пьют за ужином в армии до дна;
С длинной легендой о романтических вещах,
Которые в чашах своих воспевают бравурный поэт.
-Десятая *сатира*. Перевод Дрейдена.

Однако то, что Ксеркс перекинул мост через Геллеспонт именно так, как рассказывает Геродот, является общепризнанным фактом истории. Как говорит Милтон,

Ксеркс, свободу Греции иго,
Из Суз, из своего Мемнонского дворца,
Пришел к морю, и через Геллеспонт
Мост свой перебросив, Европу с Азией соединил.
-*Paradise Regained*.

Он дошел до Сес'туса, города во Фракии, и вошел в Европу во главе величайшей армии, которую когда-либо видел мир и численность которой оценивалась более чем в два миллиона воинов. Пройдя вдоль побережья через Фракию и Македонию, эта огромная армия прошла через Фессалию и без сопротивления достигла Фермопильского перевала - узкого прохода на западном берегу залива, лежащего между Фессалией и Эвбеей, и почти единственной дороги, по которой можно было попасть в собственно Грецию, или Древнюю Грецию, с северо-востока через Фессалию. Тем временем греки не сидели сложа руки. Зимой, перед тем как Ксеркс покинул Азию, на Коринфском перешейке состоялся общий съезд греческих государств, на котором сначала были улажены разногласия между Афинами и Эгиной, а затем Афины и Спарта предприняли энергичную попытку объединить государства и города в одну великую лигу против власти Персии. Но, несмотря на общую опасность, лишь немногие государства откликнулись на этот призыв, а к северу и востоку от перешейка к лиге присоединились только афиняне, фокийцы, платейцы и феспийцы. Афины передали командование сухопутными и морскими силами спартанцам, и было решено выступить первым против Персии у Фермопильского прохода.

БИТВА ПРИ ФЕРМОПИЛАХ.

Когда персидский монарх достиг Фермопил, он обнаружил, что восемь тысяч человек под командованием спартанского царя Леонида готовы оспаривать его проход. К грекам был послан глашатай с приказом сложить оружие, но Леонид с истинно спартанской краткостью ответил: "Идите и возьмите их!". Когда ему заметили, что персы настолько многочисленны, что их дротики затмевают солнце, "Тогда, - ответил спартанец Дьенеш, - мы будем сражаться в тени". Сыновья Спарты, с юности приученные переносить все тяготы и запрещавшие своим законам бежать от врага, были поистине грозными противниками для персов.

Суровыми были ее сыновья. На берегу Евротаса,
Где черный Та-игет над утесом и вершиной
Машет своими темными соснами и расстилает свои сверкающие снега,
На пяти невысоких холмах возвышался их город: без стен,
Ни стены, ни валы не закрывали его; его крепостные стены
И башни силы были *людьми - высокими людьми*,
Которые слышали крик опасности с большей радостью.
чем более мягкие натуры слушают голос
удовольствия; кто, не покладая рук
В погоне, в бою или в атлетике,
закаляли в свирепости свою прирожденную выносливость;
Кто в смерти погружался так же безмятежно, как в сон,
И, окруженные враждебными мириадами, никогда не обращались
В бегство не обращались, но теснее прижимали к груди
Массивный забрало, крепче нога,
Прокусил губу, и, где они боролись, там и упали.
-ХАЙГАРТ.

Ксеркс, удивленный тем, что греки не рассеялись при виде его огромного войска, ждал четыре дня, а затем приказал части своих войск напасть на них и привести в плен; но варвары пали кучей в присутствии самого царя и завалили узкий проход своими трупами. Теперь Ксеркс решил, что поединок достоин превосходства его собственной гвардии, десяти тысяч бессмертных. Их повели на верную победу, но греки, как и прежде, стояли на своем. Бой длился целый день, и резня врагов была ужасной. Последовал еще один день сражения с такими же результатами, и уверенность персидского монарха сменилась унынием и недоумением.

В условиях неопределенности, вызванной неоднократными неудачами в попытках пробить проход, Ксеркс узнал от греческого предателя о тайном пути через горы, по которому он смог перебросить двадцатитысячную армию в тыл храбрым защитникам перевала. Леонид, видя, что его пост больше не выдержит, уволил всех своих союзников, пожелавших отступить, и оставил только триста спартанцев, несколько феспийцев и фиванцев - всего около тысячи человек. Он хотел спасти двух своих родственников, отправив их с посланиями в Спарту; но один сказал, что пришел носить оружие, а не разносить письма, а другой - что его дела расскажут все, что хочет знать Спарта. Леонид не стал дожидаться нападения, а, выскочив из прохода и внезапно обрушившись на персов, проник в самый центр их войска, где разгорелась яростная битва, и двое из братьев Ксеркса были убиты. Тогда оставшиеся в живых греки, за исключением фиванцев, отступили за перевал и заняли последнюю позицию на холме, где сражались с доблестью отчаяния, пока не были убиты все. Фиванцы, которым Леонид с самого начала не доверял, в самом начале боя сложили оружие и просили о пощаде.

Сам конфликт и слава спартанцев стали излюбленными темами поэтов последующих веков. Следующее описание принадлежит Хейгарту:

Долгой и сомнительной была эта битва;
День за днем вражеская армия наседа
Своих лучших воинов, но тщетно; они пали,
Или бежали бесславно. Подлое вероломство
В конце концов одержало верх; крутой и опасный путь,
известная лишь странствующим горцам,

путем трудного восхождения привела в тыл
героических греков. Наступило утро,
И храбрый вождь, подняв голову
С холодной скалы, на которой он покоился, смотрел
Знамя и шлем, и трепещущий огонь
Копья и пряжки, сверкающие высоко среди
Каждый остроконечный утес и роща, которые тянутся вдоль
Yon mountain's bosom. Тогда он увидел свою судьбу;
Но видел он ее бесстрастным взором:
Вокруг своего копья он созвал своих соотечественников,
И с улыбкой, что на суровой щеке
Прошла мимолетно, как мгновенная вспышка
Пронеслась грозная туча... "Но мы умрем".
(Он кричал) "как греки; мы оставим нашим сыновьям
Яркий пример. Пусть каждый воин застегнет
Крепко застегнет доспехи, схватит копье и нахмурится.
Из-под шлема смертельный хмурый взгляд
На врага, который сжимается в комок; Затем пусть закрепит
Твердое, негнущееся колено, И там, где он сражается
Там падет". Они услышали, и, на щитах своих
С благородной яростью отбивая боевой клич,
Бросились в бой с головой,
И умерли, как и жили, с триумфом.

Греческий историк Диодор, за которым следуют биограф Плутарх и латинский историк Юстин, утверждает, что Леонид совершил нападение на персидский лагерь ночью и в темноте и в смятении борьбы почти проник в царский шатер Ксеркса. На основе этих предполагаемых фактов поэт КРОЛИ написал свою захватывающую поэму, описывающую конфликт; но утверждение Диодора, которое не согласуется с Геродотом, в целом дискредитировано современными писателями.

На месте сражения были воздвигнуты памятники в память о павших греках, и многие эпитафии были написаны в память о героизме знаменитых трехсот человек; но самой древней, лучшей и знаменитой из них является надпись, которая была помещена на их алтаре-гробнице, написанная поэтом Симоном Идесом из Сеаса. Она состоит всего из двух строк на оригинальном греческом языке. [Сноска: Ниже приводится оригинальная греческая версия эпитафии: "Ο χεῖρ ἡγεγεδδεῖν Δακεδαίμονιός ἑστι ταδε κείμῃ, τοῖς κείνοισιν ἡραμασί ρεῖθονεοῖ"]. Вся Греция веками знала их наизусть; но со временем она забыла их, и тогда, говоря языком Кристофера Норта, "Греция перестала быть живой Грецией". Существует не менее трех латинских и восемнадцати английских версий этой эпитафии, и здесь мы приводим три из последних:

Иди, чужеземец, и Лас-и-дæ'мону скажи.
Что здесь, повинясь ее законам, мы пали.

Незнакомец, Спарте скажи, что здесь мы покоимся
В смерти, повинясь ее велению.

Иди, скажи спартанцам, ты, проходящий мимо,
Что здесь, повинясь их законам, мы лежим.

Другая надпись, которая, как говорят, была написана Симонидом для могил героев Фермопил, выглядит следующим образом:

Счастливы они, избранные храбрецы,
Кого судьба, кого доблесть привели
К их освященной могиле
Средь гор Фессалии грозной.
Их гробница - святая святыня,
Их эпитафия - выгравированная строка.
О былых деяниях божественных;
И тоскливый плач жалости
Сменился хвалебными гимнами, которые несут вечерний ветер.

Погребенные в благородных делах, они лежат.
Ни тихая ржавчина, ни неумолимый час Времени,
не в силах
Сорвать саван, что покрывает их святую тень.
Эллада оплакивает мертвых
Погребенных в узкой могиле;
Но ты, темный вождь Спарты, чье лоно пролило кровь
Первым в волне битвы,
Свидетельствуй, что они пали, как подобает храбрецам.

Сам Леонид пал на равнине, и его тело было отнесено в дефиле его последователями. Его похоронили у северного входа в перевал, а над его могилой возвели курган, на котором установили изваянную из камня фигуру льва. Скульптура льва отмечала могилу героя вплоть до времен Геродота.

На берегах Фокиса мрак пещеры
Утопает в мраке одинокая гробница:
Там, в печальной и безмолвной могиле
Покоится прах храбреца.
Кто, когда перс издалека
На Элладу хлынул поток войны,
По зову Свободы, с воинской гордостью,
За любимую страну сражался и погиб.
Ищешь ты место, где среди мертвых
Герой битвы проливал кровь?
Скульптурный лев, нахмурившись, стоит рядом,
Указывает Леониду на его тело.
-АНОН.

Поэт Байрон, который был особым другом Греции и искренним поклонником гения и подвигов ее сыновей, написал следующие строки, посвященные славе тех, кто пал при Фермопиле:

Они пали преданные, но несокрушимые;
В самом шторме их имена вздыхали:
Воды журчали об их имени;
Леса были наполнены их славой;

Молчаливый столп, одинокий и серый,
Родство с их священной глиной:
Их духи окутали сумрачную гору,
Их память искрилась в фонтане;
И самый маленький ручеек, и самая могучая река
Катились, смешиваясь с их славой навеки.

ОСТАВЛЕНИЕ АФИН.

Пока шли бои при Фермопилах, греческий флот под командованием спартанца Эврибиада, отправленный охранять Эвбейское море, столкнулся с персидскими кораблями у Артемиды. В нескольких схватках особенно отличились афинские корабли под командованием Фемистокла; и хотя поединки с врагом не были решающими, но, как говорит Плутарх, "они принесли большую пользу грекам, которые на опыте убедились, что ни количество кораблей, ни красота и великолепие их украшений, ни хвастливые крики и песни персов не страшны для людей, умеющих драться врукопашную и настроенных вести себя галантно. Их учили презирать эти вещи, когда они вступали в ближний бой и схватывались с врагом. Поэтому в этом отношении и по этой причине чувства Пиндара выглядят справедливыми, когда он говорит о битве при Артемизиуме,

"'Twas then that Athens the foundation laid
Свободы справедливый строй".

Хотя греки практически победили в этих схватках, по меньшей мере половина их судов была выведена из строя, и, узнав о поражении Леонида при Фермопилах, они решили отступить. Проплыв через Эвбейское море, флот продолжал свой путь, пока не достиг острова Саламис в Саронском заливе. Здесь Фемистокл узнал, что границу Аттики не охраняет ни один дружественный отряд, хотя пелопоннесские государства обещали послать армию в Беотию; он увидел, что ничто не мешает персам идти на Афины. Поэтому он посоветовал афинянам оставить город на милость персов, а свою безопасность и надежды на победу возложить на флот. Совет был принят, хотя и не без тяжелой борьбы; те из жителей, кто мог носить оружие, удалились на остров Саламис, а старики и немощные, женщины и дети нашли убежище в городе Арголиде.

БИТВА ПРИ САЛАМИНЕ.

Ксеркс продолжал свой поход по Греции, не встречая сопротивления, за исключением Феспии и Платеи, города которых он разрушил, и посеял опустошение в Аттике, пока не прибыл к подножию Кекропийского холма, который он нашел охраняемым горсткой отчаянных граждан, отказавшихся сдаться. Но храбрые защитники вскоре были преданы мечу, а Афины разграблены, а затем сожжены дотла. Примерно в это время персидский флот прибыл в Фалеримский залив, и Ксеркс немедленно отправил его блокировать греков в узком Саламинском проливе. Спартанец Эврибиад, все еще командовавший греческим флотом, получил от Фемистокла, а также от Аристиды, отозванного из изгнания, призыв немедленно вступить в бой в узком проливе, где превосходящая численность персов была бы малоэффективна. Однако пелопоннесские полководцы хотели перебросить флот к Коринфскому перешейку, где ему могли бы помочь сухопутные войска. Наконец совет Фемистокла возобладал, и греки предприняли атаку. Схватка была мужественной и упорной с обеих сторон, но греки вышли победителями. На одной из соседних высот Ксеркс воздвиг царский трон, откуда, окруженный своей армией, он мог наблюдать за морским сражением, в победе которого был так уверен. Но он имел несчастье наблюдать, как его великолепный

флот был почти полностью уничтожен. Среди убитых был брат Ксеркса, командовавший флотом, и многие другие персы самого высокого ранга.

Царь восседал на скалистом лбу.

Который смотрит на рожденный морем Саламин;

И корабли, тысячами, лежали внизу,

И люди в народах - все были его!

Он считал их на рассвете.

А когда солнце зашло, где они были?

-БАЙРОН.

Тревожась за свою личную безопасность, персидский монарх сосредоточился на обеспечении своего отступления по суше. Он быстро прошел в Фессалию и, совершив сорокапятидневный марш, достиг берегов Геллеспонта, чтобы обнаружить, что его мосты смыты.

Но как он вернулся? Скажем, эта огненная душа,

Этот гордый варвар, чей нетерпеливый гнев

Наказывал ветры, не подчинившиеся его приказу.

С полосами, которых не терпел эолийский бог.

Но как он вернулся? Скажем, его флот погиб,

В маленькой лодке он бежал от враждебного берега,

И, побуждаемый ужасом, погнал свой трудовой отряд

Через плавающие туши и поля крови.

Так бежал Ксеркс; так бежал род завоевателей:

Они ловят славу и хватаются за позор.

-Ювенал, *Сатира X*. Перевод Гиффорда.

Бесславное отступление Ксеркса заметно контрастировало с пышностью и великолепием его наступления на Грецию. Смерть от голода и бедствий опустошила его войска, и остатки, вернувшиеся с ним в Азию, были "скорее обломками или фрагментами, чем частью его огромного войска".

Над Геллеспонтом и мраморной головой Атоса,

Больше, чем бог, он пришел, меньше, чем человек, он бежал.

-ЛУИДЖИ АЛАМАННИ. Перевод: AUBREY DE VERE.

Знаменитое описание битвы.

Среди афинян, благородно сражавшихся при Марафоне, а также принимавших участие в битве при Саламине, был трагик Эсхил; он настолько отличился в качестве воина, что на картине, которую афиняне заставили написать, изображая первое сражение, фигура Эшила занимала столь видное место, что ее сразу же узнавал даже случайный наблюдатель. Через восемь лет после последней битвы Эсхил написал свою трагедию "*Персы*", в которой в ярких красках изобразил поражение Ксеркса и дал более полный и, более того, лучший отчет о том памятном морском сражении, чем это можно найти даже на страницах Геродота.

МИТФОРД говорит: "Приходится сожалеть не о том, что Эсхил был поэтом, а о том, что в его эпоху проза была настолько мало распространена, что его поэтический очерк этой великой сделки является самым авторитетным, самым ясным и самым последовательным из всех, дошедших до потомков". В знаменитой трагедии Эшила рассказ об уничтожении персидского флота якобы передан персидским вестником, спасшимся от боя, Атосе, матери

Ксеркса. Действие происходит в Сузах, персидской столице, рядом с гробницей Дария. Всю драму можно рассматривать как гордую триумфальную песнь в пользу Свободы.

Атосса, явившись с сопровождающими ее лицами и желая узнать новости о сыне, сначала спрашивает, в какой местности находятся башни Афин, завоевание которых завещал ее сын, и какими могучими армиями, каким оружием и сокровищами могут похвастаться афиняне, и какой могущественный монарх правит ими; К ее удивлению, ей рассказывают, что вместо мощного лука, как у персов, у них крепкие копья и массивные рогатины; и хотя их богатая земля - обильный источник серебра, но народ, "раб не господина, не владеет царской властью". Затем входит вестник и восклицает:

Горе городам населенных царств Азии!
Горе стране Персии, некогда бывшей портом
безграничного богатства! Все, в один миг, погибло!
Ах я! Как печальна задача того, кто приносит дурные вести!
Но к моей истории о горе - я должен ее рассказать.
Персы - все варварское войско пало!

При этом поразительном известии хор вступает в концерт:

О, ужас, ужас, что за беда!
Увы! Неужели Эллада осталась невредимой? И разве
И напрасно ли буря стрелы свои израсходовала?
Поднимите погребальный плач - с мрачными нотами
Плач несчастных персов. О, как плохо
Они планировали свои действия! Вся их армия погибла!

Затем гонец восклицает:

Я говорю не с чужих слов; но эти мои глаза
Видели гибель, о которой мой язык не знает.
Груды несчастных мертвецов лежат на берегу
Саламиса и всех соседних берегов.
О, Саламис, как ненавистно имя твое!
О, как стонет мое сердце при одной мысли об Афинах!

Атосса наконец-то нашла слова, чтобы сказать:

Пораженный этими бедствиями, мой голос так долго
требовал произнесения: подобные горести превосходят
Не под силу ни речи, ни вопросу: но все же такие,
Нанесенные богами, должен переносить смертный человек,
Сдерживаемый громкой необходимостью.
Но Расскажи мне все: не отвлекаясь, поведай мне
Все эти бедствия, хоть и стон.
Вырвался из сердца твоего. Кто не пал?
Какого вождя мы должны оплакивать? Какой вождь со скипетром,
Умирая, оставил свои войска без повелителя?

Гонец сообщает ей, что сам Ксеркс жив и все еще видит свет, а затем дает общий обзор бедствий, постигших персов, называет имена убитых вождей, число всадников, копьеносцев и моряков, которые лежат "убитые на скалах", "погребенные в водах" или "плесневеющие на

мрачном берегу". По просьбе Атосса он переходит к более подробному рассказу, который, как мы уже говорили, является лучшей историей этого памятного морского конфликта:

Наш злой гений, владычица или бог
Враждебный Персии, привел ко всем бедам.
Из афинских войск вышел грек,
и обратился к сыну твоему, царственному Ксерксу:
"Как только спустится ночь, греки
Покинут свой пост и бросятся к веслам,
Они намерены разделиться и в тайном бегстве
Искать безопасности". При этих словах царский вождь,
Не подозревая о коварстве Греции,
И богам противясь, всем флотоводцам
Дал свой высокий наказ: "Как только солнце перестанет
Бросать свои лучи, и темная ночь
Вознесется в небесный храм, расставьте
В три дивизии ваши хорошо организованные корабли,
И охраняйте каждый проход, каждый выход из морей:
Другие же, окружив этот скалистый остров
Саламины. Если Греция избежит своей участи,
И проложит себе путь тайным бегством, Ваши головы
Ответят за пренебрежение". Этот суровый приказ
Он отдал, ликуя в мыслях, и не знал.
Что предначертано судьбой. С воинской дисциплиной
И быстро повинувшись, набросился на пищу,
Каждый хорошо закрепил свое готовое весло.

Как только золотое солнце зашло, и наступила ночь.
Каждый, обученный управлять лихим веслом,
Занимал свое место; в оружии каждый воин стоял,
И в дружине, и в отряде, и на всех военных кораблях.
Каждый к назначенной станции направляет свой курс,
И до самой ночи каждый военачальник
Закрепил за собой проходы. Наступила ночь,
Но не тайным бегством пыталась Греция
спастись. Утро, прекрасное на вид,
Запряженное белыми конями, пронеслось над просветленной землей:

Сразу же все греки радостно закричали,
Взорвалась песнь войны, чьи возвышенные ноты
Эхо островных скал отозвалось,
Распространяя смятение среди персидских войск, которые, таким образом, пали
От их больших надежд; не бегство это торжественное
не предвещало, но преднамеренная доблесть склоняла
На смелый бой; а звук трубы
Разжигал пламя войны. Но когда их весла
(Закончился пэан), стремительной силой
Разогнали окружающие волны, мгновенно все
Устремились вперед; в стройном строю
Эскадра правая первой шла, за ней

Весь флот; и вот уже отчетливо раздался
Со всех сторон этот голос призыва:

"Вперед, сыны Греции, от гибели спасите
Свою страну - спасайте своих жен, своих детей,
Храмы ваших богов, священные гробницы.
Где покоятся ваши почтенные предки; в этот день
Общее дело всех требует вашей доблести".
Тем временем из Персии донесся глубокий крик.
Ответили на их крик; не было времени медлить;
Но корабль против корабля свой наглый клюв устремил.

Первой в атаку бросилась греческая галера;
Финикийский корабль выдержал грубую атаку.
Ее скульптурный нос был весь разбит. Каждый шел вперед,
не решаясь противостоять. Глубокий строй
Персии вначале выдержали бой;
Но их толпы, в узких морях
Замкнутые, не имеют места для действий; и лишённые
взаимной помощи, клювы сталкиваются с клювами, и каждый из них
Ломаёт все весла у другого: с мастерством распорядились,
Греческий флот обвел их вокруг
В яростном нападении; и, бросившись с высоты,
Перевернутое судно тонет.

Море больше не
Носит свой привычный облик, с грязными обломками
и обезображенными кровью; плавающие туши
Валяются на скалистых берегах; жалкие остатки
Варварского вооружения в бегстве
Каждый гребец бесславный: вперед устремляются
Греки среди развалин флота,
Как сквозь косяк рыб, попавших в сети,
Распространяя гибель; над широким океаном
Слышны вопли и громкие причитания до самой ночи,
с тьмой на челе, принесла благодарное перемирие.
Мне ли пересказывать все обстоятельства горя,
Десять раз на моем неоконченном повествовании солнце
зайдет; ибо будьте уверены, что ни один день
Не сможет завершить гибель столь огромного войска.

После дальнейшего рассказа вестника о масштабах разорения, постигшего персидское войско, мать Ксеркса апострофирует и оплакивает "коварную фортуна", обрушившую это разорение на преданную голову ее сына:

Коварная фортуна, как зловещая сила твоя
Потопила надежды Персии! Горький плод
Мой сын вкусил от своей задуманной мести
Афинам, прославленным оружием; роковое поле
Марафона, красное от варварской крови,
Не хватило: за поражение он решил отомстить,

И навлечь на свою голову это отвратительное разорение!

Ах я! Какая скорбь о нашем погубленном воинстве
Угнетают душу мою! Вы, видения ночи,
преследующие мои сны, как ясно вы показывали
Эти беды! Вы выставили их в слишком выгодном свете".

В *Эпосе*, или заключительной части трагедии, следующее "Плач" можно рассматривать как выражение чувств, с которыми персы оплакивали это поражение, имея в виду его последствия для власти персов над азиатскими народами:

Со священным трепетом
Персидский закон
Не будет больше царство Азии чтить:
К руке их повелителя,
По его велению,
Не несут больше дань.
Кто теперь падет ниц перед троном монарха?
Его царственного величия больше нет.
Теперь не сдержат развратный язык,
Свободный от золотого обуздания власти;
И на скалах, омываемых бьющим потоком,
Его благоговейные вельможи лежат в крови.
-Перевод Поттера.

Среди современных стихотворений, посвященных Ксерксу и битве при Саламине, есть одно, написанное шотландским поэтом и переводчиком Джоном Стюартом Блэки, из которого мы приводим следующие выдержки:

Видишь ли ты, где, возвышенно восседая на троне с серебряными ножками,
С высокой тиарой на гребне, опоясанный драгоценным поясом,
Сидит царь царей и, глядя со скалистого склона горы,
Оглядывает, с мачтовыми армиями, усеянными вдали, прекрасный Саронический прилив?
Не смотрит ли он с надеждой, пылая? Не смотрит ли он с гордым восторгом?
Не бог ли он? В словах, которые он произносит, заключена судьба.

Он пришел от далекого Евфрата и от стремительного прилива Тигра,
Чтобы покорить силу Афин, чтобы покарать гордыню спартанцев;
Он пришел с бесчисленными армиями, собранными издалека,
С равнины и с гор, собрав ряды пестрые;
С суши и с океана, что стонут отягощенные буруны,
Что воздух черен от знамен, что великий Ксеркс называет своими.

Он благородно проскакал над прекрасными полями, над пустырями,
Как земля может нести бремя, с тяжестью в ногах;
Он рассекал надвое горы, он наводил мосты на катящийся поток,
Он опутал потоп Хеле, связал цепью волны;
И реки сжимаются пред ним, и озера сухи,
От волов его, несущих ношу, и от полчищ его конницы;
И ворота Греции распахнулись; Осса и Олимп пали;
И горная Эмония расстилает реки и шторма.

Перед ним не устоял ни человек, ни бог; он обшарил всю землю Аттики,
Загнал доблестных сынов Афин на бесплодный остров;
Он окружил их триремами, линиями ошестившихся войск;
Он обрек добычу на захват; он далеко раскинул свои сети;
И сидит он на троне возвышенно, гордясь собой,
Чтобы увидеть, как жертва падет под внезапным ударом судьбы.

Далее следует рассказ о народах, составлявших персидское войско, об их намерении заманить в ловушку греков, которые, как считалось, помышляли о бегстве, о патриотическом энтузиазме последних, о последовавшем за этим морском сражении и катастрофическом поражении персов; поэма завершается следующим сатирическим обращением к Ксерксу:

Проснись! Проснись! Ослепленный Ксеркс! Бог уличил тебя наконец;
И гордыню твою под судом своим, как дерево перед взрывом.
Поспеши! Поспеши! Поторопи курьеров твоих - Персидские курьеры едут налегке.
Чтоб объявить о флоте твоём, севшем на мель, Что жестокой смертью некрасивой
Померкла слава твоя. Уходи, уходи, уходи! Отсюда, каким бы путем ты ни пришел,
Уступая тем, кто видел тебя могущественнейшим, и там, где ты был свирепейшим,
укрощайся!

Мороз и огонь сойдутся в союзе, Гневные небеса на землю ответят,
Сильный Посейдон своим трезубцем разорвет твои нечестивые узы;
Там, где ты прошел, с безчисленными ртами, Пожирая голодную землю,
С немногими людьми лодка переправит Ксеркса на азиатский берег.
Спеши! Спеши! Тебя ждут у дворцовых ворот;
У золотых ворот Суз ждут тебя скорбящие.
Поспеши! Там старейшины-хранители ждут тебя, И с ними - хриплый бородатый шлейф;
Они увидят своего царя, но никогда больше не увидят сыновей, которых любили.

Где ждет тебя плачущая мать твоя, Царица Атосса ждет, чтобы увидеть
Суровое исполнение ее тревожного, навеянного видениями сна в тебе.
Ей снилось, и она увидит это, Как орел, повергнутый в трепет,
Отдал свой царственный гребень, чтобы ошипать его перед когтями сокола.
Поспеши туда, где могучая тень великого Дария сквозь мрак
Встает грозно, чтобы научить тебя мудрости, если ты сможешь научиться ей из могилы.
Там начни печальную репетицию и, проливая слезы,
Тысячам языков, просящих тебя, расскажи о мириадах твоих мертвецов!

БИТВА ПРИ ПЛАТЕЕ.

Когда Ксеркс вернулся в свои владения, он оставил своего полководца Мардония с тремястами тысячами воинов, чтобы завершить, если возможно, завоевание Греции. Мардоний провел зиму в Фессалии, но летом следующего года его армия была полностью разбита, а сам он убит в битве при Платее. Двести тысяч персов пали здесь, и лишь небольшой остаток бежал через Геллеспонт. Мы извлекаем из "Афин" Бульвера следующее красноречивое описание этого сражения, как ради его красоты, так и для того, чтобы показать влияние религии греков на военный характер народа. Мардоний продвинулся до окрестностей Платеи, когда столкнулся с той частью греческой армии, состоявшей в основном из спартанцев и лакедемонян, которой командовал Павсаний и насчитывавшей около пятидесяти тысяч человек. Афиняне ранее отступили на более безопасную позицию, где было приказано сосредоточить всю армию; Павсаний только начал ретроградное движение, когда появились персы.

Бульвер говорит: "Когда войска Мардония продвинулись вперед, остальные части персидского войска, считая, что теперь задача состоит не в сражении, а в преследовании, подняли свои штандарты и шумно ринулись вперед, без дисциплины и порядка. Павсаний, придавленный персидским строем, не терял времени и послал афинянам просьбу о помощи. Но когда те уже шли с необходимой помощью, их внезапно перехватили греки, состоящие на персидской службе, и отрезали спартанцев от спасения.

"Спартанцы с тревогой увидели, что остались без поддержки. Обратившись к богам, Павсаний назначил торжественное жертвоприношение, и все его войско ожидало результата, в то время как валы персов сыпались на них сплошным потоком. Но внутренности принесли неутешительные предзнаменования, и жертвоприношение было возобновлено. Тем временем спартанцы проявили характерную для них стойкость и дисциплину: ни один человек не покинул строй, пока предзнаменования не стали более благоприятными; все израненные, а некоторые и раненные персидскими стрелами, они, ища защиты только под своими широкими пряжками, с суровым терпением ждали времени своего вождя и небес. Затем пал Калликрат, самый статный и сильный воин во всей армии, оплакивая не смерть, а то, что его меч так и не был поднят против захватчика.

"И все еще жертва за жертвой, казалось, запрещали сражение, когда Павсаний, подняв глаза, из которых текли слезы, к храму Юноны, стоявшему неподалеку, взмолился богине, чтобы, если судьба не позволяет грекам победить, они, по крайней мере, пали как воины; и, пока он произносил эту молитву, знамения, которых ждали, вдруг стали видны в жертвах, и авгуры возвестили о грядущей победе. Вслед за этим по армии мгновенно пронесся боевой приказ, и, если воспользоваться поэтическим сравнением Плутарха, спартанская фаланга внезапно выступила во весь рост, словно свирепый зверь, вставший во весь рост и готовящийся отомстить врагу. Местность, разбитая на множество крутых и обрывистых гребней и пересеченная рекой Асопус, чей вялый поток извивается по широкому и каменистому руслу, была неблагоприятна для движения конницы, и поэтому персидские пешие наступали на греков.

"Сплотившись в массивную фалангу, лакедемоняне представляли собой почти непроницаемое тело, медленно двигавшееся вперед, компактное и стройное, в то время как горячая и недисциплинированная доблесть персов, более удачливых в стычках, чем в сражениях, разбивалась тысячами волн об эту движущуюся скалу. Наступая понемногу, они быстро обходили греков - их доспехи были слабы против крепких пик Спарты, их храбрость не отличалась мастерством, их численность не отличалась дисциплиной; тем не менее они сражались галантно, даже лежа на земле, хватая пики голыми руками, и с удивительной ловкостью, которая до сих пор присуща восточным мечникам, вскакивая на ноги и возвращая себе оружие, когда казалось, что они побеждены, вырывая у врагов щиты и отчаянно схватываясь с ними врукопашную.

"Впереди тысячного отряда отборных персов, выделяясь своим белым конем, а еще больше своей смелой отвагой, скакал Мардоний, направляя атаку яростнее, где бы ни пылали его доспехи. Вдохновленные его присутствием, персы сражались достойно своей воинской славы и, даже падая, прореживали ряды спартанцев. В конце концов опрометчивый, но галантный предводитель азиатских армий получил смертельную рану - его череп раздробило камнем из руки спартанца. Его отборный отряд, гордость армии, пал, сражаясь вокруг него, но его смерть стала общим сигналом к поражению и бегству. Обремененные длинными одеждами и придавленные неумолимыми завоевателями, персы в беспорядке бежали к своему лагерю, который был защищен деревянными окопами, воротами, башнями и

стенами. Здесь, укрепившись, как могли, они успешно и с пользой для себя сражались с лакедемонянами, которые были плохо обучены штурму и осаде.

"Тем временем афиняне одержали победу на равнине над греческими союзниками Мардония и теперь присоединились к спартанцам в лагере. Говорят, что афиняне были лучше спартанцев обучены искусству осады, но в то время их опыт вряд ли мог быть большим. Однако афиняне во все времена отличались более буйным нравом, и люди, которые "бежали в атаку" при Марафоне, не были обескуражены отчаянными остатками своего древнего врага. Они взобрались на стены, пробили брешь, через которую первыми ворвались тегейцы; греки быстро и яростно влились в лагерь. Пораженные, ошеломленные, одурманенные внезапностью и величиной поражения, персы больше не поддерживали свою славу; они рассеялись во все стороны, падая, когда бежали, с огромной резней, так что из всего этого могучего войска едва ли три тысячи смогли спастись".

Но окончательный разгром персидских войск на поле битвы при Платее имеет гораздо большее значение, чем избавление греков от непосредственной опасности. Пожалуй, ни одно событие в древней истории не было столь значимым по своим последствиям; ведь каково было бы состояние Греции, если бы она тогда стала провинцией Персидской империи? Величие, которого она достигла впоследствии, слава и известность, которыми она наполнила землю, никогда бы не имели места. Маленькая Греция стояла у ворот континента и отказывала во входе великолепному варварству Азии. Она решила, что Европа не должна стать азиатской, что цивилизация не должна погрузиться в пучину беспредельного деспотизма. Она повернула персидский поток назад через Геллеспонт, и Александр лишь последовал за отхлынувшей волной к Инду.

"'Twas then," as SOUTHEY says,

"Судьба

Судьба нерожденных веков зависела от схватки:

Это было в Платее, в тот ужасный час.

Когда Греция, объединившись, сокрушила персидскую мощь.

Ведь если бы перс победил, то источник

знаний из этого живого источника прекратился;

Все бы пали перед варварским королем.

Искусство, наука, свобода: деспотичный Восток,
наложивший свой отпечаток на покоренную расу,
Запечатлел их в форме чувственного рабства".

Кроме того, по этому поводу мы приводим следующие размышления цитируемого ранее автора:

"Когда потоп персидского оружия отступил на свое восточное ложе, и мир вновь обрел относительный покой, континент Греции заметно и величественно возвышался над остальной цивилизованной землей. Вдали на латинских равнинах младенческое государство Рим тихо и неясно боролось за силу с соседними и мелкими государствами, в которых старая этрусская цивилизация быстро приходила в упадок. Гений Галлии и Германии, еще не избавившихся от варварства, был малоизвестен, за исключением тех мест, которые были колонизированы греками, во мраке своих лесов и пустошей.

"Амбиции Персии, все еще великой монархии мира, были навсегда подавлены и искалечены; сила поколений была растрачена, а огромные размеры империи лишь еще больше поддерживали всеобщий мир из-за истощения ее сил. Поражение Ксеркса

парализовало Восток. Таким образом, Греция оказалась в безопасности и получила свободу наслаждаться обретенным спокойствием и направлять на мирное искусство новые и удивительные силы, которые были вызваны опасностями и возвышены военными победами".

В день битвы при Платее остатки персидского флота, спасшегося при Саламине и приставшего к берегу в Микале на побережье Ионии, были сожжены греками, а Тигранес, персидский командующий сухопутными войсками, и сорок тысяч его людей были убиты. Это был первый серьезный удар, нанесенный греками по могуществу Персии на континенте. "Остановившись в Сардах, - пишет Бульвер, - Ксеркс увидел скудные и истощенные остатки своего могучего войска, беглецов роковых дней Микалеи и Платеи. Армия, над которой он плакал в зените своего могущества, исполнила предсказание его слез; вооруженной мощи Мидии и Египта, Лидии и Ассирии больше не было!"

В одной из комедий греческого поэта АРИСТОФАНА под названием "Осы", призванной в основном сатирически изобразить страсть афинян к волнениям в суде, есть следующий эпизод, в основе которого лежит деятельность афинян в битве при Платее. Из этого эпизода мы узнаем, что название "аттическая оса" произошло от ядовитого упорства, с которым афиняне, роясь, как осы, жалили персов при их отступлении, после поражения Мардония. Появившись в популярной сатирической комедии, она также показывает, как легко любая аллюзия на знаменитые победы Греции может сослужить службу в популярных случаях - аллюзия, которая, как знал драматург, пробудит в народном сердце огромное восхищение им и его работой:

С факелом и клеймом персидская орда пронеслась с востока на запад,
Чтоб штурмовать ульи, что мы хранили, и выкурить нас из гнезда;
Тогда мы взяли в руки копье и таргу, И встретили его на пути;
Плечом к плечу, вплотную мы стояли, И от гнева кусали губы.
Стрелы летели так быстро и густо, что никто не мог видеть неба,
Но боги в тот день были на нашей стороне, и мы отбили их в два счета.
Высоко над головой, предзнаменование доброе, мы увидели колесо совы,
И персидские шаровары в их спинах ощущали добрую аттическую сталь.
И все же, когда они бежали, мы следовали за ними, как рой мстительных врагов,
И жалили их, где попало, в щеку, и губу, и нос.
Так и по сей день, говорят варвары, когда шепчутся вдали или вблизи,
Больше, чем все остальное, АТТИК ВАСП по-прежнему вызывает страх.
-Перевод В. Люкаса Коллинза.

ГЛАВА X.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ АФИНСКОЙ ИМПЕРИИ.

I. ПОЗОР И СМЕРТЬ ФЕМИСТОКЛА.

Через шесть лет после битвы при Платее карьера Ксеркса завершилась убийством, и на престол вступил его сын, Артаксеркс Лонгим'ан. За это время Фемистокл отстроил и укрепил Афины, а Пирей (афинский порт) заключил в стену, такую же большую по протяженности, как и афинская, но большей высоты и толщины. Но Фемистокл своим эгоистичным и произвольным использованием власти вызвал вражду значительной части своих соотечественников; и хотя он был оправдан по обвинению в измене Персии, народное чувство вскоре стало настолько сильным против него, что он был приговорен к изгнанию тем

же процессом остракизма, который он направил против Аристида, и удалился в Аргос (471 г. до н. э.). За некоторое время до этого греческие войска, состоявшие из афинян под командованием Аристида и Кимона, сына Мильтиада, и спартанцев под командованием Павсания, победителя Платеи, вели успешную войну против персидских владений в Эгейском море и у берегов Малой Азии. Ионические города получили помощь в успешном восстании, а Кипр и Византий - последний ныне Константинополь - перешли в руки греков. Павсаний, стоявший во главе всего вооружения, начал проявлять признаки измены, которые в большей степени проявились в сообщении, направленном им к персидскому двору, в котором он просил выдать замуж дочь Ксеркса и обещал подчинить Спарту и всю Грецию персидскому владычеству.

Когда весть об измене Павсания достигла Спарты, он был немедленно отозван, и, хотя сначала против него не было представлено никаких конкретных доказательств, впоследствии его вина была установлена, и он погиб от голода в храме Минервы, куда бежал в поисках убежища и где его замуровали эфоры. Судьба Павсания была связана с судьбой Фемистокла. В поисках дальнейших следов заговора первого была обнаружена переписка, служившая достаточным доказательством причастности Фемистокла к преступлению, и он был немедленно обвинен спартанцами, которые настаивали на его наказании. Афиняне отправили послов, чтобы арестовать его и доставить в Афины; но Фемистокл бежал из Аргоса и в конце концов нашел убежище при персидском дворе. Он умер в Магнесии, в Малой Азии, которая была назначена ему местом жительства Артаксерксом, и в память о нем был воздвигнут великолепный памятник; но во времена Римской империи на берегу моря, в порту Пирей, была указана гробница, в которой, по общему мнению, находились его останки, и о которой комический поэт ПЛАТО писал следующее:

На берегу моря, на водной глади,
Будет стоять твой памятник, Фемистокл.
По ней направишься к родным берегам,
Купец должен доставить свой груз;
И когда наши флоты будут вызваны на бой.
Афины покорятся с твоей гробницей на виду".
-Перевод Камберленда.

Хотя "гений Фемистокла не уберег его от соблазнов скупости и гордыни, которые заставили его пожертвовать честью и страной ради мишуры восточной пышности", но, как говорит ТИРЛВАЛЛ, "ни один грек не оказал тогда такой услуги, как Фемистокл, общей стране; и ни один афинянин, кроме Солона, не оказал Афинам таких же благ. Он сначала избавил ее от самой неминуемой опасности, а затем вознес ее на ту высоту, на которой она стояла сейчас. Он мог претендовать на ее величие, и даже на ее существование, как на свою работу". Следующая дань его памяти принадлежит перу Туллиуса Гем'инуса, латинского поэта:

Греция будет памятником твоим; вокруг нее брось
Разбитые трофеи персидского флота;
Впиши богов, что вели оскорбительного врага,
И могучий Ксеркс у ног скрижали.
Там лежал Фемистокл; чтобы распространить его славу
Саламин будет вечной колонной;
Не возноси, слабый человек, бессмертное имя.
Не возносит слабый человек К бессмертному имени.
-Перевод МЕРИВАЛЕ.

II. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ КИМОНА.

Главным среди соперников Фемистокла по способностям и влиянию был Кимон, сын Мильтиада. В юности он неумеренно увлекался удовольствиями и не проявил ни одного из тех качеств, которыми он впоследствии отличился. Но друзья побудили его пойти по стопам отца, и Аристид вскоре обнаружил в нем способности и склонности, которые он мог использовать с пользой для себя в противостоянии с Фемистоклом. Аристиду, таким образом, Цимон был во многом обязан своим влиянием и успехом, а также мягким нравом и кроткими манерами.

Воспитанный его заботой, из более мягкого луча появляется
Кимон, сладкоречивый; чей гений, восходящий к силе,
Сбросил груз молодого разврата; за границей
Бич персидской гордости, дома - друг
Всех достоинств и всех великолепных искусств;
Скромный и простой в пышности богатства.
-ТОМСОН.

После изгнания Фемистокла Аристид стал бесспорным лидером аристократической партии в Афинах, а после его смерти, через четыре года, его сменил Кимон. Последний уже отличался своими военными успехами и был, несомненно, величайшим полководцем своего времени. Он продолжал успешную войну с Персией в течение многих лет, и среди его выдающихся побед была одна, одержанная как на море, так и на суше, в Памфилии, в Малой Азии, и названная

БИТВА ПРИ ЭВРИМЕДОНЕ.

Разогнав флот из двухсот кораблей, Кимон высадил свои войска, окрыленный победой, и полностью разгромил большую персидскую армию. Поэт Симонид восхваляет эту двойную победу в следующем стихотворении:

С тех давних пор, когда Азия стояла
Впервые оторванная от Европы океанским потоком,
С тех пор как ужасный Марс впервые набросился на оба берега
Буря битвы и ее дикий рев,
Завоевал человек на суше и на море такую славу.
Как в этот день могучий подвиг совершил.
На суше мириады медян давят на землю;
На море сто тирийских кораблей потопили,
Со всем их воинством; Азия же стоит
Глубоко стонет и сжимает свои беспомощные руки".
-Перевод МЕРИВАЛЕ.

Тот же поэт воздает должное грекам, павшим в этом конфликте:

Эти, у потоков прославленного Эвримедона,
Там, завидуя юности, пробежали короткий блестящий путь:
В быстрокрылых кораблях и на поле брани,
Вдвоем они заставили луки мидян уступить,
Разбив их передовые ряды. Теперь они лежат здесь,
Их имена вписаны в списки побед.
-Перевод МЕРИВАЛЕ.

После отзыва Павсания из Малой Азии Спарта потеряла, а Афины приобрели главенство в войне с Персией. Теперь Афины стремительно приближались к вершине своей военной славы. Война с Персией не помешала ей расширить свои владения в Греции силой оружия; остров за островом Эгейского моря уступали ей, а ее колонии заселяли извилистые берега Фракии и Македонии. Другие государства и города Греции не могли наблюдать за ее стремительным и, по-видимому, постоянным ростом могущества без большого недовольства и тревоги. Когда персидская война была в самом разгаре, чувство общей опасности заставило многих из них искать союза с Афинами, в результате чего возникла так называемая Делосская конфедерация; но теперь, когда опасность практически миновала, вспыхнула давно существовавшая ревность, которая привела к политическим разногласиям и, наконец, к гражданским войнам, ставшим причиной гибели греческих республик. Спарта, особенно Спарта, уже давно с негодованием наблюдала за растущими ресурсами Афин и готовилась сдержать их вторжением в Аттику, когда внезапные и сложные бедствия заставили ее отказаться от своих замыслов и обратить внимание на собственные владения. В 464 году до н. э. город посетило землетрясение, которое превратило его в руины и похоронило не менее двадцати тысяч его избранных граждан; за этим бедствием сразу же последовало всеобщее восстание гелотов. Описание Бульвером этого ужасного землетрясения и памятного поведения лаконского правительства, противостоявшего в столь сложных обстоятельствах произошедшему ужасному восстанию, вызвало восхищение своим красноречием и строгим следованием фактам.

Землетрясение в Спарте и восстание гелот.

"Небывалое по силе землетрясение произошло в Спарте. Во многих местах Лаконии скалистая почва была расколота. От нависавшей над городом горы Та-иге-тус, на которой лакедемонянки устраивали свои вакхические оргии, огромные обломки покатались в предместья. Большая часть города была полностью разрушена; говорят, вероятно, с преувеличением, что только пять домов полностью избежали катастрофы от удара. Это ужасное бедствие не прекратилось внезапно, как только пришло; его сотрясения повторялись; оно погребло под собой и людей, и сокровища: если верить Диодору, от удара погибло не менее двадцати тысяч человек. Обезлюдившие, обнищавшие и подавленные, враги, которых жестокость Спарты вскормила в своем лоне, решили воспользоваться моментом, чтобы отомстить и довершить ее гибель. При Павсании гелоты были готовы к восстанию, и смерть этого заговорщика остановила, но не подавила их стремление к свободе. Теперь, когда Спарта лежала в руинах, настал момент осуществить их мечты. От поля к полю, от деревни к деревне весть о землетрясении стала сигналом к восстанию. Поднялись гелоты - вооружились, нахлынули - дикая, собирающаяся и неумолимая толпа, решившая истребить под гнетом человека всех, кого природа еще пощадила. Землетрясение, сравнившее Спарту с землей, разорвало их цепи; ни одно потрясение не создало такой темной и широкой пропасти, как пропасть между господином и рабом.

"Это одно из самых возвышенных и ужасных зрелищ в истории - город в руинах, земля все еще дрожит, мрачные и смелые солдаты собраны среди груды смерти и руин; и в такое время, и на такой сцене, народ, чувствующий не опасность, а зло, и поднимающийся не для помощи, а для мести - все, что должно было бы обезоружить слабую вражду, дало им огонь; самое страшное бедствие - их благословение, а отчаяние - их надежда. Словно сама Великая Мать созвала своих детей, чтобы отстоять давно обиженное, доставшееся от нее наследство; и волнение разъяренных стихий было лишь предвестием вооруженного и торжественного союза между природой и угнетенными.

"К счастью для Спарты, опасность не была предвиденной. После смятения и ужаса землетрясения, когда люди, рассеявшись, пытались спасти свое имущество, Архидай, который за четыре года до этого вступил на лакедемонский престол, приказал трубам трубить к оружию. То удивительное превосходство человека над материей, которое достигается привычкой и дисциплиной и которое всегда было так заметно у спартанцев, стало залогом их безопасности в тот час. Отказавшись от заботы о своем имуществе, спартанцы схватили оружие, собрались вокруг своего царя и выстроились в дисциплинированный строй. Таким образом, Спарта была спасена в самый тяжелый момент. Гелоты приближались, дикие, беспорядочные и буйные; они пришли с целью грабить и убивать; они ожидали найти рассеянных и испуганных врагов, а нашли грозную армию; их тираны по-прежнему были их владыками. Они увидели, остановились и бежали, рассеявшись по стране, возбуждая всех встречных к восстанию, и вскоре соединились с мессенцами, родственными им по крови и древним воспоминаниям о героических битвах; они захватили тот самый Итоме, который их наследник Аристодем прежде занял с незапамятной доблестью. Они укрепили его и, захватив также соседние земли, объявили открытую войну своим владыкам". [Footnote: "Athens: Its Rise and Fall", pp. 176, 177].

"Случай, когда царь Спарты, - говорит АЛИСОН, - среди грохота землетрясения и разрушения своей столицы трубит в трубы, призывая к оружию, а лакедемоняне собираются вокруг него в дисциплинированном строю, является одним из самых возвышенных в истории. Мы не должны удивляться тому, что народ, способный на такое поведение в такой момент и приученный дисциплиной и привычкой к такой покорности в опасности, должен был впоследствии приобрести и сохранить верховное господство в Греции". Всеобщее восстание гелотов известно в истории как ТРЕТЬЯ МЕССЕНИЙСКАЯ ВОЙНА. После двух или трех лет тщетных попыток захватить Итоме спартанцы были вынуждены обратиться за помощью к афинянам, с которыми они все еще находились в зачатом союзе. Друзья Перикла, соперника Кимона и лидера демократической партии в Афинах, противились предоставлению желанной помощи; но Кимон после некоторых затруднений убедил своих соотечественников помочь лакедемонянам, а сам с четырьмя тысячами человек отправился к Итоме. Афиняне просили помощи из-за их признанного мастерства в захвате укрепленных мест; но поскольку Цимону не удалось взять Итоме, спартанцы заподозрили его в своих замыслах и в срочном порядке отправили его обратно в Афины.

III. ПРИХОД ПЕРИКЛА К ВЛАСТИ.

Неудачная экспедиция Кимона дала Периклу возможность поставить у власти в Афинах себя и народную партию; ведь конституционные реформы, постепенно ослаблявшие власть аристократии, теперь были готовы почти полностью смести ее. Следующая выдержка из книги Бульвера "*Афины*" кратко и в то же время полно рассказывает о том, что было сделано в этом направлении:

"Конституция, существовавшая до Солона, была сословной олигархией. Солон превратил ее в аристократию собственности. Клисфен расширил ее основу от собственности до населения; и именно Клисфен, по всей вероятности, ослабил более незаконное и деспотичное влияние богатства, установив тайное голосование вместо открытого, которое было распространено во времена Солона. Ареопаг был задуман Солоном как аристократический противовес народному собранию. Этот конституционный оплот аристократической партии Афин становился все более и более неблагоприятным для народа, и когда Цимон сопротивлялся каждому нововведению в этом собрании, он только застраховал свою собственную гибель, ускоряя политику, которую он осуждал. Эфиальт, друг и представитель Перикла, направил всю силу народного мнения против этого почтенного

сената; и в конце концов, хотя и без открытой помощи Перикла, который не принимал заметного участия в споре, этому влиятельному государственному деятелю удалось ущемить его функции и ограничить его власть".

Что касается характера произведенных конституционных изменений, тот же автор добавляет: "Мне представляется наиболее вероятным, что Ареопаг сохранил право выносить решения по делам об убийствах и мало что еще из своих древних конституционных полномочий; что он полностью потерял свою самую опасную власть в *неограниченной полиции*, которую он раньше осуществлял над привычками и нравами народа; что любой контроль над финансами был разумно передан народному сенату; что его безответственный характер был упразднен, и что он отныне был подотчетен народу". Борьба между противоборствующими партиями была долгой и ожесточенной, и падение Кимона стало одним из необходимых последствий политических перемен. Обвиненный, помимо прочего, в слишком большой дружбе со Спартой, он был отправлен в изгнание. Теперь Перикл убедил афинян отказаться от союза со Спартой и усилил мощь Афин за счет союзов с Аргосом и другими городами. Он также продолжил строительство длинных стен от Афин до Пирея и Фалерума - проект, который посоветовал Фемистокл и который начал Кимон.

Давняя ревность Спарты наконец вылилась в открытые военные действия. Пока шла осада Итома, Спарта, все еще сильная в своих союзах, направила свои союзные войска в Беотию, чтобы противостоять растущему влиянию афинян в этом регионе. Возмущенные афиняне во главе с Периклом вышли им навстречу, но потерпели поражение в битве при Тангаре. Перед началом этого сражения в афинский лагерь явился изгнанный полководец Кимон и попросил разрешения встать в ряды противников. Получив отказ, он оставил свои доспехи друзьям, которых среди афинян было сто человек, с поручением опровергнуть своей доблестью обвинения в том, что он и они - друзья Спарты. Все из ста человек пали в бою. Примерно через два месяца после этого, в начале 456 года до н. э., афиняне смыли пятно своего поражения при Танагре победой над объединенными силами фиванцев и беотийцев, находившихся тогда в союзе со Спартой; таким образом, власть и влияние Спарты вновь ограничились Пелопоннесом.

Теперь афиняне были хозяевами Греции от Коринфского залива до Фермопильского прохода, а в следующем году они отправили экспедицию вокруг Пелопоннеса, которая захватила, среди прочих городов, Наупактус на берегу Коринфского залива. Третья и последняя Мессенская война только что завершилась сдачей Итома на условиях, которые позволили мессенцам и их семьям покинуть Пелопоннес, и они присоединились к колонии, которую Афины основали в Наупакте. Но успехи Афин в Греции были уравновешены в том же году поражением в Египте, где афиняне воевали с Персией, помогая ливийскому князю Инарусу. Эти и другие мелкие неудачи, а также состояние ожесточения, существовавшее между двумя партиями в Афинах, побудили Перикла отозвать Кимона из изгнания и назначить его командующим экспедицией против Кипра и Египта. Однако в 449 году Кимон заболел и умер в гавани Китиума, который он осаждал.

Перед смертью Кимона и благодаря его вмешательству было заключено пятилетнее перемирие со Спартой, а вскоре после его смерти был заключен мир с Персией. С этого времени Афинская империя начала приходить в упадок. В 447 году до н. э. восстание в Беотии привело к свержению афинского господства, а вскоре последовало изгнание афинян из Фокисы и Лориды, а также восстание на Эвбее и в Мегаре. Восстание на Эвбее было вскоре подавлено, но это был единственный успех, которого добились Афины. Тем временем спартанская армия вторглась в Аттику и дошла до окрестностей Элевсиса. Потеряв большую часть своей империи и имея реальную перспективу потерять всю ее в случае продолжения

военных действий, Афины заключили тридцатилетнее перемирие со Спартой и ее союзниками, по условиям которого она отказалась от своих завоеваний в Пелопоннесе, а Мегара стала союзницей Спарты (445 г. до н. э.).

ЭПОХА ПЕРИКЛА".

С окончанием персидской войны и началом Тридцатилетнего перемирия начинается то, что называют "эпохой Перикла" - начало новой и важной эры афинского величия и славы. Завоевав высшие военные награды и политическое превосходство, Афины теперь заняли лидирующие позиции в интеллектуальном прогрессе. Фемистокл и Кимон вернули Афинам все то, что было разрушено Ксерксом: первый отстроил руины, а второй придал общественным зданиям невиданное ранее великолепие. Но Перикл превзошел их обоих:

Он был правителем страны.

Когда Афины были страной славы;

Он был светом, который вел группу

Когда каждый из них был подобен живому пламени;

Центр благороднейшего кольца земли,

Из более чем людей, более чем царь.

Но не оковами и не копьем

Его суверенитет был удержан или завоеван:

Боялись - но только так, как боятся свободные люди;

Любил - но только так, как любят свободные люди;

Он размахивал скипетром над своим родом.

Первым великим титулом природы - разумом!

-КРОЛИ.

Оратор и философ, а также государственный деятель и полководец, Перикл обладал самыми возвышенными взглядами. "Афины, - пишет современный писатель, - должны были стать не только столицей Греции, но и центром искусства и утонченности, а вместе с тем и тех демократических теорий, которые составляли *идеал* афинских представлений о правительстве". Афины стали центром и столицей самых утонченных общин Греции; они привлекли к себе весь греческий интеллект, а от зависимых от них людей получили богатство для управления искусствами, которые всеобщее движение и общение научили ее ценить. Сокровищница государства оказалась в руках Перикла, и он не знал предела расходам, кроме народной воли, которая, к счастью для славы греческого искусства, шла в ногу с обширными замыслами мастера-конструктора. Большинство знаменитых сооружений, венчавших афинский Акрополь или окружавших его основание, были построены или украшены по его указанию, под руководством великого скульптора Фидия. Парфенон, Одаум, статуя богини Минервы из золота и слоновой кости и олимпийский Юпитер - две последние работы самого великого скульптора - были достаточны, чтобы увековечить "век Перикла". Об этих чудесах скульптуры и архитектуры, а также о литературе этого периода мы поговорим подробнее в следующем месте.

Об общем состоянии и внешнем виде Афин в течение четырнадцати лет, когда соблюдалось Тридцатилетнее перемирие, Хайгарт дает следующее поэтическое описание:

Весь шум войны

Был затихшим до покоя. В стенах города,

Под мраморным портиком, были видны

Государственные деятели и ораторы, одетые в мирные одежды,

ведущие беседу. Собравшаяся толпа
Сидели в переполненном театре и склонились
Чтобы услышать голос великолепной трагедии.
Дышащего в торжественных стихах и одах возвышенных,
Ее благородные наставления. Широкие городские ворота
Вылитая толпа - нетерпеливые кони
С нетерпением ждущих своего часа:
Купцы медленно едут в оживленный порт.
Их тяжелые грузы: Святые жрецы религии
ведущие ее краснокожих приверженцев к ступеням
К ступеням огромного храма: молодые и старые, со скрещенными на груди руками.
Скрестив руки на груди, спешат на прогулки и в тени
Пригородные, где какой-нибудь моралист объяснял
Законы разума и добродетели. На скале
появилась разнообразная группа: кто-то тащил за собой
грубо обтесанный блок; другие придавали ему форму;
Кто-то возвышал колонну, или долотом вычерчивал
Формы более чем человеческие; а рядом сидел Контент,
И песнями подбадривал труд промышленности.

Но, как добавляет поэт,

Вскоре эта мирная картина прошла: Война снова
Клеймил свое кровавое копье...

И тогда начался тот мрачный период между "веком Перикла" и вмешательством римлян - три Пелопоннесские войны, подъем могущества Македонии при Филиппе Македонском, войны Александра и последующие раздоры - известный как период гражданских потрясений в Греции.

ГЛАВА XI.

ПЕЛОПОННЕССКИЕ ВОЙНЫ И ПАДЕНИЕ АФИН.

ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ ВОЙНЫ.

К различным успешным планам Перикла по обогащению и расширению власти Афин Спарта и ее союзники относились с опаской и ревностью, ожидая лишь разумного повода для возобновления военных действий. Такой повод представился в 435 году до н. э. Коринф, союзник Спарты, был втянут в войну с Корсией, одной из ее колоний, когда последняя обратилась за помощью к Афинам. Перикл убедил афинян оказать помощь, и к Корсире был отправлен небольшой флот. Последовавшее затем сражение, в котором участвовали афинские корабли - величайший поединок, как отмечает Фукидид, происходивший между греками до этого дня, - было благоприятным для коринфян; но вид более крупной афинской эскадры, продвигавшейся к месту действия, заставил коринфян отступить. За этим первым нарушением перемирия вскоре последовало другое. Потидея, коринфская колония, но подчиненная Афинам, взбунтовалась из-за несправедливых требований, которые афиняне предъявили ей, и потребовала помощи коринфян. Таким образом, в двух случаях Афины и Коринф, хотя номинально и находились в мире, вступили в конфликт как открытые враги.

КОНГРЕСС В СПАРТЕ - ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПЕРИКЛА.

Тем временем лакедемоняне созвали в Спарте собрание Пелопоннесской конфедерации, на котором Эгина, Мегера и другие государства высказали свои претензии к Афинам. На нем присутствовали и посланники из Афин, которые серьезно предупреждали, что не стоит втягивать Афины в борьбу, которая будет вестись за само их существование. Но большинство членов Конфедерации придерживалось мнения, что Афины нарушили свои договоры, и результатом обсуждения стало объявление войны против них. Не желая мира, но желая выиграть время для подготовки к войне, Спарта начала переговоры с Афинами, но ее предварительные требования, конечно, были отклонены, а ультиматум Афин о восстановлении независимости союзников был встречен аналогичным требованием афинян - чтобы ни одно государство в Пелопоннесе не было вынуждено подчиниться принципам, принятым в Спарте: "Пусть это будет нашим ответом, - сказал Перикл, завершая свою речь в афинском собрании: "У нас нет желания начинать войну, но кто бы ни напал на нас, мы должны дать ему отпор; ибо нашим руководящим принципом должно быть не что иное, как то, что мощь государства, которое наши отцы сделали великим, мы передадим потомкам в неизменном виде". Совет Перикла был принят, все дальнейшие переговоры были на этом завершены, и Афины приготовились к войне.

Хотя политический авторитет Перикла находился на пике, а его заслуги получали незаслуженное общественное признание, у него было много врагов среди всех слоев населения, которые на некоторое время сделали его положение крайне опасным. Сначала они нападали на его друзей - Фидия, Анаксагора, Аспазию и других, которые были видными представителями его взглядов и замыслов. Первого из них ложно обвинили в краже, поскольку он оставил себе часть золота, полученного за золотое одеяние Афины Парфенос, и в нечестии, поскольку он воспроизвел свои собственные черты в одной из многочисленных фигур на щите богини. Его бросили в тюрьму, где он умер, не дождавшись окончания суда. Анаксагор, подвергнув себя наказанию по указу, согласно которому все, кто отрекался от существующих религиозных взглядов, должны были быть обвинены и преданы суду как государственные преступники, едва спасся; Аспазия, любовница Перикла, обвиненная в нечестии и низком аморализме, была спасена только благодаря красноречию и слезам великого государственного деятеля, которые свободно и успешно лились в ее пользу перед присяжными. Наконец, на Перикла напали лично. Его обвинили в расточительстве государственных средств и потребовали представить точный отчет о расходах. Хотя он вышел победителем из этого и всех других нападений, очевидно, как отмечает один историк, что "усилия его врагов не преминули оказать определенное влияние на массы; и это заставило Перикла, который считал, что война в любом случае неизбежна, приветствовать ее скорое начало, поскольку он надеялся, что общая опасность отвлечет внимание общества от домашних дел, сделает безвредной силу его противников, укрепит патриотическое чувство и покажет афинянам, что они нуждаются в его услугах".

1. ПЕРВАЯ ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА.

На стороне Спарты выступал весь Пелопоннес, кроме Аргоса и Ахайи, а также мегаряне, фокийцы, локрийцы, фиванцы и некоторые другие; союзниками Афин были фессалийцы, акарнанцы, мессенцы, платейцы, хианы, лесбиане, города, подчиненные ей во Фракии и Малой Азии, и все острова к северу от Крита за двумя исключениями - Меоса и Тера. Военные действия были спровоцированы вероломным нападением фиванцев на Платею в 431 году до н.э., и до конца того же года шестидесятитысячная спартанская армия опустошила Аттику и расположилась перед самыми воротами Афин, в то время как морские силы афинян опустошали побережье Пелопоннеса. Спартанцы вскоре были призваны из Аттики для

защиты своих домов, а сам Перикл во главе большого войска опустошил небольшую территорию Мегариса. Эта экспедиция завершила военные действия на этот год, и по возвращении в Афины Периклу было поручено произнести речь на общественных похоронах, которые, по обычаю страны, были посвящены павшим на войне.

Этот случай предоставил Периклу возможность вдохновить мужество и надежды своих соотечественников таким описанием славы и возможностей Афин, какое мог дать только он сам. Начав свое обращение с восхваления предков и ближайших прародителей афинян, он переходит к показу последних, "благодаря какой форме гражданского правления, каким нравам и привычкам жизни" они достигли своего величия; наглядно противопоставляя свои институты институтам других государств, и особенно спартанцев, их нынешних врагов.

Оратория Перикла.

[Сноска: Из "Истории Фукидида" в переводе С. Т. Блумфилда, доктора философии, т. I, с. 366].

"Мы пользуемся формой правления, не основанной на подражании институтам соседних государств, но сами являемся скорее образцом для других, чем подражанием им; и эта форма, поскольку правительство управляется не для немногих, а для многих, называется демократией. Согласно ее законам, все участвуют в равенстве прав при решении частных исков, и каждому отдается предпочтение при занятии государственных должностей с учетом репутации, которую он имеет, и в соответствии с тем, как каждый оценивается в чем-либо; не столько за принадлежность к определенному классу, сколько за личные заслуги. Ни один человек, способный каким-либо образом оказать услугу государству, не задерживается из-за бедности или неясности положения. Так либерально управляются наши государственные дела, и так же либерально мы ведем себя по отношению к взаимным подозрениям в нашем частном и повседневном общении; не питаем вражды к ближнему за то, что он следует своему собственному юмору, и не омрачаем свой лик порицанием, которое причиняет боль, хотя и не может наказать. В то время как в частном общении мы смешиваемся без раздражительности и болезненности, в общественном и политическом качестве мы стараемся не оскорблять друг друга; быстро подчиняемся властям и установленным законам, особенно тем, которые приняты в интересах пострадавших, и тем, которые, хотя и неписанные, отражают признанный позор на нарушителях".

Упомянув об отдыхе, обеспечиваемом общественному сознанию играми и жертвоприношениями в течение всего года, а также о некоторых моментах в военном деле, в которых афиняне преуспели, Перикл продолжает следующим образом: "Итак, в этих отношениях наш город достоин восхищения, да и в других тоже; ведь мы изучаем изящество в сочетании с бережливостью и культивируем философию без женолюбия. Богатство мы используем как возможность для действий, а не как предмет словесного хвастовства. Признаться в бедности для нас не позор; не пытаться избежать ее с помощью усилий - действительно позор. Кроме того, одни и те же люди уделяют внимание как своим домашним заботам, так и государственным делам; и даже среди тех, кто занимается сельским хозяйством или ремеслом, можно обнаружить сносный уровень политических знаний. Мы - единственный народ, который считает того, кто не принимает участия в политике, не просто *ничего не делающим*, а тем, кто ни на что не годен. Мы также являемся людьми, которые хорошо изучают или, по крайней мере, полностью обдумывают наши меры, не считая, что слова мешают делу, но что помеха заключается скорее в том, что слова не сообщают о том, что должно быть сделано, прежде чем приступить к делу. Ибо мы обладаем тем преимуществом перед другими, что исполняем смелую стремительность в том, что

предпринимаем, и в то же время осторожное благоразумие в том, что предвидим; тогда как у других только незнание заставляет их дерзать, а размышление делает их безрассудными.

"Короче говоря, я могу утверждать, что город в целом - это учительница Греции, и что каждый человек среди нас в отдельности, кажется, обладает самой готовой универсальностью в приспособлении себя, и не без труда, к самому большому разнообразию обстоятельств и ситуаций, которые разнообразят человеческую жизнь. О том, что все это не просто словесное бахвальство для данной цели, а действительная правда, ясно свидетельствует сама сила государства, которой мы достигли благодаря этим привычкам и склонностям; ибо наше государство - единственное из ныне существующих, которое при испытании утверждает себя выше всяких похвал; оно одно не дает повода ни врагу-захватчику для огорчения от того, что он потерпел поражение, ни государству-подданному для самоуничтожения, как находящемуся во власти недостойных империи. Мы демонстрируем мощь, о которой нет никаких свидетельств, но которая подтверждена известными знаками, что сделает нас предметом восхищения как в настоящем, так и в будущем веке; мы не нуждаемся ни в Гомере, ни в каком-либо подобном панегиристе, который, правда, может в настоящее время восхищаться своими стихами, но любое представление о наших *действиях*, сформированное на основе их действительной правды, может разрушить: нет, каждое море и каждая земля стали доступны для нашей отваги; и везде мы установили вечные памятники как добра, так и зла. За *такое* государство наши усопшие герои (не желая быть его лишенными) великодушно сражались и пали; и в таком деле правильно, что каждый из нас, оставшихся в живых, должен с готовностью встречать трудности и опасности".

Отдав достойную дань памяти ушедшим воинам, чьи добродетели, по его словам, помогли украсить Афины всем тем, что делает их темой его хвалебных речей, Перикл призывает своих слушателей подражать духу тех, кто принес своей стране самую благородную жертву. "Они отдали свои лица и жизни на благо общества, и поэтому в качестве личного вознаграждения они получают бессмертную славу и самые благородные могилы",

[Сноска:

В то время как короли, в пыльной тьме сокрытые,
Оставили безымянную пирамиду,
Твои герои, хотя всеобщая гибель
Смахнули колонну с их могилы,
Могучий памятник заповедуют.
Горы родной земли!
Это, указывает муза твоя, чужому взору
Могилы тех, кто не может умереть!
-БАЙРОН].

Не столько там, где покоятся их кости, сколько там, где хранится их слава, чтобы о ней вечно помнили во всех случаях, будь то речь или действие. Ибо для прославленных людей вся земля - гробница; на это указывают не только монументальные надписи в их собственной стране, но и ненаписанный и мысленный памятник в чужих краях, который, будучи долговечнее любого *памятника*, глубоко сидит в груди каждого. Итак, подражая этим прославленным образцам, считая, что счастье - это свобода, а свобода - это доблесть, не отступайте перед опасностями войны". [Сноска: Именно родственный дух заставил нашего великого государственного деятеля Вебстера, цитируя эту ораторию, спросить: "Афины или Америка? Афины или Америка - тема этих бессмертных строк? Говорил ли Перикл о своей собственной стране, какой он ее видел или знал? Или он смотрел на яркое видение, которое было перед ним две тысячи лет назад, и которое мы видим в реальности, как он видел его в

перспективе?"] Ибо несчастные и безнадёжные - это не те, кто имеет больше всего оснований для того, чтобы расточительно относиться к своей жизни, а те, кто, пока жив, вынужден рисковать противоположным шансом и кто больше всего ставит на карту; ведь велика была бы обратная сторона, если бы их постигло несчастье. Ведь для высокодуховных людей, по крайней мере, более тяжким является несчастье, постигшее их среди прелестей процветания, чем удар смерти, настигший их в полном разгаре бодрости и общих надежд и, более того, почти не ощущаемый".

Историк, из труда которого взята речь Перикла, говорит: "Такова была погребальная торжественность, имевшая место этой зимой, с окончанием которой завершился первый год войны". DR. ЭРНСТ КУРТИУС комментирует эту ораторию следующим образом: "С возвышенной простотой Перикл превозносит афинскую конституцию, народную в полном смысле слова, поскольку ее цель - благо всего народа, и предоставляющую равные права всем гражданам; но в то же время, и в силу этого ее характера, приспособленную для возведения лучших из них на первые посты в государстве. Он восхваляет высокие духовные преимущества города, либеральную любовь к добродетели и мудрости со стороны ее сыновей, их всеобщее сочувствие общему благу, их щедрое гостеприимство, их умеренность и энергичность, которые мир и любовь к прекрасному не ослабили, так что город афинян в любом случае должен быть предметом заслуженного восхищения как для настоящего, так и для будущих веков. Таковы были точки зрения, с которых Перикл показал гражданам характер их государства и описал им афинский народ, каким он должен быть. Он показал им их лучшие качества, чтобы поднять их над собой и пробудить в них самоотречение, выдержку и спокойную решимость. Полные нового жизненного пыла, они возвращались домой из могил и с полной уверенностью смотрели на судьбы, ожидающие их в будущем". [Сноска: "История Греции", т. III, с. 66; автор - д-р Эрнст Курциус].

ЧУМА В АФИНАХ.

Весной 430 года до н. э. спартанцы снова вторглись в Аттику, и афиняне заперлись в Афинах. Но тут на них напала чума, бедствие более страшное, чем война, и унесла с собой толпы людей. Эта чума, опустошившая не только Афины, но и другие греческие города, подробно описана латинским поэтом Лукрецием. Его описание основано на рассказе Фукидида. Мы приводим здесь только начало и конец:

Чума, подобная этой, буря, большая судьбы,
Однажды опустошила Афины и их печальные владения;
Весь город обезлюдел, и пути его
Разрушеньем занесло. Ибо среди царств
Рожденный Египтом, много могучих путей
Эфир пересек, много потоков пронеслось,
И вот, наконец, она здесь; над несчастным царством
Цекропов парящих, и изумленной расы
Тысячами обрекая на болезнь и смерть.

И вот ужасный вредитель, не знающий преград, настиг
Человек за человеком, и день за днем,
С прожорливой жадностью; как стада, они падали
И стада робких овец:
На похоронах, похоронах, похоронах, и так до бесконечности.

И тот, кто бежал от страждущих, побуждаемый любовью
К жизни слишком любя, и трепеща за судьбу свою,
Вскоре раскаивался, и сам
Погружался в свое виновное одиночество, лишенный
Друзей, помощи, безнадежный и покинутый;
А те, кто их выхаживал, к благочестивой работе
Пробужденные их молитвами, с жалобными стонами соединялись,
Падали безвозвратно: лучшие из них,
Достойнейшие, чаще других встречали свою гибель".
-Перевод Дж. Месона Гуда.

СМЕРТЬ ПЕРИКЛА.

Обиженные войной и мором, афиняне были охвачены яростью и отчаянием и обвиняли Перикла в том, что он является автором их несчастий. Но этот решительный человек все еще придерживался своих планов и попытался успокоить народные умы экспедицией в Пелопоннес, которой он командовал лично. Произведя опустошения на различных участках вражеского побережья, Перикл вернулся и обнаружил, что народ еще более нетерпим к войне и жаждет мира. В Спарту было отправлено посольство с предложениями о прекращении военных действий, но оно было отклонено без рассмотрения. Этот отказ усилил народное недовольство, и хотя на созванном им для этой цели собрании Периклу удалось силой своей речи успокоить народ и убедить его в справедливости и патриотизме своего курса, его политические враги обвинили его в казнокрадстве, в чем он и был уличен, а его назначение на пост генерала было отменено. Он удалился в частную жизнь, но его преемники на посту оказались некомпетентными и нерешительными, и вскоре он был вновь избран генералом. Казалось, он восстановил свое превосходство, но в середине третьего года войны он умер, став жертвой чумы.

Он погиб, но его венки были завоеваны;
Он погиб в зените славы:
И тучи опустились на афинское солнце,
И все же она побеждала во имя его.
Наполненная его душой, она не могла умереть;
Ее завоеванием было потомство!
-КРОЛИ.

Фукидид рассказывает, что когда Перикл был близок к концу и, казалось, потерял сознание, друзья, собравшиеся вокруг его постели, облегчили свою печаль, вспомнив о его военных подвигах и трофеях, которые он добыл. Он прервал их, заметив, что они опустили самую славную похвалу, на которую он мог претендовать: "Другие полководцы были столь же удачливы, но я никогда не заставлял афинян надевать траур" - несомненно, имея в виду его успех в достижении важных преимуществ с минимальными потерями в живой силе; и это, по мнению Тирлволла, "является необычным основанием для удовлетворения, если Перикл сознавал, что вовлек свою страну в самую кровавую войну, которую она когда-либо вела".

Успех Перикла в сохранении на протяжении стольких лет своего огромного влияния на афинский народ следует в значительной степени приписать его удивительной силе убеждения. Цицерон, как говорят, считал его первым примером почти совершенного оратора; а Бульвер говорит, что "дикция его речей и та последовательная логика, которую

только подготовка может придать языку, стали неотразимыми для народа, который сам стал Периклом". Что бы ни говорили о Перикле как о политическом деятеле, его интеллектуальное превосходство не подлежит сомнению. Как гениальный человек и либеральный покровитель литературы и искусства, он достоин самого высокого восхищения; ведь "благодаря этим качествам он по праву дал имя самой блестящей интеллектуальной эпохе, которую когда-либо видел мир". Следующую выдержку из *"Истории Греции"* Митфорда можно считать верным очерком о великом демократическом правителе:

Характер Перикла.

"Ни один другой человек, кажется, не был так высоко оценен большинством самых искусных писателей Греции и Рима за всеобщее превосходство талантов, как Перикл. Сохранившиеся сведения о его деяниях едва ли подтверждают его славу, которая, однако, была, возможно, более справедливо заслуженной, чем у многих других, чьи заслуги в значительной степени объясняются действиями других людей, чьи имена исчезли. Философия Перикла научила его не быть тщеславным, а основывать свою славу на великих и добрых делах, а не на блестящих поступках. Плутарх отмечает, что, сколько он ни командовал афинскими войсками, он никогда не был побежден; однако, хотя он завоевал много трофеев, он никогда не одерживал великолепных побед. Битва, по мнению одного из современных авторитетов, - это ресурс невежественных генералов; когда они не знают, что делать, они сражаются. В эпоху Перикла это был почти универсальный ресурс; мало кто представлял себе военные операции, выходящие за рамки разорения и сражения. Его гений привел его к превосходной системе, которую богатство его страны позволило ему воплотить в жизнь. Его любимой максимой было щадить жизни своих солдат; и едва ли какой-либо полководец когда-либо получал столько важных преимуществ при столь малом кровопролитии.

"Однако этот великолепный характер может показаться несколько запятнанным политическим поведением Перикла; по крайней мере, тем соучастием, которое вменяется ему в вину при разложении афинской конституции в пользу той народной власти, которой он правил, а также возрождением и подтверждением той пагубной вражды между демократическими и аристократическими интересами сначала в Афинах, а затем в результате Пелопоннесской войны во всей стране. Но высокое уважение, с которым о нем всегда говорят три человека в последующие эпохи - Фукидид, Ксенофонт и Исократ, все дружелюбные к аристократическим интересам и стремящиеся к согласию с Лакедемоном, - убедительно показывает, что то, что может показаться исключительным в его поведении, было, по их мнению, результатом не выбора, а необходимости. Вероятно, никаким другим поведением нельзя было сохранить независимость Афин, а она, как показало событие, была необходима для свободы Греции".

II. АФИНСКИЕ ДЕМАГОГИ.

Вскоре после смерти Перикла результаты произведенных им политических перемен, а также нравственных и социальных изменений, происшедших в народе под влиянием различных причин, проявились в возвышении к власти людей из низших слоев общества, чья популярность достигалась и поддерживалась главным образом интригами и лестью. Главным среди них стал кожевник Клеон, которого характеризуют как "жестокоего демагога, чье высокомерное самомнение так недостойно сменило просвещенное великодушие Перикла". В 428 году Митилея, столица острова Лесбос, восстала против верховенства Афин, но была быстро приведена к подчинению, а тысяча или более митиленцев были отправлены в качестве пленников в Афины, чтобы ими распорядились по усмотрению афинского собрания. Клеон впервые появляется на публике в связи с освобождением этих пленников.

Обладая способностью вести дела в популярной манере, обладая звенящим голосом и беспредельной дерзостью, он стал "самым убедительным оратором в глазах народа", и теперь, возглавив дебаты в собрании, он добился того, что несчастных пленников жестоко предали смерти. С этого момента его влияние неуклонно росло, и в 425 году он был избран командующим афинскими войсками. В течение нескольких лет обстоятельства благоприятствовали ему. С помощью своего полководца Демосфена он захватил у спартанцев Пилус, а по возвращении в Афины был принят с демонстрацией большой благосклонности; но его военная некомпетентность лишила его и победы, и жизни в битве при Амфиполисе в 422 году до н.э.

То, что мы знаем о политическом поведении Клеона, получено из крайне ненадежных источников. Аристофан, главный из комических поэтов, описывает его как "шумного драчуна, громкого в своих обвинениях, жестокого в своих жестах, развращенного и продажного в своих принципах, гонителя званий и заслуг, низкого льстеца и подхалима народа". Фукидид также называет его "бесчестным политиком, несправедливым обвинителем других и самым жестоким из всех граждан". Однако у обоих этих авторов были личные претензии. Конечно, Клеон очень естественно стал мишенью для инвектив поэта. "Взятие Пилуса, - говорит Гиллий, - и триумфальное возвращение Клеона, отъявленного труса, превращенного по капризу и случайности в храброго и успешного полководца, были темами, вполне подходящими для комической жилки Аристофана; И в комедии, впервые представленной на седьмом году войны - "*Рыцари*" - он нападает на него в момент победы, когда удача сделала его кумиром развратной толпы, когда ни один комедиограф не был настолько смел, чтобы сыграть его характер, и ни один художник не был настолько смел, чтобы создать его маску." Поэтому поэт сам появился на сцене, "только замаскировав свое лицо, чтобы лучше изобразить роль Клеона". По словам другого автора, "из всех произведений Аристофана, столь изобилующих комическим гением, "*Рыцари*" - самое совершенное и неотразимое; в нем представлен портрет Клеона, нарисованный широкими и яркими красками, наиболее впечатляющий воображение и с трудом стираемый из памяти". Приведенный ниже отрывок из пьесы покажет вольность, которой потворствовали на сцене демократических Афин, смелость нападок поэта, а также послужит образцом его стиля:

Клеон-демагог.

На сцену выходит хор и начинает атаку на Клеона:

Хор. Сплотитесь вокруг него и сбейте его с толку, сбивающего с толку всех нас;
Набросьтесь на него, набросьтесь на него, набросьтесь на него, набросьтесь на него,
набросьтесь на него, набросьтесь на него, набросьтесь на него;
Превозмочь его и перекричать его; сбить его с ног и повалить его.
Ревя, как раскат грома, разбойник! гарпия! разбойник!
Жулик и негодяй! Жулик и мошенник! Жулик и негодяй, повторяю!
Чаще, чем я могу это повторить, мошенники и злодеи обманывают.
Окружайте его слева и справа; плюйте на него, бейте и бейте:
Плюйте на него, как видите; плюйте и бейте его, как я.
Но берегись, не то он ускользнет от тебя! Ведь он знает укромную тропу.
где Энкрата видели убегающим с мельничной пылью на спине.

Клеон. Достойные ветераны жюри, вы правы или нет,
с моим трехпенсовым запасом, который я долго хранил и лелеял,
Придите мне на помощь! Я здесь застигнут врасплох, убит и предан!"

Припев. Мы верно служим! Мы верно служим вам, за вашу голодную любовь к богатству;
За твой грубый и жадный грабеж, за то, что ты сам себе навязываешь...
За то, что вы, еще не собрав смоквы, Склоняетесь к тайной возне.
Жирных преступников и неплательщиков, мясистых, сочных, пухлых и богатых;
Щипая, перебирая пальцами, вытягивая, отбирая, выбраковывая;
С тщательным осмотром определяя, кто из них зелен, а кто уже не тот,
Что созрело для обвинения, конфискации и конфиската.
Он, кроме того, богатый человек, ушедший на пенсию по легкой ренте,
Ненавидящий и избегающий партий, благородно настроенный, праздный,
опасающийся чиновничьих ловушек, интриг и запутанных дел.
Его вы примечаете, *его* вы ловите на крючок, Пока он зияет в неведении;
Вмиг привозишь *его* из Херсонеса;
Вниз *его* бросаешь, жаришь и маринуешь, И пожираешь в свое удовольствие.

Клеон. Да; нападай, оскорбляй, издевайся надо мной! Вот какой ответ я нашел
За благородное свидетельство, за памятник, который я задумал:
Имея в виду предложения о памятнике из камня,
На котором должны быть высечены и аккуратно выполнены твои поздние заслуги.

Хор. Прочь, прочь от него! Раб! Напыщенный, пустой, подхалим!
Пустыми речами он думает нас всех обмануть,
как он обманывает старших, которые ежедневно приходят на его зов?
Бейте *его* здесь, бейте *его* там; и здесь, и там, и
езде.

Клеон. Спасите меня, соседи! О, чудовища! О, мой бок, моя спина, моя грудь!

Хор. Что! Ты вынужден звать на помощь? Ты жестокий, всепоглощающий вредитель!

[*Чистый уходит со сцены, преследуемый хором*].

МИР В НИАЗИАДЕ.

Борьба между Спартой и Афинами продолжалась десять лет без перерыва и без каких-либо успехов решающего характера с обеих сторон. На одиннадцатом году борьбы (421 г. до н. э.) был заключен договор сроком на пятьдесят лет, названный Никийским миром в честь афинского полководца с таким именем, по которому города, захваченные во время войны, должны были быть восстановлены, а Афины и Спарта находились в том же состоянии, что и в начале военных действий. Но это оказалось пустым перемирием, так как война стала настоящим триумфом Афин, и интерес, склонность и честолюбивые взгляды ее партийных лидеров не заставили себя долго ждать, чтобы найти благовидный предлог для возобновления борьбы. Опять же, беотийские, мегарские и коринфские союзники Спарты отказывались выполнять условия договора, сдаваясь, и у Спарты не было сил принудить их, в то время как Афины согласились бы на меньшее, чем выторговали.

Афинский полководец Никиас, под чьим влиянием было заключено Пятидесятилетнее перемирие, попытался выполнить его условия, но благодаря проискам Алкивиада, племянника Перикла, богатого афинянина и искусного демагога, договор вскоре был нарушен со стороны Афин. Алкивиаду также удалось втянуть спартанцев в войну с их недавними союзниками арфистами, во время которой произошла битва при Мантинее в 418 году до н. э., в которой спартанцы одержали победу; он также побудил афинян направить вооружение против дорийского острова Меос, который вызвал вражду Афин своей

привязанностью к Спарте и был вынужден, после энергичной осады, сдаться по собственному желанию. Между тем слабое сопротивление Спарты и ее кажущаяся робость побудили Афины возобновить проект расширения, который она уже однажды предпринимала, но была вынуждена от него отказаться. Это было не что иное, как фактическое завоевание Сицилии, важные города которой под предводительством Сиракуз за несколько лет до этого присоединились к Пелопоннесской конфедерации.

III. СИЦИЛИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

Хотя против этого выступили Никий, Сократ и некоторые мудрейшие головы в Афинах, советы Алкивиада возобладали, и после трех месяцев тщательной подготовки экспедиция отплыла из Афин в Сицилию под предлогом освобождения города Эгеса от тирании Сиракуз (415 год до н. э.). Вооружение, снаряженное по этому случаю, самое мощное из всех, когда-либо выходивших из греческого порта, было поручено совместному командованию Алкивиада, Никия и Ламха. Экспедиция захватила город Катена, где разместился штаб вооружения; но тут Алкивиад был вызван в Афины по абсурдному обвинению в нечестии и святотатстве, связанному с изувечением статуй бога Гермеса, которое произошло незадолго до его отъезда из Афин. Его также обвинили в том, что он осквернил Элевсинские мистерии, устроив их представление в собственном доме. Опасаясь довериться головокружительной толпе на пожизненном суде, Алкивиад сразу же бросился на милость своих открытых врагов и попросил убежища в Спарте. Когда вскоре он узнал, что афиняне приговорили его к смерти, он ответил: "Я покажу им, что я еще жив".

После смерти Ламха Никий вскоре остался единолично командовать афинянами. Ему удалось высадиться у Сиракуз и разгромить сиракузян в хорошо поставленном бою; но он тратил время на укрепление своего лагеря и бесполезные переговоры, пока его враги, получив помощь из Коринфа и Спарты под командованием спартанского полководца Гилиппа, не смогли бросить ему вызов. Хотя из Афин были посланы новые силы под командованием афинского полководца Демосфена, афиняне потерпели поражение в нескольких столкновениях, и все их силы были почти уничтожены (413 г. до н. э.). "Никогда еще в греческой истории, - говорит Фукидид, - не было столь полного и масштабного разорения и столь славной и неожиданной победы". Никий и Демосфен были схвачены и преданы смерти, а сиракузяне захватили семь тысяч пленных и продали их в рабство. Некоторые из них, однако, как говорят, получили более мягкое обращение, чем остальные, что объясняется, как предполагают, их знакомством с произведениями популярного в то время поэта Еврипида, которые в Сицилии, как рассказывают историки, были скорее знамениты, чем известны. Именно на этот инцидент, вероятно, ссылается Байрон в следующих строках:

Когда афинские войска пали под Сиракузами,
И тысячи людей несли иго войны,
Искупление восстало в Аттической Музе.
Ее голос издали был их единственным выкупом.
Видите, как, воспевая трагический гимн, несется машина
ошеломленного победителя останавливается; поводья
Падают из его рук, его скимитар
Снимается с пояса - он разрывает цепи своего пленника,
И велит ему благодарить барда за свободу и его песни.
-Чильд Гарольд, IV., 16.

IV. ВТОРАЯ ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА.

Помощь, которую Гилипп оказал сиракузянам, теперь привела Спарту и Афины к прямому конфликту. Результатом афинской экспедиции стало величайшее бедствие, постигшее Афины, и город был охвачен горем и ужасом. Спартанцы совершали частые вылазки в Аттику, и Афины оказались почти на осадном положении, а некоторые из их союзников, подстрекаемые Алкивиадом, который активно участвовал в спартанских советах, восстали и присоединились к спартанцам. Однако вскоре Афины вернули себе прежнюю решимость и начали восстанавливать растроченные силы. Самос по-прежнему оставался верен ее интересам, и с ее помощью была построена новая флотилия, с помощью которой был отвоеван Лесбос, а также одержана победа над пелопоннесцами при Милете. Вскоре после этого поражения Алкивиад, который своим поведением подрывал доверие спартанцев, был осужден как предатель и приговорен к смерти. Он бежал ко двору Тиссаферна, самого могущественного персидского сатрапа в Малой Азии. Своими интригами Алкивиад, который теперь искал примирения со своими соотечественниками, частично оторвал Тиссаферна от интересов Спарты и предложил афинянам персидский союз как цену за его восстановление в стране. Но так как он боялся и ненавидел афинскую демократию, то настаивал на том, чтобы вместо нее была установлена олигархия.

Афинские полководцы приняли это предложение как единственное средство спасения Афин; и хотя впоследствии выяснилось, что Алкивиад не в состоянии выполнить то, что он предпринял, после сильного сопротивления народа была проведена смена правительства - от демократии к аристократии из четырехсот представителей знати; но новое правительство, опасаясь честолюбия Алкивиада, отказалось отозвать его. Вскоре последовали еще одни перемены. Поражение афинского флота при Эритрее и восстание на Эвбее вызвали новую революцию в Афинах, в результате которой правительство четырехсот было свергнуто, а демократия восстановлена. Алкивиад был отозван, но перед возвращением он помог уничтожить пелопоннесский флот в битве при Кисее (411 г. до н. э.). В Афинах его встретили с большим энтузиазмом, ему была пожалована золотая корона, и он был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами содружества.

УНИЖЕНИЕ АФИН.

Алкивиаду еще суждено было испытать непостоянство судьбы. В сентябре 407 года он отплыл из Афин и направился на Самос. Пока он отсутствовал с основной частью своего флота на хищнической экскурсии, один из его подчиненных, вопреки инструкциям, напал на спартанский флот и был разбит с потерей пятнадцати кораблей. Командуя великолепным отрядом, Алкивиад, тем не менее, ничего не добился и теперь потерял часть своего флота. На него пало несправедливое подозрение в предательстве, прежние обвинения против него были возобновлены, он был лишен командования и снова изгнан. В 406 году афиняне разгромили большой спартанский флот под командованием Калликрата, но победа не дала им постоянных преимуществ. Теперь спартанскими войсками командовал Лисандр, полководец, с чьими способностями афиняне не могли сравниться, поскольку лишились услуг Алкивиада. Он заручился благосклонностью Кира, младшего сына персидского царя, получившего власть над всем малоазийским морем, и, опираясь на персидское золото, снарядил многочисленный флот, с которым встретился с афинянами у Игос-Поттами на Геллеспонте, уничтожил большую часть их кораблей и захватил три тысячи пленных (405 г. до н. э.). Морские союзники Афин немедленно подчинились Лисандру, который приказал афинянам всей Греции немедленно отправиться в Афины, угрожая смертью всем, кого он застанет в другом месте; а когда голод начал терзать собравшуюся в городе толпу, он

появился у Пирея со своим флотом, в то время как большая спартанская армия блокировала Афины по суше.

Афиняне не надеялись на эффективное сопротивление и откладывали сдачу города только для того, чтобы выторговать лучшие условия, которые можно было получить. Вынужденные в конце концов подчиниться любым условиям, которые им диктовали, они согласились разрушить свои длинные стены и укрепления, сдать все корабли, кроме двенадцати, восстановить своих изгнанников, отказаться от завоеваний, стать членом Пелопоннесской конфедерации и служить Спарте во всех ее походах, будь то по суше или по морю. Так пали императорские Афины (404 г. до н. э.), на семьдесят третьем году после образования Делосской конфедерации, положившей начало ее последующей империи. Вскоре после этого события и в том же году Алкивиад, который был в почете и в Афинах, и в Спарте, а теперь был страшен для обеих, встретил свою судьбу на чужбине. Живя во Фригии, он был убит персидским сатрапом по приказу Спарты. О нем говорили, что "обладавая качествами, которые при правильном применении могли бы сделать его величайшим благодетелем Афин, он сумел добиться позорного отличия как гражданин, нанеся ей самый значительный ущерб".

Только что закончившаяся война характеризовалась многими случаями жестокости и бессердечия, заметно контрастировавшими с хваленым милосердием и культурой эпохи, из которых можно привести две яркие иллюстрации. Первый случай произошел в Платее в 427 году, вскоре после казни афинянами митиленских пленников. После долгой и героической обороны от спартанцев под командованием самого царя Архидауса и после торжественного обещания не причинять незаконного вреда ни одному человеку в своих стенах Платея сдалась. Но вскоре спартанский суд постановил, что союз платейцев с Афинами является государственной изменой и карается, разумеется, смертью. После этого все сдавшиеся (двести платейцев и двадцать пять афинян) были варварски убиты. Другой случай произошел в Лампакусе, где три тысячи пленников, взятых Лисандром в Игоспотаме, были преданы военному суду и преданы смерти.

Говоря об этих варварствах, Махаффи в своей книге *"Социальная жизнь Греции"* отмечает, что "хотя они редко встречаются в истории человечества, они, похоже, не вызвали в Греции криков ужаса. Фил'окл, несчастный афинский генерал при Игоспотаме, по словам Теофраста, с достойной покорностью подчинился судьбе, которая, по его признанию, постигла бы лакедемонян, если бы они были побеждены". [Сноска: Плутарх рассказывает, что когда Лисандр спросил Филокла, какого наказания, по его мнению, он заслуживает, тот ответил: "Не начинай вопрос там, где нет судьбы, который бы его решил; но, раз ты завоеватель, поступай так, как поступили бы с тобой, если бы ты был побежден". После этого он искупался, облачился в богатую одежду, а затем повел своих соотечественников на казнь, первым предложив свою шею топору]. Варварство греков - лишь одно из тысячи доказательств того, что до сих пор в мировой истории ни одна культура, ни одно образование, ни одна политическая подготовка не могли соперничать с зрелым и окончательным влиянием христианства в деле гуманизации общества".

СМЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВА В АФИНАХ.

Смена правительства, последовавшая за захватом Афин спартанцами, соответствовала аристократическому характеру спартанских институтов. Вся власть была передана Лисандром в руки тридцати архонтов, которые стали известны как Тридцать тиранов, и чья власть поддерживалась спартанским гарнизоном. Их жестокость и алчность не знали границ и привели Афины в ужас. Улицы Афин залило кровью, и хотя многие лучшие люди города

пали, другим, более удачливым, удалось бежать на территорию дружественных фиванцев, которые, страдая от спартанского господства, сочувствовали Афинам и считали Тридцать тиранов лишь орудием для поддержания спартанского владычества. Вскоре собралась большая группа изгнанников, и, выбрав своим предводителем Фрасибулуса, они решили нанести удар для освобождения своей страны.

Сначала они захватили небольшую крепость на границе Аттики, а затем, быстро увеличив свое число, смогли овладеть Пиреем, где закрепились и разбили все силы, которые были направлены против них, убив, в частности, Крития, вождя тиранов. Потеря Крития привела к тому, что большинство оказалось в руках партии, решившей свергнуть Тридцать и создать новую олигархию из десяти человек. Власть Тридцати была свергнута, но смена правительства была просто уменьшением числа тиранов, так как Десять подражали злодеяниям своих предшественников, а когда народ ополчился против них, обратились за помощью к Спарте. Лисандр снова вошел в Афины во главе большого войска; но в спартанских советах начались разногласия, Лисандр был отстранен от командования, и в конце концов, благодаря помощи самой Спарты, Десятка была свергнута. Спартанцы вывели свои войска из Аттики, и Афины снова стали демократией (403 г. до н. э.). Освободившись от иностранного господства, она вскоре обрела внутренний мир, но ее империя исчезла.

ГЛАВА XII.

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО I ОТ НАЧАЛА ПЕРСИДСКИХ ДО КОНЦА ПЕЛОПОННЕССКИХ ВОЙН. (500-403 ГГ. ДО Н.Э.)

ЛИТЕРАТУРА.

В одной из предыдущих глав мы кратко проследили развитие греческой литературы и искусства с момента их зарождения и до начала персидских войн. В течение этого периода, как мы заметили, их прогресс был наибольшим в греческих колониях, в то время как из городов центральной Греции один, которому суждено было стать выдающимся в литературе и изобразительном искусстве, - Афины - внес меньший вклад в интеллектуальное развитие, чем некоторые другие. "Она не создала художников, которых можно было бы сравнить с художниками Аргоса, Коринфа, Сикиона и многих других городов, и не могла похвастаться поэтами, столь же знаменитыми, как представители ионийской и эолийской школ". Но с началом персидских войн художественные и литературные таланты Греции стали сосредотачиваться в Афинах, и с окончанием этого противостояния начинается эпоха афинского величия. Афины, до этого уступавшие в величии и политическом значении, приняв на себя основную тяжесть и завоевав высшую военную честь в конфликте с Персией, теперь заняли лидирующие позиции, как в интеллектуальном прогрессе, так и в политическом восхождении. Об этой эпохе ПРОФЕССОР СИМОНДС пишет следующее:

"Именно борьба с Ксерксом развила всю скрытую энергию греков, усилила их национальное существование и обеспечила Афинам, как центральной силе, на которой сходились разрозненные силы расы, интеллектуальную диктатуру Эллады. Это была борьба духовной энергии против грубой силы, свободы против угнетения, интеллектуальной свободы против суеверного невежества, цивилизации против варварства; и Афины, которые сражались и победили в этой битве духа - под духом мы понимаем величие души, свободу, интеллект и все то, что поднимает человека над животными и рабами и делает его свободным под сводом небес - сразу же стали признанным олицетворением самого духа. Все, что было превосходного в человеческой природе, нашло в Афинах свой естественный дом и сферу.

Мы больше не слышим о колониях. Все великие произведения искусства и литературы теперь создаются в Афинах, и именно в Афины приезжают мудрецы, чтобы учить и быть наученными". [Сноска: "Греческие поэты". Первая серия, стр. 19].

I. ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ.

СИМОНИД И ПИНДАР.

Быстрый прогресс в развитии лирической поэзии, предшествовавший персидским войнам, достиг кульминации во время этих войн в лице Симонида из Сеоса, самый яркий период жизни которого прошел в Афинах, и в лице Пиндара, уроженца Фив, который считается величайшим лирическим поэтом всех веков. Жизнь Симонида была долгой, с 556 по 469 год до н. э. "Придя в то время, - говорит Махаффи, - когда тираны сделали поэзию делом культуры и отделили ее от политики, мы видим его профессиональным художником, свободным от партийной борьбы, одинаково желанным при дворах тиранов и среди граждан свободных государств; его уважали во всем греческом мире, и он хорошо знал, как соответствовать своим покровителям в социальном и художественном отношении. Великая национальная борьба с Персией дала ему возможность стать выразителем нации в воспевании славы победителей и героизма павших патриотов; и эта исключительная возможность сделала его самым выдающимся поэтом своего времени и, несомненно, более известным и более почитаемым, чем Пиндар, который так полностью затмил его в глазах потомков." [Footnote: "Classical Greek Literature", vol. i., p. 207].

Симонид был близким другом Мильтиада и Фемистокла в Афинах, Павсания в Спарте и тиранов Сицилии. В первом из названных городов он написал свои эпиграммы на Марафон, Фермопилы, Саламину и Платею - "стихи, не предназначенные для того, чтобы их просто пели или записывали на пергамент, но чтобы их высекли на мраморе или выгравировали буквами из нетленной бронзы на произведениях самых благородных архитекторов и статуй". В своей элегии на Марафона он отобрал приз у Эсхила. Он был самым плодовитым поэтом, и его сочинения, включающие все темы, которые может предоставить человеческая жизнь с ее радостями и печалью, надеждами и разочарованиями, отличаются сладостью, чистотой и изысканностью. Особенно он преуспел в патетике, и самый знаменитый из существующих фрагментов его музыки, "Плач Дан'а-ё", представляет собой произведение такого характера. В основе поэмы лежит предание о Данае, дочери аргосского царя Акрисия, и ее младенце-сыне, отпрыске Юпитера. Оракул сказал Акрисию, что его жизнь отнимет сын, которого родит его дочь, и для собственного спасения, когда мальчик достиг четырехлетнего возраста, Акрисию бросил его и его мать в сундук и пустился в плавание по морю. Но их спас Диктис, рыбак с острова Серифа, чей брат Полидектес, царь страны, принял и защитил их. Мальчик вырос до зрелого возраста и стал знаменитым героем Персеем, который случайно убил Акрисию на погребальных играх Полидекта. Ниже приводится

Плач Дан'а-ё.

Пока вокруг ее одинокого ковчега
Завывали ветры и воды дикие,
Ее юные щеки побледнели от плача,
Даная прижимала к себе спящее дитя;
И "Увы!" - воскликнула она, - "мой дорогой!
Какие глубокие обиды, какие беды мне уготованы;
Но ни бед, ни бед ты не потерпишь
В этом безгрешном покое твоём.
Тусклые лунные лучи бьются над тобой,

И внутри все мрачно;
Но, в объятьях любящих тебя,
Ты мало думаешь о нашей гибели.
Ни грубые брызги, вокруг тебя летящие,
Не омрачили волосы твои;
На пурпурной мантии твоей лежат,
О моя Невинная, моя Прекрасная!
И все же для тебя была печаль печалью,
Ты бы ушко свое одолжила;
И сердце твое одолжить,
Может быть, хоть на миг подбодрит.
Но нет: дремли, малыш, дремли;
Дремли, океанские волны, и ты,
Мои мрачные беды, которым нет числа.
О, чтобы вы тоже задремали!
Хоть зла они наполнили чашу мою,
Дай, боже, чтоб в грядущие годы
Этот мальчик сможет победить их злобу,
И отомстить за слезы матери!"
-Перевод В. Петера.

Симониду было почти восемьдесят лет, когда он получил свой последний поэтический приз в Афинах, ставший для него пятидесятым. По приглашению Гиеро он удалился в Сиракузы, где и провел оставшиеся десять лет своей жизни. Он был не только поэтом, но и философом, а его мудрые изречения сделали его особенно любимым у опытного Хиеро. Когда этот монарх спросил его о природе Бога, Симонид попросил один день для размышлений на эту тему; когда Иеро повторил вопрос на следующий день, поэт попросил еще два дня. Поскольку он продолжал удваивать количество дней, монарх, потеряв дар речи, спросил его, почему он так поступает. "Потому что, - ответил Симонид, - чем дольше я размышляю над этим вопросом, тем более неясным он мне кажется".

Пиндар, самый знаменитый из всех лирических поэтов Греции, родился около 520 года до н. э. В раннем возрасте он был отправлен в Афины для обучения искусству поэзии: вернувшись в Фивы в двадцать лет, его юношеский гений был ускорен и направлен влиянием Мир'тис и Корин'на, двух поэтесс, которые в то время пользовались большой славой в Беотии. В более поздний период "он, несомненно, испытал, - говорит ТИРЛВАЛЛ, - оживляющее влияние того радостного и волнующего времени, которое последовало за поражением варварского захватчика, хотя, как фиванский патриот, он не мог от души радоваться триумфу, в результате которого Фивы, как и Персия, были унижены". Но его энтузиазм по отношению к Афинам, которые он называет "опорой Эллады", замечен в одном из его сочинений; афиняне специально почтили его ценным подарком, а после его смерти воздвигли бронзовую статую в его память. Однако вполне вероятно, что, искренне переживая за успех Греции в великом состязании, он старался по возможности не обидеть свой народ, чьи симпатии и надежды лежали в другой стороне.

Репутация Пиндара рано стала настолько велика, что различные государства и князья нанимали его для сочинения хоровых песен по особым случаям. Как и Симонид, он "любил греться под солнцем дворов", но был откровенен, искренен и мужествен, занимая возвышенную и достойную позицию по отношению к принцам и другим представителям власти, с которыми он вступал в контакт. Его особенно обхаживал Иеро, деспот Сиракуз, но

он пробыл у него всего несколько лет, поскольку его мужественный нрав породил любовь к независимой жизни, которую не могли обеспечить придворные искусства его покровителя. Как показывают его стихи, он был сдержанным человеком, сведущим в мифах и церемониях того времени, и особенно преданным поклонению богам. "Старые мифы, - говорит греческий биограф, - были для него по большей части реальностью, и он принимал их с неизменным доверием, за исключением тех случаев, когда они выставляли богов с точки зрения, противной его нравственным чувствам; соответственно, он отвергал некоторые истории и изменял другие, поскольку они не соответствовали его нравственным представлениям". Как правильно описывает его поэт, используя одно из имен, обычно применяемых к нему,

Пиндар, этот орел, взлетает в небеса,
Пока *добродетель* ведет благородный путь.
-ПРИОР.

Поэмы Пиндара были многочисленны и включали в себя триумфальные оды, гимны богам, пеаны, дирхемы и песни различных видов. Только его триумфальные оды дошли до нас целиком, но от некоторых других его сочинений сохранилось несколько возвышенных и прекрасных фрагментов. Поэт и его произведения не могут быть описаны лучше, чем в следующей общей характеристике Саймонса:

"Силой своей оригинальности Пиндар придал лирической поэзии совершенно новое направление и, став последним из великих дорийских лириков, научил потомство, какой должна быть ода. Его грандиозное превосходство как художника во многом объясняется его личностью. Фригидная, строгая и великолепная, не гениальная, как у Симонида, не страстная, как у Сапфо, не едкая, как у Архилоха; твердая, как адамант, жесткая в нравственной стойкости, сверкающая сильным, острым светом снега; надменная, аристократическая, великолепная - уникальная личность Пиндара, столь неотразимая в своем влиянии, столь трудно поддающаяся описанию, чувствуется в каждой строфе его од. В своей обособленности и возвышенности Пиндар подобен сказочной небесной вершине, заметной издали, опоясанной у основания льдом и снегом, овеваемой ветрами, окутанной паром и испарениями, резко и ослепительно очерченной в холодном голубом эфире. Мало что из того, что имеет жизнь, осмеливается посетить его на его грандиозной высоте. Прославленный солнечным светом и звездами, тронутый великолепием восхода и захода дня, он сияет, когда другие, менее яркие огни, тускнеют. Пиндар среди своих сверстников - одиночка. Он не общался с поэтами своего времени. Он - орел; Симонид и Вакхилид - галки. Он взлетает в Эмпирей, а они бродят в тумане долины. Заметив это скалистое, бесплодное, суровое, сверкающее одиночество души Пиндара, критики нередко жаловались, что его стихи лишены индивидуального интереса. Возможно, они не смогли понять и оценить природу этого возвышенного и далекого гения, чей характер, по правде говоря, столь же заметен, как у Данте или Микель Анджело".

Приведя несколько иллюстраций того, какое впечатление производит на воображение изучение од Пиндара, писатель переходит к их характеристике в следующих выражениях: "Тот, кто наблюдал закат, сопровождаемый прохождением грозы в окрестностях Альп, кто видел, как далекие хребты гор попеременно заслоняются облаками и пылают концентрированной яркостью опускающегося солнца, в то время как дрейфующие ошметки града и дождя, окрашенные солнечным светом, сверкают разбитыми радугами, кто слышал раскаты грома в смятенных складках холмов и наблюдал, как молнии, словно змеиные языки, мелькают в промежутках среди мрака и славы, - тот знает на языке природы то, чему Пиндар учит голосом искусства. Только с помощью подобной метафоры можно передать попытку осознать *шторм и дранг* стиля Пиндара. Как художник он сочетает в себе мощный полет

орла, непреодолимую силу потока, богатство греческого вина и величественную красоту природы в одном из ее самых возвышенных настроений." [Сноска: "Греческие поэты". Первая серия, стр. 171, 174].

Пиндар, как мы уже видели, сравнивался с орлом из-за смелых полетов и возвышенного характера его поэзии - эта аналогия была прекрасно выражена в следующих строках Грея:

Гордость и широкая шестерня
Что фиванский орел обнажил,
Плывет с верховным владычеством,
Through the azure deeps of air.

Другой образ также был использован, чтобы показать эти особенности его поэзии. Поэт РОРЕ изображает его верхом на великолепной колеснице, которую поддерживают четыре лебедя:

Четыре лебедя поддерживают машину из серебра яркого,
С выдвинутыми вперед головами и вытянутыми для полета шестернями;
Здесь, как неистовый пророк, скакал Пиндар,
И, казалось, трудился с вдохновенным богом.

Третий образ, переданный нам Горацием, отражает еще одну особенность Пиндара, которую можно назвать "бурной жестокостью его песен".

Как река, вздувшаяся от внезапных ливней,
Из известных берегов с крутой горы льется;
Так и в глубокой, неизмеримой песне,
Пиндар с глубоким ртом, пенясь, льет".
-Перевод Френсиса.

В качестве примера религиозных чувств Пиндара мы приводим следующий фрагмент тхреноса, переведенный Mr. SYMONDS, который, по его словам, "звучит как трубный глас о бессмертии и, попирая ногами славу этого мира, показывает радость душ, достигших Элизиума:"

Для них ночь на всю жизнь,
В том широком царстве, что внизу,
И солнце светит бесконечно;
Средь розовых лугов ярких,
Их город гробниц, с благовонными деревьями
И золотыми чашами
цветами и прекрасными плодами,
Ароматом ветерок дышит,
нагружен. Там, с лошадьми и с играми,
С играми и лирами, они коротают часы.

Со всех сторон вокруг
чистое счастье,
Со всей цветущей красотой мира;
Там ароматный дым поднимается
От алтарей, где пылает густой огонь.
С благоуханным ладаном,
Сжигают богам на небесах,

По всей земле носится,
И благоухает все вокруг.
Душистыми ветрами и сладостным воздухом.

II. ДРАМА.

Одним из самых ярких доказательств стремительного роста и расширения греческого разума является возникновение драмы - нового вида поэтического творчества, объединившего ведущие черты всех ранее культивировавшихся видов, в новое целое, "дышащее риторическим, диалектическим и этическим духом", - отрасли литературы, которая особенно характерна для эпохи афинского величия. Ее элементы можно найти в религиозных праздниках, которые отмечались в Греции с самых ранних времен, и особенно в празднике Вакха, где священные оды серьезного и серьезного характера, перемежающиеся с эпизодами мифологических историй, рассказанных актером, исполнялись хором, который танцевал вокруг алтаря. Главной жертвой на этих праздниках был козел, либо участники, переодетые сатирами, имели козлоподобный вид; от двух греческих слов, обозначающих "козел" и "песня", мы получили слово *трагедия* [Сноска: от греческого *tragos*, "козел", и *o'de*, "песня"] или козлиная песня. На некоторых более деревенских праздниках в честь того же бога представления носили более шуточный или сатирический характер; отсюда возник термин *комедия* [Сноска: От греческого *ko'me*, "деревня", и *o'de*, "песня"] - от двух греческих слов, означающих "деревня" и "песня" - деревенская песня. В рассказчике мифологических легенд мы находим первые зародыши диалога, поскольку хор вскоре стал помогать ему случайными вопросами и замечаниями. Эту функцию ввел Феспис, уроженец Икарии, в 535 году до н. э., под руководством которого и его ученика Фрин'ика были заложены первые слабые зачатки драмы. В таком состоянии ее застал Эсхил в 500 г. до н. э., который вывел на сцену второго актера; отсюда возросло значение диалога, а также ограничение и вспомогательный характер хора. Эсхил также добавил более выразительные маски, различные механизмы и сцены, призванные улучшить и расширить драматическое представление. О влиянии этого нового творения на все виды поэтического гения мы можем судить по следующей прекрасной иллюстрации, принадлежащей перу Бульвера:

"В самой природе афинской драмы было заложено, что, утвердившись, она должна была сконцентрировать и поглотить почти все разновидности поэтического гения. Старая лирическая поэзия, никогда особо не культивировавшаяся в Афинах, в значительной степени прекратилась с возникновением трагедии; или, скорее, трагедия стала полным развитием, новым и совершенным завершением дифирамбической оды. Лирическая поэзия трансформировалась в хоровую песню, как эпос слился с диалогом и сюжетом драмы. Таким образом, когда мы говорим об афинской поэзии, мы говорим о драматической поэзии - они были одним и тем же. В Афинах, где зрителей было много, а читателей мало, каждый, кто чувствовал в себе вдохновение поэта, непременно хотел увидеть, как его стихи воплощаются в жизнь - со всей пышностью зрелищ и музыки, освященные торжественностью религиозного праздника и вдохнутые артистами, искусно обученными усиливать красноречие слов в благоговейное ухо собравшейся Греции. Отсюда множество драматических поэтов, отсюда могучая плодовитость каждого из них, отсюда жизнь и активность этого вида поэзии по сравнению со сравнительным оцепенением и бесплодием всех остальных видов поэзии".

1. ТРАГЕДИЯ.

МЕЛЬПОМ'ЭНЭ, одна из девяти муз, чье имя означает "изображать в песне", по преданию, была изобретательницей трагедии, над которой она председательствовала, всегда

завуалированная, держа в одной руке лиру, как эмблему своего призвания, а в другой - трагическую маску. Как королева лиры, каждый поэт должен был провозглашать чудеса ее песни и призывать ее на помощь.

Царица лиры, в твоём уединении
Самые прекрасные цветы Пинда сияют,
Виноградная лоза стремится увенчать твоё место,
И мирты вокруг лавра твоего растут:
Струны твои приспособливают свой разнообразный строй
К любому наслажденью, к любой боли,
Для которых смертные племена рождены;
И прямо наши страсти взлетают и падают,
Как по повелительному зову ветра,
Океан вздымается и движется.

Когда полночь внимает дремлющей земле,
Дай мне, о Муза, услышать твой торжественный шепот:
Когда утро посылает свои ароматные бризы,
Воздушным шелестом коснись моего открывающегося уха,
-АКЕНСАЙД.

ЭСХИЛ.

Эсхил, первый поэт, прославивший драму, в чей характер и сочинения во многом вошли суровые и аскетичные доктрины Пифагора, родился в Элевсисе, в Аттике, в 525 году до н. э. Он сражался, как известно, в битвах при Марафоне и Саламине, а также в битве при Платее. Таким образом, он процветал в то время, когда свобода Греции, спасенной от внешних врагов, ликовала в своей первой силе; его труды характерны для смелости и энергичности эпохи. В его произведениях мы находим основополагающую идею греческой драмы - воздаяние по справедливости. Только к самым сильным страстям обращается его язык, изобилующий смелыми метафорами и гигантскими гиперболами. Венера и ее вдохновения исключены, любовные чары неизвестны, но боги - огромные, величественные, в тенистых очертаниях и в ужасающей возвышенности власти - проходят перед зрителем и вызывают у него благоговение. [Сноска: см. "Историю Греции" Гроте, гл. lxvii.] Говорит один известный рецензент: "Представления воображения Эсхила отличаются колоссальной возвышенностью и мощью, напоминающей поэзию Книги Иова; а те его поэмы, которые воплощают связный сюжет, можно сказать, напоминают грандиозные проспекты храма Элоры [Сноска: см. [указатель](#)] с огромными сценами и просторами; его странные, смелые, хотя и грубые скульптуры; его ужасные, тенистые, надвигающиеся ужасы. Как и архитектура, стихи тоже кажутся высеченными из горной породы. Эсхил предстает как строгий поэт-душа, задумчивый среди великих, ужасных и страшных мифов, долетевших из первобытного мира, в котором еще были живы традиции потопа, ранней, зачаточной борьбы между варварской силой и зарождающейся цивилизацией".

"Личный темперамент человека, - говорит ДР. PLUMPTRE, [Footnote: "The Tragedies of Æschylus," by E. H. Plumptre, D.D.] seems to be in harmony with the characteristics of his genius. Пылкий, страстный, вспыльчивый; писавший свои трагедии, по мнению позднейших критиков, как бы полупьяный; делавший (как сказал о нем Софокл) то, что было правильным в его искусстве, не зная почему; следовал импульсам, которые приводили его к странным темам и мрачным проблемам, а не стремился к совершенству полной, всесторонней культуры; хмурил косматые брови, как дикий бык, свирепо озирался и разражался бурей

гнева, когда его раздражали критики или поэты-соперники; скорее Марлоу, чем Шекспир: таков портрет, набросанный тем, кто, должно быть, рисовал фигуру, еще свежую в сознании афинян". [Сноска: Аристофан, в *"Лягушках"*] Такой человек, как по рождению, так и по склонностям, скорее всего, примыкал к аристократической партии и с презрением смотрел на притязания демоса на большую долю власти; и вряд ли найдется пьеса, в которой не прослеживалось бы некоторое политическое предубеждение в этом направлении."

Эсхил писал свои пьесы в виде трилогий, или трех последовательных драм, связанных между собой. Из восьмидесяти написанных им трагедий сохранилось только семь. Из трех из них, *"Персы"*, *"Прометей"* и *"Агамемнон"*, мы привели отрывки, описывающие исторические и мифологические события. Последняя - первая из трех пьес, посвященных судьбе дома Атрея из Микей; эти три пьесы, из которых две другие - *"Хоэфоры"* и *"Эвмениды"*, являются единственным сохранившимся образцом трилогии. *Агамемнон* - самая длинная и, по мнению некоторых, самая великая пьеса, оставленная нам Эсхилом. "В *"Агамемноне"*, - говорит фон Шлегель, - Эсхил намеревался показать нам внезапное падение с вершины процветания и славы в бездну гибели. Принц, герой, полководец объединенных сил греков, в самый момент успеха и славного достижения - разрушения Трои, слава о котором будет вновь звучать из уст величайших поэтов всех веков, - в самый момент переступает порог своего дома, по которому он так долго вздыхал, и среди бесстрашной безопасности приготовлений к празднику, его убивают, по выражению Гомера, "как быка в стойле", убивает его неверная жена, его трон узурпирует ее никчемный соблазнитель, а его дети обречены на изгнание или безнадежное рабство." [Сноска: "Лекции по драматическому искусству и литературе" Августа Вильгельма о Шлегеле. Перевод Блэка].

Среди прекрасных отрывков этой пьесы смерть Агамемнона от руки Клитемнеса - сцена, которую поэт рисует с ужасающим эффектом. По словам Mr. EUGENE LAWRENCE, [Footnote: "A Primer of Greek Literature," by Eugene Lawrence, p.55.] "Версия мистера Э. К. Стедмана о смерти Агамемнона превосходна. На дворец в Микенах опустился ужас; запах крови, выделения из могилы. Во внутреннюю комнату входит царица Клитемнестра, страшная, как леди Макбет. Раздается крик:

"*Agam.* Горе мне! Я поражена смертельным ударом внутри!

"*Chor.* Кто это плачет "удар"? Кто встречает свою смерть?

"*Агам.* Горе мне! Снова! снова! второй раз я поражен!

"*Chor.* Судя по крику короля, дело сделано".

Наконец появляется королева, стоит во весь рост, страшная, с окровавленным оружием в руке. Она не ищет укрытия. Она объявляет о своей вине:

"Я поразила его! И не отрицаю, что это сделала я;
Так что он не мог ни бежать, ни укрыться от гибели".
Бесшовную сеть, как вокруг рыбы, я закинула
вокруг него, да, смертельное богатство одежд,
Потом ударил его дважды; и с двойным криком
Он ослабил свои конечности; и ему, падшему, я дал
Еще третий удар, милость Аиду, повелителю
подземного мира и хранителю мертвых".

Но самая законченная из трагедий Эсхила - *"Хеофора"*, которая является предметом мести Ореса, сына Агамемнона, который мстит за убийство отца, предавая смерти мать. За это преступление *Эвмениды* представляют его обезумевшим от фурий, но впоследствии разум его был восстановлен. Главная цель поэта в этой трагедии - показать страдания Ореста от

необходимости отомстить матери за смерть отца. На это ссылается Байрон в "*Чайльд Гарольде*":

О ты! Кто никогда еще из людских бед
Не оставлял неуравновешенных весов - великий Немесис!
Ты, кто призвал фурий из бездны,
И вокруг Ореста заставил их реветь и шипеть.
За это неестественное возмездие - справедливое,
Если бы только оно исходило от рук менее близких,
В твоём бывшем царстве, я зову тебя из праха!

В конце интересной характеристики Эсхила и его произведений - слишком длинной для полного цитирования здесь - профессор Махаффи замечает следующее:

"Мы всегда чувствуем, что Эсхил больше думал, чем выражал, что его отчаянные соединения никогда не бывают затронутыми или ненужными. Хотя, следовательно, он нарушал правила, которые связывали более слабых людей, неверно говорить, что он был меньшим художником, чем они. Его искусство было иного рода: он презирал то, что ценили они, и пытался сделать то, на что они не решались, но не менее сознательное и основательное искусство. Хотя прорисовка характеров не была его главной задачей, его персонажи правдивее и глубже, чем у поэтов, которые не пытались ничего другого. Хотя лирической сладости было мало места в мраке и ужасе его титанической сцены, но и здесь, когда он выбирает, он равняется на мастеров лирической песни. До тех пор пока один Гомер считался автором "*Илиады*" и "*Одиссеи*", мы вполне могли бы уступить ему первое место и сказать, что Эсхил был вторым поэтом греков. Но при свете более близкой критики и более глубокого понимания структуры эпических поэм мы должны отказаться от этого суждения и утверждать, что ни один другой поэт среди греков ни по величию замысла, ни по великолепию исполнения не сравнится с непередаваемым, неприступным, неподражаемым Эсхилом". [Сноска: "Классическая греческая литература", т. I, стр. 275].

СОФОКЛ.

На смену Эсхилу в качестве мастера драмы пришел Софокл - Рафаэль драмы, как называет его Бульвер, который также был одним из генералов афинской экспедиции против Самоса в 440 году до н. э. Он довел драму до наибольшего совершенства, к которому она была способна. У него мы находим больший диапазон эмоций, чем у Эсхила, более отчетливые фигуры, более развернутый диалог, простоту речи, смешанную с риторической декламацией, и высшую степень поэтической красоты. Один из поздних авторов сказал: "Художник и человек были едины в Софокле. Мы не можем не думать о нем как о человеке, специально созданном для того, чтобы представлять греческое искусство в его самом утонченном и изысканно сбалансированном совершенстве. Невозможно представить себе более пластичную натуру, гений, более приспособленный к своей особой функции, более обеспеченный всем необходимым для его полного развития, рожденный в более счастливый момент истории мира и более благородно наделенный физическими качествами, соответствующими его интеллектуальным способностям".

Софокл написал сто тринадцать пьес, но сохранилось только семь из них. Самая известная из них - трагедия *OEd'ipus Tyran'nus* - "Царь Эдип". Она считается не только его шедевром, но и, с точки зрения выбора и расположения басни, на которой она основана, лучшей трагедией античности. В нашей стране она приобрела новый интерес благодаря тому, что недавно была представлена в оригинале на греческом языке. Следует признать, что ни один из многочисленных переводов не сделал и не может сделать ее справедливой; они могут

сделать не больше, чем передать ее план и общий характер. Вкратце история этой знаменитой трагедии изложена следующим образом:

Oedipus Tyrannus.

Фиванский царь Лаи-ус получил от дельфийского оракула предсказание, что если у него родится сын, то от руки этого сына он непременно умрет. Поэтому, когда его царица Иокаста родила ему сына, родители отдали ребенка пастуху с приказом выбросить его, связанного, на холм Китерон, чтобы он погиб. Но пастух, движимый состраданием, обманул родителей и доверил младенца пастуху Полиба, царя Коринфа; жена Полиба, будучи бездетной, назвала найденыша Идипом и воспитала его как своего собственного.

Тридцать лет спустя Эдип, не зная о своем рождении и получив от оракула указание избегать родной страны, бежал из Коринфа; в это же время его отец (Лаий) направлялся к оракулу в Дельфах, чтобы узнать, погиб ли выставленный на всеобщее обозрение ребенок или нет. Когда отец и сын, незнакомые друг с другом, встретились на узкой тропинке в горах, возник спор за право прохода, и в завязавшемся поединке отец был убит.

Сразу же после этого события богиня Юнона, всегда враждебная Фивам, послала чудовище, называемое сфинксом, чтобы оно загадало фиванцам загадку и опустошало их территорию до тех пор, пока кто-нибудь не разгадает ее: "Что это за животное, которое утром ходит на четырех ногах, в полдень - на двух, а вечером - на трех?" Иудип, предполагаемый сын Полиба из Коринфа, прибыв в Фивы, разгадал загадку, ответив сфинксу, что это человек, который в младенчестве ползает на четвереньках, в зрелом возрасте ходит на двух ногах, а в старости пользуется посохом. Тогда сфинкс бросилась на землю и погибла; после этого фиванцы на радостях избрали царем Идипа, и он женился на овдовевшей царице Иокасте, от которой у него родились два сына и две дочери. И хотя при нем все процветало - он любил фиванцев и был любим ими за свои многочисленные добродетели, - вскоре гнев богов обрушился на город, который охватил страшный мор. Креон, брат царицы, отправляется к оракулу, чтобы узнать причину зла, и именно с его возвращения начинается драма. Он приносит ответ

"Что вина крови взрывает все государство".

что вина эта связана со смертью Лая, и что

"Теперь бог ясно велит нам, когда он мертв,
Отомстить тем, кто кровь его пролил".

Оedipus серьезно берется за разгадку тайны, связанной со смертью Лаия, причины всех бед фиванцев. Не зная, что на нем самом лежит груз вины, он призывает фиванцев быть бдительными и неустанными в своих усилиях.

"И для того, кто совершил преступление,
В одиночку ли он скрывается, или в сговоре с другими,
Я молюсь, чтобы он растратил свою жизнь,
За гнусные дела гнусно умирать; И за меня,
Если в моем доме, я знаю, он обитает,
Пусть падут все проклятья, что я изрек, на мою голову".

Перед Эдипом предстает слепой и престарелый жрец и пророк Тиресий, которого просят оказать пророческую помощь, чтобы "спасти город от проклятия", павшего на него, но он поначалу отказывается применить свою пророческую силу.

Тиресий. Ах! Разум тебя подводит, но я никогда не скажу.
Скажи, что ты просишь, чтобы я не показал твои беды.
Я не причиню боли ни себе, ни тебе. Зачем же тогда
все напрасные вопросы? Ты никогда не узнаешь.

Но под натиском и угрозами короля он наконец восклицает:

Тир. И до чего же дошло? Поручаю тебе, придерживайся
Последовавшего эдикта твоего, и с этого дня
Не говори ни со мной, ни с этими, ибо ты...
Ты - проклятое чумное пятно земли!

Поначалу Дип полагает, что престарелый пророк - всего лишь орудие других людей, участвующих в заговоре с целью изгнать его с трона; но когда Иокаста, ни в чем не повинная, сообщает ему о смерти Лаия, называет горный перевал, на котором он пал, убитый, как предполагали, разбойничьей шайкой, и описывает его одежду и лицо, Дип поражается при мысли, что убийцей был он сам, и восклицает,

"Великий Зевс! Какую участь ты уготовил мне?
Горе! Горе! Все слишком ясно".

И все же у него остается одна надежда. Человек, которого он убил на том же горном перевале, не был разбойничьей шайкой, а значит, не мог быть Лаем. Но вскоре и эта надежда покидает его, когда история рассказана доподлинно. Кроме того, он узнает, что он не сын Полиба, коринфского царя, а подкидыш, усыновленный его царицей. Если связать это с историей, рассказанной ему Иокастой, о ее младенце-сыне, который, как она предполагала, погиб на горе, то страшная правда начинает осенять всех. Иокаста выбегает из присутствия Эдипа, восклицая,

"Горе! Горе! Горе! Злосчастный! Мое последнее слово - это,
Только это, и больше никогда".

Когда старый пастух, вынужденный сказать правду, рассказывает, как он спас жизнь младенцу и отдал его на хранение пастуху Полиба, ослепленный злобой *Œdipus* в душевной муке восклицает:

"Горе! Горе! Горе! Наконец-то все прояснилось.
О свет! Пусть это будет мой последний взгляд на тебя,
Я теперь вижу, что обязан своим рождением тем.
С кем я не должен, и с кем не должен
В браке жила, кого не должна была убивать".

Ужасы еще больше сгущаются в этой страшной трагедии. К Иудипу приходит весть о том, что Иокаста мертва - мертва от собственной руки! Он бросается туда:

И увидел зрелище
ужасное. Срывая с ее одеяния застёжки,
украшенные золотом, которыми она украшала себя,
Он ударил ими по зрачкам своих глаз,
со словами: "Не видели они.
Каких бед он натерпелся и каких бед натворил,
Они в темноте должны смотреть в грядущее время,
На тех, кого им не следовало видеть,

И не узнать тех, кого он так хотел бы знать".
С подобными причитаниями, не раз и не два, один,
Подняв глаза, он ударил по ним; и шары,
все кровоточащие, окрасили его щеку, и не лились они
Горе капле медленной струйкой, но пурпурный ливень
Падal стремительно и полно, как кровавая буря.

Ослепший и несчастный Эдип, оплакивая свою судьбу и зло, которое он так невольно навлек на Фивы, просит, чтобы его поскорее изгнали из страны.

Эдип.

Уведите меня, друзья мои, с величайшей быстротой.
Уведите меня, нечистого, нечистого,
Из всех людей самый проклятый,
Самый ненавистный богам.

Хор.

Ах, несчастный, одинаковый душой и судьбой,
Я желал бы никогда не знать тебя.

Œdipus.

Злосчастен тот, кто от оков освободил
Ребенка на холмах,
И спас меня от смерти,
И спас меня - благородное благо!
Ах, если бы я умер тогда,
Ни друзьям, ни мне не было б такого горя".

Трогательная картина представлена в прощании Эдипа, покидающего Фивы, чтобы скитаться изгнанником по земле. Трагедия завершается следующей моралью хора:

Хор. Люди Фив, посмотрите на этого Œdipus,
Кто знал знаменитую загадку и был благороднейшим.
Чью судьбу кто не видел завистливым взглядом?
И вот! В какое море страшных бед
Он теперь погружен! Отсюда урок вам,
Не считать человека счастливым, пока не увидишь
Пока он не перейдет границу
Которая отделяет жизнь от смерти, не запятнав себя печалью.
-Перевод Э. Х. Плюмптра.

Характер произведений Софокла.

Характер произведений Софокла хорошо описан в следующей выдержке из "*Очерка греческой поэзии*" Томаса Нуна Талфурда: "Великое и отличительное достоинство Софокла обнаруживается в его превосходном чувстве прекрасного и совершенной гармонии всех его сил. Его концепции не столь гигантского масштаба, как у Эсхила; но в круге, который он предписывает себе заполнить, нет ни одного неукрашенного места; ни одной ниши без соответствующей фигуры; ни одного самого мелкого украшения, которое было бы неполным в самых мелких милостях. Его суждения кажутся абсолютно совершенными, ибо он никогда не терпит неудач; он всегда полностью владеет собой и своим предметом; он знает точную меру своих возможностей; и хотя он никогда не пытается взлететь выше своих возможностей, он никогда не унижает ни себя, ни свое искусство тем, что ниже его.

"Софокл, несомненно, был первым философским поэтом древнего мира. С его чистым вкусом к изящному он воспринимал среди окружающих его разумных форм один универсальный дух *Jove*, пронизывающий все вещи. Добродетель и справедливость, по его мнению, не были простыми созданиями удобства или средствами удовлетворения утонченного эгоизма человека; он видел их, уходящими корнями в вечность, неизменными и нетленными, как их божественный автор. В одной строфе он передал это чувство с таким вдохновением, перед которым исчезает философия целесообразности, - отрывок, не имеющий, насколько мы помним, аналогов во всей языческой поэзии, и его можно перевести следующим образом: "О безупречная чистота действий и речей, согласно тем возвышенным законам права, которые имеют небеса своим местом рождения, и только Бог является их автором, - которые не может изменить ни упадок смертной природы, ни время покрыть забвением, ибо божество могущественно в них и не стареет!"

Софокл умер в глубокой старости, "без болезней и страданий, и был оплакан с такой искренностью и глубиной скорби, какие не проявлялись при смерти ни одного другого гражданина Афин".

Трижды счастлив Софокл! В доброй старости,
Блажен как человек, и как мастер блажен,
Он умер: его многочисленные трагедии были справедливы,
И справедлив его конец, и не знал он печали".
-PHRYN'ICHUS.

Ветер, нежный вечнозеленый, создай тень
Вокруг гробницы, где лежит Софокл;
Сладкий плющ развевает ветви твои, и переплетает
С краснеющими розами и виноградной лозой.
Так будут листья твои долговечны, красотой увешаны,
Будут благодарными эмблемами его песен,
Чья душа, возвышенная богом остроумия,
Среди муз и граций.
-СИМ'МИАС, фиванец.

ЭВРИПИДЫ.

Современником Софокла был Еврипид, родившийся в 480 г. до н. э., последний из трех великих мастеров драмы - всех трех в пределах одного столетия. При Софокле главными изменениями во внешней форме драмы были введение третьего актера и связанное с этим ограничение функций хора. Однако Еврипид изменил подход к трагедии. В отличие от Софокла, который лишь ограничил деятельность хора, он отстранил его от трагического интереса драмы, уделив лишь небольшое внимание характеру его песен. Он внес и другие изменения, и, по выражению одного писателя, его нововведения "дезинтегрировали драму, разрушив ее художественное единство". Но, хотя, возможно, и уступая во всех художественных аспектах своим предшественникам, гений Еврипида восполнил тот недостаток, который они не смогли удовлетворить. Хотя все его пьесы связаны с историей и мифологией Греции, риторика в них занимает более видное место, чем в пьесах Эсхила или Софокла; легендарные персонажи принимают более человеческие одежды; нежные чувства - любовь, жалость, сострадание - вызываются в большей степени, и воздух изысканной деликатности и утонченности украшает все. Именно эти качества пьес Еврипида привлекли к нему внимание греков последующих эпох и оказали такое влияние на римскую и современную драматургию.

О Еврипиде М. Р. Саймондс замечает: "Его неизгладимая слава заключается в том, что он обращался к глубоким проблемам жизни в духе, который стал постоянным среди греков, так что его поэмы никогда не теряли своей ценности как выражение текущей философии. Ничто так не поражает изучающего позднюю греческую литературу, как это продление еврипидовского тона мысли и чувства. В период упадка трагической поэзии литературный скипетр перешел к комедии, и комические драматурги могут быть названы истинными преемниками Еврипида. Диалектический метод, на который он повлиял, действительно был отброшен, и более гармоничная форма искусства, чем еврипидовская, была создана для комедии Менандром, когда афиняне, пройдя через период споров, успокоились и стали спокойно воспринимать факты жизни. Однако этот возврат к гармонии формы и чистоте восприятия не ослабил влияния Еврипида. То тут, то там в своих трагедиях он говорил, и говорил хорошо, то, что греки должны были думать и чувствовать по важным вопросам; и его чувствительный, восприимчивый темперамент повторялся снова и снова среди его литературных преемников. Восклициание Филемона о том, что, если бы он мог верить в бессмертие, он бы повесился, чтобы увидеть Еврипида, характерно не только для Филемона, но и для всего македонского периода греческой литературы." [Footnote: "The Greek Poets." Second Series, p. 300].

Еврипид написал около семидесяти пяти пьес, из которых до нас дошло восемнадцать. *Медея*, которая считается его лучшим произведением, посвящена обстоятельствам мести Медеи неблагодарному Ясону, герою аргонавтической экспедиции, ради которого она пожертвовала всем, и который после возвращения бросил ее ради царской коринфской невесты. [Но самая трогательная из пьес Еврипида - "*Алкестида*", основанная на басне об Алкестиде, умирающей за своего мужа Адме'туса. Милтон ссылается на эту историю в сонете, посвященном своей покойной жене:

Мне казалось, что я видел, как моя святая, которую я так давно любил.

Приведенную ко мне, как Алкестида, из могилы,
Которую великий сын Юпитера в мужья ей дал,
От смерти силой спасен, хоть бледен и слаб.

Суть истории такова:

Адмет, царь Фессалии, женился на Алкестиде, которая прославилась своими супружескими добродетелями. Аполлон, изгнанный с небес, получил от Адмета столь доброе отношение, что уговорил судьбу продлить жизнь последнего сверх обычного срока при условии, что вместо него умрет один из членов его семьи. Алкестис сразу же согласилась умереть за своего мужа, и когда пришло назначенное время, она героически и спокойно отдала себя смерти. Однако вскоре после ее ухода к Адмету пришел герой Геракл, который, будучи потрясен глубоким горем домочадцев, спас Алкестиду от мрачного тирана Смерти и вернул ее в семью. Вся пьеса изобилует трогательными сценами и описаниями, и лучшие современные критики признают, что ни у Эсхила, ни у Софокла, даже за исключением Антигона, нет такого великого и благородного, и в то же время такого чисто нежного и женственного женского персонажа, как Алкестида. "Где в греческой или современной литературе, - говорит Махаффи, - есть более благородный идеал, чем Алкестида Еврипида? Преданная своему мужу и детям, любимая и счастливая в своем дворце, она спокойно и покорно жертвует своей жизнью - жизнью, не обремененной несчастьями, но обладающей всей ценностью, на которую способна жизнь, и всей полезностью, которая делает ее ценной для благородных натур". [Сноска: "Общественная жизнь в Греции", стр. 189] Приведем следующий краткий отрывок из рассказа поэта о приготовлениях Алкестиды к своему приближающемуся концу:

Алкестида готовится к смерти.

Когда она узнала
Что сужденный день настал, в воде фонтана
Она омыла свои покрытые лилиями конечности, затем взяла
Из богатых сундуков, сложенных из душистого кедра,
Великолепный халат и свое самое сияющее платье.
Так великолепно одетая, она предстала перед
Освященным пламенем и обратилась с молитвой:
"О царица, я отправляюсь в адские чертоги;
Но прежде чем я уйду, позволь мне с благоговением произнести последнюю просьбу.
Мою последнюю просьбу: защити моих детей-сирот;
Сделай моего сына счастливым с женой, которую он любит,
И выдайте мою дочь замуж за благородного мужа;
И пусть они, как их мать, в могилу
Безвременно погрузиться, но в родной земле
Пусть будут благословенны, продлив жизнь до почтенного возраста".

Затем к каждому алтарю в королевском доме
Она шла, и венчала его, и произносила свои клятвы,
Отщипывая миртовую ветвь: ни слезы, ни вздоха
Вырвались у нее; и приближающаяся болезнь
Не изменила свежей красоты ее вермилиевых щек.
Затем она посетила свои покои и ложе;
Там слезы ее текли, и так она говорила: "О ложе
К которой мой суженый, за которого я умираю,
Вел меня девственной невестой, прощай! К тебе
Не виню, ибо я одна
Ты погубила: не желая предать
Тебя и господина моего, я умираю: к тебе придет
Другая женщина, не более целомудренная, но, возможно.
более счастливая". Лежа, она целовала кушетку,
и омыла его потоком слез: это прошло,
Она уходила из покоев, потом возвращалась, и часто
Она покидала ее, часто возвращалась, и на кушетке
С нежностью, каждый раз, когда она входила, бросалась на нее.
Ее дети, висевшие на ее одежде,
Плача, она поднимала их и прижимала к груди.
Каждого за другим, как перед смертью.
-Перевод Поттера.

Еврипид умер в 406 году до н. э. в Македонии, куда он был вынужден отправиться из-за домашних неурядиц; тогдашний царь Архелай почтил его останки пышными похоронами и воздвиг над ними памятник.

Божественный Еврипид, эту гробницу мы видим
Столь прекрасная, что не памятник тебе,
Как и ты сам; ведь все признают.
Что бессмертная слава твоя украшает камень.

Мы проследили, через какие этапы прошла греческая трагедия в руках трех ее великих мастеров - Эсхила, Софокла и Еврипида. Как говорит Грот, "различия между этими тремя поэтами, несомненно, связаны с воздействием афинской политики и афинской философии на умы двух последних. В Софокле мы можем проследить спутника Геродота; в Еврипиде - слушателя Анаксагора, Сократа и Продика; в обоих - знакомство с той широкой популярностью речи и реальными, серьезными дебатами политиков и конкурентов перед дикастериями, которые у обоих всегда были перед глазами, но которые гений Софокла умел держать в подчинении своей великой поэтической цели." Чтобы правильно оценить влияние, которое трагедии оказывали на афинян, нужно помнить, что каждый год на сцене ставилось большое их количество; что редко кто из них повторялся; что театр Вакха, в котором они представлялись, вмещал тридцать тысяч человек; что, будучи религиозными обрядами, они составляли часть гражданского установления; и что вход на них был практически бесплатным для каждого афинского гражданина. Принимая во внимание все это, ГРОТЕ добавляет: "Если мы представим себе, что все население большого города почти ежедневно слушает те бессмертные композиции, красота которых впервые поставила печать на трагедии как на отдельном отделе поэзии, мы убедимся, что такое мощное поэтическое влияние никогда не оказывалось ни на один другой народ; и что вкусы, чувства и интеллектуальный уровень афинян должны были быть заметно улучшены и возвышены такими уроками". [Сноска: "История Греции", гл. lxvii].

2. КОМЕДИЯ.

Еще одной характерной чертой афинской жизни, которая по своему влиянию на афинский характер ничуть не уступала трагедии, была комедия. Она возникла, как мы видели, на старинных праздниках в честь Вакха, где дикие песни участников часто перемежались грубыми остротами в адрес зрителей. Как и трагедия, это было дорийское изобретение, и Сицилия, похоже, рано стала местом обитания комических писателей. Эпихар, дорийский поэт и философ, был первым из них, кто переложил вакхические песни и танцы в драматическую форму. Место его рождения точно не известно, но большую часть своей жизни он провел в Сиракузах, в обществе величайших литераторов эпохи, и там же, как предполагается, он написал свои комедии за несколько лет до Персидской войны. Однако кажется, что комедия была введена в Аттику Сусарионом, уроженцем Мегера, задолго до Эпихарма (578 г. до н. э.). Но в пьесах первого было так много грубых и оскорбительных личностей, что их не терпели писистратиды, и более века мы ничего не знаем о комедии в Аттике, пока ее не возродил Хион'ид, около 488 года до н. э., или, по некоторым данным, двадцатью годами позже.

При современниках или преемниках Хионида комедия стала важным инструментом в политической войне Афин, хотя часто становилась предметом запретительных или ограничительных законодательных актов. "Только нация, - говорит один из недавних авторов, - находящаяся в полном самодовольстве, сознающая свою бодрость и довольная собственной энергией, могла терпеть такую цензуру, которую осмеливались осуществлять комические поэты".

Характеристика старой комедии.

В предварительных рассуждениях к своему переводу "*Комедий*" Аристофана, MR. ТОМАС МИТЧЕЛЛ, известный английский критик, делает такие замечания о характере Старой комедии: "Старая комедия, как ее называют, в отличие от того, что впоследствии было

названо Средней и Новой, стояла в крайнем отношении противоположности и пародии к трагедии греков - она была направлена главным образом на низшие слои общества в Афинах; она служила в некоторой степени целям современного журнала, в котором общественные меры и темы дня могли быть полностью обсуждены; И, как следствие, в качестве *действующих лиц* обычно выступали современники поэта, говорившие от своего имени и игравшие в масках, которые, поскольку имели лишь карикатурное сходство с их собственными лицами, показывали, что поэт в своих замечаниях не хотел, чтобы их воспринимали буквально. Как и трагедия, комедия являлась частью религиозной церемонии, и характер божества, которому она была посвящена, порой довольно заметно отражался на произведении, написанном в его честь. Дионисийские праздники были великими карнавалами древности - они отмечали возвращение весеннего праздника или радостного урожая, и, следовательно, были великими праздниками Афин - сезонами всеобщего расслабления.

"Комический поэт был верховным жрецом праздника; и если оргии его божества (бога вина) иногда требовали стиля поэзии, который, вероятно, имел в виду отец нашей церкви, когда называл всю поэзию *дьявольским вином*, то орган их произнесения (как бы странно это нам ни казалось), несомненно, считал себя совершенно свободным от порицания, которое мы должны давать таким произведениям: В своих сочинениях он исполнял ту же благочестивую обязанность, что и живописец, чьим долгом было наполнять храмы того же божества картинами, которые наше воображение сочло бы столь же неподходящими для обиталища божества. Поэтому то, что религия запрещает у нас, религия греков не просто терпела, но и предписывала. Крайняя и даже непристойная веселость комедии также не имела оправдания. Соединять экстравагантное веселье с торжественной серьезностью предписывалось законом даже в священный праздник Цереры.

"В то время как философы утверждали, что человек - шутка и игрушка богов, комический поэт перевернул картину и сделал богов игрушками людей; в его руках, действительно, все было на широкую ногу: боги смеялись, люди смеялись, животные смеялись. Природа рассматривалась как некое фантастическое существо, склонное к юмору, а мир - как некий расширенный сборник анекдотов, в котором поэт указывал *на bon-mots* [Сноска: французский; произносится *как бон-мос*] и выступал в некоторой степени в роли корректора прессы. Если иногда он исполнял эти обязанности в саркастическом духе Мефистофеля, это тоже считалось частью его функций. Он был *Ter'roe Fil'ius* [Сноска: Terroe Filius, сын земли, то есть человек] того времени; и снисходительность рассматривалась не как акт благоразумия, а как трусливое неисполнение долга".

Именно во времена Перикла только что описанная комедия впервые обратилась к людям и предметам под их настоящими именами; в одной из пьес Кратинуса, при котором комедия получила свое полное развитие, Кимон высоко оценивается, а его соперник, Перикл, горько высмеивается. Комедия с безмерной и беспристрастной свободой нападала под покровом сатиры не только на все, что было действительно смехотворным или низменным, но часто презирала и высмеивала то, что было невинным или даже достойным. По той причине, что комические писатели были столь неразборчивы в своих нападках, часто делая объектом комического презрения как трансцендентный гений и благородную личность, так и демагогию и личные пороки; их труды имеют лишь малую историческую ценность, за исключением тех немногих случаев, когда они подтверждаются высшими авторитетами.

АРЛСТОФ'АНЫ.

Среди современников Кратина были Эвполис и Аристофан, последний из которых стал главным представителем того, что известно как старая аттическая комедия. О его жизни мало что известно, но он был членом консервативной или аристократической партии в Афинах, направляя свои нападки главным образом против демократической или народной партии Перикла, и продолжал писать комедии примерно до 392 г. до н. э. Хотя его комедии изобилуют грубым остроумием, они замечательно блестящи и содержат много чистого и прекрасного. Как хорошо сказал один из поздних писателей, "красота и уродство приходили к нему в равном изобилии, и его замечательные произведения состоят из всего низкого и всего чистого и прекрасного".

Музы, ищущие святыню

Чья слава никогда не угаснет,

Нашли, блуждая, душу божественную

Аристофана.

-ПЛАТО, перевод МЕРИВАЛЕ.

МР. ПРОТЕ характеризует комедии Аристофана следующим образом: "Вероятно, никогда больше не будет так проявлена полная и непоколебимая сила комедии. Не имея перед собой Аристофана, невозможно было бы представить, с какой безмерной и беспристрастной свободой нападает старая комедия на богов, институты, политиков, философов, поэтов, частных граждан, специально названных, и даже на женщин, чья жизнь была полностью домашней в Афинах. С этой универсальной свободой в отношении темы сочетается острота насмешек и сатиры, плодovitость воображения и разнообразие поворотов, богатство поэтического выражения, которое невозможно превзойти, и которое полностью объясняет восхищение, выраженное философом Платоном, который в других отношениях должен был относиться к нему с несомненным неодобрением. Его комедии популярны в самом широком смысле этого слова, они адресованы всему мужскому населению в день, посвященный празднику, и служат для их развлечения или высмеивания, с неким пьяным изобилием, из всех лиц или вещей, так или иначе выделяющихся перед общественным взором." [Сноска: "История Греции", гл. lxvii].

В своем предисловии к *"Диалогам Платона"* преподобный Уильям Сьюэлл (WILLIAM SEWELL), автор книги *"История Греции"*, гл. УИЛЬЯМ СЕВЕЛЛ, английский священнослужитель и писатель, замечает, что "люди улыбаются, когда слышат анекдот о Хрисостоме, одном из самых почтенных отцов Церкви, который никогда не ложился спать, не положив под подушку что-нибудь из Аристофана". Он добавляет: "Но благородный тон нравов, возвышенный вкус, здравая политическая мудрость, смелость и острота сатиры, великая цель, которая прослеживается повсюду, исправление глупостей дня и улучшение состояния своей страны - все это черты Аристофана, которые, как бы они ни были замаскированы, как бы они ни были намеренно грубы и шутовски, дают ему право на самое высокое уважение со стороны каждого читателя античности." Однако, хотя цели Аристофана были в основном похвальны, а люди и вещи, на которые он нападал, как правило, заслуживали порицания, он не щадил пороки своей собственной партии и соратников; и, как все сатирики, для достижения эффекта он часто искажал характер, как в случае с добродетельным Сократом. В нападках на софистов, в своей пьесе *"Облака"*, он придает Сократу характер вульгарного софиста и выставляет его на посмешище афинскому народу. Но, как сказал другой, "время все расставило по своим местам; и "бедный Сократ", как назвал его Аристофан, как воспел гораздо более возвышенный бард...

"Бедный Сократ",
Что учил он, и за то страдал,
За истину страдая смертью несправедливой, живет сейчас,
Равный в славе гордым завоевателям".
-МИЛТОН.

Комедия "Облака".

В "Облаках" Аристофана любопытно наблюдать, что, хотя главная цель поэта - высмеять Сократа и через него разоблачить то, что он считает порочным состоянием образования в Афинах, он не гнушается смешивать со своей низкой буффонадой самые возвышенные полеты воображения, напоминая нам о не похожей на аномалию возвышенной аналогии Шекспира с "башнями, окутанными облаками" в "Буре". В одной из частей пьесы Стрепсиад, которого почти разорил его расточительный сын, отправляется к Сократу, чтобы научиться у него логике, которая позволит ему "говорить несправедливо и побеждать", чтобы уклониться от своих долгов! Он находит учителя подвешенным в воздухе, в корзине, чтобы тот был выше земных влияний, и там "созерцает солнце", пытаясь разобраться в "небесных вопросах". На призыв Стрепсиада Сократ, прерванный в своих грезах, отвечает так:

Сократ. Старик, сиди спокойно, слушай мою волю и
с миром внимай моей молитве. (*Затем он обращается к Воздуху*).
О владыка и царь, держащий землю на своих качелях, о безмерный бесконечный Воздух;
И ты, сияющий Эфир, и Облака, окутывающие ее громами, молниями и бурями,
Встаньте и сияйте, светлые божественные дамы, для своего ученика в телесных формах".

Далее следует молитва Сократа к облакам, в которой представлен ряд самых возвышенных образов, окрашенных всеми радужными оттенками фантазии поэта. В воображении мы видим грозные Облака, сначала восседающие в величественном величии на освященном временем гребне снежного Олимпа, затем в нежном танце умиляющие нимф "посреди величественного движения старого Океана", затем уносящие в своих кувшинах из солнечного света и золота "мистические волны Нила", чтобы освежить и оплодотворить другие земли; В одно время они резвятся в пене озера Мæотис, а в другое - играют на ветреных вершинах Миаса, горного хребта в Ионии:

Сократ. Выйдите, выйдите, грозные облака, и покажите на земле свое славное величие;
Неважно, покоитесь ли вы на освященном временем гребне Олимпа, окруженном снегом,
Или танцуйте мягкий танец среди величавых шагов старого Океана, нимф умиляя,
Или опуститесь, чтобы окутать своими золотыми кувшинами мистические волны Нила,
Или вокруг белой пены Мейотиса вы бродите, Или Мимас весь ветреный и голый,
Услышьте, пока мы молимся, и не отворачивайтесь от обрядов, которые готовят ваши слуги".

Затем хор выходит вперед и отвечает, как будто говорят Облака:

Хор. Облака всех оттенков,
Поднимаемся мы в облаках росы,
Мы пришли с неизменного ложа старого океана,
Мы идем к зеленым вершинам гор,
Мы приходим к вершинам с их несказанными пейзажами,
Мы смотрим на землю с ее золотыми урожаями,
Мы смотрим на величественные реки,
Мы смотрим на повелительное, невидимое море;
Мы приходим, ибо око Эфира сияет,

Мы приходим, ибо вся Природа вспыхивает и освобождается.

Давайте же стряхнем эту росу.

С наших вечно новых членов,

И поплывем ввысь, чтобы увидеть широкий мир,

Уходим! Уходим!

Сокр. О богини мои, великие Облака и богини, Вы вняли и ответили на мою молитву.

Слышали ли вы их шум и гром вокруг, когда они пронзали окаменевший воздух?

Стрепс. Да, клянусь Зевсом! И я дрожу, и я весь дрожу, и я боюсь, что должен прозвучать ответ,

Их громы наводят на мою душу такой страх, а эти ужасные голоса так ничтожны...

Сокр. Не ведите себя в наших школах, как эти комедианты-дураки, с их скабрёзными, скандальными манерами.

Глубокое молчание да будет твоим, пока эти гроздьё божественной мелодией возносят душу.

На что хор снова отвечает. Но у нас нет места для дальнейших отрывков. Критики признают неподражаемым описание парящего облачного характера сцены. В частности, есть один отрывок, в котором Сократ, указывая на облака, совершившие внезапное косое движение вниз, говорит

"Они дрейфуют, бесконечная толпа,

И их длинные тени дрожат над долиной и тормозами".

Это стихотворение, по словам М. Раскина, "мог написать не кто иной, как страстный любитель пейзажей холмов - тот, кто час за часом наблюдал за особым, косым, боковым движением нисходящих облаков, формирующихся вдоль впадин и оврагов холмов". [Сноска: Строка на греческом языке, которая так ярко описывает этот особый вид и движение облаков -

dia toy koiloy kai toy daseoy autai plagiai-

настолько теряется при переводе, что красоту этого отрывка может в полной мере оценить только ученый-грековед]. Здесь нет ни глыбовых твердых тел, ни громоздких выступов. Все тает, дрейфует, ускользает, полно воздуха и легко, как роса".

Хоровая песня из "Птиц".

В следующем отрывке из комедии "*Птицы*" Аристофан высмеивает популярную у греков веру в знаки и предзнаменования, полученные от воздушных птиц. Хотя это, несомненно, преувеличение, тем не менее его можно рассматривать как честное изложение суеверных представлений эпохи, имевшей своих всемирно известных "оракулов", и как хороший пример комического стиля поэта. Отрывок из "Хоровой песни", входящей в состав комедии, является настоящей поэтической жемчужиной.

Вы, дети человеческие, чья жизнь - сплошной пролет,

Затянувшаяся печалью изо дня в день;

Голые и без перьев, слабые и хриплые,

Больные, жалкие создания из глины!

Внимайте словам владых птиц,

Бессмертных, прославленных владых воздуха,

Которые взирают с высоты милосердным оком,

Ваши страдания, труды и заботы.
Отсюда вы можете узнать и ясно понять
Такие истины, которые привлекают вашу любознательность.
Который в последнее время занят великими дебатами,
Глубокими рассуждениями о творении,
Органической жизни и хаотических раздоров.
Различными представлениями о небесных движениях,
И реках, и океанах, и долинах, и горах,
И источники фонтанов, и метеоры в вышине,
И звезды на небе.... Мы предлагаем
(Если вы будете слушать и слышать) сделать все это понятным.

Все уроки, имеющие первостепенное повседневное значение
Вы узнали от птиц (и продолжаете узнавать),
ваших лучших благодетелей и первых наставников.
Мы даем вам предупреждения о возвращении времен года:
Когда журавли, собравшись на плаву.
В среднем воздухе, со скрипом,

Устремляясь к ливийским пескам,
Тогда заботливые фермеры засевают свои земли;
И вот судно сваливается на берег;
Парус, канаты, руль и весло
Все снято с корабля и помещено в магазин.
Пастуха предупреждает вновь появившийся коршун,
чтобы собрать свое стадо и быть готовым к стрижке.
Вы бросаете свой старый плащ по приказу ласточки,
в надежде на лето, и покупаете жилет.

Для Дельф, для Аммона, для Додо'на - и так далее,
Для всех прорицательских храмов и святилищ...
Птицы - замена, равная и справедливая;
Ведь от нас вы зависите, к нам вы обращаетесь
За советом и помощью, когда заключаете брак.
При покупке, сделке или торговом предприятии:
Не повезло или повезло, что бы ни выпало на вашу долю...
Голос на улице или встреченный раб,
случайно подслушанное имя или слово.
Если вы считаете это предзнаменованием, вы называете это птицей;
И если птицы - ваши предзнаменования, из этого ясно следует.
Что птицы - подходящий пророческий Аполлон.
-Перевод Фрере.

III. ИСТОРИЯ.

Как мы уже говорили в предыдущей главе, литературные произведения в прозе впервые появились у греков в шестом веке до нашей эры и были либо мифологическими, либо сборниками местных легенд, как священных, так и профанных, о конкретных районах. Только в более поздний период греческие прозаики, став более позитивными в своих мыслях, оторвались от спекулятивных и мистических тенденций и начали записывать свои наблюдения за событиями, ежедневно происходящими вокруг них. В трудах Гекатеуса

Милетского, процветавшего около 500 года до н.э., мы находим первые элементы истории; и все же некоторые современные авторы считают, что он не может претендовать на звание историка, в то время как другие считают его первым историческим писателем, имеющим хоть какое-то значение. Он посетил саму Грецию и многие близлежащие страны и записал свои наблюдения и опыт в работе географического характера под названием *"Период"*. Он также написал еще одну работу, связанную с мифической историей Греции, и умер около 467 года до нашей эры.

ГЕРОД'ОТУС.

МАХАФФИ считает Гекатэуса "предшественником Геродота по образу жизни и концепции изложения своего опыта", а НИЕ'БУХР, великий немецкий историк, полностью отрицает существование каких-либо греческих историй до того, как Геродот подарил миру первое из тех прославленных произведений, которые образуют еще одно яркое звено в литературной цепи греческой славы. Геродот родился в Галикарнасе около 484 года в знатной семье и в раннем возрасте был изгнан из родной страны революцией, после которой он много путешествовал по известному тогда миру, собирая материал, который впоследствии использовал в своих трудах. После недолгого пребывания на Самосе он перебрался в Афины, однако около 440 года покинул их и поселился в Турии, новой афинской колонии на месте прежнего Сиб'ариса. Здесь он прожил остаток своей жизни и умер около 420 года. Лукиан рассказывает, что, закончив свой труд, Геродот отправился в Олимпию во время празднования Олимпийских игр и там прочитал своим соотечественникам девять книг, из которых состояла его история. Слушатели были в восторге и немедленно присвоили книгам титул *"Девять муз"*. В более позднем рассказе об этой сцене говорится, что Фукидид, тогда еще молодой человек, стоял рядом с Геродотом и был до слез растроган его декламацией.

Геродот скромно излагает цель своей истории в следующем абзаце, который и является всем введением к его великому труду: "Это исследования Геродота Галикарнасского, которые он публикует в надежде таким образом сохранить от упадка память о том, что сделали люди, и не дать великим и замечательным деяниям греков и варваров потерять должную славу; кроме того, записать, каковы были основания для их вражды". [Сноска: перевод Роулинсона]. Но в то время как он изображает военные амбиции персидских правителей, борьбу греков за свободу и их окончательный триумф над персидской державой, он также дает нам историю почти всего известного тогда мира. "Его работа начинается, - говорит М. Р. ЛАВРЕНС, - с причин вражды между Персией и Грецией, описывает могущество Креза, чудеса Египта, экспедицию Дария в Скифию и завершается бессмертной войной между союзными греками и персами. Для его соотечественников эта история должна была представлять огромный интерес, как национальная ода или эпос. Афины, в частности, должны были с трогательной горячностью читать изящное повествование о своей ранней славе; ведь когда Геродот закончил свой труд, этот короткий период уже миновал. То, что Эсхил и другие драматурги изображали на сцене в кратких и ярких картинах, Геродот описывал с кропотливой, но никогда не утомительной подробностью. Его чистая ионическая дикция никогда не утомляла, его легкое и простое повествование никогда не теряло своего интереса, и все последующие эпохи называли его "отцом истории". Его слава распространилась по всему человечеству вместе с развитием письменности".

Следующее восхитительное описание Геродота и его трудов взято из эссе по "Истории" Лорда Маколея:

Геродот и его труды".

"Из романтических историков Геродот - самый ранний и самый лучший. Его оживление, его простодушная нежность, его замечательный талант к описанию и диалогу, а также чистый, сладкий поток его языка ставят его во главе повествователей. Он напоминает нам восхитительного ребенка. В его неловкости есть непостижимое изящество, в его невинности - злость, в его глупости - ум, а в его приторности - вкрадчивое красноречие. Мы не знаем другого писателя, который бы вызывал такой интерес к себе и своей книге в сердце читателя. Он написал несравненную книгу. Он написал нечто лучшее, возможно, чем лучшая история; но он не написал по-настоящему хорошей истории, потому что он, от первой до последней главы, изобретатель. Мы имеем в виду не только те грубые выдумки, в которых его упрекали критики более поздних времен, но говорим о той окраске, которая в равной степени распространяется на все его повествование и которая постоянно оставляет самого проницательного читателя в сомнении, что отвергать, а что принимать. Великие события, несомненно, достоверно описаны, как, вероятно, и многие мелкие обстоятельства, но какие именно - установить невозможно. Мы знаем, что правда есть, но не можем точно определить, где она кроется.

"Если мы можем довериться сообщению, не одобренному, правда, авторитетными писателями, но само по себе неправдоподобному, то труд Геродота был написан не для того, чтобы его читали, а для того, чтобы его слушали. Не на медленное распространение нескольких экземпляров, которыми могли обладать только богатые, рассчитывал честолюбивый автор. Великий олимпийский праздник должен был стать свидетелем его триумфа. Интересность повествования и красота стиля поддерживались внушительным эффектом декламации, великолепием зрелища, мощным влиянием симпатии. Критик, который мог бы требовать авторитетов посреди такой сцены, должен был быть холодным и скептическим, а таких критиков было немного. Каким был историк, такими были и зрители - любознательные, доверчивые, легко проникающиеся религиозным трепетом патристического энтузиазма. Именно они с восторгом рассказывали о диких зверях, птицах и деревьях, о карликах, великанах и каннибалах, о богах, чьи имена произносить было бы нечестиво, о древних династиях, оставивших после себя памятники, превосходящие все творения более поздних времен; о городах, похожих на провинции, о реках, похожих на моря, о грандиозных стенах, храмах и пирамидах, об обрядах, которые волхвы совершали на рассвете на вершинах гор, о тайнах, начертанных на вечных обелисках Мемфиса. С таким же восторгом они слушали бы изящные романсы своей страны. Теперь они слышали о точном исполнении неясных предсказаний; о наказании стран, над которыми, казалось, дремала справедливость небес; о снах, предзнаменованиях, предупреждениях мертвых; о принцессах, за которых боролись благородные женихи, прилагая все силы и умения; о младенцах, странным образом сохранившихся от кинжала убийцы, чтобы исполнить высокие судьбы.

"По мере того как повествование приближалось к их собственным временам, интерес становился все более захватывающим. Теперь летописцу предстояло рассказать историю того великого конфликта, от которого Европа ведет свое интеллектуальное и политическое превосходство, - историю, которая даже на таком расстоянии является самой удивительной и самой трогательной в летописи человеческой расы, историю, изобилующую всем диким и удивительным, всем патетическим и оживляющим, гигантскими капризами безграничного богатства и деспотической власти, более могучими чудесами мудрости, добродетели и мужества. Он рассказывал им о реках, высохших за один день, о провинциях, голодающих досыта; о проходе для кораблей, прорубленном в горах; о дороге для армий, раскинувшейся на волнах; о сметенных монархиях и государствах; о тревоге, об ужасе, о смятении, об отчаянии! А затем о гордых и упрямых сердцах, испытанных в этой крайности зла и не

оказавшихся несостоятельными; о сопротивлении, долгое время оказываемом вопреки отчаянным шансам; о жизнях, дорого проданных, когда сопротивление уже не могло быть продолжено; о чудесном избавлении и неумолимой мести. Что бы ни придавало больше реальности повествованию, столь хорошо рассчитанному на разжигание страстей и уязвление национальной гордости, оно, несомненно, было воспринято благосклонно".

ТУКИДИДЫ.

Более великим, чем Геродот, в некоторых отношениях, но совершенно иным по стилю изложения, был историк Фукидид, родившийся в Афинах около 471 г. до н. э. В раннем возрасте он учился в риторической и софистической школах своего родного города; похоже, что он принимал некоторое участие в политических волнениях того времени. На сорок седьмом году жизни он командовал афинским флотом, который был послан на помощь Амфиполису, осажденному спартанцем Брасидом. Но Фукидид опоздал: к моменту его прибытия город уже сдался. Его неспособность добраться туда раньше, по-видимому, была вызвана обстоятельствами, совершенно не зависящими от него, хотя некоторые английские ученые, в том числе Грот, утверждают, что он был нерадив и нерасторопен, а потому заслужил наказание, которое получил - изгнание из Афин. Он удалился в Скаптеc'и-ле, небольшой городок во Фракии; в этом уединенном месте, удаленном от переменчивых сцен греческой жизни, он посвятил себя написанию своего великого труда. Традиция утверждает, что он был убит, когда ему было около восьмидесяти лет, либо в Афинах, либо во Фракии.

История Фукидида, незаконченная к моменту его смерти, содержит отчет о почти двадцати одном годе Пелопоннесской войны. Стиль автора отточен, энергичен, философичен, а иногда настолько лаконичен, что даже непонятен. Нам рассказывают, что даже Цицерон находил некоторые его предложения почти невразумительными. Но, как говорит МАХАФФИ: "Какие бы недостатки стиля, какая бы преходящая манера излагать свои мысли ни объяснялась софистическим воспитанием и желанием продемонстрировать глубину и остроту, не может быть ни малейшего сомнения в том, что в руках Фукидида искусство писать историю сделало необычайный шаг вперед и достигло такой степени совершенства, с которой не сравнился ни один из последующих эллинских (и немногих современных) писателей. Если выбранная им тема действительно была узкой, а многие детали - тривиальными, то, тем не менее, она была пройдена с огромным трудом, ведь писать современную историю - задача не из легких, а тем более в эпоху, когда опубликованные документы были скудны, а искусство печати неизвестно. Кроме того, какими бы тривиальными ни были подробности мелких военных набегов, рассказ о которых был необходим для полноты изложения, мы не можем не удивляться тому высокому достоинству, с которым он подходит к каждой части темы. Во всей книге нет ни капли комедии, ни одной сатиры, ни одного слова фамильярности, и мы стоим лицом к лицу с человеком, который поражает нас своим торжественным и суровым нравом, как ни странно, не аттическим." [Сноска: "История греческой литературы", т. ii., с. 117].

Следующее сравнение, очевидно, справедливое, было сделано между Фукидидом и Геродотом:

Фукидид и Геродот.

"Сравнивая этих двух великих историков, можно заметить, что ум и талант каждого из них прекрасно подходил для той работы, за которую он брался. Обширная область, в которой трудился Геродот, давала возможность приукрасить и проиллюстрировать его историю

чудесами чужих земель; В то время как славные подвиги великого и свободного народа, остановившего поток варварских захватчиков и в конце концов одержавшего над ними победу, а также обычаи и история варваров, с которыми они воевали, и всех других народов, чьи имена были связаны с Персией либо по родословной, либо по завоеванию, были темами, которые требовали таланта простого рассказчика, обладавшего такой любовью к истине, чтобы не преувеличивать, и такой рассудительностью, чтобы выбрать то, что лучше всего заслуживает внимания. Но у Фукидида было более узкое поле деятельности. Предметом его изучения был разум Греции, проявившийся в одной войне, которая по своему началу, ходу и последствиям была самой важной из всех, которые когда-либо видела Греция. Сама по себе она не обладала тем захватывающим интересом, который характерен для Персидской войны. В ней объединенная Греция не боролась за свои свободы против иностранного врага, одушевленная одним общим патриотизмом, вдохновляемая восторженным Иовом свободы; но она представляла печальное зрелище Греции, разделенной против самой себя, раздираемой расовой ревностью и смятенной враждой фракций.

"Поэтому задача Фукидида заключалась в изучении враждующих страстей и антагонистических действий одного разума; чтобы стать интересной и выгодной, она требовала приложения сил острого, аналитического интеллекта. Отделить историю от традиций и фальши, которыми она была покрыта, и дать раннюю историю Греции в ее наиболее правдивой форме; проследить афинское господство от его подъема до его гибели и растущую ревность к другим государствам, нижестоящим или соперничающим, к которой это господство привело; показать его связь с расовой враждой и оппозицией в политике; указать, какие причины привели к столь широким результатам; как ненасытные амбиции Афин, удовлетворяемые прямым неповиновением советам их мудрого государственного деятеля Перикла, шаг за шагом привели их к окончательной гибели, - для этого нужен был не просто рассказчик событий, каким бы блестящим он ни был, а нравственный философ и государственный деятель. Таким человеком стал Фукидид. Хотя в науке исторического сочинения его работы превосходят труды Геродота, а его ум выше, поскольку он более вдумчив, все же его слава ни в коем случае не затмевает славы, принадлежащей отцу истории. Их пути различны; их никогда нельзя рассматривать как соперников, и поэтому ни один из них не может претендовать на превосходство". [Сноска: "Греческая и римская классическая литература", профессор Р. В. Браун, Королевский колледж, Лондон].

IV. ФИЛОСОФИЯ.

АНАКСАГОРАС.

Самым прославленным из ионийских философов и первым выдающимся философом этого периода греческой истории был Анаксагор, родившийся в Клазоменах в 499 году до н. э. В возрасте двадцати лет он отправился в Афины, где оставался тридцать лет, преподавая философию и имея своими слушателями Перикла, Сократа, Еврипида и других знаменитых персонажей. В то время как пантеистические системы Талеса, Гераклита и других ранних философов признавали, в соответствии с вымыслами принятой мифологии, что вселенная полна богов, учение Анаксагора приводило к вере в единый высший разум или интеллект, отличный от хаоса, которому он придает движение, форму и порядок. Поэтому он также учил, что солнце - это неодушевленная, огненная масса, а значит, не подходящий объект для поклонения. Он утверждал, что луна светит отраженным светом, и справедливо объяснял солнечные и лунные затмения. Он дал аллегорические объяснения именам греческих богов и нанес удар по народной религии, приписав чудесные явления во время жертвоприношений естественным причинам. За эти нововведения народ побил его камнями, а в качестве наказания за нечестие его приговорили к смерти, но благодаря

влиянию Перикла приговор был заменен на изгнание. Он удалился в Лампакус, на берегу Геллеспонта, где и умер в возрасте семидесяти двух лет.

За некоторое время до его смерти сенат Лампсака послал к Анаксагору спросить, какая память о его жизни и характере была бы наиболее приемлемой для него. Он ответил: "Пусть в годовщину моей смерти все мальчики и девочки устроят день игр". Предложение было принято, и его память жители Лампсака на протяжении многих веков чтили ежегодным праздником. Приятный нрав Анаксагора и общий характер его учения приятно и очень верно изложены в следующем стихотворении, которое является предполагаемым письмом поэта Клеона из Лампсака к Периклу с рассказом о смерти философа:

Смерть Анаксагора.

Клеон из Лампсака, Периклу:

О том, кого она изгнала, пусть теперь похваляются Афины;

Пусть теперь афиняне воздвигнут ему побитую камнями
статую. *Анаксагор умер!*

Вам, скорбящим о господине, названном другом,

Отбейте афинских волков, которые перегрызли ему горло,

И рисковал своей жизнью, чтобы спасти его - Перикл.

Теперь я расскажу о том, как он закончил свою жизнь:

Престарелый человек, нашедший в шестьдесят лет

Скудный повод для смеха, смеялся перед смертью,

И умер, все еще улыбаясь: Афины не обиделись на него!

Не он, а ваши афиняне, сказал бы он,

были изгнаны в его изгнании!

Когда рассвет

Над Малой Азией забрезжил белый рассвет,

И птички щебечут в траве,

И все море лежит полого и серо от тумана,

А на улицах дремлют древние стражники,

Хозяин проснулся от холода. Его ноги были холодны,

и лишены чувств; и мы, наблюдавшие за ним, знали.

Лихорадка не полностью покинула его мозг,

Он бродил, искал птичьи гнезда,

Как еж из зеленого ионического города.

где он родился. Мы растирали его озябшие конечности;

И он дремал, и не видел снов, пока солнце

смеялось над широким днем, и боги-садовники запылали.

которые благословляют наши фрукты и виноградники в Лампсаке.

Слабый, но здравомыслящий и бодрый, он проснулся,

взял нас за руки и попросился на солнце;

И там, где илекс раскинул благодатную тень.

Мы положили его, завернув и уложив на подушки; и он услышал

Пение птиц, шепот виноградных лоз,

рябь синего Пропонтического моря.

Спокойный и довольный лежал он; но нам было грустно

Видеть снежные волосы и серебряную бороду.

Как увядшие мхи на поваленном дубе,

И чувствовать, что он, чья огромная философия
Закинул священные ветви на поля.
Где Афины пасут своих унылых овец, пал,
И никогда больше не узнает весны! Признайтесь:
Ты тоже скорбел, видя это, Перикл!

Но Анаксагору не было свойственно чувство неправоты;
И когда мы призывали язвы всех ваших богов
На ваш неблагодарный город, он лишь улыбнулся:
"Терпите, дети! Где польза
Мудрость и божественная астрономия,
Если бы мы не научили наши беспокойные умы переносить
Все беды, что жизнь наследует? Я могу улыбнуться
Вспоминая Афины! Разве они были в этом виноваты?
Разве я не убил Аполлона? Не вырвал бороду
самого Джова? Бедный сброд, который еще
не переросли зеленых кузнечиков.
От которых они хвастаются происхождением, - разве они виноваты?
[Сноска: Афиняне утверждали, что они коренного происхождения -
Автох'тоны, то есть аборигены, произошедшие от самой земли.
от самой земли. В качестве эмблемы этого происхождения они носили в своих волосах
золотые формы *цикады* или саранчи, которую часто неправильно
часто неправильно называемой кузнечиком, которая, как считалось, появилась из земли.
земли. Поэтому говорили, что афиняне могут похвастаться происхождением
от кузнечиков].

"Как могли они мечтать - или верить, когда их учили...
Солнце - раскаленный железный шар, по объему
не меньше Пелопоннеса? Как поверить
Луна не серебряная богиня, одетая для погони,
а земля и камни, с пещерами, холмами и долинами?
Бедные кузнечики! Кто считает богов поглощенными
В их болтовне, пронзительной в траве!
Что ж удивляться, если они бушуют, стоит только намекнуть.
Что гром и молния, рожденные в столкновении туч,
Могут случиться даже при приятном настроении Джова,
не думая об афинянах!"

Он сделал паузу; и, мягко дует с моря,
Свежий ветер всколыхнул илекс, всколыхнув
Сквозь щели солнечных листьев голубые жемчужины неба;
И, лежа в тени, все его мысли
Озаренный нашим горем, он снова заговорил:
"Пусть не тревожатся сердца ваши! Все дни мои
Все мои заботы были направлены на эту бескрайнюю синеву,
что неподвижно над нами; теперь мои дни окончены,
Пусть она позаботится обо мне! Будьте терпеливы, кротки,
Не надувайтесь от доктрины! Ничего нельзя знать;
Ничто не постичь наверняка: смысл ограничен;
Разум слаб, а жизнь коротка!"

Он остановился и немного поразмышлял, пока мы плакали.

"И все же не унывайте; ищите, ищите!

Восторг влюбленного и успех мудреца

Меньше в достижении, чем в приближении.

Смотрите вперед на время, которое должно наступить!

Все вещи изменчивы, и только перемены

Неизменны. Но знание растет! Боги

Уходят с земли, как утренний туман;

Настали дни, когда люди

Увидят в мире только человеческие поступки!

Да, даже эти холмы Лампсака станут

Островами нового моря, если время не остановится!"

И вот преподобные отцы нашего города

Услышали, что конец господина очень близок,

И пришли почтить его память на закрытии,

И спросить, какое его желание они могут исполнить.

Но он, догадавшись, что они думают, что его сердце

Может тосковать по Афинам в поисках пристанища,

Сказал мягко: "Нет; отовсюду путь

В тот темный край, о котором вы знаете, один и тот же.

Я не чувствую заботы, у меня нет желания". Греки

Никогда не забудут моего Перикла,

И, вспомнив о нем, скажут обо мне,

"Его научил Анаксагор!"

Не хочется уходить,

Не оказав добрых услуг, он снова

Преподобные отцы вновь потребовали от него исполнения желаний.

Тогда хозяин рассмеялся: "Нет, если вы все еще настаиваете,

И так как отвергать добрую волю было бы нечестно,

Молю вас, каждый год, когда время вернет

День, в который я вас покинул, Пусть мальчики...

Все мальчики и девочки в этом вашем счастливом городе.

будут свободны от дел и школы на этот единственный день".

Он лег, улыбаясь, а преподобные

ушли, с тяжелым сердцем. Он больше не говорил,

но, возможно, размышляя о своих прогуланных днях,

Ушел от нас и улыбался, когда умер.

-УИЛЬЯМ КАНТОН, в *"Современном обозрении"*.

Учения Анаксагора суждено было обрести широкую власть над греческим разумом.

Поскольку предзнаменования, приметы и чудеса оказывали большое влияние на

государственные дела Греции, философское объяснение природных явлений имело

тенденцию уменьшить уважение к народной религии в глазах народа и оставить умы

правителей и государственных деятелей открытыми для влияния разума и отказа от

суеверий. Доктрины Анаксагора положили начало борьбе между старой и новой

философией, и различные фазы этой борьбы прослеживаются на протяжении всей

последующей греческой истории.

СОФИТЫ.

В пятом веке в Греции возникла группа учителей, которые путешествовали из города в город, давая за деньги наставления по философии и риторике; в эти разделы входили политическое и нравственное воспитание. Этим людей называли "софистами" (этот термин рано стал применяться к мудрецам, таким как семь мудрецов), и хотя они не образовывали секту или школу, они во многом походили друг на друга, оказывая важное и, если не считать их скептических наклонностей, здоровое влияние на формирование характера. Среди наиболее выдающихся учителей были Протагорас из Абде'ра, Гор'гиас из Леонтины и Прод'икус из Се'ос. Великий философ более позднего времени Платон, осуждая поверхностность их философии, назвал этих людей важными и уважаемыми мыслителями; но их преемники своим невежеством навели позор на их призвание, и во времена Сократа софисты, так называемые софисты, утратили свое влияние и впали в презрение. "Еще до того, как Платон написал свои поздние "Диалоги", - говорит Махаффи, - они стали слишком незначительными, чтобы заслуживать опровержения; а в следующем поколении они полностью исчезают как класс". Далее этот автор приводит причины их падения:

"Это, конечно, следует отнести не только на счет противодействия Сократа в Афинах, но и на счет разделения профессии педагога. Самая популярная и выдающаяся ее отрасль - риторика - была взята на вооружение особыми людьми, такими как оратор Анифон, и развита в строго определенную науку. Философия, к которой они прикоснулись, не раскрыв ее глубин, была взята на вооружение сократическими школами и стала правилом и практикой всей жизни. Политику, которую они преподавали, сочли слишком общей; к тому же эти странствующие люди, не имевшие ни постоянного дома, ни знакомства с тонкостями особых конституций, не могли давать практические уроки гражданам Греции в искусстве государственного строительства. Таким образом, они исчезают почти так же быстро, как и появляются - внезапная фаза духовного пробуждения в Греции, подобно французским энциклопедистам." [Сноска: "История классической греческой литературы", т. ii., с. 63].

СОКРАТ.

Величайшим учителем этого века был Сократ, родившийся близ Афин в 469 году до н. э. Его отец был скульптором, и сын некоторое время занимался той же профессией в Афинах, стремясь к высшему и изучая философию под руководством Анаксагора и других. Он служил своей стране в поле во время суровой борьбы между Спартой и Афинами, где отличался храбростью и выносливостью; когда ему было уже за шестьдесят, он был избран представителем своего округа в сенате пятисот. Здесь и при последующей тирании его честность оставалась непоколебимой, а смелость в обличении жестокостей Тридцати тиранов едва не стоила ему жизни. Как учитель, Сократ приобрел характер философа-моралиста и использовал любую возможность, чтобы передать нравственную мудрость своим согражданам. Хотя его часто причисляли к софистам и несправедливо выбрали Аристофана их представителем, весь дух его учения был прямо противоположен этому классу. Софисты были блестящими и поверхностными, он же был домашним и основательным; они покоились в скептицизме, он же продвигался через него к более глубокой и основательной вере; они были странствующими и безответственными, он же закрепился в Афинах и своей жизнью демонстрировал доктрины, которые проповедовал". ГРОТЕ, однако, отрицая, что софисты были интеллектуальными и моральными развратителями, как это принято считать, также отрицает, что репутация Сократа должным образом основывается на том, что он избавил афинский разум от их влияния. Он восхищается Сократом за то, что тот "сочетает с качествами хорошего человека силу характера и оригинальность рассуждений, а также метод, и силу интеллектуальной работы

над другими, в целом отличную от силы любого профессионального учителя, не имеющую аналогов ни среди современников, ни среди преемников". [Сноска: "История Греции", гл. lxviii].

Сократ преподавал без платы и вознаграждения и свободно передавал свои наставления высоким и низким, богатым и бедным. Его главный метод обучения был заимствован из стиля Зенона, представителя элеатской школы, и заключался в нападении на мнения оппонентов и разборе их на части с помощью серии вопросов и ответов. [Сноска: Прекрасный пример сократовского способа ведения диспута можно увидеть в книге "Алкифрон, или Минутный философ" Джорджа Беркли, доктора философии, епископа Клойна, Ирландия. Она представляет собой защиту христианской религии и разоблачение слабостей неверности и скептицизма и считается одним из самых изобретательных и превосходных произведений подобного рода на английском языке]. Он сделал эту систему "самым мощным инструментом философского учения, когда-либо известным в истории человеческого интеллекта". Философ был восторженным поклонником Афин и рассматривал весь город как свою школу. Только там он находил обучение и занятие, по его улицам он бродил, часами неподвижно стоя в глубокой задумчивости или очаровывая своей беседой представителей всех сословий и возрастов. Алкивиад говорил о нем, что "когда он говорит, сердца всех слушающих вскакивают, а слезы льются". Поэт Томсон, размышляя о мудрецах древности, так описывает его:

Над всеми сиял великий афинский мудрец,
И отец философии!
Наставник Афин! Он на каждой улице
Бесценным сокровищем торговал; доброта - его отрада,
Мудрость - его богатство, а слава - его награда.
Глубоко проникая в человеческое сердце, с игривым искусством,
Его простой вопрос проникал, как в истину.
И на серьезные дела он вел смеющихся;
Учил нравственной жизни; и сам был тем, чему учил.

О несправедливом нападении на Сократа со стороны поэта Аристофана мы уже рассказывали. Это произошло в 423 году до н. э. и, как хорошо сказал один писатель, "испарилось вместе со смехом", не имея никакого отношения к печальной судьбе безвинного философа двадцать четыре года спустя. Вскоре после восстановления демократии в Афинах (403 г. до н. э.) Сократа судили за жизнь по абсурдному обвинению в нечестивости и развращении нравов молодежи. Его обвинители, по-видимому, были спровоцированы личной неприязнью, которую он невинно вызвал, и завистью к его многочисленным достоинствам; результат показал не только неустойчивость, но и моральную убогость афинского характера. К суду он подошел без особой подготовки к защите, так как не рассчитывал на оправдание; но он сохранял спокойствие, мужество и надменность и обратился к суду в смелом и бескомпромиссном тоне, требуя наград вместо наказания. Это было сильное религиозное убеждение (или вера) Сократа в то, что он действует в соответствии с божественной миссией. Это сознание было определяющим принципом его жизни; и в следующих отрывках, взятых нами из его "Апологии" или "Защиты", в которых он объясняет свое поведение, мы видим явные свидетельства этой поразительной характеристики великого философа:

Защита Сократа.

[Сноска: Из перевода профессора Оксфордского университета Джоуэтта].

"Станным, поистине, было бы мое поведение, о афиняне, если бы сейчас, когда, как я думаю и воображаю, бог поручает мне исполнить миссию философа - исследовать себя и других людей, я покинул бы свой пост из-за страха смерти или любого другого страха: это было бы действительно странно, и я мог бы быть справедливо привлечен к суду за отрицание существования богов, если бы я ослушался оракула из-за страха смерти: тогда я должен был бы воображать, что я мудр, когда я не был мудр. Ибо этот страх смерти - действительно притворство мудрости, а не настоящая мудрость, являющаяся видимостью знания неизвестного; ведь никто не знает, не может ли смерть, которую он в своем страхе считает величайшим злом, оказаться величайшим благом. Не есть ли здесь мнимое знание, которое является позорным видом невежества? И вот в чем, как мне кажется, я превосхожу людей в целом и в чем я мог бы, пожалуй, вообразить себя мудрее других людей: хотя я мало знаю о нижнем мире, я не полагаю, что знаю; но я знаю, что несправедливость и неповиновение лучшему, будь то Бог или человек, есть зло и бесчестье, и я никогда не стану бояться или избегать возможного блага, а не определенного зла. Поэтому, если бы вы сказали мне: "Сократ, на этот раз мы не будем возражать против Анитуса и отпустим тебя, но при одном условии, что ты не будешь больше спрашивать и рассуждать подобным образом и что если тебя снова поймут за этим занятием, ты умрешь", - если бы это было условием, на котором вы меня отпустили, я бы ответил: "Афинские мужи, я чту и люблю вас; но я буду повиноваться скорее Богу, чем вам, и, пока у меня есть жизнь и силы, я никогда не перестану заниматься философией и учить ее, а также увещевать, следуя своей манере, всех, кого я встречу." Я только и делаю, что убеждаю всех вас, и старых, и молодых, не заботиться о своих лицах и имуществе, но прежде всего заботиться о величайшем совершенствовании души. Я говорю вам, что добродетель не дается деньгами, но что от добродетели происходят деньги и все другие блага человека, как общественные, так и личные. Таково мое учение; и если это учение развращает молодежь, то мое влияние поистине губительно. Если же кто скажет, что это не мое учение, тот говорит неправду. Поэтому, афиняне, я говорю вам: делайте, как велит Анит, или не делайте, оправдывайте меня или нет; но что бы вы ни делали, знайте, что я никогда не изменю своего пути, даже если мне придется много раз умирать".

Далее Сократ говорит о негодовании, которое он мог вызвать тем, что не плакал, не просил и не умолял сохранить ему жизнь, не привел своих детей и родственников, чтобы они вступились за него, как это сделали бы другие в столь серьезном случае. Он говорит, что у него есть родственники и трое детей; но он заявляет, что ни один из них не явится в суд с подобной целью - не из-за наглости с его стороны, а потому, что он считает, что такой ход унизил бы репутацию, которой он пользуется, а также стал бы позором для государства. Далее он завершает свою защиту следующим образом:

"Но если отбросить вопрос о бесчестии, то, по-видимому, есть что-то неправильное в том, чтобы обращаться к судье с ходатайством и таким образом добиваться оправдания, вместо того чтобы информировать и убеждать его. Ведь его долг - не вершить правосудие, а выносить приговор; и он поклялся, что будет выносить решение по закону, а не по собственному желанию; и ни он, ни мы не должны входить в привычку лгать - в этом нет благочестия. Итак, не требуйте от меня того, что я считаю бесчестным, нечестивым и неправильным, особенно сейчас, когда меня судят за нечестие. Ибо если бы, о люди Афин, силой убеждения и уговоров я мог одолеть ваши клятвы, то я должен был бы научить вас верить в то, что богов нет, и в свое оправдание уличить себя в неверии в них. Но это не так, ибо я верю, что боги есть, и в гораздо более высоком смысле, чем тот, в котором в них верит любой из моих обвинителей. И вам и Богу я передаю свое дело, чтобы вы решили его так, как будет лучше для вас и для меня".

Как он и ожидал, и как уверяла его речь, Сократ был признан виновным, но большинством всего в пять или шесть голосов из более чем пятисот. Он не стал вносить предложения о смягчении наказания, как это было его правом; после вынесения смертного приговора он провел оставшиеся тридцать дней своей жизни, внушая своим друзьям самые возвышенные уроки философии и добродетели. Многие из этих уроков дошли до нас в трудах Платона, в книге которого *Phoe'do*, изображающей последние часы тюремной жизни Сократа, мы находим возвышенную беседу о бессмертии души. Ниже приводится выдержка из этого произведения:

Взгляды Сократа на будущее состояние.

"Когда умершие приходят в то место, куда их по отдельности ведет демон, то прежде всего их судят, как тех, кто жил хорошо и благочестиво, так и тех, кто не жил. А те, которые, по-видимому, вели средний образ жизни, отправляются в Ахерон и садятся на имеющиеся у них суда, на них прибывают к озеру и там обитают; и когда они очистятся и понесут наказание за беззакония, которые они могли совершить, они освобождаются, и каждый получает награду за свои добрые дела по заслугам своим; Но тех, кто кажется неизлечимым из-за величины своих преступлений, либо из-за совершения многих и больших святотатств, либо многих несправедливых и незаконных убийств, либо других подобных преступлений, таких подходящая судьба бросает в Тартар, откуда они уже никогда не выйдут. Но те, кто, похоже, были виновны в излечимых, но больших преступлениях, например, те, кто в гневе совершил какое-либо насилие над отцом или матерью и прожил остаток жизни в состоянии покаяния, или те, кто стал убийцей подобным образом - они должны, по необходимости, упасть в Тартар; но после того, как они упали и пробыли там год, волна выбрасывает их, убийц в Коциус, [Сноска: *Co-cy'tus*], а отцеубийц и матрицидов - в *Pyriphleg'ethon*; [Footnote: *Pyr-i-phlege-thon*, "пылающий огнем"; одна из рек ада] но когда, будучи отнесены, они прибывают к Ачерусийскому озеру, [Footnote: *Ach'e-ron*. Коцит означает реку плача; Пирифлегетон - реку, пылающую огнем; Ахерон - реку горя; Стикс, другая река нижнего мира, - реку ненависти. Так, Гомер, описывая "туманную обитель Плутона", говорит

Там в Ахерон бежит не один
Ужасный Пирифлегетон, но и Коцит громкий,
Из Стикса происходящий; там же стоит скала,
У широкого основания которой встречаются ревущие реки.
Одиссея. Б. Х.]

Там они вызывают и призывают, одни - тех, кого они убили, другие - тех, кого они ранили; и, призывая их, они просят и умоляют их, чтобы они позволили им выйти в озеро и принять их; и если они убеждают их, они выходят и освобождаются от своих страданий; если же нет, их возвращают в Тартар, а оттуда снова в реки, и они не перестают терпеть это, пока не убедят тех, кого они ранили - ибо этот приговор был наложен на них судьями. Но те, кто, как выясняется, прожил исключительно святую жизнь, - те, кто, освободившись и выйдя на свободу из этих земных областей, как из тюрьмы, прибывают в чистую обитель наверху и обитают на верхних частях земли. И среди них те, кто достаточно очистил себя философией, будут жить без тел во все будущие времена и придут в обители, еще более прекрасные, чем эти, которые нелегко описать, да и времени для этого сейчас недостаточно.

"Ради этих вещей, которые мы описали, мы должны приложить все усилия, чтобы приобрести добродетель и мудрость в этой жизни, ибо награда благородна, а надежда велика. Однако

утверждать, что все это именно так, как я описал, не подобает человеку здравомыслящему; но то, что либо это, либо нечто подобное происходит с нашими душами и их обиталищами - поскольку наша душа, безусловно, бессмертна - представляется мне наиболее подходящим, чтобы в это поверить, и достойным опасности для того, кто верит в это; ибо опасность благородна, и правильно соблазнять себя подобными вещами, как чарами; по этой причине я и затянул свой рассказ до такой длины. Итак, в силу этих вещей должен быть уверен в своей душе человек, который в течение этой жизни пренебрегал всеми удовольствиями и украшениями тела, как чуждыми его природе, и который, считая, что они приносят больше вреда, чем пользы, усердно занимался приобретением знаний и, украсив свою душу не чужими, а собственными украшениями - воздержанностью, справедливостью, стойкостью, свободой и истиной, - ожидает своего перехода в Аид как человек, готовый уйти, когда судьба призовет его."

Еще немного поговорив с друзьями о том, как распорядиться своим телом, и попрощавшись с семьей, Сократ выпил роковой болиголов с таким же спокойствием, как если бы это был последний глоток на веселом банкете, спокойно лег и умер. "Так погиб, - говорит ДР. SMITH, - величайший и оригинальнейший из греческих философов, чья не вдохновенная мудрость наиболее близко подошла к божественной морали Евангелия". Как отмечает ПРОФЕССОР ТАЙЛЕР из Амхерст-колледжа, "сознание божественной миссии было главной чертой его характера и главным секретом его силы. Оно направляло его разговоры, формировало его философию, пропитывало саму его личность и управляло его жизнью. Это была сила, которая поддерживала его перед приближающейся смертью, вдохновляла его в последние дни более чем человеческой стойкостью и наделяла его предсмертные слова нравственным величием, в котором "меньше земли, чем неба"". [Сноска: Предисловие к "Апологии и Крито" Платона]. Однако было и более особое и личное влияние, которому Сократ подвергался всю жизнь и которое, вероятно, заставило его смотреть на смерть с таким спокойствием.

При всей своей практической мудрости великий философ не был свободен от контроля суеверных фантазий. Он не только всегда внимательно относился к гаданиям, снам и прорицаниям, но и верил, что его с детства предупреждал и сдерживал знакомый дух, или демон, о котором он привык говорить вполголоса и которому беспрекословно подчинялся. Один писатель, говоря об этом, отмечает: "В греческой биографии нет более любопытной главы, чем история Сократа и его знакомого демона, который, иногда невидимый, а иногда, как он утверждал, принимая человеческий облик, действовал как его наставник; который сохранил ему жизнь после катастрофической битвы при Делиуме, указав ему единственную безопасную линию отступления, в то время как жизни его друзей, которые пренебрегли его уговорами сопровождать его, были принесены в жертву; И который снова, когда приблизился кризис его судьбы, дважды отговаривал его от защиты перед своими обвинителями и в конце концов побудил его выпить отравленный кубок, поднесенный к его губам неблагодарным народом."

АРТ.

Проследив вкратце историю греческой литературы в ее лучший период, остается отметить некоторые памятники искусства, "которыми, - как говорит АЛИСОН, - афиняне облепили весь мир и которые до сих пор являются эталоном вкуса у всех цивилизованных народов на земле".

I. СКУЛЬПТУРА И ЖИВОПИСЬ.

Греческая скульптура, как мы уже видели, достигла почти вершины своего совершенства к началу персидских войн. Среди тех, кто теперь придавал ей более широкий размах, можно назвать Пифагора из Ригиума и Мирона, уроженца Элевтерия. Первый выполнял работы из бронзы, изображающие состязания героев и атлетов; но в этой области его превзошел Мирон, который также отличался своими изображениями животных. Энергия скульптуры, однако, должна была быть еще более непосредственно сконцентрирована и усовершенствована в новой школе. Эта школа находилась в Афинах, а ее учителем был Фидий, афинский живописец, скульптор и архитектор, процветавший около 460 года до н. э. "С этого момента, - отмечает Льюбке, [Сноска: "Очерки истории искусства" Вильгельма Льюбке; издание Кларенса Кука] "начинается период того удивительного подъема эллинской жизни, который был ознаменован славной победой над персами. Теперь, впервые, национальный эллинский ум поднялся до высочайшего сознания благородной независимости и достоинства. Афины сосредоточили в себе, как в фокусе, все изобилие и многогранность греческой жизни и прославили ее в прекрасном единстве. Теперь впервые глубочайшие мысли эллинского ума были воплощены в скульптуре, а фигуры богов поднялись до той торжественной возвышенности, в которой искусство воплощает идею божественности в чисто человеческом облике. Эта победа нового времени над старым была одержана силой Фидия, одного из самых замечательных художников-мыслителей всех времен".

Перикл поручил Фидию руководство общественными работами, возведенными или украшенными этим щедрым правителем, и его же руками были добавлены к ним самые ценные украшения. Но еще до того, как он был призван к этой работе, его статуи украшали самые знаменитые храмы Греции. "Эти неподражаемые работы, - говорит Гиллиес, [Сноска: Gillies's "History of Ancient Greece", p. 178] - заглушили голос зависти; и самые выдающиеся художники Греции - скульпторы, живописцы и архитекторы - стремились получить указания и повторить труды Фидия, которые непрерывно, в течение пятнадцати лет, работали над украшением его родного города." Главной особенностью Фидия была идеальная красота самого возвышенного порядка в изображении божеств и их поклонения; он заменил слоновую кость мрамором в тех частях статуй, которые были непокрыты, таких как лицо, руки и ноги, в то время как для покрытой части он заменил чистое золото вместо дерева, скрытого настоящей драпировкой. Стиль и характер его работ хорошо описаны Льюбке следующим образом:

"То, что Фидий особенно преуспел в создании изображений богов, и то, что он предпочитал в качестве предметов для своего искусства тех из божеств, сутью природы которых было духовное величие, отмечает фундаментальную характеристику его искусства и объясняет его превосходство не только над всем, что было создано до его времени, но и над всем, что было современно ему, и над всем, что пришло после него. Обладая той непревзойденной мастерской силой в изображении физической формы, которой греческое искусство незадолго до его времени достигло путем неустанных усилий, его возвышенный гений был призван применить эти результаты к воплощению высочайших идей и тем самым наделить искусство характером возвышенности, а также атрибутами совершенной красоты. Поэтому о нем говорят, что только он видел изображения богов и только он сделал их видимыми для других. Даже в истории о том, что, подражая другим мастерам, он сделал амазонку и был побежден в состязании своим великим современником Поликлетом, мы видим подтверждение идеальной направленности его искусства. Но то, что его работы воплотили в себе самые высокие представления народа и воплотили идеал эллинской концепции

божества, доказывает всеобщее восхищение античного мира. Эта возвышенность замысла сочеталась в нем с неисчерпаемым изобилием творческой фантазии, несравненной тщательностью в завершении работы и виртуозной силой в преодолении любых трудностей, как в техническом исполнении, так и в материале".

Вероятно, первой важной работой, выполненной Фидием в Афинах, было колоссальное бронзовое изображение Минервы, которое стояло на Акрополе. Его высота составляла почти семьдесят футов, и он был виден за двадцать миль от моря. Она была воздвигнута афинянами в память о победе над персами с трофеями Марафона. Бронзовая статуя меньшего размера, выполненная по тому же образцу, также была воздвигнута на Акрополе. Но величайшей из работ Фидия в Афинах была статуя Минервы из слоновой кости и золота в Парфеноне, воздвигнутая на добычу, взятую в Саламине. Она была высотой в сорок футов и изображала богиню "не с поднятым щитом, как энергичная защитница своего народа, а как мирное, защищающее и дарующее победу божество". Теперь Фидия позвали в Элиду, и там он выполнил свою венчающую работу - статую Юпитера из золота и слоновой кости в Олимпии. "Отец богов и людей восседал на великолепном троне в целле своего олимпийского храма, его голова была окружена золотым оливковым венком; в правой руке он держал Нику, которая несла в руках филейную часть победы и золотой венок на голове; в левой руке покоился богато украшенный скипетр". Трон был украшен золотом и драгоценными камнями, и на нем было изображено множество прославленных сцен. "Из этого неизмеримого изобилия фигур, - говорит Лютбеке, - возник облик высшего эллинского божества, величественного, торжественного и прекрасного в своем величии. Фидий представлял его как доброго отца богов и людей, а также как могущественного правителя на Олимпе. Задумывая свою тему, он наверняка держал в уме те строки Гомера, в которых Юпитер милостиво удовлетворяет просьбу Фетиды:

"Когда он так говорил, сын Сатурна кивнул
Кивнул своими темными бровями. Амброзные кудри
На бессмертной голове владыки
Всколыхнулись, и вместе с ними задрожала могучая гора
Олимп содрогнулся". [Сноска: *Илиада*, I., 528-580. Перевод Брайанта].

Хотя искусство живописи было развито в Греции очень рано, несомненно, еще в 718 году до н. э., первым известным художником был Полигнот из Тасоса, который отправился в Афины около 463 года до н. э. и основал там то, что называлось "афинской школой" живописи. Аристотель называл его "живописцем характера", поскольку он первым придал разнообразие выражению лица, легкость и изящество очертаниям фигур и драпировкам. Он написал множество батальных сцен и вместе со своими современниками, Дионисием из Коллона, Миконом и другими, украсил многие общественные здания в Афинах, в частности храм Тесея, изображениями фигур, похожими на работы скульптора. Около 404 года до н. э. живопись достигла еще большей степени совершенства в руках Аполлодоруса, уроженца Афин, который разработал принципы светотени и придал искусству более драматический диапазон. Главными мастерами этой школы стали Зевксис, Паррасий и Тиманс.

ПАРРАСИУС.

Некоторые авторитеты утверждают, что из художников этого периода Паррасий был самым знаменитым, так как он, по их словам, "поднял искусство живописи до совершенства во всем возвышенном и существенном", объединив в своих работах "классическое изобретение Полигнота, волшебный тон Аполлодора и утонченный дизайн Зевксиса". Он был родом из Эфеса, но стал гражданином Афин, где одержал множество побед над своими

современниками. Одна из них зафиксирована Плинием как одержанная в публичном поединке с Зевксисом. Последний показал картину с изображением винограда, который был настолько натуральным, что обманул птиц, которые прилетели и стали его клевать. Затем Зевксис попросил снять занавес, который должен был заслонять картину Паррасия, и тут выяснилось, что картина Паррасия - это всего лишь изображение занавеса, наброшенного на раму. Поэтому награда была присуждена Паррасию на том основании, что если Зевксис обманул птиц, то Паррасий обманул самого Зевксиса.

Римский философ Сенека также рассказывает о Паррасиусе следующую историю: Занимаясь созданием картины "Связанный Прометей", он взял в плен старого олинфянина и подверг его пыткам, чтобы тот уловил и перенес на холст естественное выражение самого ужасного из смертных страданий. Можно надеяться, что эта история - вымысел, но на нее часто ссылаются поэты, а американский поэт УИЛЛИС изобразил предполагаемую сцену в линиях, едва ли менее ужасных по своей окраске, чем те бледные оттенки смертной агонии, которые, как мы можем предположить, использовал художник-живописец.

Паррасий и его пленница.

Паррасий стоял, забывшись.
На свой холст. Там лежал Прометей,
прикованный к холодным скалам горы Кауасус.
Стервятник в его жилах, и звенья
хромого лемнийца, гноящиеся в его плоти;
[Сноска: *Вулкан* - олимпийский художник, который,
сброшенный с небес, упал на остров
Лемнос в Эгейском море. Он выковал цепь.
которой был связан Прометей].
И, когда ум художника проникал в туманные дали,
и выхватывал тени.
С его далеко идущей фантазией, и с формой
и цветом, его тонкий, серьезный глаз
вспыхивали страстным огнем; и быстрый завиток
тонких ноздрей и дрожащих губ,
Как крылатый бог, дышащий после полета.
[Сноска: Крылатый бог Меркурий].

"Приведите мне пленника сейчас же!
Мои руки искусны, и тени отходят
С моего пробужденного духа легко и быстро,
И я могу нарисовать лук.
На склоненных небесах вокруг меня играют
Краски такой божественности сегодня.

"Ха! Привяжите его к спине!
Смотрите! Как Прометей на моей картине!
Быстрее, или он потеряет сознание! Стойте с сердечным средством рядом!
А теперь согните его на дыбе!
Вдавите отравленные звенья в его плоть,
И разорвите эту заживающую рану!

"Так, пусть он корчится! Как долго
Он будет жить так? Быстрее, мой добрый карандаш, сейчас же!

Какая прекрасная агония на его челе!

Ха! Седовласый, а такой сильный!

Как страшно он подавляет этот короткий стон!

Боги! Если бы я только мог нарисовать предсмертный стон!

"Жаль тебя! И я жалею.

Мне жаль немую жертву у алтаря;

Но разве священник в одеянии от жалости дрогнет?

Я бы тебя на дыбу поднял, хоть и знал.

Тысяча жизней погибает в твоей!

Что такое десять тысяч для такой славы, как моя?

"И все же есть имя без смерти!

Дух, которого не отвратят удушливые своды,

И, как непоколебимая планета, взойдет и сгорит;

И, хотя его корона пламени

В прах испепелил мой мозг, когда он сиял,

Всеми огненными звездами я бы связал его!

"И хотя он заставил меня стрелять

Последний источник моего сердца для его ненасытной жажды;

Хоть каждый нерв, на котором держится жизнь, будет сведен с ума;

Пусть даже мне придется заглушить

Тоску в моем горле по моему милому ребенку,

И дразнить его мать, пока мой мозг не сойдет с ума...

"Все... все сделаю.

Чем умереть, как тупой червь, гнить...

Ввергнутый в землю, чтобы быть забытым!

О небеса! Но я ужасаю

Твое сердце, старик! Простите!

Пусть он не падает в обморок - бейте его, пока он не оживет!

"Напрасно, напрасно, напрасно. Его глаз

быстро стекленеет. Он вас не чувствует;

Отойдите! Я нарисую смертную росу на его челе.

Боги, если он не умрет.

Но на одно мгновение - на одно - пока я не затмлю

Презрением этих спокойных губ!

"Дрожь! Он бормочет

Теперь сокрушенно: это был трудный вздох...

Еще? Неужели ты никогда не придешь, о Смерть?

Посмотри, как трепещет его висок!

Сердце его неподвижно? Ага! Поднимите его голову!

Он вздрагивает, задыхается - да поможет ему Бог! Значит, он мертв!"

Как дьявол в сердце

правит неукротимое честолюбие! Пусть однажды

сыграть монарха, и его надменное чело

Засияет красотой, смущающей мысли,
И навсегда нарушит покой. Надев
пышность Люцифера, он превращает
Сердце в пепел, и в нем не остается ни единого источника
В груди для губ духа не осталось,
Мы смотрим на наше великолепие и забываем
Жажду, от которой мы погибаем!

II. АРХИТЕКТУРА.

В архитектуре ты тоже верховный!
То искусство, где наиболее величественным предстает
Маленький строитель, человек, тобою утончен,
И, высоко улыбаясь, до полного совершенства доведен.
-ТОМСОН.

Мы уже говорили в общих чертах о памятниках искусства, которыми отличалась эпоха афинского величия, и отметили, что именно в "век Перикла" афинский гений и энтузиазм нашли свое полное развитие в возведении или украшении тех чудес архитектуры, которые венчали афинский Акрополь или окружали его основание. Следующее красноречивое описание, принадлежащее перу Бульвера, передаст яркое представление о масштабах и блеске трудов, понесенных для

украшения Афин.

"Затем быстро развивались те великолепные ткани, которые казались, по изящному выражению Плутарха, наделенными расцветом вечной молодости. Дома горожан по-прежнему оставались простыми и неукрашенными, улицы - узкими и неровными, и даже спустя столетия чужестранец, попавший в Афины, не сразу бы распознал в них хозяйку греческого искусства. Но на фоне домашнего уюта обычных улиц и частных особняков великолепие общественных зданий составляло ослепительный контраст. Акрополь, возвышавшийся над домами и улицами людей - место, слишком священное для человеческого жилья, - стал, выражаясь пословицей, "городом богов". Гражданину повсюду напоминали о величии государства, его патриотизм усиливался гордостью за ее красоту, его вкус возвышался зрелищем ее великолепия.

"Таким образом, в Афины стекались все, кто во всей Греции был выдающимся деятелем искусства. Скульпторы и архитекторы соревновались друг с другом в украшении юной императрицы морей: тогда поднялись шедевры Фидия, Калликла, Мнесикла, которые, либо в своих разбитых останках, либо в слабых копиях менее вдохновенных подражателей, все еще вызывают столь сильное удивление и служат образцами столь бессмертного. И если, так сказать, их кости и реликвии вызывают у нас благоговение и зависть, свидетельствуя о более прекрасной и великой расе, которую снесло потоком времени, то каков должен был быть в те времена их блестящий эффект, неизменный в своих справедливых пропорциях, свежий во всех своих чертах и оттенках? Ведь их красота не ограничивалась симметрией арок и колонн, а материалы не ограничивались мрамором Пентеликуса и Па'роса. Даже внешняя отделка храмов сияла богатейшей гармонией красок и была украшена чистейшим золотом: атмосфера, благоприятствующая проявлению и сохранению искусства, позволяла внешним фронтонам и фризам всю мелочность орнамента - яркость красок, какую еще можно увидеть в интерьере итальянских церквей, - но в последнюю очередь - вульгарность и варварский вкус. Не пожалели афиняне и средств на работы, которые, подобно гробницам и

треножникам их героев, должны были стать памятниками нации для далеких веков и передать самые неопровержимые доказательства того, "что могущество древней Греции не было пустой легендой". [Сноска: "Афины: их взлет и падение", стр. 256, 257].

1. АКРОПОЛЬ И ЕГО ВЕЛИКОЛЕПИЕ.

Акрополь, крепость Афин, был центром их архитектурного великолепия. Он представляет собой скалистую высоту, круто поднимающуюся из Аттической равнины, и был доступен только с западной стороны, где стояли Пропилеи, великолепное сооружение дорического ордера, построенное под руководством Перикла архитектором Мнесиклом, и служившее как воротами, так и защитой Акрополя. Но главной славой последнего был Парфенон, или храм Минервы, построенный во времена Перикла Иктионом и Калликсом и возвышавшийся на самой высокой точке, недалеко от центра. Он был построен полностью из прекраснейшего белого мрамора с горы Пентелик, а его размеры составляли двести двадцать восемь футов на сто два - с восемью дорическими колоннами в каждом из двух фронтов и семнадцатью в каждом из боков, а также внутренним рядом из шести колонн в каждом конце. Потолок западной части главного здания поддерживали четыре внутренние колонны, а восточной - шестнадцать. Вся высота здания над платформой составляла шестьдесят пять футов. Внутри и снаружи здание было украшено великолепными произведениями искусства, выполненными различными художниками под руководством Фидия, но главным чудом была статуя Девы-богини из золота и слоновой кости, работа самого Фидия, описанная в другом месте.

Это великолепное сооружение оставалось целым до 1687 года, когда во время осады Афин венецианцами на преданный Парфенон упала бомба и, поджигая порох, который турки хранили там, полностью разрушила крышу и превратила все здание почти в руины. Однако восемь колонн восточного фасада и несколько боковых колоннад все еще стоят, и все это, как ни обветшало, сохраняет атмосферу невыразимого величия и возвышенности.

Парфенон.

Прекрасный Парфенон! И все же фантазия должна оплакивать

О тебе, творение более благородных духов.

Яркие, как в старину, лучи солнца спят над тобой

Во всей своей красоте, а твоя ушла!

Империи пали с тех пор, как тебя впервые стали почитать,

И разные обряды освящали твою святыню.

Вокруг тебя прах тех, кто воздвиг

стены твои, а ты - их судьба все равно должна быть твоей!

Но когда же земля вновь возликует, увидев

Божественные видения, подобные их, возобновились в таком существе, как ты?

Одиноки теперь твои столпы - каждый шторм

Вздыхает над ними, как голос духа, что стонал

об этом одиночестве и поведал плачевную историю

О светлом синоде, некогда над ними престольном.

Скорби, изящная руина! На священном холме твоём

Твои боги, твои обряды, родственная судьба:

Но в каждом фрагменте ты чтишь до сих пор

Что пощадили годы и варварские руки;

Каждый освященный камень, от ярости насильника унесенный,
И пробудит светлые сны о тебе в еще не рожденных веках.

Да, в этих фрагментах, хоть и изуродованных временем,
и грубыми, бесчувственными завоевателями, все же осталось
Все, что может очаровать просвещенный вкус,
На берегах, где все еще царит вдохновляющая свобода.
Как живительный аромат дышит из каждой части
Из раздавленного мирта или увядшей розы,
Так и основная энергия искусства
В каждом обломке нетленно сияет!
Душа Афин живет в каждой строчке,
Пронизывая ярким светом руины ее святыни.
-МРС. ХЕМАНС.

К северу от Парфенона стоял Эрехтейум, неправильное, но красивое сооружение ионического ордера, посвященное поклонению Нептуну и Минерве. Его значительные остатки сохранились до сих пор. Помимо упомянутых великих сооружений Акрополя, украшенных самыми изысканными картинами и скульптурами, вся платформа холма была покрыта огромной архитектурной и скульптурной композицией, состоящей из храмов, памятников и статуй богов и героев. Весь Акрополь был одновременно и крепостью, и священной оградой, и сокровищницей афинского народа, образуя самый благородный музей скульптуры, самую богатую галерею живописи и лучшую школу архитектуры в мире.

2. ДРУГИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ АФИН.

Под южной стеной Акрополя находился театр Вакха, вмещавший тридцать тысяч человек, сиденья которого, возвышавшиеся одно над другим, были вырублены в наклонной скале. С востока к нему примыкал Одеум - крытый театр меньшего размера, построенный Периклом и имитирующий по форме шатер Ксеркса. С северо-восточной стороны находился Пританеум, где стояло множество статуй и где за государственный счет содержались граждане, оказавшие услуги государству. На небольшом расстоянии к северо-западу от Акрополя, отделенный от него лишь впадиной, находился небольшой выступ под названием Ареоп'агус, или Холм Марса, на восточной оконечности которого располагался знаменитый суд Ареопага. Примерно в четверти мили к юго-западу находился Пникс - место, где в Афинах проводились общественные собрания в дни их расцвета, и место, которое всегда будет ассоциироваться с известностью Демосфена и других знаменитых ораторов. Ступени, по которым оратор поднимался на трибуну, и ярус из трех мест для зрителей, вырубленный в твердой скале, видны до сих пор.

Единственный другой памятник искусства, о котором мы упомянем в этой связи, - это знаменитый храм Тесея, построенный из мрамора Кимоном как место упокоения костей выдающегося героя. [Сноска: Кимон завоевал остров Скирос, прибежище пиратов, и привез оттуда в Афины то, что, как предполагалось, было костями Тесея]. Он построен в дорическом стиле, имеет размеры сто четыре фута на сорок пять, окружен колоннами, которых шесть по фронту и тринадцать по бокам. Крыша, фриз и карнизы этого храма мало пострадали от времени, и в целом это один из самых благородных остатков древнего великолепия Афин и самый почти совершенный, если не самый красивый, существующий образец греческой архитектуры.

Храм Тесея.

Здесь мы остановимся, чтобы посмотреть на притвор
славы Тесея. С каким суровым величием
Он возвышается своей грозной и вечной мощью,
Все еще совершенная, все еще неизменная, как в тот день.
когда собравшаяся толпа народа
С криками возвестили о свершившемся деле и пали
и падали ниц, чтобы поклониться
его мраморным великолепию!

Как золотой отблеск
Полуденный свет падает на его изящную форму,
Оттеняя каждый рифленный вал, каждый фриз,
и дорический триглиф! Как лучи среди
открывающихся колонн, скользили от точки к точке,
как лучи среди открывающихся колонн, переходя из точки в точку, струятся по мраку
длинного портика!

Как длинный фронтон,
Утопающий в тенях, нависает над ним и навевает
Торжественность и благоговейный трепет!

Гордый памятник былого великолепия!
До сих пор ты жив; и завистливое время
Не нарушило твоей красоты, но лишь придало ей
Более глубокий оттенок и приглушило отполированный блеск
Твоей респектабельной белизны.
-ХАЙГАРТ.

Вот так выглядят некоторые архитектурные чудеса Афин. Как говорит Бульвер, "великой особенностью этих произведений было то, что они были полностью творением народа. Без народа Перикл не смог бы построить храм или нанять скульптора. Чудеса того дня были результатом энтузиазма населения, еще молодого, полного первой страсти к прекрасному, посвящавшего государству, как любовнице, трофеи, завоеванные с честью, или сокровища, добытые с вредом, и объединявшего ресурсы нации с энергией отдельного человека, потому что труд и затраты несли те, кому удалось насладиться и присвоить славу". Талфур в своем "*Афинском пленнике*" называет все то, что составляло Афины в дни их славы

Открывающийся мир,
Проницательнее, чем душа человека еще
Был одарен воображеньем - Истины безмятежные
В красоте явленной, что будет сиять
В вечной свежести, не тронутой
смертной страсти, чистые среди крови
И пыль завоеваний, никогда не стареющих,
Но в потоке времени, из века в век,
Отбрасывая яркие образы небесной юности.
Чтобы сделать мир менее скорбным.

ГЛАВА XIII.

СПАРТАНСКИЕ И ФИВАНСКИЕ ВЕРХОВНЫЕ ВЛАСТИ.

I. ЭКСПЕДИЦИЯ КИРА И ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ.

Помощь, оказанная Киром Персидским Спарте в ее борьбе с Афинами, о которой говорилось в предыдущей главе, была предоставлена с тем расчетом, что Спарта окажет ему помощь против его старшего брата, Артаксеркса Мнемона, если он когда-нибудь потребует ее. Поэтому, когда последний занял персидский престол после смерти своего отца, Кир, оставаясь правителем приморского региона Малой Азии, приготовился узурпировать царскую власть своего брата. Для этого он собрал армию из ста тысяч персов, которую усилил вспомогательным отрядом из тринадцати тысяч греков, набранных в основном из городов Азии, находившихся под властью Спарты. На греческие войска, которыми командовал спартанец Кле-архус, Кир возлагал главную надежду на успех.

С этими силами Кир весной 401 года прошел от Сард до Вавилона на расстоянии семидесяти миль, не встретив ни малейшего сопротивления. Здесь, однако, его встретил Артаксеркс во главе девятист тысяч человек. Сначала эта огромная сила была отброшена назад, но в ходе последовавшего конфликта Кир опрометчиво напал на стражу, окружавшую его брата, и был убит. Его персидские войска немедленно бежали, оставив греков почти одних, в присутствии огромной вражеской силы и более чем в тысяче миль от какой-либо дружественной территории. Победоносный враг предложил грекам условия размещения, но, пригласив Клеарха и других вождей на конференцию, вероломно предал их смерти. Теперь грекам не оставалось ничего другого, как покориться персам или с боем вернуться на свою землю. Они мужественно выбрали последний путь и, избрав своим предводителем молодого афинянина Ксенофонта, после четырехмесячного похода, сопровождавшегося большими страданиями и почти постоянными схватками с храбрыми и воинственными племенами, десять тысяч из их числа сумели достичь греческих поселений на Черном море. Оглашая свою радость громкими криками "Море! Море!" Греческие герои выражали свое ликование в слезах и взаимных объятиях.

Таким образом, по всему континенту десять тысяч греков
Призывали к отступлению, чьей славы не достичь
побед не достичь. Пустыни тщетно
Препятствовали их пути; и враждебные земли, неизвестные;
И глубокие, хищные потоки, несущие смерть;
И горы, в чьих челюстях усмехалась гибель;
Голод и труд; армянские снега и бури;
И кружащие мириады варварских врагов.
Греция в их поле зрения, и слава еще не тронута,
Их ровная колонна пронзила разбегающиеся стада.
Которых целая империя нахлебалась; и держала свой путь
Триумфально, мудрый, возвышенный вождь
Устремленный и поддерживаемый.

О свет и сила духа!
Почти могучая в суровых крайностях!
Наконец-то море с Колхидских гор увидели,
Добросердечный транспорт вокруг своих капитанов бросил
Солдат ласково обнял; взор их разлился

Нежными потоками, и общий голос
В крики громкие: "Море! Море!"
-ТОМСОН.

Ксенофонт, ставший впоследствии историком своей страны, оставил восхитительное повествование об этой экспедиции и "Отступлении десяти тысяч" в своем *"Анаб'асисе"*, написанное с большой ясностью и необыкновенной скромностью. Ссылаясь на экспедицию и на рассказ историка о ней, ДР. КУРТИУС делает следующие интересные замечания:

"Хотя эта военная экспедиция не имеет непосредственного значения для политической истории, она имеет большое значение не только для наших знаний о Востоке, но и для знаний о греческом характере; поэтому точное описание, которым мы обязаны Ксенофону, является одним из самых ценных документов древности. Мы видим группу греков самого разного происхождения, вырванных из всех привычных сфер жизни, в чужой четверти земного шара, в длинной череде непрерывных перемещений и ситуаций, постоянно меняющихся и полных опасностей, в которых настоящая природа этих людей не могла не проявиться с самой совершенной правдивостью. Эта армия - типичная многоцветная схема греческого населения, изображение в небольшом масштабе всего народа, со всеми его достоинствами и недостатками, сильными и слабыми сторонами, блуждающее политическое сообщество, которое, согласно домашним обычаям, проводит свои собрания и принимает решения, и в то же время дикая и нелегко управляемая группа вольноотпущенников. Это люди, в полной мере взбудораженные беспокойным духом времени, который уничтожил в них привязанность к родной земле; и все же как крепко они держатся за ее древнейшие традиции! Видения во сне и знамения, посылаемые богами, решают самые важные вопросы, как в гомеровском лагере перед Троей: усердно возжигаются жертвы, поются пеаны, воздвигаются алтари, устраиваются игры в честь богов-спасителей, когда, наконец, вид долгожданного моря вновь оживляет их бодрость и мужество.

"Эту толпу собрали вместе любовь к корысти и поиск приключений; и все же в критический момент в них проявляется живое чувство чести и долга, возвышенный героический дух и верный такт в понимании того, какие советы лучше всего принять. Здесь также видна взаимная ревность, существующая между несколькими племенами нации; но чувство их принадлежности друг другу, сознание национального единства преобладают над всеми; и огромная масса способна к достаточному здравому смыслу и самоотречению, чтобы подчинить себя тем, кто опытом, умом и нравственным мужеством доказывает, что он пригоден для командования. И как примечательно, что в этой смешанной толпе греков именно афинянин своими качествами возвышается над всеми остальными и становится настоящим хранителем всей армии! Ксенофонт сопровождал армию только в качестве добровольца, но именно он, повинаясь внутреннему зову, пробудил в своих товарищах высшее, эллинское сознание, мужество и благоразумие, и привел к первым спасительным решениям. Обладая афинским превосходством культуры, которое позволило ему служить этим воинам в качестве представителя, переговорщика и генерала, он, в сущности, был обязан тем, что, несмотря на невыразимые испытания, они наконец достигли побережья." [Сноска: "История Греции", т. iv., с. 191, 192].

II. ГОСПОДСТВО СПАРТЫ.

После падения Афин Спарта стала хозяйкой Греции. Ее могущество и его собственное богатство побудили Лисандра снова появиться в общественной жизни. Сначала он попытался свергнуть оба царственных рода Спарты и, сделав корону выборной, обеспечить

себе восшествие на престол. Но это ему не удалось, хотя после смерти Агиса, царя Спарты, ему удалось сместить Лео-тихия-деза, сына и законного наследника Агиса, и передать этот пост Агесилаю, брату покойного царя. Правление Спарты стало гораздо более деспотичным, чем афинское, и вскоре некоторые греческие государства, находившиеся под ее властью, объединились в лигу против нее.

Участие греческих городов Азии в экспедиции Кира втянуло их в войну с Персией, в которой им помогали спартанцы. Агесилай вошел в Азию со значительными силами (396 г. до н. э.) и в следующем году разбил персов в великой битве на равнинах Сардиса в Лидии. Но в 394 году спартанский царь был призван домой, чтобы предотвратить опасность, угрожавшую его стране в войне, которую разжег персидский царь, чтобы спасти свои владения от разорения спартанцами. Персидский царь снабдил Афины флотом, который разгромил спартанский флот при Книдусе, а персидское золото восстановило стены Афин. Вскоре последовало сражение между спартанцами с одной стороны и фиванцами и афинянами с другой, в котором первые потерпели поражение, а Лисандр был убит. С другой стороны, Афины и их союзники потерпели поражение в том же году в окрестностях Коринфа и на равнинах Коронеи. Наконец, после того как война продолжалась восемь лет и Спарта практически утратила свое морское могущество, по инициативе Спарты был заключен Анталкидов мир с Персией, ратифицированный всеми участвовавшими в войне государствами (387 г. до н. э.).

По договору с Персией Афины вернули себе три острова, которые были вынуждены отдать Спарте при Лисандре; но греческие города в Азии были отданы Персии, и Афины и Спарта потеряли своих бывших союзников. Именно недостойная ревность греков, которую персидский царь умел стимулировать, побудила их отдать варвару свободные города Азии; и это самый мрачный оттенок в картине. Хотя Спарта решительнее всех поддерживала условия договора, Афины оказались в наибольшем выигрыше, поскольку вновь стали независимым и могущественным государством.

Вскоре амбиции и обида за прошлые обиды вовлекли Спарту в новые войны. Когда истек срок тридцатилетнего перемирия с Мантинеей, она заставила этот город, который раньше был невольным союзником, разрушить стены и расчленить свою территорию на четыре или пять деревень, из которых она была образована. Каждая из этих частей теперь оставалась неукрепленной и находилась под управлением отдельного олигархического правительства. Спарта сделала это под предлогом того, что мантиinei снабжали одного из ее врагов провизией во время предыдущей войны и уклонялись от службы в спартанской армии. Ревность Спарты была вызвана растущей силой Олинфа, мощной конфедерации на юго-востоке Македонии, которая вступила в войну с несколькими соперничающими городами, и спартанцы с готовностью приняли приглашение одного из них послать армию на помощь.

Экспедиция против Олинфа привела к важному событию. Когда одна из дивизий спартанской армии проходила по фиванским территориям, она свернула в сторону, и спартанский генерал вероломно захватил Кадмею, или фиванскую цитадель, хотя между Фивами и Спартой существовал мир (382 г. до н. э.). Политическая мораль Спарты ярко проявилась в аргументах, которыми спартанский царь оправдывал это явное и вероломное нарушение Анталкидова договора. Он заявил, что спартанский народ должен был решить только один вопрос: выиграет он или проиграет от этой сделки. Подтвердилось утверждение афинян, сделанное ранее: "Из всех государств Спарта наиболее ярко показала своим поведением, что в своих политических сделках она измеряет честь склонностью, а справедливость - целесообразностью".

После захвата фиванской цитадели наиболее патриотично настроенные граждане бежали в Афины, в то время как здесь правила фракция, поддерживаемая спартанским гарнизоном. Теперь Фивы стали членом спартанского союза и предоставили свои силы для войны с Олинфом. После четырехлетней борьбы Олинф капитулировал, Олинфская конфедерация была таким образом распущена, а города, входившие в нее, были вынуждены присоединиться к спартанскому союзу. Как отмечает современный историк, "таким образом Спарта нанесла большой удар по Элладе, ведь Олинфская конфедерация могла служить противовесом растущей мощи Македона, которому вскоре суждено было захватить всю остальную Грецию". Могущество Спарты достигло своего наивысшего расцвета, но, поскольку она со всех сторон была связана с врагами греческой свободы, ее непопулярность была велика, и ее господство было обречено на быстрый упадок.

III. ВОЗВЫШЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ФИВ.

Фивы уже почти четыре года находились в руках спартанцев, когда несколько решительно настроенных жителей города восстали против тиранов и, при поддержке изгнанников, укрывшихся в Афинах, и некоторых афинских добровольцев, заставили спартанский гарнизон капитулировать (379 г. до н. э.). Во главе революции стояли два фиванских гражданина, Пелоп'идас и Эпаминон'дас, молодые люди знатного происхождения и состояния, уже отличавшиеся патриотизмом и личными достоинствами. Поэт Томсон характеризует их так

Равные лучшим; фиванская пара
Чьи добродетели, в героическом согласье соединенные,
Их страна вознеслась к свободе, империи, славе.

Благодаря своим способностям они возвели Фивы, до этого имевшие лишь небольшое политическое значение, на первое место по могуществу среди греческих государств. Историк Кюрий так описывает их: "Пелопид был героическим чемпионом и первопроходцем, который, подобно Мильтиаду и Кимону, с полной энергией решал задачи, стоящие непосредственно перед ним; Эпаминондас же был государственным деятелем, чей взгляд был шире, который организовал государство внутри страны и установил его внешние отношения по тщательно продуманному плану. Он создал основы фиванской власти, как Фемистокл и Аристид - афинской; и поддерживал их, пока был жив, энергией своего ума, как другой Перикл. И действительно, трудно найти во всей греческой истории двух других великих государственных деятелей, которые, несмотря на различия в характере и внешних условиях жизни, так сильно походили друг на друга и были, как люди, так искренне равны друг другу, как Перикл и Эпаминондас".

Успехи Фив возродили ревность и недоверие Афин, которые заключили мир со Спартой, а впоследствии заключили с ней союз. Но фиванцы продолжали добиваться успеха, и при Тегире Пелопид разбил значительно превосходящие силы и убил двух спартанских полководцев, а при Лейктре Эпаминондас с шестью тысячами фиванцев разбил лакедемонское войско, более чем вдвое превосходящее по численности (371 г. до н. э.). Лектру называют "Марафоном фиванцев", так как благодаря ей их оборонительная война превратилась в завоевательную. При поддержке аркадийцев, арфиев и элейцев Эпаминондас вторгся в Лаконию и появился перед воротами Спарты, где враждебные силы не появлялись уже пятьсот лет; но он не стал покушаться на город и, уничтожив огнем и мечом долину Евротас, вернулся к границам Аркадии. В 367 году до н. э. была предпринята еще одна экспедиция в Пелопоннес, и города Ахайи сразу же покорились, став союзниками Фив. В 362 году Пелопоннес был захвачен в последний раз, и при Мантинее Эпаминондас

победил спартанцев в самом кровопролитном поединке, когда-либо происходившем среди греков; но он пал в момент победы, и слава Фив ушла вместе с ним. Перед смертью, получив известие о том, что те, кого он предполагал сделать своими преемниками на посту командующего, были убиты, он приказал фиванцам заключить мир. Его совету последовали, и вскоре после этого был заключен всеобщий мир на условии, что каждое государство сохранит свои владения.

ГЛАВА XIV.

СИЦИЛИЙСКИЕ ГРЕКИ.

Прежде чем перейти к истории падения Греции и ее порабощения иностранной державой - результат, который вскоре последовал за только что рассказанными событиями, - мы отвлечемся, чтобы обратить внимание на дела сицилийских греков, особенно представленные в истории Сиракуз, во всех отношениях самого сильного и выдающегося из сицилийских городов.

ИЕРО.

После смерти Ге'лона, деспота Сиракуз, через год после битвы при Гимере, власть перешла в руки его брата Хи'еро, человека очень энергичного и решительного. Он основал город Этну, о котором говорит Пиндар:

Этот город, основанный крепко
В свободе божественной,
Измеренный спартанским строем,
Иеро утвердил в наследии своем;
Чья колония, крепко посаженная, принадлежит
Законы родной страны,
Из далекого века.

Он также присоединил к своему правительству множество городов, и его власть не уступала власти Гелона. Город Кумæ на итальянском побережье, притесняемый карфагенянами, обратился за помощью к Иеро, и тот послал флот, который нанес тяжелое поражение и почти уничтожил эскадру врагов. Об этом событии рассказывает Пиндар:

Этот предводитель сиракузского войска,
С галлами стремительно мчась, их преследовал;
И они оплакивали его наступление,
Когда на половецком берегу
Он их юность в залиvistых волнах сгубил,
И спас Грецию от тяжкого рабства.

Иеро был также щедрым покровителем литературы и искусств, приглашая к своему двору многих выдающихся поэтов и философов своего времени, включая Пиндара, Симонида, Эпихарма, Эсхила и других; но его многие великие и благородные качества были подпорчены ненасытной скупостью и честолубием, и он стал известен "как жестокий и алчный правитель и как организатор систематического шпионажа, который уничтожил всякую свободу слова среди его подданных". Хотя выдающиеся люди, посетившие его двор, могут многое сказать в похвалу Иеро, Пиндар, особенно Пиндар, был слишком честен и

независим, чтобы игнорировать его недостатки. Как говорит Грот, "косвенные наставления и намеки Пиндара в достаточной мере свидетельствуют о реальном характере Иеро". В качестве примера можно привести следующие строки из Пифийской оды:

Легчайшее слово, что падает от тебя, о царь!
Становится могучим и судьбоносным:
Над многими поставлен как арбитр на высоте,
Многие следят за твоими путями.
Пути твои со всех сторон
И множество верных свидетелей;
Тогда пусть твой либеральный нрав будет твоим руководством.
If ever to thine ear
Славы тихий шепот еще был дорог,
Не останавливай прилив щедрот своих:
Встань к штурвалу государства; на полную катушку
Расправь свой парус, собирающий ветер.
Друг! Не позволяй жадности распускать
Свои приманки, чтоб сбить тебя с пути славы:
Ибо знай, слава имени
За могучими мертвецами следует.
-Перевод ЭЛТОНА.

После смерти Иеро, в 467 году до н. э., его сменил брат Фрасибулус; но тирания последнего вызвала народное восстание, и после поражения в битве с подданными он был изгнан из страны. За его изгнанием последовало пресечение династии Гелонов в Сиракузах и учреждение народного правительства там и в других сицилийских городах. Однако эти свободные правительства породили внутренние восстания и войны, которые продолжались много месяцев; в конце концов был проведен общий съезд разных городов, на котором удалось уладить трудности, нарушавшие покой всей Сицилии. Теперь различные города стали независимыми - хотя, вероятно, правительства всех из них продолжали быть в большей или меньшей степени обеспокоенными - и вскоре стали отличаться своим материальным и интеллектуальным процветанием. Сиракузы сохранили за собой статус первого по силе города; в таком состоянии процветания сицилийские города оказались к началу Пелопоннесской войны.

ДИОНИСИЙ СТАРШИЙ.

Мы уже рассказывали об афинской лиге и экспедиции против Сиракуз. Вскоре после окончания этого поединка конституция Сиракуз стала еще более демократичной благодаря принятию нового свода законов, подготовленного Диоклом, выдающимся гражданином, который стал руководителем правительства. Но карфагеняне снова вторглись на Сицилию и утвердились на всей ее западной половине. Воспользовавшись народной тревогой, вызванной этими нападениями, и неудачами Диокла и сиракузских полководцев в противостоянии им, Дионисий Старший, тогда еще молодой человек, низкого происхождения, но храбрый, решительный и талантливый, возведенный народом в генералы сиракузской армии, впоследствии стал деспотом города (405 г. до н. э.). Дионисий правил энергично, но с крайней тиранией, в течение тридцати восьми лет. К 384 году он распространил свою власть почти на всю Сицилию и часть *Магна-Греции*, и под его властью Сиракузы стали одной из самых могущественных империй на земле. Плутарх рассказывает, что Дионисий хвастался тем, что завещал своему сыну империю, "скрепленную цепями из адаманта". Как и Гиеро, Дионисий был любителем литературы и стремился отличиться

своими поэтическими сочинениями, некоторые из которых получили призы в Афинах. Он также пригласил Платона к своему двору, но нравоучительные беседы философа были неприятны тирану, который в конце концов продал его в рабство, из которого его выкупил один из друзей.

Именно во время правления Дионисия Старшего произошел тот памятный случай из жизни Дамона и Пифия, который больше всего запомнился самому Дионисию и который вошел в историю как иллюстрация самой искренней и благородной дружбы. Дамон и Пифий были знатными сиракузянами, и оба были пифагорейцами. Пифий, убежденный республиканец, будучи схвачен за то, что назвал Дионисия тираном, и приговорен к смерти за попытку заколоть его, попросил краткую передышку, чтобы уладить свои дела, пообещав найти друга, который займет его место и примет смерть, если он не вернется. Дамон дал за себя поручительство, и Пифию разрешили уйти. Как раз в тот момент, когда Дамона собирались вести на казнь, Пифий, задержанный непредвиденными обстоятельствами, вернулся, чтобы принять свою участь и спасти друга. Дионисий был настолько поражен этими доказательствами добродетели и великодушия двух друзей, что освободил их обоих и попросил принять их в дружбу. Этот сюжет неоднократно драматизировался и стал темой для множества отдельных стихотворений. У Шиллера есть баллада на эту тему, но он усиливает эпизоды оригинальной истории и заменяет Дамона и Пифию другими именами. Ниже приводятся три первых и три последних стиха из баллады Шиллера:

Заложник.

Тирана Диониса искать,
Стерн Мо'рус с пикой пробрался;
Бдительные стражи на него надвинулись;
Мрачный король отметил его неизменную щеку:
"Что ты хочешь сделать своей палицей? Говори!"
"Город от тирана свободный!"
"Смертный крест будет твоей наградой".

"Я готов к смерти, но не молю, - ответил тот надменный человек.
Ответил тот надменный человек, "чтобы жить;
Довольно, если ты дашь мне одну милость:
На три кратких солнца смерть отсрочить,
Чтоб жениться на сестре моей в лигах от нас;
Я хвалюсь одним другом, чья жизнь за мою,
Если я крест не выдержу, - твоя".

Тиран задумался, и улыбнулся, и сказал,
С мрачным коварством: "Пусть будет так;
Три дня я тебе обеспечу.
Но учти - если, когда время пролетит,
Ты потерпишь неудачу, вместо тебя умрет твой поручитель.

Его жизнь будет стоить тебе освобождения;
Вина твоя искуплена, гнев мой утихнет".

Солнце садится, ворота уже видны,
Крест мрачно вырисовывается на земле.
Нетерпеливая толпа с ропотом обступила его.
Его друг привязан к кресту.
Толпа, охраняемая всеми, прорывается сквозь него;
"Я! Думщик, я, - кричит он, - один!
Его жизнь спасена - ло, моя собственная!"

Изумление овладело кольцом!
В объятиях друг друга пара...
Плача от радости, но мучаясь!
Все взоры были влажны: они принесли
Чудесную весть королю.
Сердце мужчины наконец-то познало его грудь,
И друзья стоят перед его троном.

Долго молчал он, долго гадал,
Взирал на эту пару. "С миром уходите,
Победители, вы покорили мое сердце!
Истина - не сон! Ее сила сильна.
Дайте милость тому, кто признает свою неправоту!
Теперь я ваш сторонник:
Ах, пусть группа Любви будет ТРЕЗВОЙ!"
-Перевод Бульвера.

Дионисий Младший стал правителем Сиракуз в 367 году, но он был некомпетентен в этом деле; его тирания и разврат привели к временному свержению, десять лет спустя, Дионом, шурином его отца. Дион пользовался необычной благосклонностью Дионисия Старшего и теперь был человеком богатым и высокопоставленным, а также обладал большой энергией и выдающимися умственными способностями. Своими талантами он был во многом обязан Платону, под влиянием учения которого он проникся "тем чувством регулируемой государственности и подчинения индивидуальной воли установленным законам, которое витало в атмосфере греческих разговоров и литературы и стояло так высоко в греческой морали". В одном из своих писем Платон говорит: "Когда я объяснял Диону принципы философии и гуманности, я мало думал о том, что незаметно для себя открываю путь к ниспровержению тирании!"

Задолго до смерти Дионисия Старшего Дион задумал освободить Сиракузы от деспотизма и установить улучшенную конституционную политику, заложенную им самим; став главным советником молодого Дионисия, он пытался убедить последнего в необходимости реформировать себя и свое правительство. Хотя поначалу планы Диона произвели на него благоприятное впечатление, молодой монарх впоследствии стал ревновать своего советника и изгнал его из страны. Собрав несколько отрядов из разных мест, Дион через десять лет вернулся на Сицилию и, получив помощь от восставших в Сиракузах, вскоре стал хозяином города. Дионисий тем временем удалился в Ортыгию, а вскоре покинул Сицилию и отправился в Италию. Но успех Диона был недолгим. "Слишком хороший для деспота и в то же время непригодный для народного вождя, он не мог долго оставаться в том шатком положении, которое занимал". И его диктатура, и его жизнь оборвались в 354 году. Он стал жертвой заговора, затеянного его самым близким другом, и был убит в собственном жилище.

Вскоре Дионисий вернулся в Сиракузы, откуда его окончательно изгнал Тимолеон, коринфянин, посланный из Коринфа по просьбе некоторых изгнанных сиракузян на помощь их родному городу (343 г. до н. э.). Тимолеон стал хозяином почти опустевших Сиракуз, вернул им былую славу, сдержал натиск Карфагена, разгромив одну из его крупнейших армий, сокрушил мелких деспотов Сицилии и вернул почти весь остров к состоянию свободы и порядка. За восстановлением свободы в Сиракузах Тимолеон последовали долгие годы беспримерного процветания. Достигнув цели, с которой он покинул Коринф, Тимолеон сразу же сложил с себя командование и стал частным гражданином Сиракуз. Но он стал советником сиракузян в их управлении и арбитром в их разногласиях, до глубокой старости наслаждаясь тем, "что Ксенофонт называет "благой, не человеческой, а божественной властью над желающими, которая явно дается людям с подлинной и высоко тренированной сдержанностью характера".

ИЕРО II.

В 317 году Агафий, дерзкий авантюрист из Сиракуз, узурпировал их власть, убив несколько тысяч граждан, и в течение двадцати восьми лет сохранял свою власть, распространив ее на большую часть Сицилии и даже добившись успехов в Африке. После его смерти в 289 году правили сменявшие друг друга тираны, пока в 270 году Иеро II, потомок Гелона и командующий сиракузской армией, не получил верховную власть. Тем временем карфагеняне завоевали прочное господство на Сицилии, и в 265 году римляне, встревоженные движениями столь могущественного соседа и приглашенные на Сицилию для оказания помощи части народа Мессаны, начали то, что в истории известно как первая Пуническая война. Иеро заключил союз с карфагенянами, и объединенные армии приступили к осаде Мессаны, но были атакованы и разбиты Аппием Клавдием, римским консулом, и Иеро, охваченный паникой, бежал в Сиракузы. Видя, что его территория опустошена римлянами, он благоразумно заключил с ними договор в 263 году. Он оставался их твердым союзником, а когда римляне стали единоличными хозяевами Сицилии, они передали ему управление значительной частью острова. Его правление было мягким, но твердым и рассудительным и продолжалось в общей сложности пятьдесят четыре года. При нем закончилось процветание и независимость Сиракуз.

АРХИМЕЙ.

Именно во время правления Иеронима II Архимед, уроженец Сиракуз и предполагаемый дальний родственник царя, совершил научные открытия и изобретения, которые обеспечили ему честь быть самым знаменитым математиком древности. Он был одинаково искусен в астрономии, геометрии, механике, гидростатике и оптике. О его открытии принципа удельной силы тяжести рассказывает следующая известная история: Иеро, подозревая, что его золотая корона была обманным путем сплавлена с серебром, отдал ее в руки Архимеда для исследования. Тот, войдя однажды в ванну и заметив, что вытесняет количество воды, равное по объему его телу, решил, что это открытие даст ему возможность определить объем и удельный вес короны царя Иеро. Выпрыгнув из ванны от восторга, он побежал домой с криком: "Эврика! Эврика!" Я нашел это! Я нашел!

Чтобы показать Иеро чудесные эффекты механической силы, Архимед, как говорят, притянул на некоторое расстояние к себе с помощью веревок и шкивов большую галеру, лежавшую на берегу; а во время осады его родного города римлянами его великое механическое мастерство проявилось в изобретении и изготовлении потрясающих двигателей для обороны. Более поздние историки, чем Полибий, Ливий и Плутарх, говорят, что по этому случаю он также сжег много римских кораблей, сконцентрировав на них солнечные лучи из

многочисленных зеркал. Шиллер приводит следующий поэтический рассказ о визите к Архимеду молодого ученого, который просил научить его искусству, снискавшему славу великого мастера:

Однажды к Архимеду пришел ученый:

"Научи меня, - сказал он, - искусству, снискавшему славу твою;

Тому божественному искусству, которое дает такие блага труду,

и осыпает такими плодами твою родную землю;

Тому божественному искусству, что опоясало город, когда весь

Месть Рима громом разразилась на стене!"

"Ты называешь Искусство богоподобным - так оно и есть на самом деле,

И было им", - ответил мастер юноше,

"Еще не были применены его секреты.

Пока оно еще не служило осажденным Сиракузам.

Спросишь ли ты у искусства, чего оно стоит?

Плодов? Для плодов иди возделывать землю.

Тот, к кому богиня стремится.

Не должен богиню, как женщину, обхаживать!"

-Перевод Бульвера.

Среди открытий Архимеда было соотношение между цилиндром и вписанной сферой, и он попросил своих друзей поместить на его могиле фигуры сферы и цилиндра. Это было сделано, и через сто тридцать шесть лет после этого римский оратор Цицерон смог найти место упокоения прославленного изобретателя. История его визита в Сиракузы и поисков гробницы Архимеда рассказана достопочтенным Р. К. Уинтропом в книге "Охрана труда". R. C. WINTHROP в лекции под названием "*Архимед и Франклин*", из которой мы приводим следующие цитаты:

Посещение Цицероном могилы Архимеда.

"Когда Цицерон был квестором в Сицилии - первый государственный пост, который он занимал, и единственный, на который он тогда имел право, будучи всего тридцати лет от роду, - он нанес визит в Сиракузы, тогда один из величайших городов мира. Магистраты города, конечно же, сразу подошли к нему, предложили свои услуги, чтобы показать ему здешних львов, и попросили указать все, что он хотел бы увидеть в особенности.

Несомненно, они предполагали, что он сразу же попросит отвести его в один из их великолепных храмов, чтобы он мог увидеть и полюбоваться теми великолепными произведениями искусства, которыми - несмотря на то, что Марцелл сделал своей славой унести несколько из них с собой для украшения императорского города - Сиракузы все еще изобиловали, и которые вскоре после этого искусили коварство и стали жертвой жадности печально известного Верреса.

"Или, может быть, они решили, что ему будет любопытно увидеть и осмотреть Ухо Дионисия, как его называли - огромную пещеру, вырубленную в твердой скале в форме человеческого уха, двести пятьдесят футов в длину и восемьдесят футов в высоту, в которую этот ужасный тиран заключал всех, кто попадал под его подозрение, И она была так хитроумно придумана и построена, что Дионисий, приложив ухо к небольшому отверстию, где звуки собирались, как на барабанах, мог уловить каждый слог, произнесенный в пещере внизу, и, соответственно, вынести свой приговор и отомстить всем, кто осмеливался оспаривать его власть или жаловаться на его жестокость. Или же они могли предположить, что ему не терпится немедленно посетить священный фонтан Аретузы и место обитания тех

сицилийских муз, к которым так скоро обратился Вергилий, начиная это самое вдохновенное из всех не вдохновенных произведений, которое Поуп так благородно перефразировал в своей сияющей и славной Эклоге - "Мессии".

"К их большому изумлению, первой просьбой Цицерона было пригласить его посмотреть на гробницу *Архимеда*. К его же еще большому изумлению, как мы можем предположить, они сказали ему в ответ, что ничего не знают о гробнице Архимеда, понятия не имеют, где ее можно найти, и даже отрицают, что среди них еще сохранилась такая гробница. Но Цицерон прекрасно понимал, о чем идет речь. Он помнил точное описание гробницы. Он помнил те самые стихи, которые были на ней начертаны. Он вспомнил сферу и цилиндр, которые Архимед сам попросил начертить на ней, как избранные эмблемы его богатой событиями жизни. И великий оратор тут же решил разыскать их сам. Он отправился на место их древних могил и после тщательного исследования пришел к месту, заросшему кустарником и кустами, где вскоре увидел вершину небольшой колонны, возвышавшейся над ветвями. На этой колонне были высечены сфера и цилиндр, надпись была тщательно расшифрована, и гробница Архимеда предстала перед прославленным римским квестором в благоговейном поклоне.

"Это было в 76 году до рождения нашего Спасителя. Архимед умер примерно в 212 году до Рождества Христова. Таким образом, прошло всего сто тридцать шесть лет со дня смерти этого знаменитого человека, прежде чем его надгробие было погребено под кустарником и бурьяном, а место и даже существование его были забыты магистратами того самого города, в котором он так долго был самым гордым украшением в мире и самым эффективным защитником на войне. Какой урок для человеческой гордости, какой комментарий к человеческой благодарности был здесь! Этот случай почти в точности повторяет тот, который восхитительный и почтенный DR. Уоттс вообразил или имитировал, как тему одной из своих самых ярких и знакомых лирик:

"Терон, среди своих странствий, нашел
Разбитую статую на земле;
И, ища дальше, как он шел,
Он проследил разрушенный монумент.
Плесень, мох и тень заросли
Скульптуру разрушенного камня;
Но прежде чем он прошел, с большим трудом
Он догадался и написал: Sci-pi-o.
"Довольно, - вскричал он, - я больше не буду трудиться
В пересказе скучных стоиков;

Ибо когда я чувствую, что моя добродетель ослабевает,
И честолюбивые мысли преобладают,
Я пойду среди гробниц,
И посмотрю, откуда приходит слава".

Однако я не знаю, что Цицерон излечился от своего тщеславия и ненасытной любви к славе благодаря этому "повороту" среди сиракузских гробниц. Он был тогда только на пороге своей гордой карьеры, и он вернулся, чтобы продолжить ее до кровавого конца с неослабевающим рвением и с амбициями, которые можно было погасить только жизнью."

ГЛАВА XV.

МАКЕДОНСКОЕ ГОСПОДСТВО.

I. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА.

Через четыре года после битвы при Мантинее греческие государства вновь оказались вовлечены во внутренние военные действия, известные как Священная война - вторая в греческой истории, к которой было применено это название; первая велась против жителей Криссы, на северном берегу Коринфского залива, во времена Солона. Причины второй Священной войны были вкратце таковы: Финикийцы, союзники Спарты против Фив, взяли в обработку часть Дельфосской равнины, священной для Аполлона; фиванцы обвинили их в святотатстве перед Амфикифонийским советом, который приговорил их к выплате большого штрафа. Фиванцы отказались повиноваться и, подстрекаемые спартанцами, на которых было наложено аналогичное наказание за незаконный захват фиванской столицы, взялись за оружие, чтобы противостоять указу, и разграбили священный храм в Дельфах, чтобы получить средства для продолжения войны.

Фиванцы, фессалийцы и почти все государства северной Греции выступили против фокийцев, а Афины и Спарта - в их пользу. После пятилетней войны на театре греческой истории появилась новая сила в лице Филиппа, который недавно утвердился на троне Македона, и к которому некоторые фессалийцы обратились за помощью против фокийцев. Вмешательство Филиппа составляет важную эпоху в греческих делах. "Самым желанным из всех условий для Греции было бы, - говорит ТИРЛВАЛЛ, - объединение в конфедерацию, достаточно сильную, чтобы предотвратить междоусобные войны между ее членами, и созданную таким образом, чтобы защищать от всех ненужных посягательств на их независимость". Но прошло то время, когда верховенство какого-либо государства могло быть либо добровольно признано остальными, либо навязано им силой; и надежда на какие-либо благоприятные изменения в общем состоянии Греции теперь была слабее, чем когда-либо." Измученная внутренними раздорами, Греция теперь должна была испытать их естественные результаты, и мы прерываем наше повествование, чтобы кратко проследить рост той иностранной державы, которая неожиданно для Греции стала ее хозяином.

II. ОЧЕРК МАКЕДОНИИ.

Македония, границы которой в разное время сильно менялись, омывалась с юго-востока Эгейским морем, а с севера - рекой Стримон, отделявшей ее от Фракии, а с юга - Фессалией и Эпиром. На западе Македония временами охватывала многие иллирийские племена, граничившие с Адриатикой. На севере естественной границей была горная цепь Хæ'мус. Главной рекой Македонии был Аксий (ныне Вардар), который впадал в Термический залив, ныне называемый Салоникским заливом.

История Македонии до времен Филиппа, отца Александра Македонского, во многом туманна. Первые македонцы, по-видимому, были иллирийским племенем, отличавшимся по расе и языку от эллинов или греков; но Геродот утверждает, что македонская монархия была основана греками из Аргоса; и, согласно греческим писателям, двенадцать или пятнадцать греческих принцев правили там до воцарения Филиппа, который возглавил правительство около 360 года до н. э., не как монарх, а как опекун младенца - сына своего старшего брата.

До этого Филипп провел несколько лет в Фивах в качестве заложника, где охотно пользовался прекрасными возможностями, которые этот город предоставлял для приобретения различных знаний. Он успешно изучал греческий язык; в обществе таких

полководцев и государственных деятелей, как Эпаминондас, Пелопидас и их друзья, познакомился с деталями военной тактики греков, а также изучил природу и работу их демократических институтов. Таким образом, обладая превосходными умственными и физическими способностями, которыми наделила его природа, он стал идеально подходить для той роли, которую впоследствии играл в запутанной игре греческой политики.

После того как Филипп в течение нескольких лет успешно защищал трон Масседона от имени своего племянника, его военные успехи позволили ему принять царский титул, вероятно, с единодушного согласия как армии, так и народа. Он присоединил к своим владениям несколько фракийских городов, подчинил иллирийцев и другие народы на своих северных и западных границах и временами был союзником, а временами врагом Афин. Наконец, во время Священной войны с фокийцами, приглашение, которое он получил от фессалийских союзников Фив, как уже отмечалось, дало ему давно желанный предлог для более активного вмешательства в дела своих южных соседей.

III. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ФИЛИППА МАКЕДОНСКОГО.

Из всех греческих государств только Афинам удалось вернуть себе часть бывшего могущества, и теперь она стала лидером в борьбе с Македонией. В ответ на приглашение Филипп вошел в Фессалию во время своего южного похода, но поначалу был отбит фокийцами и их союзниками и вынужден был удалиться на свою территорию. Однако вскоре он вернулся во главе более многочисленной армии, разбил врага в решающем сражении у Пагесского залива и собирался сразу же двинуться на Фокию, чтобы закончить войну, но обнаружил, что Фермопильский проход сильно охраняется афинянами, и счел благоразумным отвести свои войска.

Священная война все еще продолжалась, хотя фокийцы желали мира; но мстительный дух фиванцев не утихал, и Филиппа снова призывали сокрушить осквернителей национальной религии. Именно в этот период великий афинский оратор Демосфен выступил с первой из тех ораций против Филиппа и его предполагаемой политики, которые, исходя из их темы, получили название "Филиппики" - так с тех пор принято называть любую речь или декламацию, изобилующую язвительной инвективой. Проницательность Демосфена позволила ему легко разгадать честолюбивые планы Филиппа, а поскольку он считал его врагом свобод Афин и всей Греции, то стремился настроить против него своих соотечественников. Его рассуждения носили в основном практический характер. Как сказал один писатель, "он тревожит, но ободряет своих соотечественников; указывает как на их слабости, так и на их силы; пробуждает в них чувство опасности и указывает путь к ее преодолению; не рекомендует никаких экстраординарных усилий, для которых в данный момент не было острой необходимости, но разворачивает схему, простую и осуществимую, соответствующую случаю и рассчитанную на то, чтобы заложить фундамент для лучших вещей".

В следующих словах он порицает леность и слабоволие афинян:

Первый филиппик Демосфена.

"Когда, о мои соотечественники, вы проявите свою бодрость? Когда вас разбудит какое-нибудь событие? Когда вас заставит необходимость? Что же мы должны думать о нашем нынешнем состоянии? Для свободных людей позор, сопутствующий нашему проступку, является, на мой взгляд, самой насущной необходимостью. Или, скажем, ваше единственное стремление - бродить по общественным местам, спрашивая друг у друга: "Какие новые советы? Разве может быть что-то более новое, чем то, что человек из Масседона

должен покорить афинян и установить закон в Греции? Филипп умер? Нет, но он болен". [Сноска: Филипп получил тяжелую рану, за которой последовал приступ болезни; отсюда эти слухи и расспросы афинян. "Лонгин цитирует весь этот отрывок как прекрасный пример тех патетических фигур, которые придают ораторскому искусству жизнь, силу и энергию"]. Как вы относитесь к этим слухам? Предположим, что его постигнет смертельный удар; вы быстро воздвигнете другого Филиппа, если так будете относиться к своим интересам. Ведь своим возвышением он обязан не столько собственной силе, сколько нашему беспечному отношению. И если с ним случится какая-нибудь неприятность, если Фортуна, которая всегда заботилась о государстве больше, чем мы сами, теперь повторит свои благодеяния (и пусть она увенчает их!) - будьте уверены, что, находясь на месте и готовые воспользоваться замешательством, вы везде будете абсолютными хозяевами; но в вашем нынешнем положении, даже если благоприятный случай представится вам с Амфиполисом [Сноска: Амфиполис, город во Фракии, основанный афинянами, попал в руки Филиппа после осады, и афиняне не имели ничего другого, кроме его восстановления], вы не сможете овладеть им, пока в ваших советах царит такое напряжение.

Некоторые из вас бродят и кричат: "Филипп соединился с лакедемонянами, и они договариваются о разрушении Фив и распаде некоторых свободных государств". Другие уверяют нас, что он отправил посольство к царю; [Сноска: Царь Персии, которого греки обычно называют *царем*] третьи - что он укрепляет места в Иллирии. Таким образом, все мы придумываем свои истории. Я действительно верю, афиняне, что он опьянен своим величием и развлекает свое воображение множеством подобных мечтательных перспектив, поскольку не видит никакой силы, способной противостоять ему, и воодушевлен своим успехом. Но я не могу быть убежден, что он принял такие меры, что самые слабые из нас знают, что он собирается делать, - ведь глупее всего те, кто распространяет эти слухи. Давайте отбросим подобные разговоры и будем помнить только о том, что Филипп - наш враг, что он лишил нас наших владений, что мы уже давно подчиняемся его наглости, что все, чего мы ожидали от других, оказалось против нас, что все, что у нас осталось, - это мы сами, и что, если мы не склонны нести оружие за границу, мы можем быть вынуждены вступить в бой дома. Пусть нас убедят в этом, и тогда мы придем к правильному решению; тогда мы будем избавлены от пустых предположений. Нам не нужно знать, какие именно события произойдут; нам нужно лишь убедиться, что ничего хорошего не произойдет, если вы не будете выполнять свой долг и не будете готовы действовать так, как вам подходит.

"Что касается меня, то я никогда не добивался благосклонности, говоря то, что, по моему мнению, не идет вам на пользу; а теперь я высказал все, что думаю, откровенно и без обиняков. Зная о пользе доброго совета для вас, я мог бы пожелать, чтобы я был столь же уверен в его пользе для советчика; так бы я говорил с большим удовлетворением. Теперь, не зная последствий для себя, но будучи уверенным, что вы выиграете, если последуете моему совету, я свободно предлагаю его. И из всех тех мнений, которые предлагаются вам для принятия, пусть будет выбрано то, которое наилучшим образом будет способствовать общему благу". -Перевод Леланда.

Наиболее важными из конкретных действий, указанных Демосфеном как необходимые для афинского благосостояния, были оснащение флота из пятидесяти судов, которые должны быть готовы в любой момент отплыть к любому незащищенному участку афинского побережья, и создание постоянного сухопутного войска из двадцати двух сотен человек, четвертая часть которых должна быть гражданами Афин. Расходы должны были покрываться за счет налогов, систему которых он также представил на утверждение. МР. ГРОТЕ говорит о первом филиппике Демосфена:

"Это не просто великолепное ораторское произведение, яркое и убедительное в своем обращении к эмоциям, приводящее аудиторию разными путями к главному убеждению, которое оратор стремится внушить; глубоко одушевленное подлинным панэллинским патриотизмом и достоинством того догреческого мира, которому теперь угрожает монарх извне. Кроме того, у нее есть и другие достоинства, не менее важные сами по себе и лежащие в большей степени в сфере компетенции историка. Мы видим Демосфена, которому еще только тридцать лет, молодого в политической жизни, и который за тринадцать лет до битвы при Херонее точно оценивает политические отношения между Афинами и Филиппами; исследует эти отношения в прошлом, указывает, как они становились с каждым годом все более неблагоприятными, и предсказывает опасные случайности будущего, если не будут приняты лучшие меры предосторожности; с мужественной откровенностью разоблачая не только прошлые ошибки государственных людей, но и те порочные склонности самого народа, в которых эта ошибка имела свои корни; наконец, после обнаружения недостатков, под свою ответственность предлагая конкретные меры по их исправлению и призывая нежелающих граждан к болезненному наложению личных тягот, а также налогов."

Конечно, Демосфену и его политике противостояла сильная партия, и его предупреждения и увещевания не возымели должного эффекта. Последний результат был во многом обусловлен позицией афинского полководца и государственного деятеля Фокиона - последнего афинянина, в котором были объединены эти две функции, - который в целом выступал на стороне партии мира. Однако, в отличие от многих видных членов этой партии, Фокион был чист и патриотичен в своих побуждениях и являлся человеком строжайшей честности. Именно его безусловная честность и своеобразное бескорыстие обеспечили ему такое влияние в народе. Как оратор, он также привлекал внимание своей поразительной и язвительной краткостью. "Он так хорошо знал, - говорит Грот, - по каким пунктам наносить удар, что его красноречивая краткость, усиленная весом характера и положения, прорезала тонкие ораторские речи Демосфена более эффективно, чем любые встречные ораторские речи таких людей, как Эсехины". Однажды Демосфен, увидев, как Фокион поднимается, чтобы выступить, заметил: "Вот идет обрезчик моих периодов".

Как пишет МР. ГРОТЕ в другом месте добавляет: "Влияние Фокиона как общественного советника было крайне пагубным для Афин. Все зависело от ее воли; от того, готовы ли ее граждане по собственному разумению нести расходы и усталость от активной внешней политики - готовы ли они взять в руки пики, открыть свои кошельки и отказаться от домашних утех ради поддержания греческой и афинской свободы против растущего, но пока еще не неодолимого разрушителя. Именно в такой момент и при решении такого вопроса влияние миролюбивого Фокиона было наиболее губительным. Его беспокойство о том, что граждане должны быть похоронены дома в своих собственных могилах, его отчаяние, смешанное с презрением, к своим соотечественникам и их утонченным привычкам, его ненависть к ораторам, которые могли бы извлечь выгоду из увеличения военных расходов, - все это заставляло его препятствовать общественным усилиям и пассивно ожидать перевеса македонского оружия; таким образом, он играл в игру Филиппа и поддерживал, хотя сам был неподкупен, ораторов на службе Филиппа." [Сноска: "История Греции", т. xi., стр. 278].

Так как никаких важных мер не было принято, чтобы остановить растущее могущество Филиппа, в 349 году он напал на олинфян, которые были в союзе с Афинами. Они направили в Афины посольства с просьбой о помощи, и Демосфен поддержал их дело в трех "Олинфских орациях", которые побудили афинян к более энергичным действиям. Но последние были разобщены в своих советах, и помощь, которую они оказывали олинфянам,

была неэффективной. В 347 году Олинф перешел в руки Филиппа, который, несколько успокоив подозрения афинян предложениями выгодного мира, в 346 году вошел в Фокис и заставил врага сдаться по своему усмотрению. Амфикиционный совет, наделенный Филиппом властью проводить в жизнь свои постановления, обрек Фокиду на вечную потерю независимости, сровнял ее города с землей, распределил население по деревням, состоящим не более чем из пятидесяти жилищ, и обязал ежегодно платить дань в шестьдесят талантов в храм, пока не будет восстановлена вся сумма награбленных сокровищ. Наконец, два голоса, которыми фокийцы обладали в совете, были переданы царю Македону и его преемникам.

IV. ВОЙНА С МАСЕДОНОМ.

С самого начала своей карьеры Филипп стремился к суверенитету всей Греции как к второстепенной цели, которая должна была подготовить почву для завоевания Персии, великой цели и завершения всех его честолюбивых проектов. Только что обретенная власть побудила его приложить усилия, чтобы путем переговоров и завоеваний распространить свое влияние на все стороны своих владений. Демосфен был послан афинянами в Пелопоннес, чтобы противостоять интригам Филиппа, и открыто обвинил его в вероломстве. Чтобы отбить это обвинение, а также по возможности заручиться дальнейшим влиянием, Филипп отправил в Афины посольство во главе с оратором Пифоном. Именно по этому случаю Демосфен написал свой второй "Филиппик" (344 г. до н. э.), обращаясь в основном к афинским сторонникам Филиппа, лидером которых был оратор Айсехинес.

В своих военных операциях Филипп опустошил Иллирию, Фессалию превратил почти в македонскую провинцию, завоевал часть фракийской территории, распространил свою власть на Эпир и Аккарнанию и укрепился бы в Эллизе и Ахаии, на западном побережье Пелопоннеса, если бы не бдительная ревность Афин, которую Демосфену в конце концов удалось возбудить. Первый открытый разрыв с афинянами произошел, когда Филипп покорял греческие города на фракийском побережье Геллеспонта, в так называемом фракийском Херсонесе. Пока Македон и Афины номинально находились в мире, и Филипп пожаловался, что афиняне пытаются спровоцировать конфликт. Он отправил в Афины посольство, которое дало повод для речи Демосфена "О Херсонесе" (341 г. до н. э.). За разрывом в Херсонесе последовали успехи афинян в Эвбее, куда Демосфен добился отправки экспедиции, и, наконец, изгнание войск Филиппа из Херсонеса. Вскоре после этого (339 г. до н. э.) Амфикиционный совет под влиянием оратора Исехина поручил Филиппу вести войну с Амфисаей, лопарским городом, который был осужден за святотатство, подобное фокийскому.

УСПЕХИ И СМЕРТЬ ФИЛИППА.

Именно сейчас Филипп впервые сбросил маску и раскрыл свои замыслы против свобод Греции. Поспешно пройдя через Фракию во главе мощной армии, он внезапно захватил и начал укреплять Эллатею, столицу Фокисы, которая была удобно расположена, чтобы командовать входом в Беотию. Известие об этом событии достигло Афин ночью и вызвало большую тревогу. На рассвете следующего утра собрался сенат из пятисот человек, а народ собрался в Пниксе. Внезапно очнувшись, наконец, от сна безопасности, от которого их до сих пор не могли полностью пробудить все красноречивые призывы Демосфена, афиняне начали осознавать свою опасность. По совету великого оратора они заключили договор с фиванцами, и оба государства приготовились защищаться от вторжения; но большинство пелопоннесских государств держались в стороне скорее из-за безразличия, чем из-за страха.

Когда афинские и фиванские войска выступили в бой с Филиппом, в их рядах начались разногласия, поскольку дух греческой свободы уже был угашен. Однако в двух последующих схватках они одержали небольшое преимущество, но решающая битва состоялась в августе 338 года на равнине Херонеи в Беотии. Армии противников были почти равны по численности, но не было ни Перикла, ни Эпаминондаса, чтобы сравниться с воинственными способностями Филиппа и молодого принца Александра, последний из которых командовал крылом македонской армии. Греческая армия была полностью разбита, и это событие разрушило слабую комбинацию против Филиппа, оставив каждое из союзных государств на его милость. С фиванцами он обошелся очень сурово, а к афинянам проявил снисходительность, вызвавшую всеобщее удивление, предложив им такие условия мира, которые они вряд ли осмелились бы ему предложить. Теперь, фактически став хозяином Греции, он собрал в Коринфе конгресс греческих государств, на котором были приняты все его предложения; была объявлена война Персии, а Филипп был назначен главнокомандующим греческими и македонскими войсками. Но пока он готовился к своему великому предприятию, его убил во время празднества по случаю бракосочетания дочери молодой македонец знатного происхождения в отместку за какую-то личную обиду.

V. ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО.

Александр, сын Филиппа, которому тогда было двадцать лет, сменил отца на македонском престоле. Иллирийцы, фракийцы и другие северные племена сразу же взяли за оружие, чтобы восстановить свою независимость, но Александр подавил восстание в ходе одной кампании. После смерти Филиппа Демосфен, извещенный об этом событии специальным гонцом, немедленно предпринял шаги, чтобы подстрекнуть Афины к избавлению от македонского ига. По словам одного из современных историков, "он решил воспользоваться суеверием своих сограждан путем благочестивого обмана. Он отправился в сенат и объявил пятисотникам, что Юпитер и Афина во сне предсказали ему некое великое благословение, которое ожидает Содружество. Вскоре после этого прибыли государственные курьеры с известием о смерти Филиппа. Демосфен, хотя и был в трауре из-за недавней потери единственной дочери, теперь вышел за границу, одетый в белое и увенчанный венком, в этом одеянии его видели приносящим жертву у одного из общественных алтарей". Он энергично готовился к действиям и отправил посланников в главные греческие государства, чтобы возбудить их против Македона. Несколько государств, возглавляемых афинянами и фиванцами, восстали против господствующей олигархии, но Александр, чьи походы не имели себе равных по стремительности, внезапно появился среди них. Фивы были взяты штурмом; шесть тысяч воинов были убиты; город сравняли с землей, а тридцать тысяч пленников были обращены в рабство. Другие греческие государства поспешили возобновить свое подчинение, а Афины с раболепным почтением отправили посольство, чтобы поздравить молодого царя с его недавними успехами. Александр принял все извинения и, поручив управление Грецией и Македонией Антипатеру, одному из своих полководцев, отправился на завоевание Востока, имея всего тридцать пять тысяч человек и казну в семьдесят талантов серебра. Почти все оставшееся от короны имущество он раздал своим друзьям, а когда его спросили, что он оставил для себя, ответил: "*Мои надежды*".

VI. АЛЕКСАНДР ВТОРГАЕТСЯ В АЗИЮ.

Ранней весной 334 года Александр переправился через Геллеспонт и через несколько дней разбил большую персидскую армию на восточном берегу Граниуса, потеряв при этом всего восемьдесят пять всадников и тридцать легких пехотинцев. Затем перед ним открылись ворота Сардиса и Эфеса, и вскоре он стал неоспоримым хозяином всей Малой Азии. В

начале следующего года он направил свой поход дальше на восток и на побережье Киликии, недалеко от Иссуса, снова встретил персидскую или варварскую армию, насчитывавшую более семисот тысяч человек, под командованием персидского царя Дариуса. Александр, как обычно, лично возглавил свою армию и одержал великолепную победу. Жена, дочери и младенец сын Дария попали в руки завоевателя, и он отнесся к ним с величайшей добротой и уважением. Через некоторое время после этого и незадолго до своей смерти, когда Дарий узнал о щедром обращении со своей женой, которая считалась самой красивой женщиной в Азии, о ее смерти от внезапной болезни и о великолепном погребении, которое она получила от завоевателя, он поднял руки к небу и взмолился, чтобы, если его царство перейдет от него, оно перешло к Александру.

Теперь завоеватель направил свой поход на юг через северную Сирию и Палестину, захватив Тир после энергичной осады, длившейся семь месяцев. Это было, пожалуй, величайшее из военных достижений Александра, но оно было омрачено его жестокостью по отношению к побежденным. Озлобленный долгим и отчаянным сопротивлением осажденных, он не давал им покоя. Восемь тысяч жителей были истреблены, а тридцать тысяч проданы в рабство. После падения Тира Александр направился в Египет, который он легко подчинил себе. Основав нынешний город Александрию в устье Нила, он вернулся в Палестину, переправился через Евфрат и вошел в самое сердце Персидской империи, заявив: "Мир не может допустить двух владык, как двух солнц".

VII. БИТВА ПРИ АРБЕ'ЛА - БЕГСТВО И СМЕРТЬ ДАРИЯ.

На прекрасной равнине, в двадцати милях от города Арбела, персидский монарх, окруженный всей пышностью и роскошью восточного великопия, собрал оставшиеся силы своей империи, состоявшие из более чем миллионной армии пехоты и сорока тысяч конницы, кроме того, двухсот косых колесниц и пятнадцати слонов, привезенных с запада Индии. Для противостояния этой огромной силе у Александра было всего сорок тысяч пехоты и семь тысяч конницы. Но его войска были хорошо вооружены и дисциплинированы, а во главе их стоял умелый полководец, никогда не знавший поражений. Дарий вел бой с большей рассудительностью и мужеством, чем при Иссе, но хладнокровие македонцев было непреодолимо, и поле битвы вскоре превратилось в арену резни, в которой, по одним данным, погибло сорок тысяч, по другим - триста тысяч варваров, а потери Александра не превысили пятисот человек. Хотя Дарий спасся с частью своей охраны, весь царский багаж и сокровища были захвачены в Арбеле.

Теперь просто беглец, "с одним лишь титулом царя", Дарий перешел через горы в Медию, где оставался шесть или семь месяцев, и пока преследующий его Александр не заставил его пройти через Каспийские ворота в Парфию. Здесь, при ближайшем приближении врага, он был убит Бессом, сатрапом Бактрии, потому что отказался бежать дальше. "В течение четырех лет и трех месяцев с того момента, как Александр пересек Геллеспонт, - пишет Грот, - Дарий, терпя одно потрясающее поражение за другим, потерял всю свою западную империю и стал бегльцом к востоку от Каспийских ворот, избежав плена от руки Александра только для того, чтобы погибнуть от руки сатрапа Бесса". Все предшествующие исторические параллели - гибель и пленение лидийского Кроза, изгнание и подлая жизнь сиракузца Дионисия, оба впечатляющих примера изменчивости человеческого состояния, - меркнут по сравнению с низвержением этого возвышающегося персидского колосса. Оратор Эсхинс выразил подлинные чувства греческого зрителя, когда воскликнул (в речи, произнесенной в Афинах незадолго до смерти Дария):

"Что есть среди списка странных и неожиданных событий, которые не произошли в наше время? Наша жизнь вышла за пределы человечности; мы рождены, чтобы служить темой для невероятных рассказов потомкам. Разве персидский царь, который прорыл Афон и перекинул мост через Геллеспонт, который требовал у греков землю и воду, который осмелился провозгласить себя в публичных посланиях повелителем всего человечества от восхода до заката солнца, - разве не борется он теперь до последнего не за власть над другими, а за безопасность собственной персоны? [Сноска: Он говорит и о Ксерксе, и о Дарии как о персидском царе]. Таковы были настроения, вызванные карьерой Александра даже в середине 330 года до н. э., более чем за семь лет до его смерти".

Вавилон и Сузы, где копились богатства Востока, тем временем открыли свои ворота перед Александром, и он направил свой поход к Персеполису, столице Персии, в которую вошел с триумфом. Здесь он отпраздновал свои победы великолепным пиром, на котором великий музыкант Тимофей из Фив играл на флейте и лире в сопровождении хора певцов. Такова была чудесная сила его музыки, что вся компания, как говорят, по мановению волшебной палочки была охвачена чувствами любви, или ненависти, или мести. Поэт Драйден дал нам описание этого праздника в поэме, которую одни называют "лирическим шедевром английской поэзии", а другие - "вдохновенной одой". Хотя она создана специально для того, чтобы проиллюстрировать силу музыки, в ее основе лежат исторические факты. Здесь можно привести лишь частичные выдержки из нее.

Пир Александра.

На царском пиру Персия была завоевана

Воинственный сын Филиппа:

Возвышаясь в ужасном виде

На царском троне сидел богоподобный герой

На своем императорском троне:

Вокруг расположились его доблестные соратники,

Их брови розами и миртами увенчаны.

(Так должна быть коронована пустыня в оружии).

Прекрасная Таис, рядом с ним

Сидела, как цветущая восточная невеста,

В цвету юности и гордости красоты.

Счастливая, счастливая, счастливая пара!

Никто, кроме храбрецов,

Никто, кроме храбрецов,

Никто, кроме храбрых, не заслуживает справедливости.

Во второй части поэмы Тимофей поет дифирамбы Юпитеру, а толпа, охваченная энтузиазмом, вызванным музыкой, провозглашает Александра божеством! Монарх принимает поклонение своих подданных и "принимает бога".

Перечисляющая толпа восхищается этим возвышенным звуком:

"Настоящее божество!" - кричат они:

"Настоящее божество!" - откликаются сводчатые крыши.

С восторженными ушами

Монарх слушает,

принимает божество,

кивает головой,

И, кажется, сотрясает сферы.

Далее поются славословия Вакху и радости вина, описывается их воздействие на царя; и когда эти песни разожгли его душу почти до безумия, Тимофей ловко меняет дух и меру своей песни и столь же успешно умиряет бурю страстей, которую подняло его мастерство. Последствия этой перемены описаны следующим образом:

Успокоенный звуком, царь стал тщеславен;
Снова сражался во всех своих битвах;
И трижды разгромил он всех врагов, И трижды с убитыми расправился.
Хозяин видел, как нарастает безумие;
Его пылающие щеки, его пылкие глаза;
И, бросив вызов Небу и Земле,
Сменил руку и умирил гордыню.
Он выбрал скорбную Музу,
Мягкую жалость вливая;
Он воспел Дария, великого и доброго,
Слишком суровую судьбу,
Пал, пал, пал, пал, пал,
Падший с высокого поста,
И погряз в крови своей;
Покинутый в самой крайней нужде,
Теми, кого питала его прежняя щедрость;
На голой земле он лежит,
И ни один друг не закрыл ему глаза.
С опущенными глазами сидел безрадостный победитель,
Перебирая в своей изменившейся душе
Различные повороты случайностей;
И время от времени он вздыхал,
и слезы начинали течь.

Под успокаивающим влиянием следующей темы - "Любовь" - Александр погружается в дрему, но смена музыки на диссонирующие тона пробуждает в нем чувство мести, поскольку певец рисует картину фурий и греков, "что в бою были убиты". Именно тогда Александр, подстрекаемый Таис, знаменитой афинской красавицей, сопровождавшей его в походе, поджег дворец Персеполиса, намереваясь сжечь весь город - "чудо света". Поэт сравнивает Таис с Еленой, чья роковая красота стала причиной гибели Трои за 852 года до этого.

Ударьте по золотой лире еще раз;
Еще громче, еще громче.
Разорви его путы сна,
И пробуди его, как раскат грома.
Харк! Харк! Ужасный звук
поднял его голову,
Как пробужденный от мертвых,
И, пораженный, он озирается вокруг.
Месть! Месть! кричит Тимофей,
Смотрите, как восстают фурии!
Видите, какие змеи на них напали!
Как они шипят в своих волосах,
И как сверкают их глаза!

Смотрите, какая жуткая группа,
Каждый с факелом в руке!
Это греческие призраки, которые были убиты в битве,
И остались непогребенными,
На равнине злобствуют:
Отомстите за это
Доблестной команде,
Посмотри, как они бросают свои факелы ввысь!
Как они указывают на персидские обитатели,
и сверкающие храмы их враждебных богов!
Принцы аплодируют с неистовой радостью;
А король схватил факел с рвением уничтожить;
Таис вела его за собой,
Чтоб зажечь его добычу,
И, как другая Елена, зажгла другую Трою!

В течение четырех лет Александр оставался в сердце Персии, подчиняя себе вождей, все еще боровшихся за независимость, и регулируя управление завоеванными провинциями. Стремясь к дальнейшим завоеваниям, он перешел Инд и вторгся в страну индийского царя Поруса, которого разбил в кровопролитной схватке и взял в плен. Александр продолжал свой поход на восток, пока не достиг Гиф'асиса, самого восточного притока Инда, когда его войска, не видя конца своим трудам, отказались следовать за ним дальше, и он был вынужден с неохотой отказаться от завоевательного пути, который он наметил для себя, к Восточному океану. Он спустился по Инду к морю, откуда, отправив флот с частью своих сил в обход через Персидский залив к Евфрату, прошел с остатками своей армии через бесплодные пустоши Гедросии и после долгих страданий и потерь вновь достиг плодородных провинций Персии.

VIII. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА.

В течение некоторого времени после возвращения Александра его внимание было занято планами организации постоянного управления завоеванной им могущественной империей. Стремясь объединить завоевателей и побежденных, чтобы сформировать из тех и других нацию, независимую как от македонских, так и от персидских предрассудков, он женился на Статире, старшей дочери Дария, соединил своих главных офицеров с персидскими и медийскими женщинами из самых знатных семей, а десять тысяч своих солдат побудил последовать примеру своих начальников. Но пока он был занят этими заботами и мечтами о будущих завоеваниях, его карьера была внезапно прервана смертью. Отправившись в Вавилон весной 324 года, вскоре после кончины близкого друга - Гефесиона, чья потеря вызвала сильный упадок духа, он был предупрежден магами, что Вавилон будет для него роковым; однако он отправился в город, чтобы завершить приготовления к реализации своего следующего амбициозного плана - покорения Аравии. Теперь Вавилон должен был стать свидетелем завершения его триумфа и его жизни. "Как в последней сцене хорошо разыгранной драмы, - говорит один из современных историков, - все результаты и знаки его великих достижений, казалось, были собраны здесь, чтобы воздать честь его окончательному уходу". Хотя его ум был активно занят планами завоеваний, его преследовали мрачные предчувствия и суеверные фантазии, и он старался развеять свою меланхолию, свободно предаваясь застольным удовольствиям. В конце концов, чрезмерное пьянство довело до кризиса лихорадку, которой он, вероятно, заразился в болотах Ассирии, и которая внезапно оборвала его жизнь на тридцать третьем году жизни и тринадцатом году

правления (323 г. до н. э.). Он был похоронен в Вавилоне. У латинского поэта Лукана мы находим следующую оценку

Его карьера и характер.

Вот тщеславный юноша, сделавший мир своим призом,
Этот преуспевающий разбойник Александр лежит:
Когда жалеющая Смерть освободила человечество,
К священному покою его кости были здесь преданы:
Его кости, что лучше, были брошены и закинута,
С справедливым презрением, вокруг израненного мира.
Но фортуна пощадила мертвеца, а судьба - пристрастна,
На века назначила срок его империи Фарианской.
[Сноска: *Фариан*. Намек на знаменитый светильник, Фарос в Александрии, построенный Птолемеем Филадельфом, сыном Птолемея Сотера, сменившего Александра в Египте].

Если когда-нибудь наша давно утраченная свобода вернется,
Эта туша будет припасена для всеобщего поругания;
Теперь она остается памятником, в котором признаются,
Как один гордый человек мог властвовать над всеми остальными.
Маседон, уголок земли,
Честолюбивый губитель обязан своим рождением:
Там вскоре он презрел скромное правление своего отца,
И с презрением смотрел на побежденные Афины.

Понуждаемый судьбой, он устремился вперед,
Через царства Азии он пронесся своим ужасным курсом;
Его безжалостный меч уничтожал человеческую природу,
И опустошение следовало там, где он проходил.
Красная Ганга покраснела, и прославленный Евфрат разлился,
И персидской, и индийской кровью.

Таков болт, который использует разгневанный Джов,
Когда, не разбирая, гнев свой уничтожает:
Такие метеоры поднимаются над человечеством,
Смущают землю и взрывают небеса.
Ни пламя, ни наводнение не выдерживают его беспокойной ярости,
Ни Сиртс неверный, ни ливийский песок:
[Сноска: *Сырты*. Два залива - Малый и Большой Сырты - на северном побережье Африки, изобилующие зыбучими песками и опасные для мореплавания].
Среди неведомых волн он размышляет о своем пути,
И стремится к безбрежной империи моря.

На крайний запад он бы отправился,
туда, где колени Тетиса принимают заходящее солнце;
[Сноска: *Тетис*, сказочная жена Океана, дочь Неба и Земли].
Вокруг каждого полюса он бы обошел,
И испил бы из тайного Нила самый отдаленный исток,
Когда рука Природы остановила его дикое честолюбие;
Вместе с ним ушла и власть, которую так любила его гордыня,
Его чудовищная вселенская империя пала;
Ни наследника, ни справедливого преемника не осталось,

Вечные войны он друзьям своим поручил,
Чтоб разорвать мир и скрести человечество.
-ЛУКАН. *Перевод Роу.*

Поэт Ювенал, морализируя по поводу смерти Александра, говорит нам, что, несмотря на его безграничные амбиции, узкая гробница, найденная в Вавилоне, была достаточно просторной для маленького тела, в котором находилась его могучая душа.

Один мир был недостаточен для ума Александра;
Замкнутый в себе, он казался заключенным в земле и морях,
И, борясь, протянул свои беспокойные конечности по
узкого шара, чтобы найти выход!
И все же, войдя в кирпичный город, он попробовал
Гробницу, и нашел прямые размеры широкими.
Только смерть открывает эту таинственную истину:
Могучая душа, как мало тело вмещает!
-Десятая сатира. *Перевод Дрейдена.*

Тело Александра было перевезено из Вавилона в Александрию Птолемеем Сотером, одним из его полководцев, впоследствии царем Египта, и погребено в золотом гробу. Саркофаг, в который был заключен гроб, с 1802 года хранится в Британском музее - обстоятельство, на которое Байрон делает счастливую аллюзию в заключительных строках следующего стихотворения:

Как тщетно, как хуже, чем тщетно, в конце концов, явилось
Желание безумца, слезы македонца!
Он плакал о завоевании миров; полземли
Не знает ни его имени, ни его смерти и рождения,
и запустения; а его родная Греция
В ней все в запустении, кроме мира.
Он "плакал о завоевании миров!" Тот, кто никогда не
Замыслил шар земной, не жалея сил!
Неизвестен даже занятый Северный остров,
Который хранит его урну, но никогда не знал его трона.

ГЛАВА XVI.

ОТ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА ДО ЗАВОЕВАНИЯ ГРЕЦИИ РИМЛЯНАМИ.

I. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ГРЕЦИЮ.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ДЕМОСФЕНА.

Переходя к делам Греции, мы узнаем, что через три года после того, как Александр вошел в Азию, спартанцы предприняли решительные усилия, чтобы сбросить македонское иго. К ним присоединилось большинство пелопоннесских государств, но Афины не принимали участия в восстании. Хотя сначала спартанцы добились некоторых успехов, в конце концов они были разбиты с большой резней Антипатром (331 г. до н. э.), которого Александр оставил во главе Греции и Македонии. Эта победа и успехи Александра на Востоке послужили поводом для активных действий македонской партии в Афинах против Демосфена, который занимал две государственные должности и своими способностями и патриотизмом по-прежнему

оказывал большую услугу государству. Поводом для этого преследования послужили следующие события:

Вскоре после катастрофической битвы при Херонее афинский гражданин Ктесифон предложил наградить Демосфена золотым венцом [Сноска: У афинян и некоторых других греков было принято чествовать наиболее заслуженных граждан оливковым венком, переплетенным с золотом, и это называлось "золотым венцом"] в общественном театре по случаю праздника Дионисия в качестве награды за его патриотизм и государственные заслуги. Особой заслугой, за которую предлагалось вознаградить, было восстановление Демосфеном стен Афин, частично за свой счет. После того как афинский сенат одобрил эту меру, соперник Демосфена Эсхинс выдвинул против Ктесифона обвинение в нарушении закона, в том числе в том, что незаконно короновать чиновника, которому доверены государственные деньги, до того, как он предоставил отчет о своей работе, что препятствовало вынесению предложения Ктесифона на суд народа для принятия окончательного решения. Таким образом, дело затихло на шесть лет, когда его возродил Эсхин, решивший, что в успехе македонского оружия, на которое были возложены все его личные и политические надежды, он видит прекрасную возможность сокрушить своего великого соперника. Поэтому он передал обвинения против Ктесифона в суд. Хотя последний был номинальным ответчиком в этом деле, а Демосфен - лишь его адвокатом, все прекрасно понимали, что реальным объектом нападок является сам Демосфен, вся его политика и администрация; и огромное количество людей стекалось в Афины, чтобы послушать двух самых знаменитых ораторов в мире. Архонт назначил присяжных в количестве не менее пятисот человек, выбранных из числа граждан, и перед густой и затаившей дыхание аудиторией начались прения.

Ораторская речь Эсхина против Ктесифона.

Эсхинес начинает свою речь следующим кратким экзордиумом: "Вы видите, афиняне, какие силы готовятся, какое количество людей собирается и вооружается, какие просьбы через собрание исходят от определенной партии - и все это для того, чтобы противостоять справедливому и обычному ходу правосудия в государстве. Что касается меня, то я стою здесь, твердо полагаясь, во-первых, на бессмертных богов, во-вторых, на законы и на вас, убежденный, что фракция никогда не будет иметь у вас большего веса, чем закон и справедливость".

После того как Эсхинс подробно и с большим знанием дела рассказал о характере преступления, в котором обвиняется Ктесифон, о законах, применимых к нему, и о предполагаемых уловках Демосфена в его ответе, он зачитывает постановление сената в пользу дарования короны в следующих словах:

"И глашатай должен провозгласить в театре в присутствии греков, что афинская община коронует его за его добродетель и великодушие, а также за его постоянную и нерушимую верность интересам государства на протяжении всех его советов и управления".

Это дает оратору возможность приступить к подробному обзору общественной жизни и характера Демосфена, в котором он смело обвиняет его в трусости в битве при Херонее, во взяточничестве и мошенничестве в государственном управлении и объявляет его главной причиной бесчисленных бедствий, постигших его страну. Он заявляет:

"Мне, как обвинителю, предстоит убедить вас в том, что похвалы, воздаваемые Демосфену, не соответствуют действительности; что не было случая, чтобы он хотя бы в начале своей

деятельности был верным советником, а затем упорно придерживался выгодного для государства курса поведения.

"Остается привести несколько примеров его отказной лести. Целый год Демосфен пользовался почетом сенатора, но за все это время, как видно, ни разу не пошевелился, чтобы предоставить первенство кому-либо из министров; в первый - единственный - раз он предоставил это отличие министрам Филиппа; он подневольно присутствовал, чтобы разместить их на своих подушках и коврах; на рассвете он провел их в театр и своим непристойным и брошенным поклонением вызвал всеобщий шум насмешек. Когда они отправлялись в Фивы, он нанял три упряжки мулов и проводил их в город. Таким образом он выставил свою страну на посмешище.

"И все же этот ничтожный, этот безмерный льстец, когда он первым получил известие о смерти Филиппа от посланцев Харидема, притворился божественным видением и, бесстыдно солгав, заявил, что это известие передали ему не Харидем, а Юпитер и Минерва. Таким образом, он осмелился похвастаться, что эти божества, которыми он лживо клялся днем, спустились к нему ночью, чтобы пообщаться с ним и сообщить ему о будущем. Не прошло и семи дней со дня смерти его дочери, как этот негодяй, не совершив обычных траурных обрядов, не воздав должных похоронных почестей, увенчал свою голову чашей, надел белое одеяние, принес торжественную жертву вопреки закону и приличиям; и это при том, что он потерял своего ребенка, первого, единственного ребенка, который когда-либо называл его ласковым именем отца. Я говорю это не для того, чтобы оскорбить его несчастьем; я хочу показать его настоящий характер. Ведь тот, кто ненавидит своих детей, тот, кто является плохим родителем, не может быть хорошим служителем. Тот, кто нечувствителен к той естественной привязанности, которая должна привязывать его сердце к тем, кто наиболее близок и дорог ему, никогда не сможет почувствовать большую заботу о *вашем* благополучии, чем о благополучии чужих людей. Тот, кто поступает нечестиво в частной жизни, не сможет проявить себя превосходно в общественном поведении; тот, кто ведет себя подло дома, не сможет с честью оправдать себя, будучи посланным в чужую страну в общественном качестве. Ибо меняется не человек, а место действия.

"Разве это наше государство, общее убежище греков, некогда великий курорт всех послов из нескольких городов, отправленных просить нашей защиты как своего надежного средства, теперь не вынуждено бороться не за власть, а за свою родину? И к этим обстоятельствам мы постепенно сводились с того времени, когда Демосфен впервые взял на себя управление. О таких людях хорошо говорит поэт Гесиод в одной из частей своих произведений, где он указывает на долг граждан и предупреждает все общества, чтобы они эффективно защищались от злых министров. Я повторю его слова, ибо полагаю, что в молодости мы храним в памяти изречения поэтов, чтобы в зрелые годы применить их с пользой.

"Когда преступления одного человека вызывают гнев Небес,
Часто нация ощущает смертельный удар.
Зараза уничтожает по велению Юпитера,
И голод опустошает землю.
Или на поле брани ее хваленая сила
Погибла, и земля принимает ее павшие башни.
Тщетно в великолепном состоянии ее флоты,
Разбиты, разрушены и погребены в бурном приливе".

"Отбросьте меру этих стихов, вдумайтесь только в смысл, и вам покажется, что вы слышите не часть Гесиода, а пророчество о правлении Демосфена; ведь правда, что и флоты, и армии, и целые города были полностью уничтожены его правлением.

"Кто, думаете вы, был более достойным гражданином - Фемистокл, командовавший вашим флотом, когда вы победили персов в морском сражении при Саламине, или этот Демосфен, который дезертировал со своего поста? Мильтиад, победивший варваров при Марафоне, или этот человек? Вожди, которые вывели народ из Фив; Аристид, прозванный Справедливым, или Демосфен? Нет; силой небесной я считаю имена этих героев слишком благородными, чтобы упоминать их в один день с именем этого дикаря! И пусть Демосфен, когда придет к ответу, покажет, был ли когда-нибудь принят указ о даровании им золотого венца. Было ли тогда государство неблагодарным? Нет; но она высоко ценила свое достоинство. И эти граждане, не удостоившиеся такой чести, по-видимому, были действительно достойны такого государства; ведь они считали, что их чествуют не в государственных документах, а в памяти тех, кому они были обязаны; и их почести сохранились с тех пор и до наших дней в неизгладимых и бессмертных символах. В те времена были граждане, которые, расположившись у реки Стримон, терпеливо перенесли долгий ряд испытаний и опасностей и в конце концов одержали победу над медянами. По возвращении они обратились к народу с просьбой о награде, и награда им была дана (тогда это считалось очень важным) путем возведения трех памятников из камня в обычном портике, на которых, однако, не были начертаны их имена, чтобы это не показалось памятником, воздвигнутым в честь полководцев, а не народа. Чтобы убедиться в этом, я обращаюсь к надписям. Та, что на первой статуе, была выражена следующим образом:

"Великие души! Кто сражался у бурного прилива Стримона,
И отважились на руку захватчика, и подавили его гордость,
Высокие башни Эйна признали славный подвиг,
И видели, как страшный голод опустошал побежденных медян.
Такова была наша месть варварскому воинству,
И такими щедрыми трудами похвастались наши герои".

"Такова была надпись на втором:

"Вот награда, которую дают благодарные Афины!
Здесь до сих пор живет патриот и герой!
Здесь пусть восторженно взирает подрастающий век,
И подражают славным деяниям, которые они восхваляют".

"На третьей была надпись:

"Мнес'те-Ус отсюда повел свой избранный отряд,
И пролил войну на незадачливую равнину Илиона.
'Twas his (so speaks the bard's immortal lay)
Чтоб собрать воплощенное воинство в крепкий строй.
Таковы были наши сыновья! И Афины еще не уступят
Первых ярких почестей на сангвиническом поле.
И все же, кормилица героев! И все же хвала тебе,
За каждый славный труд, за каждое божественное искусство".

"Находим ли мы в них имя генерала? Нет, только имя народа. Вообразите, что вы перенеслись в великий портик; ведь в этом месте, где вы собираетесь, на виду воздвигнуты памятники всех великих деяний. Здесь мы видим изображение битвы при Марафоне. Кто был

полководцем в этой битве? На этот вопрос вы все ответите - Мильтиад. И все же его имя не начертано. Как? Разве он не ходатайствовал о такой чести? Ходатайствовал, но народ отказался его удостоить. Вместо того чтобы вписать его имя, они согласились, чтобы он был нарисован на переднем плане, воодушевляя своих солдат. Точно так же в храме Великой Матери, примыкающем к зданию сената, вы можете увидеть почести, воздаваемые тем, кто привел наших изгнанников из Фил; и даже они не были предоставлены поспешно, но после точного предварительного изучения сенатом числа тех, кто сохранил свой пост там, когда лакедемоняне и Тридцать выступили в поход, чтобы напасть на них, а не тех, кто бежал со своего поста в Херонее при первом появлении врага". Эсхинес завершает свою очень умелую и блестящую речь следующими словами:

"А теперь свидетельствуй за меня, ты, Земля, ты, Солнце, ты, Добродетель и Разум, и ты, Эрудиция, которая учит нас справедливому различию между пороком и добром, что я встал, что я говорил во имя справедливости. Если я поддерживал свое обвинение с достоинством, подобающим его важности, то я говорил так, как диктовали мои желания; если слишком слабо, то так, как позволяли мои способности. Пусть то, что было предложено сейчас, и то, что должно быть предложено вашими собственными мыслями, будет должным образом взвешено, и вынесите такой приговор, какого требуют справедливость и интересы государства."

-Перевод ТОМАСА ЛЕЛАНДА, доктора медицины.

За Эхином сразу же последовал ответ Демосфена, который считается "величайшей речью величайшего оратора в мире". Историк Грот говорит о "похвалах, которые в один голос произносили над ней и в древние, и в современные времена, как над непревзойденным шедевром греческого ораторского искусства". Она была названа так по случаю, по которому была произнесена,

Орацией Демосфена о короне.

Оратор начинает свою защиту от обвинений, выдвинутых его противником, следующим экзорцизмом, который Квинтилиан хвалит за скромность:

"Прежде всего, афиняне, я молю всех богов и богинь, чтобы та же добрая воля, которую я всегда питал к Содружеству и ко всем вам, была воздана мне на нынешнем суде. Молю также - и это особенно касается вас самих, вашей религии и вашей чести, - чтобы боги вложили в ваши умы мысль не принимать советов моего противника относительно того, как меня будут слушать [Сноска: Эсхинес просил, чтобы Демосфен "ограничился в своей защите тем же методом", которого он, Эсхинес, придерживался в своих обвинениях против него. Это было бы жестоко, но таковы законы и твоя клятва, где (помимо других обязательств) предписано, что ты должен одинаково выслушивать обе стороны. Это означает не только то, что вы не должны выносить никаких предварительных обвинений, не только то, что вы должны распространять свою добрую волю в равной степени на обоих, но и то, что вы должны позволить сторонам принять такой порядок и способ защиты, какой они сами выберут и предпочтут.

"У Эхина много преимуществ передо мной в этом деле, и два особенно, афиняне. Во-первых, наш риск в этом состязании не одинаков. Для меня лишиться вашего уважения - это, конечно, не то же самое, что для моего противника не добиться успеха в своем обвинении. Мне - но я не скажу ничего плохого в самом начале своего выступления. Обвинение, однако, играет за него. Вторым моим недостатком является естественная склонность людей получать удовольствие от выслушивания инвектив и обвинений и раздражаться от тех, кто сам себя восхваляет. Эсхиному отведена та часть, которая доставляет удовольствие; то, что (я могу

справедливо сказать) оскорбительно для всех, оставлено для меня. И если, чтобы избежать этого, я не упомяну о том, что я сделал, то окажусь без защиты против его обвинений, без доказательств моих претензий на честь; если же я перейду к рассказу о своем поведении и мерах, то буду вынужден часто говорить о себе. Поэтому я постараюсь сделать это с подобающей скромностью. То, к чему меня вынудит необходимость дела, будет справедливо вменено в вину моему оппоненту, возбудившему такое преследование".

"Думаю, присяжные, вы все согласитесь, что я, как и Ктесифон, являюсь участником этого разбирательства и что оно волнует меня не меньше, чем его. Больно и горько лишаться чего-либо, особенно по вине врага; но ваша доброжелательность и привязанность - самая тяжелая потеря именно потому, что это самая большая награда, которую можно получить.

"Если бы Эсхинес ограничил свое обвинение темой обвинения, я бы тоже сразу перешел к обоснованию постановления". [Сноска: Постановление сената, принятое Ктесифоном в пользу Демосфена]. Но поскольку в ходе дискуссии он потратил не меньше слов, в большинстве своем клеветая на меня, я считаю необходимым и справедливым, афиняне, вначале кратко остановиться на этих пунктах, чтобы никто из вас под влиянием посторонних аргументов не заткнул уши против моей защиты против обвинения.

"На все его злословия по поводу моей личной жизни примите мой простой и очевидный ответ. Если вы знаете, что я таков, как он утверждает, - а я не жил нигде, кроме как среди вас, - пусть мой голос не будет услышан, какими бы выдающимися ни были мои государственные заслуги. Встаньте сейчас же и осудите меня. Но если, по вашему мнению и суждению, я гораздо лучше и лучшего происхождения, чем мой противник; если (не обинуясь) я не уступаю ни себе, ни другим уважаемым гражданам, то не отдавайте ему должное за другие его заявления; ясно, что все они были в равной степени выдумкой; но ко мне пусть будет проявлена та же добрая воля, которую вы неизменно проявляли на многих прежних процессах. При всей твоей злобе, Эсхинес, было очень просто предположить, что я должен отвлекаться от обсуждения мер и политики, чтобы обратить внимание на твой скандал. Я не стану этого делать. Я не настолько безумен. Твою ложь и клевету о моей политической жизни я немедленно проверю. А за эту вольную грубость я скажу слово позже, если присяжные захотят это услышать.

"Если преступления, которые Эсхинес видел, как я совершал против государства, были столь чудовищны, как он так трагически выдавал, он должен был в то время применить к ним наказание по закону; если он видел, что я виновен в преступлении, подлежащем импичменту, он должен был предъявить мне импичмент и предать меня суду; если он принимал незаконные указы, он должен был предъявить мне обвинение в их совершении. Ибо, конечно, если он может предъявить обвинение Ктесифону на мой счет, он не отказался бы и сам предъявить мне обвинение, если бы думал, что сможет меня осудить. Короче говоря, что бы еще он ни видел, как я поступаю во вред тебе, упоминается или не упоминается в его каталоге клеветы, существуют законы для таких вещей, и суды, и приговоры, с резкими и суровыми наказаниями, и все это он мог бы применить против меня; и если бы он так поступил - если бы он таким образом применил ко мне надлежащий метод - его обвинения соответствовали бы его поведению. Но теперь он отказался от прямого и справедливого пути, избежал всех доказательств вины в то время, и после этого долгого перерыва он берется играть свою роль - кучу обвинений, грубости и скандала. Затем он предъявляет обвинение мне, но преследует подсудимого. Ненависть ко мне он делает главной темой всего поединка; но, ни разу не встретившись со мной на этой почве, он открыто стремится лишить привилегий третью сторону. Итак, афиняне, помимо всех прочих аргументов, которые можно привести в пользу Ктесифона, можно справедливо утверждать и

следующее: мы должны сами разбирать нашу ссору, а не оставлять наш частный спор и смотреть, какой третьей стороне мы можем нанести ущерб. Это, конечно, верх несправедливости".

Теперь Демосфен приступает к подробному обзору истории Афин с начала Фокинской войны, своих собственных отношений к ней и обвинений Эсхина в связи с ней, подкрепляя свою защиту многочисленными цитатами из государственных документов и смело обличая политические принципы и политику своего противника, которого он обвиняет в частых сношениях с эмиссарами Филиппа - "шпиона по натуре и врага своей страны". В следующих выражениях он говорит о своих собственных государственных заслугах и напоминает Эсхину, что народ их не забывает:

"Много великих и славных дел предприняло и преуспело Содружество, Эсхинес, благодаря мне; и оно не забыло их. Вот доказательство. При избрании человека для произнесения погребальной речи сразу после события предложили тебя; но народ не захотел ни тебя, несмотря на твой прекрасный голос; ни Дема'деса, хотя он только что заключил мир; ни Геге'мона, ни кого-либо другого из твоей партии - только меня. И когда вы с Пифоклом выступили жестоко и позорно (о, милосердное Небо!) и выдвинули против меня те же обвинения, что и сейчас, и оскорбили меня, они избрали меня еще больше. Причину - вы не знаете, но я вам скажу. Афиняне знали как о верности и усердии, с которыми я вел их дела, так и о нечестности тебя и твоей партии; ведь то, что ты отрицал под присягой во время нашего процветания, ты признавал в несчастьях республики. Поэтому они считали, что люди, обеспечивающие безопасность своей политики за счет общественных бедствий, были их врагами задолго до этого, да и сейчас открыто являются таковыми. Они считали также правильным, чтобы человек, который должен был говорить речи в честь павших и прославлять их доблесть, не сидел под одной крышей или за одним столом с их противниками; чтобы он не веселился там и не пел песнопения о бедствиях Греции в компании с их убийцами, а затем пришел сюда и удостоился почестей; чтобы он не голосом оплакивал их судьбу, а сердцем. И такую искренность они нашли в себе и во мне, но не в ком-либо из вас: поэтому они избрали меня, а не вас". И если народ считал так, то отцы и братья умерших, которых народ избрал для совершения погребения, чувствовали себя иначе. Ибо, имея обыкновение заказывать похороны (по обычаю) в доме ближайшего родственника умершего, они заказали их в моем - и не без основания: потому что, хотя каждый из них был ближе к родственникам, чем я, никто не был так близок к ним всем вместе. Тот, кто был глубоко заинтересован в их безопасности и успехе, несомненно, должен испытывать глубочайшую скорбь по поводу их несчастного и незаслуженного несчастья. Прочтите эпитафию, начертанную на их памятнике государственными властями. В ней, Эсхинес, ты найдешь доказательство своей нелепости, своей злобы, своей отъявленной подлости. Читайте!

Эпитафия.

"Вот храбрые патриоты, которые, бок о бок,
Стояли, держась за оружие, и разбили гордыню врага:
Твердые в доблести, расточительные в жизни,
Аид они избрали арбитром раздора;
Чтобы греки никогда не склонялись перед надменными победителями,
Ни ига царства, ни тяжкого гнета не знали,
Они, сражаясь, проливали кровь, и на груди их страны
(Такова была судьба Небес) эти воины покоятся:

Боги никогда не испытывают недостатка в успехе и не прилагают напрасных усилий, Но человек должен страдать от того, что предписано судьбой".

"Слышишь ли ты, Эсхинес, в этой самой надписи, что "боги никогда не испытывают недостатка в успехе и не прилагают напрасных усилий"? Не государственному деятелю приписывается сила даровать победу в битве, а богам. Но одно, о афиняне, удивило меня больше всего: когда Эсхинес упомянул о несчастьях страны, он не почувствовал себя так, как подобает благовоспитанному и честному гражданину; он не пролил ни слезинки, не испытал ни одного подобного чувства: громким голосом, ликуя и напрягая горло, он воображал, что обвиняет меня, в то время как сам доказывал, что наши беды его не трогают.

"Две вещи, афиняне, характерны для хорошо настроенного гражданина; так и я могу говорить о себе и не причинить ни малейшей обиды. При власти его постоянной целью должно быть достоинство и превосходство Содружества; во все времена и при всех обстоятельствах его дух должен быть лояльным. Это зависит от природы; власть и могущество - от других вещей. Такой дух, как вы увидите, я всегда искренне лелеял. Только посмотрите! Когда у меня требовали мою персону, когда против меня возбуждали амфиктионийские иски, когда угрожали, когда обещали, когда натравливали на меня этих злоумышленников, как диких зверей, - я ни в коем случае не отказывался от своей привязанности к вам. С самого начала я избрал честный и прямой путь в политике, чтобы поддерживать честь, власть, славу моего отечества; их возвышать, в них иметь свое существование. Я не хожу по рыночной площади веселый и радостный оттого, что чужеземец процветает, протягивая правую руку и поздравляя тех, кто, как я думаю, сообщит об этом вон там, а при любом известии о нашем собственном успехе вздрагиваю, стону и опускаюсь на землю, как эти нечестивцы, которые поносят Афины, как будто при этом они не поносят себя; которые смотрят за границу и, если чужеземец процветает за счет бедствий Греции, благодарят за это и говорят, что мы должны сохранить его таким процветающим до конца времен.

"Никогда, о боги, пусть эти желания не будут вами подтверждены! Если возможно, внушите даже этим людям лучшие чувства и ощущения! Но если они действительно неизлечимы, уничтожьте их самих; истребите их на суше и на море; а для остальных даруйте, чтобы мы поскорее избавились от наших нынешних страхов и получили долговременное избавление". [Сноска: Лорд Броум говорит, что "музыка этого заключительного отрывка (в оригинале) почти так же прекрасна, как и смысл, впечатляюща и величественна, а манера величественна и спокойна", и он признает трудность сохранения этого в переводе. Его собственный перевод этого отрывка звучит следующим образом: "Не дай, Боже милостивый, не дай такому поведению получить от Тебя хоть какое-то одобрение! Скорее насади в этих людях лучший дух и лучшие чувства! Но если они полностью неизлечимы, то преследуй их, да, самих себя, до полной и безвременной гибели, на суше и на море; а нам, кто пощажен, даруй скорейшее спасение от надвигающихся тревог и непоколебимую безопасность"].
-Перевод Чарльза Ранна Кеннеди.

Эсхинес проиграл дело и, не набрав и пятой части голосов, подвергся наказанию, а вскоре с позором покинул страну.

II. ВОЙНЫ, ПОСЛЕДОВАВШИЕ ЗА СМЕРТЬЮ АЛЕКСАНДРА.

Когда известие о смерти Александра достигло Греции, страна уже находилась накануне революции против Антипатра. Афины без особого труда объединили несколько государств в конфедерацию против него и добились некоторых успехов в так называемой Ламийской войне. Но это движение было недолгим, так как Антипатр полностью уничтожил армию

конфедератов в битве при Кранноне (322 г. до н. э.). Афинам было предписано отменить демократическую форму правления, оплатить расходы на войну и выдать ряд своих самых известных людей, включая Демосфена. Последний, однако, бежал из Афин и нашел убежище в храме Посейдона на острове Калаурэа. Здесь он принял яд и скончался, когда его выводил из храма спутник Антипатра.

Внезапная смерть Александра привела правительство в крайне неустойчивое состояние. Поскольку он не назначил себе преемника, сразу после его смерти был проведен совет его генералов, на котором было принято следующее решение о разделе его завоеваний: Птолемей Сотер получил Египет и прилегающие страны; Македония и Греция были разделены между Антипатром и Кратером; Антиг'он получил Фригию, Ликию и Памфилию; Лисим'ах получил Фракию; Евме'нес - Каппадокию и Пафлагонию. Вскоре после этого разделения Пердик'кас, самый могущественный из полководцев, сохранивших власть на Востоке и опекавших младенца Александра, провозгласил себя регентом и сразу же отправился в завоевательный поход. Однако Антигон, Антипатр, Кратер и Птолемей объединились против него, и в 321 году, после неудачной кампании в Египте, Пердикка был убит своими же офицерами.

Антипатр умер в 318 году, а вскоре после его смерти его сын Кассандр стал хозяином Греции и Македонии и приказал предать смерти оставшихся в живых членов семьи Александра. До этого времени Антигон покорил Эвмена, захватил Сирию и Малую Азию, но его растущее могущество заставило Птолемея, Селевка, Лиси́маха и Кассандра объединиться против него; они сразились с ним в знаменитой битве при Ипсусе во Фригии, которая закончилась смертью Антигона и распадом его империи (301 год до н. э.). Теперь страна была разделена на четыре независимых царства: Птолемей получил Египет и Ливию; Селевк - страны, охваченные восточными завоеваниями Александра, и всю область между побережьем Сирии и рекой Евфрат; Лисимах - северную и западную части Малой Азии, а Кассандр сохранил суверенитет над Грецией и Македонией.

Самыми могущественными из этих царств были Сирия и Египет; первое из них продолжало существовать под властью династии Селевкидов, а второе - Птолемеев, пока оба не были поглощены Римской империей. Из всех Птолемеев наиболее выдающимся был Птолемей Филадельф. Он был не только способным государем, но и отличался приятными душевными качествами, поощрял искусства и торговлю, его называли самым богатым и могущественным монархом своей эпохи. Он родился в 309 году до нашей эры и умер в 247 году. Греческий поэт Феокрит, который много жил при его дворе, так характеризует его:

Каков его характер? Царственный дух
Указывать на гений и поощрять заслуги;
Друг поэта, гуманный, добрый и любезный;
С кроткими манерами и щедрым умом.
Он замечает друга, но еще больше он замечает врага;
Его рука всегда готова одарить:
Просьба разумна, и он ее исполнит,
И то, что он дает, он дает, как король".

Затем поэт воспевае́т хвалу царю и описывает силу, богатство и великолепие его царства в следующих поразительных строках:

И здесь, о Птолемей, под властью твоей
Какие города сверкают в лучах дня!
С твоей статной пышностью ни одно царство не сравнится,

Вокруг тебя трижды десять тысяч городов возвышаются.
Пораженные ужасом твоего сверкающего меча,
Сирия склонилась, Аравия назвала тебя Господом;
Финикия содрогнулась, и Ливийская равнина,
с черным Эфиопом, владели твоими широкими владениями:
Малая Азия и ее острова побледнели.
Когда над волнами проплывала толпа твоих парусов.

Земля чувствует твой кивок, и все подвластные моря;
И каждая гулкая река катится к тебе.
И пока вокруг мелькают твои густые батальоны,
Твои гордые кони ржут в воинственном порыве.
По всем твоим городам течет торговый поток,
И богатство, превышающее величие монарха, сияет.
Этот золотоволосый Птолемей! Чей легкий порт
говорит о мягком блеске воспитанного двора;
И чей суровый облик, когда он овладевает
Копье, грозно пылающее, хмурится в шатровых полях.

И хотя он охраняет, пока другие королевства владеют
Его завоевательные руки, наследственный трон,
Но в огромных кучах не хранятся бесполезные сокровища.
Лежит, как богатства эмметского клада;
Могущественным королям он щедрость свою простирает,
Государствам единомышленникам и прославленным друзьям.
Ни один бард на празднике Вакха не появляется,
Чья лира способна очаровать восторженные уши,
Но он воздает яркие почести и награды,
В соответствии с его заслугами, равными его искусству;
И поэты, впредь, песней бессмертной славятся,
Щедрую славу Птолемея воспевают.
К чему более славному может стремиться богач.
Чем приобрести честную и прочную славу?
-Перевод ФАВКЕСА.

Кассандр пережил установление своей власти в Греции всего на четыре года, и, когда его сыновья рассорились из-за престолонаследия, Деметрий, сын Антигона, воспользовался возможностью вмешаться в их споры, отрубил брата, пригласившего его на помощь, и стал хозяином македонского трона, который принадлежал ему и его потомству, за исключением короткого перерыва после его смерти, вплоть до римского завоевания. В течение нескольких лет после смерти Деметрия Македон, Греция и западная Азия были измучены войнами, которые вели различные претенденты на власть; и в этой ситуации буря, невидимая вдали, но уже давно собиравшаяся, внезапно обрушилась на Македон, угрожая превратить своим опустошением весь Греческий полуостров в сцену запустения.

III. КЕЛЬТСКОЕ НАШЕСТВИЕ И ВОЙНА С ПИРРОМ.

Огромная орда кельтских варваров уже некоторое время собиралась у верховьев Адриатики. Под влиянием надежд на грабеж они прорвались в Македонию до границ Фессалии и в великой битве победили Птолемея Церауна, тогдашнего царя Македонии. Только города, обнесенные стенами, продержались до тех пор, пока буря не уняла свою ярость, и кельты

постепенно покинули страну, в которой почти не осталось ничего, что могло бы искушать их корыстолюбие. Но в следующем году (279 г. до н. э.) другой их отряд, численностью более двухсот тысяч человек, захватил Македонию, прошел через Фессалию, разбил союзных греков при Фермопилах, а затем отправился в Фокис, чтобы разграбить сокровища Дельф. Но их зверства возбудили против них все население, и лишь остатки их вернулись на свои прежние места на Адриатике.

Македонский престол обрел врага в лице Пирра, царя Эпира, родственника македонского царского рода, о подвигах которого римская история дает подробный отчет. В течение нескольких лет между Пирром и Антигоном II, сыном Деметрия и тогдашним царем Македонии, велась упорная борьба. Пока Пирр участвовал в этой войне, Клеон'им, царский род Спарты, которого спартанский народ отстранил от престола, чтобы дать место Арею, пригласил Пирра к себе на помощь. Пирр отправился в Спарту и, полагая, что не встретит сопротивления, приказал разбить палатки и спокойно расположился перед городом. Наступила ночь, спартанцы в смятении собрались на совет и решили отправить своих женщин на Крит для безопасности. Тогда женщины собрались и запротестовали против этого; царица Архидамия, назначенная говорить от имени остальных, вошла в зал совета с мечом в руке и, смело упрекая мужчин, сказала им, что они поступают со своими женами очень дурно, если считают их настолько слабонервными, чтобы жить после разрушения Спарты. После этого женщины бросились на защиту города и провели ночь, помогая мужчинам рыть окопы, а когда на следующий день Пирр атаковал город, ему был дан такой сильный отпор, что он вскоре отказался от осады и ушел из Лаконии. Патриотический дух и героизм спартанских женщин в этом случае хорошо охарактеризованы в следующих строках:

Царица Архидамия.

Вожди собрались в зале совета;
Их слова были печальны и немногословны,
Они были готовы сражаться и готовы пасть,
Как сыновья героев.

И пришвартован в гавани Гифэ-ума лежал
Последний спартанский флот,
который должен был доставить спартанских женщин
К солнечным берегам Крита.

Их сердца вернулись к прежним дням;
Они вспомнили о всемирном потрясении,
Когда персидские войска, как океан, катились
к подножию греческой скалы;

И они повернули свои лица, нетерпеливые и бледные,
на нарастающий шум на улице,
Как будто лязг спартанских доспехов
был топот ног завоевателя.

Это была Архидамия, спартанская царица,
храбрая, как сталь ее отца;
Она стояла, как в тишине, которая наступает между
вспышкой и раскатом грома.

Она смотрела в глаза изумленной толпе;
Спокойно смотрела вокруг;
Ее голос не был ни низким, ни громким,
Но он звенел, как ее меч о землю.

"Спартанцы!" - сказала она, и ее женское лицо
раскраснелось от гордости и стыда.

"Я спрашиваю, клянусь памятью вашего рода,
достойны ли вы этого имени?

"Вы велели нам искать новые очаги и могилы,
За пределами досягаемости врага;
И теперь, под ударами синих морских волн,
Мы клянемся, что не уйдем!

"Имя Пирра должно побледнеть на ваших щеках?
Он будет жечь, убивать и уничтожать?
Разве вы не сыновья бессмертных греков.
Которые стреляли в ворота Трои?

"Что с того, что ноги его без следа стояли
В пене пунической?
Пусть меч его до рукояти красен от крови
Которая билась в сердце Рима?

"Братья и сыновья! Мы вырастили вас мужчинами:
Наши стены - океанские волны;
Наши ветры пронесли по скалистому склону.
Где пали стойкие триста.

"Наши сердца омыты диким морским потоком,
В свете холмов и небес;
И спартанские женщины, если понадобится,
Научат мужчин умирать".

"Мы - матери храбрых мужчин и жены храбрых мужчин:
Мы готовы к подвигам и дерзаниям;
Мы готовы укрепить ваши стены своими жизнями,
И натягивать ваши луки нашими волосами.

"Пусть молодые и храбрые лягут сегодня ночью,
И мечтают о старых храбрых мертвецах,
Их широкие щиты ярки для завтрашней битвы,
Их мечи под головой.

"Наша грудь лучше, чем болты и прутья;
Мы не плачем и не рыдаем;
Мы зажжем наши факелы на звездах,
И будем работать, пока наши воины спят.

"Мы не держим в крови железо
Гнуснее чужого золота;

Память о нашем материнстве
Не купить и не продать.

"Позор предательскому сердцу, что рвется
В слабые мягкие объятия мира,
Если римский орел затрепещет крыльями
У самых ворот Греции!

"Не проси матерей, родивших тебя.
Чтоб просить вас повернуть и бежать;
Когда Спарту сотрут с лица земли.
Ее женщины могут умереть и быть свободными".

Вскоре после поражения в Спарте Пирр снова выступил в поход на Антигону; но, напав по пути на Аргос и войдя в его стены, он был убит черепицей, брошенной бедной женщиной с крыши дома. Смерть Пирра стала важной эпохой в греческой истории, поскольку положила конец борьбе за власть между преемниками Александра на Западе и освободила поле для финального поединка между свободой Греции и могуществом Македонии. Антигон стал хозяином большей части Пелопоннеса, а затем попытался взять Афины, в обороне которых ему помогали египетский флот и спартанская армия. В конце концов Афины были взяты (262 г. до н. э.), и вся Греция, за исключением Спарты, казалось, беспомощно лежала у ног Антигона, который и не подозревал, что союз нескольких ахейских городов станет грозным противником для него и его дома.

IV. АХЕЙСКАЯ ЛИГА - ФИЛИПП В. МАКЕДОНСКИЙ.

Сначала Ахейская лига состояла из двенадцати ахейских городов, которые были объединены для взаимной безопасности, образуя маленькую федеративную республику. Но примерно через двадцать лет после смерти Пирра к ней присоединились другие города, пока конфедерация не охватила почти весь Пелопоннес. Афины, доведенные Антигоном до крайнего отчаяния, были не в состоянии помочь Лиге, а Спарта энергично противостояла ей, и в конце концов ей удалось склонить Коринф и Аргос к выходу из нее. Впоследствии Спарта вступила в войну с ахейцами и своими успехами вынудила их обратиться за помощью к македонцам, своим бывшим врагам. Антигон с готовностью воспользовался возможностью восстановить влияние своей семьи в южной Греции и, выступив в поход против лакедемонян, одержал решительную победу, поставив Спарту перед фактом своего поражения; однако он умеренно использовал свою победу и предоставил спартанцам мир на либеральных условиях (221 г. до н. э.). Антигон умер вскоре после этого успеха, и ему наследовал его племянник и приемный сын Филипп V., юноша всего семнадцати лет. Этолийцы, конфедерация грубых греческих племен, при поддержке спартанцев, начали серию неспровоцированных нападений на некоторые пелопоннесские государства. Мессенцы, на чью территорию они вторглись через западное побережье Пелопоннеса, обратились за помощью к ахейцам, и молодой Филипп, поставленный во главе Ахейской лиги, начал всеобщую войну между македонцами и ахейцами с одной стороны и этолийцами и их союзниками с другой, которая продолжалась с большой жестокостью и упорством в течение четырех лет. Филипп в целом добился успеха, но новые и более амбициозные замыслы заставили его положить конец невыгодной борьбе. Его внимание привлекла великая борьба между Римом и Карфагеном, и он решил, что союз с последним откроет перед ним перспективы будущих завоеваний и славы. Поэтому был заключен договор с этолийцами, по которому все участники войны остались довольны своими владениями (217 г. до н. э.), а Филипп приготовился выступить против Рима.

После битвы между Карфагеном и Римом при Канне (216 г. до н. э.), которая, казалось, погасила последние надежды Рима, Филипп отправил посланников к Ганнибалу, карфагенскому полководцу, и заключил с ним договор о строгом союзе. Затем он отплыл с флотом вверх по Адриатике, чтобы помочь Демерию Фаросскому, которого римляне изгнали из его иллирийских владений; но во время осады Аполлонии, небольшого города в Иллирии, он был встречен и разбит римским претором М. Валерием Левинусом, и был вынужден сжечь свои корабли и отступить по суше в Македон. Так закончилась его первая встреча с римлянами. Теперь последние обратили свое внимание на Грецию (211 г. до н. э.) и постарались занять Филиппа дома, подстрекая его к нарушению недавнего договора с этолийцами и побуждая Спарту и Элиду объединиться в войне против Македона. Некоторое время Филиппа поддерживали ахейцы под руководством их знаменитого вождя Филопомена; но Афины, которые Филипп осаждал, призвали на помощь римский флот (199 г. до н. э.), и в конце концов сами ахейцы, разделившись на фракции, приняли условия мира с римлянами. Филипп продолжал бороться со своими усиливающимися врагами до своего поражения в великой битве при Циноцефале (197 г. до н. э.) от римского консула Тита Фламиния, когда он купил мир, пожертвовав своим флотом, выплатой дани и отказом от верховенства над греческими государствами.

В это время жил греческий поэт-эпиграмматист Алкиус из Мессены, который был ярким сторонником римского консула Фламиния и в некоторых своих эпиграммах воспевал поражение Филиппа. Об экспедиции Фламиния он написал следующее:

Ксеркс из Персии вел свое могучее войско,
А Тит - с берегов прекрасной Италии.
Оба воевали с Грецией; но здесь видна разница:
Тот принес *игу* - этот дает нам свободу.

Он также написал следующую саркастическую эпиграмму на македонцев из армии Филиппа, убитых при Синокефале:

Неоплаканные, непогребенные, пассажиры, мы лежим,
Три мириада сыновей плодородной Фессалии,
На этом широком поле из монументальной глины.
Это Марс наметил нас своей добычей;
Или тот, кто, вырвавшись из авзонийского лона,
В облике Тита катил волны битвы;
И научил бегать хвастливого владыку Эматии.
Так быстро, что быстрых оленей он превзошел.

Говорят, что Филипп ответил на это оскорбление следующей надписью на дереве, в которой довольно ясно описывает наказание, которое постигнет Алкея, если он попадет в руки своего врага:

Без коры и без листьев, пассажир, ты видишь,
В этом кургане виселица Алкея.
-Перевод Дж. Х. МЕРИВАЛЕ.

V. ГРЕЦИЯ, ЗАВОЕВАННАЯ РИМОМ.

На Истмийских играх, проходивших в Коринфе на следующий год после падения Филиппа, римский консул Фламиний, верный друг Греции, под руководством римского сената объявил, что Рим "снял все поборы и вывел все гарнизоны из Греции, и восстановил свободу,

свои законы и привилегии в нескольких государствах" (196 год до н. э.). Обманутые греки восприняли это сообщение с ликованием, и Фламинию были оказаны самые высокие почести, какие только мог оказать благодарный народ. [Сноска: Более полный рассказ о событиях, связанных с этим провозглашением, см. в книге *"Мозаики римской истории"*].

Римский мастер стоит на греческой земле,
И к собравшимся на Истмийские игры
Он, голосом глашатая, громко провозглашает
"Свобода Греции!" Слова повторяются.
Пока все голоса в едином порыве не захлебнулись;
Радостное восклицание, разорвавшее воздух!
И птицы, высоко летящие в стихии,
Опустились на землю, пораженные звуком!
Меланхоличное эхо этого шума
Временами доносится до слуха размышляющего Фэнси.
Ах! что слова завоевателя должны быть так дороги;
Ах! чтобы благодеяние проливалось такие восторженные радости!
Дар того, что не должно быть дано
Всеми смешанными силами земли и неба.
-УИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ.

Греки вскоре поняли, что свобода, которую даровал Рим, была предоставлена властью, которая могла отнять ее по своему желанию. Сначала этолийцы были доведены до нищеты и лишены независимости за то, что встали на сторону врага Рима - сирийского Антиоха. Позднее Персей, преемник Филиппа на македонском троне, ввязавшись в войну из-за римских амбиций, окончательно потерял свое царство в битве при Пидне (168 г. до н. э.); затем ахейцев обвинили в пособничестве Македонии в войне с Римом, и без тени доказательств против них тысяча достойнейших граждан была схвачена и отправлена в Рим для суда (167 г. до н. э.). Здесь их продержали семнадцать лет без слушаний, когда триста человек из их числа, все, кто остался в живых, были возвращены в свою страну. Эти и другие акты жестокости вызвали у римлян дух мести, который вскоре вылился в войну. Но ахейцы и их союзники были разбиты консулом Мумием под Коринфом (146 г. до н. э.), и этот город, в то время самый богатый в Греции, был разграблен и предан огню. Коринф отличался особым совершенством в искусстве живописи и скульптуры, и сидонский поэт АНТИП'АТЕР так описывает запустение города после его разрушения римлянами:

Где, Коринф, слава твоя теперь?
Твои древние богатства, твои крепостные стены,
Твои торжественные веера, твои государственные залы,
Твои высокородные дамы, твои переполненные ворота?
Не осталось ни одной развалины, чтобы рассказать
Где стоял Коринф, как пал Коринф.
Нереиды твоего двойного моря
Одни остались оплакивать тебя.
-Перевод Голдвина Смита.

Последний удар по свободе эллинской расы был нанесен, и вся Греция, вплоть до Эпируса и Македонии, стала римской провинцией под названием Ахайя. Конец Ахейской войны стал последней стадией затянувшегося процесса, в ходе которого Рим заключил свою жертву в сети своей коварной дипломатии, покрыл ее слизью своих подхалимов и наемников, раздавил ее, когда она начала бороться, а затем спокойно пожирал ее жизненные силы", -

говорит ТИРЛВАЛЛ. Но хотя Греция потеряла свою независимость, а многие ее города опустели или превратились в ничтожество, она все же сохранила свою славу в области философии и искусств и стала наставницей своих завоевателей. По известным словам Горация,

Покоренная Греция принесла в плен свои искусства,
Она торжествовала над сердцами своих диких завоевателей.
-Bk. II. Epistle 1.

Как сказал другой, "она все еще сохраняла суверенитет, который римляне не могли у нее отнять и которому они были обязаны платить дань". Куда бы Рим ни направил свои победоносные руки, он встречал греческие колонии, говорящие на греческом языке и наслаждающиеся искусством цивилизации. Все они были поглощены ею, но не потеряны. Они распространили греческие обычаи, мысли, речь и искусство по латинскому миру, и Эллада выжила в интеллектуальной жизни новой империи.

ГЛАВА XVII.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ.

ЛИТЕРАТУРА.

I. ДРАМА.

Как мы видели в предыдущей главе, греческая трагедия достигла своего зенита при трех великих мастерах - Эсхиле, Софокле и Еврипиде. Как хорошо сказал Махаффи, "ее поздние анналы - это всего лишь история упадка; и из огромного стада последних трагиков только двое, и двое самых ранних - Ион из Киоса и Аг'атон - могут быть названы живыми фигурами в истории греческой литературы". Даже они, судя по всему, писали до того, как Софокл и Еврипид завершили свою карьеру. Но до нас дошли лишь немногие фрагменты их гения. Лонгинус сказал об Ионе, что он был скорее беглым и отточенным, чем смелым или возвышенным; в то время как Агафон был охарактеризован как "создатель нового трагического стиля, сочетающего словесные изящества и этические тонкости софистов с художественными претензиями роскошного вида".

В то время как трагедия пришла в упадок, с комедией дело обстояло иначе, поскольку ее изменения были прогрессивными. Большинство писателей делят греческую комедию на старую, среднюю и новую; и хотя границы между этими тремя видами очень нечеткие, каждый из них имеет определенные, четко выраженные характеристики. Утверждается, как мы уже отмечали, что главными темами первой были политика дня, характеры и поступки ведущих людей; что главной особенностью второй, в которой действия хора были значительно сокращены, было исключение личной и политической критики, а также пародии на богов и высмеивание определенных типов характеров; и что Новая комедия, в которой хор исчез, была направлена на изображение сцен и характеров домашней жизни. Средняя комедия, однако, продолжала оставаться в какой-то степени личной и политической, и даже в Новой комедии эти черты Старой часто проявляются.

Аристофан, лидер Старой комедии, под конец своей жизни создал "*Лягушек*" - произведение, которое ознаменовало переход от Старой к Средней комедии. Последняя школа, однако, зародилась на Сицилии, и ее наиболее выдающимися авторами были Антифан, вероятно, афинянин, родившийся в 404 году, и Алекс'ис из Ту'рии, родившийся

около 394 года. Новая комедия возникла после того, как Афины оказались под властью Македонии, и к этому периоду относятся шестьдесят четыре поэта, поздние из которых сочиняли свои пьесы в Александрии, во времена преемников Александра. Основателем этой школы был Филемон из Соли, в Киликии, родившийся около 360 года до н. э. Из девяноста его пьес сохранились фрагменты пятидесяти шести. Большинство из них описываются как "элегантные, но не глубокие размышления о "переменах и шансах этой смертной жизни"". Один из поздних критиков выбрал следующий фрагмент как показательный для Филемона и в то же время благоприятный для его репутации:

Веруй в Бога и бойся; не стремись познать Его;
Ибо ты ничего не добьешься в своих поисках;
Есть ли он или нет, не спрашивай:
Как тот, кто есть и видит тебя, всегда бойся его".
-Перевод Дж. А. Саймонса.

МЕНАНДЕР.

Однако признанным мастером и представителем этого периода и последним из классических поэтов Греции был Менандр, афинянин, сын Диопифа, полководца, которого Демосфен защищал в своей речи "О Херсонесе", и племянник поэта Алексиды. Менандр родился в 342 году до н. э.; и хотя сохранились лишь фрагменты его сочинений, он был настолько близко скопирован или подражаем римскими комическими поэтами, что его стиль и характер можно проследить очень четко. МР. Саймондс так описывает его: "Его личная красота, любовь к изысканным удовольствиям, отличавшая его в жизни, безмятежный и гениальный нрав его мудрости, отточенность его стихов и гармония частей, которую он соблюдал в композиции, оправдывают нас, называя Менандра Софоклом комедии. Если бы мы судили по дошедшим до нас фрагментам, то должны были бы сказать, что комедия Менандра - это этическая философия в стихах; так зрела его мудрость, так весом его язык, так серьезен его тон. Яркость прекрасного греческого духа в нем отрезвлена почти до грусти. Однако тот факт, что Стобæс нашел в нем плодотворный источник душещипательных цитат и что из его пословиц были составлены алфавитные антологии, не должен затмевать его славу юмориста и весельчака. Если старики ценили его гениальную или острую житейскую мудрость, то мальчики и девочки читали его, как нам говорят, за его любовные истории".

Менандр был близким другом философа Эпикуруса и, как предполагается, перенял его учение. Однако по этому поводу М. Саймондс замечает: "Если говорить в целом, то философия, которая была в моде в Афинах в период действия "Новой комедии", была тем, что в наши дни известно как эпикурейство. Однако было бы несправедливо смешивать серьезную и гениальную мудрость Менандра с такой тривиальной философией, которая может быть подытожена предложением "ешь и пей, ибо завтра мы умрем". Фрагмент из неизвестной его пьесы выражает пафос человеческого существования с глубиной чувств, несовместимой с простым стремлением к удовольствиям:

"Когда ты хочешь узнать себя, какой ты человек,
Взгляни на надгробия, проходя мимо:
Внутри этих памятников лежат кости и прах
Монархов, тиранов, мудрецов, людей, чья гордыня
возвысилась благодаря богатству или благородной крови,
Или надменная душа, или прекрасные конечности;
Но никто из них не боролся со временем;

Одна общая смерть постигла всех смертных.
See thou to this, and know you who you are".

Как говорит Эуджен Лоренс: "Большинство современных комедий основано на комедиях Менандра. Они возрождают его персонажей, повторяют его шутки, пересаживают его юмор; и остроумие Мольера, Шекспира или Шеридана зачастую то же самое, что когда-то вызывало крики смеха на аттической сцене".

II. ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО.

Перейдем к знаменитым ораторам,
К тем древним, чье красноречие
Овладевали по своей воле свирепой демократией,
Сотрясали арсенал и неслись над Грецией
К Македонии и трону Артаксеркса.
-МИЛТОН.

Красноречие, или ораторское искусство, которое Цицерон называет "другом мира и спутником спокойствия, требующим для своей колыбели уже устоявшегося и процветающего содружества", было развито в Греции благодаря демократическому характеру ее институтов. Она была едва известна до времен Фемистокла, первого известного оратора; а во времена Перикла она внезапно поднялась в Афинах на большую высоту совершенства. Сам Перикл, чьей главной целью было склонить народные собрания к своей воле, занимался ораторским искусством с таким усердием и успехом, что поэты его времени говорили о нем, что в некоторых случаях богиня убеждения со всеми ее чарами, казалось, обитала на его устах; и что в другое время его речи обладали всей яростью грома, чтобы тронуть души его слушателей. Золотой век греческого красноречия охватывает период в сто тридцать лет со времен Перикла, и в течение этого периода пальма первенства принадлежала только Афинам.

Из многочисленных афинских ораторов наиболее выдающимися были Лисий, Исократ, Эсхин и Демосфен. Первый из них родился около 435 года до н. э. и был восхищен пронизательностью, чистотой, сладостью и деликатностью своего стиля. В раннем возрасте он жил в Фуриях, а по возвращении в Афины ему не разрешали выступать в собраниях и судах, поэтому он писал оратории для других. Многие из них отличаются большой энергией и силой. Дионисий, римский историк и критик, хвалит Лисия за его изящество, Цицерон - за тонкость, а Квинтилиан - за правдивость. Исократ родился в Афинах в 436 году. Получив наставления от самых знаменитых софистов своего времени, он открыл школу риторики и был одинаково почитаем как за совершенство своих сочинений - в основном политических ораций, так и за успехи в преподавании. Его стиль был более философским, гладким и элегантным, чем у Лисия. "Цицерон, - говорит современный критик, - чей стиль очень похож на стиль Исократ, похоже, использовал его в качестве образца, как и Демосфен; и через этих двух ораторов он сформировал всю прозу современной Европы". Исократ дожил до преклонных девяноста восьми лет, а затем умер, как говорят, от добровольного голода, скорбя о роковой битве при Херонее.

"Эта бесчестная победа.
При Херонее, роковой для свободы,
Убила с докладом красноречивого старика".

ЭСХИНЕС И ДЕМОСФЕН.

Оратор Эсхин родился в 398 году до н. э. Он считается отцом вневременной речи у греков, но выделяется главным образом как соперник Демосфена, а не за свои немногочисленные оратории (всего три), дошедшие до нас, хотя от природы он был наделен необычайными риторическими способностями, а его оратории отличаются легкостью, порядком, ясностью и точностью. "Красноречие Эсхина, - говорит американский ученый и государственный деятель [Сноска: Хью С. Легаре из Чарльстона, Южная Каролина, в статье о Демосфене в *"Нью-Йорк ревью"*]. "...имеет блестящий и яркий характер, время от времени, хотя и очень редко, переходящий в Цицероновскую декламацию. В целом его вкус безупречен; он ясен в изложении, близок и убедителен в аргументации, ясен в расположении, замечательно графичен и оживлен в стиле, полон духа и приятности, без малейшего проявления акцента или усилия. Он особенно преуспел в описании и изображении характеров. То, что его способности были оценены его великим соперником, видно из частых обращений последнего к собранию с призывом помнить, что их дебаты - не театральные выставки голоса и ораторского искусства, а обсуждения, затрагивающие безопасность их страны."

Покинув Афины после поражения в знаменитом поединке с Демосфеном, Эсхин отправился на Родос, где основал школу риторики. Рассказывают, что однажды он начал обучение с чтения двух ораций, которые стали причиной его изгнания. Слушатели громко аплодировали его собственной речи, но когда он прочитал речь Демосфена, они пришли в дикий восторг. "Если вы так хвалите ее по моему прочтению, - воскликнул Эсхинс, - то что бы вы сказали, если бы слышали, как ее произносит сам Демосфен?"

По общему признанию древних и современных людей, Демосфен занимает первое место по красноречию, патриотизму и влиянию на афинский народ. Он родился около 383 года до н. э. По достижении совершеннолетия его первая речь была направлена против двоюродного брата, которому было доверено его наследство, и который отказался передать ему то, что от него осталось. Демосфен выиграл дело, и эта победа сделала его настолько заметным, что вскоре его стали привлекать к написанию заявлений для тяжущихся в судах. Он посвятил себя непрестанному изучению и практике ораторского искусства и, преодолевая различными способами слабость тела и недостаток речи, стал вождем ораторов. О его общественной жизни мы уже кое-что видели в истории Афин. При всей его нравственной и интеллектуальной силе последние годы его жизни были омрачены несчастьем и позором. Через пятьдесят лет после его смерти афиняне воздвигли бронзовую статую в память о нем, а на пьедестале поместили такую надпись:

Божественный в речах, в суждениях тоже божественный,
Если бы венок доблести, Демосфен, был твой,
И если бы венок доблести, Демосфен, был твоим, Прекрасная Греция еще несла бы знамя
своей свободы,
И бич Македонский презирала!

Что касается характера ораций Демосфена, следует признать, что современники придерживаются несколько противоречивых мнений. Лорд Бройгхэм, признавая, что Демосфен "никогда не отклоняется от темы, что каждое замечание говорит о деле, о котором идет речь, что все его иллюстрации приводятся к делу, и что он никогда не делает шаг в любом направлении, которое не продвигает его основной объект и не ведет к заключению, к которому он стремится привести своих слушателей", все же отрицает, что он отличается теми "цепями рассуждений" и той "тонкой аргументацией", которые являются главным достоинством наших величайших современных ораторов. Хотя он признает, что Демосфен

изобилует самыми "подходящими темами и такими счастливыми ударами - если использовать домашнее, но выразительное выражение - которые оказывают магическое воздействие на народное собрание, и что он облакает их в самый изысканный язык, располагает их в самом совершенном порядке, и пленяет слух музыкой, которая по его воле может провоцировать или успокаивать, и даже очаровывать чувства", - все это он считает более подходящим для больших народных собраний, чем для более изысканной и избранной аудитории, например, состоящей из ученых сенаторов и судей. Но это значит, что он признает, что с восхитительным тактом и рассудительностью приспособлял себя к теме и случаю. Но если в отношении "Филиппик", речи против Эсхина и речи о короне характер, приписываемый ораторам великого афинского оратора, может быть верным, то к многочисленным речам, которые он произносил в случаях более суровых, его нельзя считать применимым.

"То, что отличает красноречие Демосфена от всех других, древних или современных, - говорит уже цитировавшийся американский писатель, - это искренность, убежденность и сила убеждения, которая принадлежит сильному и глубокому убеждению, испытываемому оратором". Это то, что Мильтон определяет как истинное красноречие: "не что иное, как серьезная и сердечная любовь к истине" - или, что более правильно, то, что оратор считает истиной. Это преимущество Демосфен имел перед Эхином. Он верил в свою страну, верил в ее народ (если его удавалось разбудить), верил в ее институты. Он сходит с ума от одной мысли, что македонец, варвар, должен побеждать афинян на поле боя и устанавливать законы Греции. Римский историк и критик Дионисий сказал о его ораторском искусстве, что его высшим свойством является дух жизни, который пронизывает его. Другими замечательными чертами были его удивительная гибкость и разнообразие, сгущенность и совершенное логическое единство, тщательная и изысканная отделка деталей, к которым следует добавить ту отточенную гармонию и ритм, которые не могут быть достигнуты в такой же степени ни в одном современном языке. Более того, как бы тщательно ни были составлены эти речи, они все равно оставались речами и выглядели как спонтанные излияния момента. Ни одна вневременная речь не была более свободной и естественной".

Историк Хьюм говорит о стиле Демосфена: "Это была быстрая гармония, приспособленная к смыслу; пылкие рассуждения без всякой видимости искусства; презрение, гнев, смелость и свобода, вовлеченные в непрерывное напряжение аргументации". Другой автор говорит: "Именно его непоколебимая твердость, его презрение ко всем компромиссам сделали его первым среди государственных деятелей и ораторов; в этом заключалась суть его силы, первичное основание его превосходства; все остальное было лишь вторичным. Тайна его могущественного влияния, таким образом, заключалась в его честности; именно она придавала теплоту и тон его чувствам, энергию его языку и впечатление от его манеры, перед которым любое обвинение в неискренности должно было немедленно исчезнуть".

III. ФИЛОСОФИЯ.

ПЛАТО.

Пока ораторское искусство в Греции достигало совершенства, философия в равной степени продвигалась в направлении, намеченном Сократом. Среди философов светлого периода греческой истории есть имена Платона и Аристотеля - имена, которые всегда будут бережно храниться и почитаться, пока гений и достоинства остаются предметом восхищения. Из учеников Сократа Платон, родившийся в Афинах в 429 году до н. э., был, безусловно, самым выдающимся и единственным, кто в полной мере оценил интеллектуальное величие и

воспринял глубокие концепции своего учителя. Фактически, он превзошел Сократа в глубине своих взглядов, а также в правильности и красноречии, с которыми он их излагал. После смерти своего учителя Платон покинул Афины и в течение двенадцати лет посещал разные страны, занимаясь философскими изысканиями. Вернувшись в Афины, он основал свою философскую школу в Академе - прекрасном месте в предместье города, украшенном рощами, аллеями и фонтанами, которое обессмертило его имя.

Здесь философия

Вместе с Платоном обитала и разрывала оковы разума;
Здесь, с накинутым на плечи плащом,
Его домашняя одежда с кожаным поясом
Его белоснежная борода спускается вниз.
На его широкой груди, его острый темный глаз
Смотрят из-под дугообразных бровей,
Он поставил свою обутую в сандалии ногу и оперся на свой посох.
Опираясь на посох, он рассказывал своим ученикам.
Как могучая ткань творения поднялась
Из бездны хаоса: затем он проследил
Границы добродетели и порока, источник
добра и зла; набросал идеальную форму
Красоты, и раскрыл все силы
разума, которым он не подвластен,
и взмывает от земли к бессмертию.
-ХАЙГАРТ.

Платону, как намекает поэт в своих заключительных строках, мы обязаны первым формальным развитием сократовской доктрины о духовности души и первой попыткой продемонстрировать ее бессмертие. Как хорошо сказал один из поздних писателей: "Гений Сократа наполняет всю философию Платона, и два их ума вместе пронесли над миром". О своей доктрине по этому вопросу, изложенной в "*Фиду*", лорд Бройгхэм пишет так: "Вся ее суть относится к обновлению или продолжению души как отдельного и индивидуального существования после распада тела, причем с полным сознанием личной идентичности: короче говоря, к продолжению существования того же разумного существа после смерти. Освобождение от тела рассматривается как начало новой, более совершенной жизни". Единственный труд Платона по физике - "*Тимей*". Все его произведения называются "Диалоги", которые критики делят на два класса - поисковые и излагающие. Среди последних "*Республика*" и "*Законы*" дают нам представление о политических взглядах автора, а на первых основаны "*Утопия*" Мора и другие произведения подобного характера в наше время.

"Платон, из всех авторов, - говорит DR. A. C. KENDRICK, [Сноска: Статья "Платон" в *американской Циклопедии Эпптона*] "является тем, к кому наименьшая справедливость может быть применена с помощью любого формального анализа. В духе, которым проникнуты его труды, в их неустанной свежести, в их чистоте, любви к истине и добродетели, в их вечном стремлении к высочайшим вершинам знания и совершенства, гораздо больше, чем в их позитивных доктринах, кроется секрет их очарования и их неизменной силы. Платона часто называют идеалистом. Но это относится скорее к духу, чем к форме его учения; ведь в сущности он - убежденный реалист и отличается от своего великого ученика Аристотеля не столько философским методом, сколько высокими нравственными и религиозными устремлениями, которые постоянно окрыляли его дух к

прекрасному и доброму. Его формальные ошибки обильны; но даже в его ошибках истина часто глубже ошибки; и когда она дискредитирована, язык приспосабливается к более глубокой истине, которая была скорее неадекватным выражением, чем прямым противоречием". Относительно *стиля* сочинений Платона один выдающийся английский ученый и переводчик замечает следующее: "Язык, на котором передаются его мысли, не менее примечателен, чем сами мысли. В своих более возвышенных пассажах он, подобно своему Прометею, поднимается на небо и спускает оттуда благороднейшую из всех краж, [Сноска: См. историю Прометея] мудрость с огнем; но в целом, спокойный, чистый и незатронутый, его стиль течет, как поток, который журчит свою собственную музыку, когда он бежит; и его произведения возвышаются, подобно великой ткани греческой литературы, лучшим образцом которой они являются, в спокойном и бесшумном величии." [Сноска: Томас Митчелл].

Платон умер в преклонном возрасте восьмидесяти одного года, его умственные способности не ослабли, и он был похоронен в Академии. На его могиле была помещена следующая надпись:

Здесь прославился первый из всех людей чистой справедливостью,
Аристокл, учитель нравственности, лежит:
[Сноска: Собственное имя Платона было Аристокл:
но в юности товарищи по гимназии называли его Платоном.
в гимназии, из-за его широких плеч.
(От греческого слова *platus* - "широкий")].
И если прежде жил один истинно мудрый,
Этот человек был еще мудрее: он слишком велик для зависти.

АРИСТОТЕЛЬ.

Аристотель родился в 384 году до н. э. в Стагиаре, в Македонии. Поэтому его часто называют "Стаги-ритом", как называет его Папа в следующем посвящении, найденном в его Храме славы:

Здесь, в святилище, ослепительно сияющем,
Сидел, застыв в раздумье, могучий Стагирит;
Его священную голову венчает лучезарный зодиак,
И различные животные его окружают;
Его пронзительные глаза, возведенные прямо, казалось, смотрят
Высшие миры и всю природу насквозь.

В семнадцатилетнем возрасте он отправился в Афины и вскоре стал учеником Платона. Его необычайная острота восприятия и неутомимость рано завоевали внимание и аплодисменты его учителя, который называл его "умом" школы и говорил, когда он отсутствовал: "Интеллекта здесь нет". После смерти Платона Аристотель покинул Афины, а в 343 году по приглашению Филиппа отправился в Македонию и стал наставником молодого принца Александра. В последующие годы Александр помогал ему в научных занятиях: присылал ему множество предметов естественной истории и давал крупные суммы денег, которые в общей сложности оценивались в два миллиона долларов.

В 335 году Аристотель вернулся в Афины и открыл свою школу в Ликее. Он ходил со своими учениками вверх и вниз по тенистым аллеям, беседуя о философии, и поэтому его школу называли *перипатетической*. Аристотель нигде не проявляет достоинств Платона в служении метафизике, однако он был самым ученым и самым плодовитым из писателей

Греции. Он не обладал ни поэтическим воображением, ни гением своего учителя, но он овладел всей философской и исторической наукой своего века, и в большей степени, чем Платон, его интеллект повлиял на ход современной цивилизации. Он был в высшей степени практическим философом - холодным исследователем, чей ум не достиг высоких и возвышенных учений Платона о Божестве и судьбе человечества. В книге BROWNE's *Greek Classical Literature* мы находим следующую справедливую оценку его деятельности: "Нельзя слишком высоко оценивать практическую природу ума Аристотеля. Он никогда не забывал о том, что вся философия имеет отношение к счастью человека, и никогда не упускал из виду его нужды и потребности. Он видел неадекватность всех знаний, если не мог проследить в них видимую практическую тенденцию. Но в этом единственном пункте он сильно отстает от своего великого учителя Платона. Все его представления о благе человека ограничиваются рассмотрением только этой жизни. Невозможно проследить в его трудах какую-либо веру в будущее состояние или бессмертие".

В течение многих веков после Средневековья, особенно с одиннадцатого по пятнадцатый, метафизические учения Аристотеля тиранически властвовали над общественным сознанием; но постепенно они уступили место более возвышенным и тонким учениям Платона. Однако его исследования в области естественных наук, а также его работа в качестве логика и политического философа составляют его величие и создают то огромное влияние, которое он оказывал на мир. "Наука обязана ему своим самым ранним импульсом", - говорит Мр. ЛАВРЕНС. "Он усовершенствовал и привел в форму, - говорит ДР. WILLIAM SMITH, "те элементы диалектического искусства, которые были вычеркнуты Сократом и Платоном, и превратил их своими дополнениями в настолько законченную систему, что его можно считать одновременно основателем и совершенствователем логики как искусства". Он построил свою *политику* на столь прочной философской основе и на доказательствах столь обширного и разнообразного политического опыта, что его уроки о подъеме и падении правительств никогда не устареют и будут постоянно получать новые подтверждения, пока человеческая природа остается прежней". Аристотель был другом македонян, а после смерти Александра бежал из Афин в Халкис на Эвбее, чтобы избежать суда за нечестивость. Там он умер в 322 году до н. э. Жизнь трех великих философов Греции - Сократа, Платона и Аристотеля - охватывает то, что принято называть "философской эпохой Афин". На эту эпоху прекрасно намекнул Милтон в своем известном описании знаменитого города; а в отношении Академии, или Academia, прекрасного сада, который был местом отдыха философов, Эдвин Арнольд выражает такие чувства почтения:

Приятнее, чем холмы Фессалии,
Ближе и дороже сердцу поэта.
Чем голубая рябь, опоясывающая Саламин,
Или длинная трава над Марафоном,
Прекрасная Академия, святейшая Академия!
Ты есть, и была, и будешь.
Я хотел бы быть причисленным к тем, кто был,
Сменив лихорадку сегодняшнего дня
На дорогой покой вчерашнего дня:
Я бы стал прахом под травой,
Так я бродил по твоим равнинным дорожкам.
В счастливые летние сумерки - хотя бы один.
Разве это не величественно, и прекрасно, и редко,
Музыка, мудрость и тень,
Музыка галечных речушек,

И оливковых ветвей, и соловьев,
радостно подпевающих радостным событиям.
Рассказанные седым Силеном в роще,
Низкорослый и широкоплечий Сократ!
О, если б под оливковыми цветами
Хоть раз в жизни смертной,
мраморное величие древних богов!
И наблюдать за кольцом слушателей...
Греческих юношей, обезумевших от любви к истине,
Греческих девушек, побледневших от любви к нему.
Кто учил правде, кто сражался за правду;
И девушки, и юноши, и женщины, и бородатые мужчины,
Толпились, чтобы услышать и в сердцах хранить
Чтоб жизнь свою сделать счастливой,
А смерть - счастливым концом.

ЭПИКУ'РУС И ЗЕ'НО.

Философская школа, известная как эпикурейская, была основана Эпикуром, уроженцем Самоса, родившимся в 342 году, который в ранней юности отправился в Афины, а в возрасте тридцати лет утвердился в качестве учителя философии. Он пользовался большим успехом. Он не верил в бессмертие души и учил стремиться к душевным удовольствиям и счастью как к высшему благу. Хотя его образованность была невелика, он был человеком безупречной нравственности, уважаемым и любимым своими последователями до удивительной степени. Хотя он написал книги в защиту благочестия и почитания богов в силу совершенства их природы, он утверждал, что они не имеют никакого отношения к человеческим делам. Поэтому римский поэт Лукреций, живший в то время, когда старая вера в богов и богинь языческого мира почти угасла, приписывает учению Эпикура победу философии над суеверием.

На земле в рабстве лежало низменное существование,
согнутое железной хваткой суеверий.
Она с небес обнажила свою чудовищную голову,
И, мрачный, наводящий ужас, навис над сынами суеверия,
Нависла над сынами людей; но к небесам
Греческий мужчина осмелился поднять свои смертные глаза,
И первым устоял. Не ему слава
божеств, молний коварное пламя,
Ни ропот грозных небес.
подавляли; но пробуждали великую энергию его души.
Чтоб сломать решетки, что лежали,
И сквозь врата природы пробил себе дорогу.

Та яркая сила души, что нашла проход;
Пламенные стены, закрывающие мир вокруг
Он далеко перешагнул; дух его воспарил ввысь
Сквозь необъятное целое, единую бесконечность.
Виктор, он принес с небес весть о том.
О том, что в природе может быть, а может и не быть;
Какие законы устанавливает конечная сила,
И все еще с непроходимыми границами.

Так под нашими ногами лежит фантом;
Мы возносимся над суеверием к небесам.
-Перевод. ЭЛТОН.

Школа стоиков была основана Зеноном, уроженцем Кипра, который прибыл в Афины около 299 года до н. э. и открыл школу в *Поики-ле-Стоа*, или расписном крыльце, откуда и пошло название его секты. Как известно, главными догматами стоиков были воздержание и самоотречение, которые сам Зенон практиковал, живя на неприготовленной пище, нося зимой очень тонкую одежду и отказываясь от жизненных удобств в целом. Для стоиков удовольствие было иррациональным, а боль - визитом, который нужно переносить с легкостью. И стоицизм, и эпикурейство процветали среди римлян. Учение Эпиктета, римского философа-стоика, сводится к формуле "терпеть и не поддаваться"; говорят, что он заметил: "Человек - всего лишь лоцман; следи за звездой, держи руль и не отвлекайся на пути". Обе эти философские школы, однако, перешли в скептицизм. Эпикурейство превратилось в материальный фатализм и поиск удовольствий, а стоицизм - в духовный фатализм. Но когда Евангелие пробудило человеческое сердце к жизни, именно греческий разум дал человечеству христианскую теологию.

IV. ИСТОРИЯ

КСЕНОФОН.

Самым выдающимся греческим историком этого периода был Ксенофонт, о котором мы уже кое-что знаем как о руководителе знаменитого "Отступления десяти тысяч" и как об авторе восхитительного и поучительного рассказа об этом достижении. Он родился в Афинах около 443 года до н. э. и в раннем возрасте стал учеником Сократа, чьих принципов он строго придерживался всю жизнь, как на практике, так и в теории. За свои философские взгляды он был изгнан афинянами еще до возвращения из экспедиции в Азию, но спартанцы, с которыми он сражался против Афин при Коронее, подарили ему поместье в Скилле, в Элиде, и здесь он жил, занимаясь литературной деятельностью, которая была разнообразна домашними удовольствиями и активными полевыми видами спорта. Он умер либо в Сцилле, либо в Коринфе, куда, по мнению некоторых авторитетов, он переехал в последние годы своей жизни, на девяностом году жизни.

Среди работ Ксенофонта - "*Анаб'асис*", считающаяся его лучшей, описывающая продвижение в Персию и мастерское отступление; "*Эллина*", история Греции в семи книгах, со времен Фукидида до битвы при Мантинее в 362 г. до н.э.; "*Киропоздия*", политический роман, основанный на истории Кира Великого; трактат о лошади и обязанностях кавалерийского командира; трактат об охоте; картина афинского пира, развлечений и разговоров, которыми он был разнообразен; и, самое приятное из всех, "*Меморабилия*", посвященная защите жизни и принципов Сократа. О замечательном сборнике Ксенофонта Мр. МИТЧЕЛЛ говорит: "Писатель, который с одинаковым интересом рассказывает об отступающей армии и описывает сцену скачек; который с одинаковой верностью описывает общего конюха и идеальный образец супружеской верности, - такой человек видел жизнь в аспектах, которые научили его знать, что есть вещи бесконечно более важные, чем поворот фразы, музыка каденции и другие тонкости, которые нужны роскошной и пышной метрополии. Добродетельные чувства, которые были необходимы уму, устроенному так, как устроен его ум, вбирали в свое всеобъемлющее лоно благосостояние всего мира".

Хотя гений Ксенофонта был не самого высокого порядка, его труды стали для всех последующих эпох одним из лучших образцов чистоты, простоты и гармонии языка: Некоторые из его современников называли его "аттической музой", другие - "афинской

пчелой", а его манеры и внешность были описаны Диогеном Лаэртцем в его *"Жизни философов"* в следующем кратком, но исчерпывающем предложении: "Скромный в поведении и красивый в замечательной степени".

ПОЛИБИЙС.

Из выдающихся греческих историков Полибий был последним. Он родился около 204 года до н. э., жил и писал в завершающий период греческой истории. Будучи доставлен в Рим в качестве пленника вместе с тысячей выдающихся граждан Ахайи, он своими достижениями обеспечил себе дружбу Сципиона Африканского Минора и своего отца, Эмилия Паулуса, в доме которого он жил. Он проводил время, собирая материалы для своих работ и давая наставления Сципиону. В 150 году до н. э. он вернулся на родину вместе с оставшимися в живых изгнанниками и активно пытался склонить греков к миру с римлянами, но, как мы знаем, безуспешно. После римского завоевания греки, похоже, осознали мудрость его советов, поскольку на статуе, воздвигнутой в память о нем, была надпись: "Эллада была бы спасена, если бы последовала совету Полибия". Полибий написал историю в сорока книгах, охватывающую период между началом Второй Пунической войны в 218 году до н.э. и разрушением Карфагена и Коринфа римлянами в 146 году до н.э. Это самая достоверная история этого периода, которую мы имеем, и которая была тщательно скопирована последующими авторами. Правильную оценку ее характера и ценности можно найти в следующем резюме:

"Большая часть ценного и кропотливого труда Полибия погибла. Мы имеем только первые пять книг целиком, а также фрагменты и выдержки из остальных. Однако и в таком виде это один из самых ценных исторических трудов, дошедших до нас. Его стиль, действительно, не выдерживает сравнения с великими мастерами греческой литературы: он не красноречив, как Фукидид, не практичен, как Геродот, не проникновен и элегантен, как Ксенофонт. Он жил в то время, когда греческий язык во многом утратил свою чистоту из-за примеси чужеродных элементов, и он не пытался подражать языку аттических писателей. Он писал так же, как и говорил: он дает нам первые черновые наброски своих мыслей и редко берет на себя труд упорядочить или методизировать их; поэтому они часто скудны и безыскусны и нередко полностью отклоняются от темы.

"Но в высшем качестве историка - любви к истине - Полибий не имеет себе равных. Это всегда преобладает в его работах. Он обладает рассудительностью, чтобы проследить следствия до их причин, полным знанием своих предметов и беспристрастностью, которая не позволяет ему скрывать их в пользу какой-либо партии или дела. В своих географических описаниях он не всегда ясен, но его описания сражений никогда не были превзойдены. Его труды вызывают восхищение у воинов, копируются политиками и подражаются историкам. Брут постоянно держал его в руках, Таллий переписывал его, а многие из лучших отрывков Ливия принадлежат греческому историку".

ART.

I. АРХИТЕКТУРА И СКУЛЬПТУРА.

После окончания Пелопоннесской войны совершенство и применение нескольких направлений греческой архитектуры проявилось скорее в планировке городов в более широком масштабе и в увеличении великолепия частных резиденций, чем в заметном изменении стиля общественных зданий и храмов. Александрия в Египте и Антиохия в Сирии были лучшими примерами греческого гения в этом направлении, как в регулярности и размерах их общественных и частных зданий, так и в их внешнем и внутреннем украшении.

Этот период также отличался великолепными усыпальницами и другими памятниками. Из них, вероятно, самым изысканным образцом архитектурного вкуса является круглое здание в Афинах, монумент Хо-рагик, или "Фонарь Демосфена", воздвигнутый в честь победы, одержанной хором лисикийцев в 334 году до н.э. "Это самый чистый образец коринфского ордера", - говорит один из писателей по архитектуре, - "который дошел до нашего времени, чья миниатюрность и ненавязчивая красота сохранили его почти целым среди руин самых могучих нагромождений афинского искусства". Среди других знаменитых памятников этого периода - воздвигнутый в Галикарнасе карийской царицей Артемией в память о ее муже Мавсоле, украшенный скульптурными украшениями работы Ско'паса и других, и считающийся одним из семи чудес света; восьмиугольное сооружение, Хорологиум Андроникуса Киррхеса, в Афинах.

В скульптуре Афины по-прежнему занимали ведущее положение, но стиль и характер их позднейшей школы существенно отличались от предшествующей фидийской. "Ближе к концу Пелопоннесской войны, - пишет один из недавних авторов, - в привычках и чувствах афинского народа произошли изменения, под влиянием которых сформировалась новая школа скульптуры. Народ, избалованный роскошью, жаждущий удовольствий и волнений, которые открыло ему процветание эпохи Перикла, относился к суровым формам старых мастеров с еще меньшим терпением, чем к строгим добродетелям поколения, изгнавшего персов из Греции. Скульпторы, передавая в своих произведениях отголоски времени, вместо величественного и возвышенного культивировали мягкое, изящное и плавное, стремясь к выражению более сильной страсти и драматического действия. Юпитер, Юнона и Минерва, любимые темы фидийской эпохи, уступили место таким божествам, как Венера, Вахх и Амор; с уходом старых богов ушла и та безмятежная и величественная величавость, которой были отмечены их изображения". [Сноска: К. С. Вейман].

Первым великим художником этой школы был Скопас, родившийся на Паросе и процветавший в первой половине четвертого века до н.э. Хотя он был известен в архитектурной скульптуре, он преуспел в одиночных фигурах и группах, "сочетая силу выражения с изяществом". Скопасу приписывают знаменитую группу Ни'о-бе и ее детей, убитых Артемидой и Аполлоном, копия которой хранится в музее Флоренции, и статую Венеры-победительницы в Лувре в Париже. Самой почитаемой из его работ, по словам Плиния, была группа, изображающая Ахилла, которого морские божества вели к острову Леуце. Единственный другой художник этой школы, о котором мы будем говорить, - Пракситель, современник Скопаса. Он превосходно изображал женскую фигуру, его шедевром была "Афродита" из Книдии, обнаженная статуя из парийского мрамора, выполненная с натуры, изображающая Венеру, только что вышедшую из ванны. Впоследствии эта статуя была перевезена в Константинополь, где была сожжена во время правления Юстиниана.

За афинской школой скульптуры во времена Александра Македонского последовала так называемая сицилийская школа, ведущими представителями которой были Эфранор из Коринфа и Лисипус из Сици-она. Первый был как художником, так и скульптором. Его статуи были выполнены в бронзе и мраморе и вызывали восхищение своим достоинством. Лисипп работал только в бронзе и был единственным скульптором, которому Александр Македонский разрешил изображать его в статуях. Его работы были очень многочисленны, в том числе колоссальная статуя Юпитера в Тарентуме высотой в шестьдесят футов, несколько статуй Геркулеса и многие другие. Последующие и более поздние греческие скульпторы не пытались открыть новый путь в дизайне, но они неуклонно поддерживали репутацию этого искусства. Множество великолепных работ было создано на Родосе, в Александрии, Эфесе и

других местах Востока. Среди них - знаменитый Колосс, статуя солнца, спроектированная и выполненная Чаасом из Родоса, которая возвышается своей огромной формой на сто пять футов в высоту у входа в гавань Родоса; Фарнезский бык из Неаполя, найденный в банях Каракаллы в Риме, также работа родосского художника; и Аполлон Бельведерский в Ватикане.

Две работы этого позднего периода заслуживают особого упоминания. Одна из них - статуя "Умиравший гладиатор" в Капитолийском музее в Риме, которая, как предполагается, была привезена из Пергама. По словам Лютке, "она, несомненно, изображает галла, который во время битвы, видя, что враг приближается в подавляющей силе, пал на свой меч, чтобы избежать позорного рабства. Охваченный слабостью приближающейся смерти, он упал на свой щит; его правая рука с трудом не дает ему опуститься на землю; его жизнь быстро улетучивается вместе с кровью, вытекающей из глубокой раны на груди; его широкая голова тяжело падает вперед; туман смерти уже затуманил его глаза; его брови сведены от боли, а губы разошлись в последнем вздохе. Пожалуй, нет другой статуи, в которой горькая необходимость смерти была бы выражена с такой ужасной правдой - тем более ужасной, что выносливое тело так полно сил".

Опираясь на укороченную руку, он наклоняется,
мучительно склонившись; с покорностью судьбы
Тяжело склоняет голову, а под ней темнеет
Страданья черта угрюмо мстит,
Стыд, негодование, неисполненная ярость;
И все еще обманутый взор ожидает его падения.
-ТОМСОН.

Другая статуя - шедевр искусства, группа Ла-ок-на, которая сейчас находится в Ватикане в Риме, работа трех родосских скульпторов, Агесандроса, Полидоруса и Афинодоруса. На ней изображена сцена, связанная с падением Трои, которую Вергилий описывает во Второй книге "Энеиды". Троянский жрец по имени Лаокоон пытался умиловить Нептуна жертвоприношением и отговорить троянцев от впуска в стены рокового деревянного коня, после чего богиня Минерва, всегда благосклонная к грекам, наказала его, послав из моря двух огромных змей, чтобы уничтожить его и двух его сыновей. Поэт Томсон хорошо описывает агонию и отчаяние, которые изображает статуя:

Такая страсть здесь!
Такая агония! Такая горечь боли
Кажется, так трепещет истерзанный камень.
Что растроганное сердце завладевает всем взором.
Почти незаметны лучшие пропорции
Которые когда-либо видела Греция; и только она одна,
В восторженном взоре властные страсти:
Двойная боль отца, как за себя, так и за сыновей.
и сыновей, судорожно; к небесам устремлен его скорбный взгляд,
Просящий о помощи и полуобвиняющий;
Его отчаяние с негодованием смешалось.
Когда с его стороны чудовища сильные сжимаются.
Его ярость не в силах разорвать.
Более нежно тронуты, с разнообразным искусством, его сыновья.
Все нежные ярости юных страстей:
В беспомощности мальчишеской судьбы тонет гнев,

Пока, еще не пронзенный, испуганный другой пытается
Ногу вырвать из страшных пут.

Один американский писатель так апострофирует это грандиозное представление:

Лаокоон! Ты великое воплощение
Человеческой жизни и человеческой истории!
Ты летопись прошлого, ты пророчество
О печальном будущем! Ты величественный голос,
звучащий из глубины веков!
Ты вопль агонизирующего человечества!
В мраморе нет мысли, подобной тебе!
У тебя нет родственников в Ватикане,
Но ты стоишь отдельно среди снов
старых мифологий - один-одинешенек!
-J. Г. ХОЛЛАНД.

II. ЖИВОПИСЬ.

В живописи за азиатской школой Зевксиса и Паррасия последовала также "сицианская школа" - третий и последний этап греческой живописи, основанный Евпомпусом из Сици-она. Характерными чертами этой школы были большая легкость, точность и утонченность. Среди ее главных мастеров были Пам'фил, Апеллес, Протог'енес, Ни'циас и Аристид. Самым известным из них был Апеллес, уроженец Кол'офона в Ионии, процветавший во времена Александра Македонского, у которого он был очень любим. Из множества его прекрасных работ самой лучшей была картина "Венера, выходящая из моря", по поводу которой сидонский поэт Антипатр написал следующую эпиграмму:

Грациозная, как из родного моря,
Венера, труд Апеллеса, вид:
Руками влажные локоны она сжимает,
А с локонов ее капает пенистая роса:
Юнона и Минерва теперь заявляют,
Больше мы не спорим, чья форма прекрасней.

АПЕЛЛЕС И ПРОТОГЕН.

Плиний рассказывает очень приятную историю об Апеллесе и его брате-художнике Протогене, которую DR. АНТОН рассказывает ее следующим образом:

"Апеллес, приехав на Родос, где в то время жил Протоген, навестил художника, но, не найдя его дома, получил разрешение у ожидавшей его хозяйки войти в его мастерскую. Найдя здесь готовый кусок холста в раме для карандаша художника, Апеллес с удивительной точностью нарисовал на нем линию (по мнению некоторых, фигуру в общих чертах), а затем удалился, не раскрыв своего имени. Протоген, вернувшись домой и узнав о том, что было сделано, воскликнул, что только Апеллес мог выполнить такой набросок. Однако он сам нарисовал еще один - линию, более совершенную, чем у Апеллеса, - и оставил домашним указания, чтобы, когда незнакомец снова придет, ему показали то, что он сделал. Апеллес пришел и, заметив, что его линия превзошла линию Протогена, нарисовал третью, гораздо лучше двух других, и разрезал обе. Протоген признал себя побежденным; он побежал в гавань, разыскал Апеллеса, и оба художника стали закадычными друзьями. Полотно с этим

знаменитым испытанием мастерства стало высоко цениться и впоследствии было помещено во дворец царей в Риме. Здесь оно сгорело во время пожара, уничтожившего сам дворец".

Протоген отличался тщательностью и скрупулезностью в подготовке своих работ. Он довел эту особенность до такого предела, что Апеллес был вынужден сделать следующее сравнение: "Протоген равен мне или превосходит меня во всем, кроме одного - умения вовремя убрать руку с картины". Протоген пережил Апеллеса и стал очень известным художником. Рассказывают, что когда Деметрий осадил Родос и мог уменьшить его, поджегши квартал города, в котором находилась одна из лучших работ Протогена, он отказался это сделать, чтобы не уничтожить шедевр искусства. Именно на этот случай, несомненно, ссылается поэт Томсон, когда говорит,

Не раз так чаровал карандаш твой,
Что жестокая война нетерпеливый факел
Разбился о землю; и, чем разрушить
Патриотическую картину, пусть лучше город спасется.

Со времен Александра искусство живописи стремительно деградировало, и к периоду римского завоевания оно практически не существовало. Греческое искусство, как и греческая свобода, утратило свой дух и жизненную силу, а разорение общественных зданий и галерей для украшения портиков и храмов Рима ускорило его исчезновение.

Мы подошли к концу истории Древней Греции. Но Эллада все еще живет в тысяче освященных ассоциаций, представляющих исторический интерес, и в многочисленных руинах древнего искусства и великолепия, покрывающих ее землю, напоминая о славном прошлом, на котором мы любим останавливаться, как на воспоминаниях об ушедших друзьях или сценах счастливого детства - "милых, но скорбных для души". И хотя прах ее полководцев, ее поэтов, ее ученых и ее художников развеян из урн, а ее статуи и ее храмы представляют собой изуродованные и обесцвеченные руины, древняя Греция живет и в песнях, и в искусстве, и в исследованиях современности. Размышляя о влиянии ее гения, мы, естественно, обращаем внимание на главное хранилище ее вкуса и таланта - Афины, "глаз Греции", из которого вышли "вся сила, мудрость, свобода и слава западного мира".

На поверхности быстротечной реки Времени
Его морщинистый образ лежит, как и тогда,
Неспокойно, и вечно
Он трепещет, но не может исчезнуть!
Голоса бардов и мудрецов твоих гремят
С пробуждающим землю взрывом
В пещерах прошлого;
Религия закрывает глаза, угнетение в ужасе отступает;
Крылатый звук радости, и любви, и удивления,
Который взлетает туда, куда никогда не долетало Ожидание,
Разрывая завесу пространства и времени!
Один океан питает облака, и ручьи, и росу;
Одно солнце освещает небеса; один дух необъятный
Жизнью и любовью вечно новый хаос творит,
Как Афины обновляют мир своим восторгом.
-ШЕЛЛИ.

О великолепной афинской литературе Лорд Макаулей говорит: "Это предмет, в котором я люблю забывать точность судьи в почитании поклонника и благодарности ребенка".

Эллинской мысли, воплощенной и показанной в великих произведениях афинского гения, он справедливо приписывает создание интеллектуальной империи, которая нетленна; и в одном из его ценных исторических "Очерков" мы приводим следующее графическое описание того, что можно назвать

Бессмертное влияние Афин.

"Если рассматривать только тонкость изложения, силу воображения, совершенную энергию и элегантность выражения, которые характеризуют великие произведения афинского гения, мы должны признать их по своей сути самыми ценными; но что мы скажем, если подумаем, что отсюда прямо или косвенно произошли все самые благородные творения человеческого интеллекта? Что отсюда произошли огромные достижения и блестящая фантазия Цицерона, яростный огонь Ювенала, пластическое воображение Данте, юмор Сервантеса, понимание Бэкона, остроумие Батлера, высшее и универсальное совершенство Шекспира? Все триумфы истины и гения над предрассудками и властью, в любой стране и в любой эпохе, были триумфами Афин. Какие бы великие умы ни выступали против насилия и обмана, во имя свободы и разума, среди них был ее дух, вдохновляющий, ободряющий, утешающий - у одинокой лампы Эразма, у беспокойной постели Паскаля, на трибуне Мирабо, в камере Галилея и на эшафоте Сиднея. Но кто оценит ее влияние на личное счастье? Кто скажет, сколько тысяч людей стали мудрее, счастливее и лучше благодаря тем занятиям, которыми она научила человечество заниматься? Для скольких людей занятия, начатые благодаря ей, стали богатством в бедности, свободой в рабстве, здоровьем в болезни, обществом в одиночестве? Ее сила действительно проявляется в адвокатуре, в сенате, на поле боя, в философских школах. Но не в этом ее слава. Там, где литература утешает печаль или утоляет боль, где она приносит радость глазам, уставшим от бодрствования и слез и тоскующим по темному дому и долгому сну, - там проявляется, в своей благороднейшей форме, бессмертное влияние Афин.

"В арабской сказке дервиш без колебаний уступил своему товарищу верблюда с грузом драгоценностей и золота, а сам остался с ларцом того таинственного сока, который позволял ему одним взглядом увидеть все скрытые богатства вселенной. Конечно, не будет преувеличением сказать, что никакое внешнее преимущество не сравнится с тем очищением интеллектуального взора, которое дает нам возможность созерцать бесконечные богатства ментального мира; все сокровища первобытных династий и всю бесформенную руду его еще не исследованных рудников. Это дар Афин человеку. Ее свобода и власть были уничтожены более чем за двадцать веков; ее народ превратился в робких рабов; [Сноска: Но это не характер афинян наших дней] ее язык - в варварский жаргон; ее храмы были отданы на растерзание римлянам, туркам и шотландцам; но ее интеллектуальная империя нетленна. И когда те, кто соперничал с ней в величии, разделят ее судьбу; когда цивилизация и знания поселятся на далеких континентах; когда скипетр уйдет из Англии; Когда, возможно, путешественники из дальних краев будут тщетно пытаться расшифровать на каком-нибудь заплесневелом постаменте имя нашего горделивого вождя, будут слышать дикарские гимны, распеваемые какому-нибудь идолу неправильной формы над разрушенным куполом нашего самого гордого храма, и увидит, как один голый рыбак моет свои сети в реке с десятью тысячами мачт - влияние и слава Афин все еще сохранятся, свежие в вечной молодости, не подверженные изменению и разложению, бессмертные, как интеллектуальный принцип, из которого они произошли и над которым они осуществляют свой контроль."

Гений Греции! Ты жив; хотя купола твои
пали; здесь, в этой любимой обители твоей,

Твои Афины, как я вдыхаю чистый воздух
Которым ты дышал, поднимаюсь на темный склон горы
По которой ты ступал, или в храмовом портике
Остановившись на скульптурных красотах, которые твой глаз
Часто взирал с восторгом, я признаю
Близкое влияние твое; я чувствую силу твою
Возвышающую каждое желание до добродетельной надежды;
Я слышу твой торжественный голос среди грохота
Фанатов, брошенных на землю руками варваров,
Зовущий меня пройти с тобой по тропам
Мудрости, или слушать арфу твою.
Бессмертные песнопения.

Греция! Хотя пустынно твои порты, и все
Пышность и великолепие твои сократились
В узкий круг; хотя ворота твои
Не выходят больше на войну твои гребнистые сыны;
Хотя вместительные театры твои звучат
Не звучат больше крики
толпы; хотя философия
молчит среди твоих портиков и рощ;
Хоть коммерция не несет больше прудового груза,
Или, громяхая тысячами машин, отпечатывает
Ее шаги на твоих скалах; хотя возле твоих вееров
И мраморных памятников крестьянская хижина
С горькой насмешкой над увядшим величием
Над увядшим величием - все же ты выживешь,
И не сдашься, пока время не уступит вечности.
-ХАЙГАРТ.

ГЛАВА XVIII.

ГРЕЦИЯ ПОСЛЕ РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ.

I. ГРЕЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМЛЯН.

Римляне управляли Грецией с большой мудростью и умеренностью, с большим уважением относясь как к ее религии, так и к муниципальным учреждениям. Как говорит Мр. Финлей говорит: "В этих обстоятельствах благоразумие и местные интересы повсюду благоприятствовали бы подчинению Риму; одно лишь национальное тщеславие подстрекало бы к борьбе за независимость". [Сноска: "История Греции с 146 г. до н.э. по 1864 г. н.э.", автор Джордж Финлей, доктор права]. Но последнее побудило греков попытаться вернуть свои свободы во время первой Митридатовой войны, около 87 года до н. э. Силла, римский полководец, вошел в Грецию во главе мощной армии и осадил Афины, которые отчаянно оборонялись. Наконец, исчерпав свои ресурсы, афиняне послали ораторскую депутацию для переговоров со старым римлянином, и, как утверждается, "их представитель начал напоминать ему о былой славе и уже собирался затронуть тему Марафона, когда угрюмый солдат свирепо ответил: "Я послан сюда, чтобы наказывать мятежников, а не изучать историю". И он действительно наказал их. Разрушив стену, его солдаты ворвались в город и

с мечами наперевес пронесли по улицам". Тяжелые потери, понесенные Грецией в этом восстании, так и не были восстановлены. Тот же историк добавляет, что обе стороны - греки и римляне - "нанесли Греции тяжелые увечья, разграбили страну и уничтожили имущество самым бесцеремонным образом. Основы национального процветания были подорваны, и впредь стало невозможно откладывать из ежегодного потребления жителей суммы, необходимые для замены накопленного веками капитала, который уничтожила эта короткая война. В некоторых случаях богатства общин становились недостаточными для поддержания в рабочем состоянии существующих общественных сооружений".

Киликийские пираты вскоре после этого начали свои грабежи и опустошали как материк, так и острова, пока не были изгнаны Помпеем Великим. Гражданские войны, свергнувшие Римскую республику, усугубили опустошение Греции; но после установления Римской империи страна вступила в период мира и сравнительного процветания. По словам одного из поздних составителей [Сноска: Эдвард Л. Берлингейм, доктор философии], "Август и его преемники в целом относились к Греции с уважением, а некоторые из них отличили ее великолепными императорскими милостями. Траян значительно улучшил ее состояние своим мудрым и либеральным правлением. Адриан и Антонины почитали ее за прошлые достижения и проявляли свою добрую волю, заботясь о ее произведениях искусства и покровительствуя школам". Именно в это время христианская религия одерживала большие победы "над безразличием народа к своим древним обрядам" и тем самым существенно меняла моральное и интеллектуальное состояние Греции. Помимо способности заполнить пустоту в сердце, до которой философия, хотя и укрепляла интеллект, не могла добраться, христианство имело определенные отношения с древними принципами управления, что способствовало его принятию греками. Эти отношения и их последствия объясняются ДР. ФЕЛЬТОН и цитируемый им писатель: [Сноска: "Лекция о Греции под властью римлян"].

"Помимо особых утешений, которые христианство давало страждущим всех сословий и классов, в его ранних формах присутствовали популярные элементы, которые не могли не привлечь к нему внимания простых людей. Название *ecclesia* оно позаимствовало у старых народных собраний, а *литургию* - у служб, которые по закону требовались от более богатых граждан на народных праздниках. Она учила равенству всех людей перед Богом, и эта доктрина не могла не быть с любовью встречена покоренным народом. Христианские общины были организованы на демократических принципах, по крайней мере в Греции, и представляли собой подобие свободных собраний прежних времен; повседневные дела общин, равно как и духовные, осуществлялись в этих народных формах. С того момента, как народ, - пишет один из недавних авторов, - в том состоянии интеллектуальной цивилизации, в котором находились греки, мог слушать проповедников, можно было быть уверенным, что они примут религию. Они могли изменить, модифицировать или испортить ее, но отвергнуть ее было невозможно". Существование собрания, в котором самые дорогие для всех людей интересы излагались и обсуждались на языке истины и с самыми искренними выражениями убеждения, должно было придавать неотразимое очарование исследованию нового учения среди людей, обладающих институтами и чувствами греков. Искренность, правда и желание убедить других вскоре порождают красноречие там, где собирается множество людей. Христианство возродило ораторское искусство, а вместе с ораторским искусством пробудило многие из тех качеств, которые спали веками. Рассуждения о христианстве также придали новую силу торговым и муниципальным учреждениям, поскольку они улучшили интеллектуальные качества людей."

Среди императорских друзей Греции, чье правление некоторые авторы характеризуют как "последний удачный период в печальной летописи этой страны", был император Юлиан,

известный как "Отступник". Он вззошел на престол в 361 году н. э.; и хотя он стремился свергнуть христианство и восстановить языческую религию, "он основывал благотворительные учреждения, стремился к подавлению порока и распутства и отличался преданностью счастью народа". Получив хорошее образование в раннем возрасте, он стал опытным и культурным государем, "и во многом проявил свою страстную привязанность к Греции, ее литературе, ее институтам и ее искусствам".

II. ИЗМЕНЕНИЯ ДО XIV ВЕКА.

После создания Восточной империи римлян со столицей в Византии греки стали оказывать все большее влияние на государственные дела, и за пределами самой метрополии римский дух управления постепенно разрушался. В третьем и четвертом веках Греция пострадала от нашествий готов и гуннов, и весь видимый прогресс был остановлен; но во время долгого правления Юстиниана, с 527 по 565 год, многие из ее городов были украшены и укреплены, а языческие школы Афин были закрыты. Больше никаких важных событий, повлиявших на состояние Греции, не происходило до переселения славян и других варварских рас в шестом и восьмом веках. Население Греции быстро сокращалось, а доходы были настолько малы, что восточные императоры мало заботились о ее защите. Поэтому эти северные переселенческие орды быстро овладевали ее землями. В конце концов эта огромная группа переселенцев распалась на несколько племен и исчезла как народ, оставив после себя, однако, все еще существующие свидетельства своего влияния на страну и ее жителей.

ДВОРЫ ВОЖДЕЙ КРЕСТОНОСЦЕВ.

Следующие важные перемены в делах Греции были произведены воинами с Запада. В 1081 году норманн Роберт Гискар, а в 1146 году Роджер, король Сицилии, завоевали часть страны, включая Коринф, Фивы и Афины; а во время четвертого крестового похода в Святую землю (1203), когда Константинополь был захвачен латинскими князьями (1204), Греция стала призом для некоторых из самых могущественных крестоносных вождей, под властью которых дворы Фессалоникии, Афин и Пелопоннеса достигли значительной известности даже во всей Европе. "Но их великолепие, - пишет автор *"Эдинбургского обозрения"*, - было полностью современным. Оно было сосредоточено исключительно вокруг их собственных персон и интересов; и хотя положение людей было ничуть не хуже, а в некоторых отношениях даже ощутимо лучше, все же они лишь служили славе домов Нери или Аччайуоли, Де ла Рош или Бриенна. Прекрасные сооружения Афин и Акрополя ценились не как реликвии ушедшего величия, а как украшения феодального двора и награды за удачную доблесть".

Афинское герцогство было самым интересным и знаменитым из этих франкских королевств; и в одной из своих лекций ПРЕЗИДЕНТ ФЕЛЬТОН [Сноска: Лекция "Турецкое завоевание Константинополя"] указывает на следы, которые это герцогство оставило то тут, то там в современной литературе. "Слава о блестящем афинском дворе, - говорит он, - пронеслась по западу Европы, и многие главы старинных романов наполнены великолепными картинами его великолепия. Одна из героинь *"Декамерона"* Боккачио в ходе своей авантюрной жизни оказывается в Афинах, вдохновляя герцога своими чарами. Дан'те был современником Гая II и Вальтера де Бриенна; в своей *"Божественной комедии"* он применяет к Тесею, царю древних Афин, столь знакомый ему титул, который носили княжеские правители в его время. Чосер, тоже яркий вестник английской поэзии, часто слышал об афинских герцогах; и он тоже, как и Данте, присваивает этот титул Тесею. Наконец, в эпоху Елизаветы, когда итальянская поэзия изучалась учеными и придворными, Шекспир в восхитительных сценах *"Сна в летнюю ночь"* представляет Тесея, герцога Афинского, как завоевателя и любовника Ипполиты, королевны-воительницы амазонок."

Тесей. Ипполита, я добивался тебя своим мечом,
и завоевал твою любовь, нанеся тебе раны;
Но я женюсь на тебе в другом ключе,
С пышностью, с триумфом и с ликованьем.
-Акт I. Сцена I.

ТУРЕЦКОЕ ВТОРЖЕНИЕ.

Некоторые из этих латинских княжеств и герцогств просуществовали до тех пор, пока не были сметены турками, которые после падения Константинополя и Византийской империи в 1453 году постепенно овладели Грецией.

Тогда, Греция, поднялась буря, которая обрушилась на тебя,
Страна бардов, воинов и мудрецов!
О, где были тогда твои сыновья, великие, свободные,
Чьи деяния - путеводные звезды из века в век?
Пусть крепки твои крепостные стены из скал и снегов,
И светла память о днях твоей гордости,
Хотя крепость Коринфа возвышалась в горной мощи,
И, не устояв, катился захватнический поток!
О, напрасны скала, вал и башня!
Если свобода не охраняет их с непобедимой силой разума.

Где были тогда мстители, чья бесстрастная мощь
Хранили в неприкосновенности их ужасные чертоги,
Когда через крутые дефиле к Дельфам на высоту
В воинском блеске пронесся персидский отряд?
Тогда эти могучие и таинственные Силы,
Вооруженные стихиями, пробудились к мести,
Призвали грозные бури, чтобы потемнеть вокруг их башен,
И обрушили скалы, и громы разразились;
Пока далеко вокруг, с глубоким и страшным грохотом,
Звуки неземной войны разносились по дикому Парнасу.

Где был дух победителя-громовержца,
Чьи гробницы прославлены приливом Скамандера,
Чьи имена воспеты в вечных песнях,
Повелители войны, прославленные, обожествленные?
Где он, герой тысячелетия,
Кто из мертвых при Марафоне восстал
Во всеоружии, и, окинув взором афинян,
Боевой метеор направил на врагов?

Или те, чьи очертания предстали взору Алариха, пораженного благоговением,
[Сноска: Гиббон говорит: "От Фермопил до Спарты вождь готов (Аларих) продолжал свой победоносный марш, не встретив ни одного смертного противника; но один из сторонников угасающего язычества уверенно утверждал, что стены Афин охранялись богиней Минервой с ее грозным эгисом и гневным призраком Ахилла; и что завоеватель был встревожен присутствием враждебных божеств Греции". Но Гиббон характерно добавляет: "Христианская вера, которую Аларих преданно принял, научила его презирать воображаемых божеств Рима и Афин" - Milman's "Gibbon's Rome", vol. ii., p. 215].
Парящие над Афинами, сверкающие в воздушном одеянии?

Вы спали, о герои! Главные на земле.
Высокие полубоги древних дней - вы спали.
В вас не было ни искры вашего возвышенного достоинства,
Когда над вашей землей победоносный мусульманин пронесся;
Ни один патриот не вел тогда сынов свободы,
В горном перевале преданно умирать;
Мученический дух решимости угас,
И высокой души непобедимый пыл;
И у ваших могил, и на ваших боевых плитах,
Воины, дети ваши преклонили колени, Чтоб надеть чужие цепи.
-МИРС ХЕМАНС.

III. СОСТЯЗАНИЯ МЕЖДУ ТУРКАМИ И ВЕНЕЦИАНЦАМИ.

Греция долгое время была ареной жестоких противостояний между турками и венецианцами. Афины были захвачены турками в 1456 году, но в 1467 году их вытеснили венецианцы, которые, в свою очередь, были изгнаны из города турками в 1470 году. Но Венеция, как заметил французский историк Комте де Лабурде, "одна из европейских держав могла почувствовать, с чисто материальной точки зрения, силу удара, нанесенного Европе и ее собственной торговле подчинением почти всей Греции турецкому владычеству"; и это чувство сохранилось на многие века. В 1670 году турки отвоевали у венецианцев Крит, а в 1684 году последние предприняли ответные наступательные операции на Пелопоннесе, который вскоре был вновь завоеван венецианским адмиралом Морозини. В 1687 году Морозини увенчал свои успехи взятием Афин. Турецкий гарнизон отступил на Акрополь, и победа представляет интерес главным образом из-за непоправимого ущерба, нанесенного произведениям искусства на этой "скале-храме Афин". Хотя впоследствии Морозини пытался уйти от ответственности за последовавшее опустошение, именно он направил свои батареи, чтобы те обрушились на Акрополь свой смертоносный груз, и именно он впоследствии лишил его многих сокровищ. До сих пор перестройки, сделанные в военных целях, и незначительные повреждения, нанесенные в разное время, не омрачали общей красоты и эффекта его зданий; но когда войска Венеции вошли в Афины, Парфенон и другие великолепные сооружения лежали в руинах, и слава афинского Акрополя осталась только в прошлом. Контрастируя его прошлую славу и нынешний упадок, один из авторов недавнего *обзора* делает такие интересные наблюдения:

"Ни одна другая крепость не заключала в своих стенах столько красоты и великолепия, и ни одна из них не была свидетелем ряда более поразительных и судьбоносных изменений в судьбах своих владельцев. Волна за волной войны и завоевания обрушивались на нее. Город, лежащий у его подножия, пал под ударами персов, спартанцев, македонцев, римлян, готов, крестоносцев и турок. Через все эти и другие превратности Акрополь прошел, меняя лишь характер своих обитателей, оставаясь неизменным в своей красоте и великолепии. С некоторыми изъятиями и потерями, будь то от упадка вкуса более поздних времен или случайных грабежей иностранного завоевателя, но незатронутый в своем общем облике, он предстал перед глазами победителя Османа с той же непревзойденной красотой, которую он демонстрировал во времена Перикла. Однако для того, кто смотрит на него сейчас, сцена действительно изменилась - изменилась не только в плане потери сокровищ декоративного искусства (ведь многие из них были разграблены и раньше), но и в плане того, что прекраснейшие ткани были разбиты, многие из них превратились в безнадежную руину, а некоторые и вовсе стерты с лица земли. Менее двух столетий хватило, чтобы привести все это в упадок: менее трех месяцев - чтобы завершить разрушение. Если венецианец своим

неудачным завоеванием нанес справедливому наследию афинского искусства не больше вреда, чем оно претерпело от всех предыдущих разорений, то он оставил его не только в результате военного хаоса, но и в результате последующего неумелого уродования в таком состоянии, которое сделало невозможным восстановление его древней грации и величия".

Венецианцы эвакуировали Афины в 1688 году, и несколько лет спустя Пелопоннес стал их единственным владением в Греции. В 1715 году сотысячная турецкая армия под командованием Ал'и Кумур'ги, великого визиря Ач'мета III, вторглась на Пелопоннес и сначала атаковала Коринф. Историки рассказывают, что гарнизон, ослабленный несколькими неудачными атаками, начал переговоры о сдаче, но, пока они велись, случайный выстрел из магазина в турецком лагере так разъярил неверных, что они сразу же прервали переговоры, ворвались в город, захватили его и предали мечу большую часть гарнизона вместе с синьором Минотти, командиром. Взятые в плен были отведены для казни под стенами Науплии, на виду у венецианцев.

В "*Осаде Коринфа*" Байрона, основанной на историческом повествовании, использована поэтическая вольность, и смерть Минотти и остатков его сторонников приписывается взрыву порохового магазина, выпущенного самим Минотти. Из прекрасных описаний, которые содержит эта поэма, мы извлекаем следующие стихи:

Осада и падение Коринфа.

На тусклом хребте Ситерона
Блеск двух десятков тысяч копий;
И вниз к Истмийской равнине,
От берега до берега обоих материков,
Палатка разбита, полумесяц сияет
Вдоль мусульманских лиг;
И в сумерках продвигаются отряды Спахи.
Под взглядом каждого бородатого па'ша;
И далеко-далеко, насколько хватает глаз.
Тюрбанистые когорты на берегу;
А там верблюды араба преклоняют колени,
И татарин на своем коне;
Туркоман покинул свое стадо,
Саблей чресла свои опоясал;
И там льются залповые раскаты грома,
Пока волны не сгладятся от рева.
Окоп вырыт, пушки дышат.
Взвивается ввысь шипящий шар смерти;
Быстро кружатся осколки стены,
Которая рушится от тяжелого шара;
И с этой стены враг отвечает,
Над пыльной равниной и дымным небом,
С огнем, что отвечает быстро и хорошо.
Призыв неверного.

Стены слабели; и быстро и горячо
По ним лилась непрекращающаяся дробь,
С неослабевающей яростью
С батареи на батарею;

И громopodobный грохот
Раздавался из каждой раскаленной кильватерной трубы;
И то тут, то там трещащий купол
Был выпущен перед разорвавшейся бомбой;
И когда ткань прогибалась под
Вулканическое дыхание разрывающегося снаряда,
В красных и венчающих колоннах вспыхнуло
пламя, и громко рухнули руины,
Или в бесчисленных метеоритах,
Звезды на небе расплавились.
Чьи облака в тот день стали вдвойне мрачнее,
Непроницаемыми для скрытого солнца,
С объемным дымом, который медленно рос
В одно широкое небо сернистого оттенка.

Проделав брешь в стенах, с рассветом турки выстраиваются в линию и ждут приказа
штурмовать укрепления. Кумурджи обращается к ним - команда отдана, и с непреодолимой
силой лавины неверные вливаются в Коринф.

Тартары, и спахи, и туркоманы,
Разбивайте свои шатры и устремляйтесь в поход;
Поднимитесь, вскиньте шпоры, проскачите по равнине,
Чтоб беглец напрасно бежал.
Когда он вырвется из города; и никто не спасется,
ни стар, ни млад, в христианском облике;
В то время как ваши пешие товарищи, в огненной массе,
Заливают кровью пролом, через который они проходят.
Все кони запряжены в уздечки и фыркают;
У каждого изогнута шея, у каждого грива;
Белая пена на их поводьях:
Копья подняты, спички зажжены,
Пушки наведены и готовы грохотать,
И сокрушить стену, что рухнула прежде:
Хан и паши - все на своих местах;
Сам визирь во главе войска.
Когда прозвучит сигнал кульверина, тогда в путь;
Не оставляйте в Коринфе ни одного живого.
Жреца у ее алтарей, вождя в ее залах,
Очаг в ее особняках, камень на ее стенах.
Бог и пророк - Аля Ху!
Поднимитесь к небесам с этим диким криком!
"Там пролом для прохода, лестница для подъема;
И руки ваши на саблях, и как вы можете потерпеть неудачу?
Тот, кто первым опустится с красным крестом, может просить
Пусть попросит и получит самое заветное желание своего сердца!"
Так говорил Кумурджи, бесстрашный визирь;
В ответ раздался звон сабель и копий,
И крики свирепых тысяч в радостном порыве;
Молчанье - слушай сигнальный огонь!

Как весенние приливы, с тяжелым плеском
С утесов вторглись, срывая
Огромные фрагменты, разорванные неустанным потоком,
Пока не посыплются вниз белые и громоподобные,
Как снежная лавина,
на альпийские долины;
Так в конце концов, измученные и изможденные,
Сыновья Коринфа понеслись вниз.
Под долгим и часто возобновляемым
Под натиском мусульманской толпы.
В стойкости они стояли, и массой падали,
Набросившись на неверных,
Рука к руке и нога к ноге:
Ничто, кроме смерти, не было немым;
Удар, и выпад, и вспышка, и крик.
За четверть или за победу,
Смешались там с громом залпов,
Что заставляет дальние города удивляться.
Как идет звучная битва,
С ними или за их врагов.

От места столкновения клинков до рукояти
Сабли и мечи кровью обагрились;
Но вал завоеван, и начата добыча,
И все, кроме позора, закончено.
Пронзительные крики доносятся теперь
Из-под разграбленного купола:
Внимайте торопливым шагам,
которые брызжут кровью на скользкой улице;
Но то тут, то там, где еще можно устоять
Против врага еще можно найти,
Отчаянные группы из двенадцати или десяти человек
Делают паузу и снова поворачиваются -
Прижавшись спинами к стене.
Яростно стоят или падают.

У Минотти, хотя он и старик, "рука полна силы", и он оспаривает, нога за ногу, успешные и смертоносные натиски турок. В конце концов он с остатками своей доблестной группы отступает к укрепленной церкви, где лежат последние и самые богатые трофеи, которые искали неверные, и под сводами которой, устланными мертвецами минувших веков, находился "самый главный магазин христиан". К последнему был подведен поезд, и, схватив пылающий факел, свой "последний и суровый ресурс", он отправился в путь.

Темно, сурово и в полном одиночестве,
Минотти стоит над алтарным камнем,
и ожидает последней атаки своих врагов. Вскоре она наступает.

Они были так близко, что ближайший из них протянул руку.
Чтобы схватить добычу, он почти дотянулся до нее,
Когда рука старого Минотти
коснулась факелом поезда.

'Tis fired!

Шпиль, своды, святилище, добыча, убитые,
Победители в тюрбанах, христианская дружина,
Все, что осталось от живых и мертвых,
Сброшено ввысь вместе с содрогнувшимся фейном,
В едином диком реве сгнуло!

Разбитый на куски город, разрушенные стены,
Волны на миг отступили назад.

Холмы сотрясаются, хотя и не дрожат,

Как будто землетрясение прошло.

Тысячи бесформенных предметов, все они
В облаках и пламени по небу,

В результате этого грандиозного взрыва...

Провозгласил, что отчаянный конфликт закончился
На этом слишком долго страдавшем берегу:

В небо, как ракеты, взлетели

Все, что смешалось внизу:

Многие высокие и сильные мужчины,

опаленный и сморщенный,

Когда он снова упал на землю.

Как пепел, усеял равнину:

Пепел посыпался вниз, как дождь;

Некоторые падали в залив, который принимал брызги

С тысячью круговых морщин;

Некоторые упали на берег, но далеко,

Рассыпались по перешейку.

Все живые существа, которые слышали
Этот смертельный земной толчок исчез;
Дикие птицы улетели, дикие собаки убежали,
И с воем покидали непогребенных мертвецов;
Верблюды от своих хозяев отделились,
Дальний бык бросил ярмо.

Ближайший жеребец понесся по равнине,

И разорвал подпругу, и порвал поводья;

Из болота донесся лягушачий крик,

Глубокомысленная и вдвойне резкая.

Волки вопили на пещерном холме,

Где эхо до сих пор гремит;

Шакалий отряд, собравшись, кричал,

жалобно залаял издалика,

С смешанным и скорбным звуком,

Как плачущий младенец и побитая гончая:

С внезапным взмахом крыльев и вздыбленной грудью

Орел покинул свое скалистое гнездо,
И поднялся ближе к солнцу,
Облака под ним казались такими мрачными;
Их дым застилал его испуганный клюв,
И заставил его взмыть ввысь и закричать.

Так Коринф был потерян и завоеван!

IV. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ГРЕЦИИ ТУРЦИЕЙ.

Падение Коринфа открыло путь для успешного продвижения турецких войск через Пелопоннес, и венецианцы вскоре были вынуждены оставить его. По Пассаурицкому миру 1718 года вся Греция была вновь передана Турции, и под ее властью страна, разделенная на военные округа, называемые пашаликами, погрузилась в плачевное состояние, которое прогресс времени никак не мог исправить. Греки, фактически попавшие в рабство, терпели неисчислимые бедствия от жестокости и варварства своих хозяев. Как пишет историк сэр Эмерсон Теннент, "система вымогательства была настолько неопределенной, а власть тех, кому она поручалась, настолько бесконтрольной, что зло распространилось на всю систему управления и проникло с полипозным плодородием во все отношения и порядки общества, пока не осталось мало действий или занятий греков, которые не были бы обременены контролем и вмешательством их хозяев, и ни одного, которое не страдало бы, в большей или меньшей степени, от их бессердечного грабежа". Четыре столетия и более греки страдали от этого деспотизма, который уничтожал промышленность и образование, приводил к исчезновению всех мужественных черт в народе, а также развивал пороки, присущие эллинскому характеру.

В поэме, написанной в 1786 году знаменитым впоследствии британским государственным деятелем Джорджем Кэннингом, автор, воздав должное величию и славе Греции прежних времен, рисует следующую правдивую картину ее вырождения в его собственные дни:

Рабство Греции.

О, как изменилась слава твоя,
И вся слава твоя померкла!
Что? Твоя смелая, дышащая свободой земля
Должна склониться под суровый приказ тирана!
Чтоб рабство сковало цепями тяжкими
Которому миллионы Азии когда-то тщетно противостояли,
Кто бы мог подумать? Кто видит без стога
Твои города плесневеют и стены рушатся;
Что там, где когда-то возвышался величественный, торжественный фантом,
теперь поросшие мхом руины устилают опустошенную равнину;
И, не замеченные глазом путешественника,
Гордые, сводчатые купола лежат в осклизлых осколках;
И упавшая колонна, на пыльной земле,
Бледный плющ обхватывает вялыми руками?

Вздыхают сыны твои (печальная перемена!) в ничтожном рабстве;
Безропотно трудятся и без сожаления умирают;
Стонут от трудов, что несут весла,
Или в темных пещерах шахт.

Блестящая тирания сыновей Османа,
Пышность ужаса, окружающая их троны,
вселяют страх в их подневольные души;
Отвергнутые ногой, они трепещут и благоговеют.
День труда, ночь, печальный, бессонный час,
Бич произвола,
Кровавый ужас острой стали,
Убийственный кол, мучительное колесо,
И (ужасный выбор!) тетива или чаша,
Утрачивает их слабую силу и обезображивает душу.
Губительная судьба! И все равно слезы наполняют глаза,
По-прежнему воспоминания побуждают к скорбному вздоху,
Когда в памяти всплывет твоя былая слава,
И все ужасы нынешнего позора.

В 1810-11 годах поэт Байрон провел значительное время в Греции, посещая ее многочисленные исторические достопримечательности и наблюдая за состоянием ее народа. Здесь он написал второе канто *"Чайльд Гарольда"*, в котором есть следующий прекрасный апостроф и обращение к Греции, все еще находящейся под властью мусульман:

Прекрасная Греция! Печальная реликвия ушедшего достоинства!
Бессмертный, но не более; павший, но великий!
Кто теперь поведет твоих рассеянных детей вперед,
И долгое рабство расторгнет?
Не те твои сыновья, что ждали до сих пор,
Безнадежных воинов, что смирились с гибелью,
В мрачном могильном проливе Фермопилы.
О, кто дух галантный возобновит,
Прыгнет с берегов Еврота и позовет тебя из могилы?

Дух свободы! Когда на лоб Филе
Ты сидел с Фрасибулусом и его отрядом,
Мог ли ты предвидеть тот мрачный час, что ныне
Ослабляет зеленую красоту твоей аттической равнины?
Не тридцать тиранов теперь держат цепь,
Но каждый карла может властвовать над твоей землей;
И сыновья твои не восстают, но напрасно бездействуют,
Трепеща под бичом турецкой руки,
От рожденья до смерти порабощены; Словом, делом, нелюдимы.

Во всем, кроме одной лишь формы, как изменился! И кто
Что отмечает огонь, все еще сверкающий в каждом глазу,
Кто бы не считал, что их грудь заново сожжена
С твоим негасимым лучом, потерянная Свобода!
И многие мечтают, что близок час.
Который вернет им наследие их отцов:
О чужом оружии и помощи они мечтают,
И не смеют встретить вражеский гнев,
Или вырвать свое имя, оскверненное на скорбной странице рабства.

Наследственные кабалы! Не знаете ли вы.
Кто хочет стать свободным, должен сам нанести удар?
Их правым оружием должно быть совершенно завоевание?
Разве галл или москвит возместит вам ущерб? Нет!
Правда, они могут низложить ваших гордых опустошителей,
Но не для вас будут пылать алтари Свободы.
Тени гелотов! Торжествуйте над своим врагом!
Греция! Меняй своих владык, а состояние твое все то же;
Славный день твой прошел, но не годы позора.

Когда восстанет Лакедемон,
Когда в Фивах Эпаминондас снова восстанет,
Когда Афины детей сердцами наделят,
Когда греческие матери будут рождать мужчин,
Тогда ты будешь восстановлен, но не раньше.
Тысяча лет не служит для создания государства;
Час может превратить его в прах, и когда
Сможет человек в разбитом великолепии возродиться,
Вернуть свои добродетели и победить время и судьбу?

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ СВОБОДЫ.

Несмотря на то, что греки на протяжении многих веков безропотно подчинялись деспотическому господству турок, они не утратили ни своего национального духа, ни преданности своей религии и своим внутренним институтам; задолго до того, как Байрон написал эту книгу, Греция начала готовиться к тому, чтобы сбросить турецкое иго. Сохранению национального духа во многом способствовали воинственные жители горных районов на севере, которые сохранили свою независимость от кровавой тирании турок, постоянно преследовавших их лагеря и деревни. Эти горцы были известны *как клефты*; и хотя они были в буквальном смысле разбойниками, часто грабившими как греков, так и турок, тем не менее, после упадка Армато'ли - христианского местного ополчения, которое турки пытались подавить - клефты приобрели политическое и социальное значение как постоянный класс в греческой нации; и, как говорит ДР. Фэлтон говорит: "Когда разразилась революция, храбрость, воздержанность и трудолюбие этих отрядов были одними из самых эффективных средств для спасения Греции от пагубной тирании турок". Этот писатель характеризует баллады клефтов как "полные огня и аромата горной жизни, которая имела неотразимое очарование для молодых и авантюрных духов, страдающих от господства турок в низинах"; Ему мы обязаны дословным переводом одной из этих баллад, в которой описываются чувства молодого человека, решившего покинуть дом своей матери и уйти в горы, и "одновременно иллюстрируется нетерпеливый дух восстания против турок и сладостный поток природной поэзии, который постоянно бурлил в сердцах людей".
[Сноска: Эта баллада взята из "сборника, изданного Зампелиосом, греческим джентльменом, уроженцем Леукадии"].

"Мама, я больше не могу быть рабом турок; я не могу - мое сердце борется против этого. Я возьму свое ружье, пойду и стану клефтом; буду жить в горах, среди высоких хребтов; лес будет моим спутником, а общение со зверями; снег - моим покровом, скалы - моим ложе; с

сыновьями клефтов будет мое ежедневное жилище. Я пойду, матушка, и не плачь, но дай мне молитву твою. И мы будем молиться, моя дорогая матушка, чтобы я мог зарезать многих турок. Посади розу, посади темную гвоздику, дай им сахар и мускус, и пока, о мать моя, цветы цветут и распускаются, сын твой не умер, а воюет с турками. Если же наступит день печали, день скорби, и растения увянут, и цветы опадут, то и я буду убит, и ты должна одеться в черное".

"Прошло двенадцать лет и пять месяцев, пока распускались розы и распускались бутоны; и вот однажды весенним утром, первого мая, когда пели птицы и улыбалось небо, в один миг прогремел гром, посветлело и потемнело. Гвоздика вздохнула, роза заплакала, оба засохли вместе, и цветы упали, а вместе с ними и незадачливая мать превратилась в безжизненную кучу земли".

В последней половине восемнадцатого века в Греции впервые проявилось всеобщее стремление к свободе. Были созданы тайные общества для помощи в освобождении страны, а "выдающиеся писатели, как в стране, так и за рубежом, обращались к славным воспоминаниям о Греции, чтобы возбудить всеобщий энтузиазм к свободе". Среди последних можно упомянуть КОНСТАНТИНОСА РИГАСА, уроженца Фессалии, родившегося в 1753 году, человека с прекрасными способностями и горячего патриота, чьи лирические баллады, как говорят, "прозвучали по Греции, как труба", и которого называют "Тиртеем современной Греции". Одна из его военных песен была переведена следующим образом:

Сыны греков, встаньте!
Славный час настал,
И, достойные таких уз,
Покажите, кто нас породил.

Затем, мужественно презрев
иго турецкого тирана,
Пусть твоя страна увидит, как ты поднимаешься,
И все цепи ее разорваны.
Храбрые тени вождей и мудрецов,
Узрите грядущую распря!
Эллины прошлых веков,
О, начните снова жить!
При звуке моей трубы, разрывающей
Ваш сон, соединитесь со мной!
И семихолмный город [Сноска: Константинополь] ищите,
Сражайтесь, побеждайте, пока мы не станем свободными.

Спарта, Спарта, почему в дремоте
В летаргии ты лежишь?
Проснись и объедини свои ряды
С Афинами, старым союзником!
Леонид вспоминает,
Этот вождь древних песен,
Который спас вас когда-то от гибели...
Грозный! Сильный!
Кто совершил то дерзкое развлечение

В старой Фермопиле,
И воевал с персами.
Чтоб страну свою освободить;
С тремя сотнями своих воинов
В битве долго он стоял,
И, как лев яростный,
Погиб в морях крови.
-Перевод Байрона.

Другой поэт, Полюзис, пишет в похожем ключе:

Друзья и соотечественники, будем ли мы
Рабами мусульман будем,
старой варварской банды,
тиранов на эллинской земле?
Близится час возмездия.
Мсть! Будь нашим боевым кличем".

Следует отметить, что Ригас, посетивший Вену в надежде побудить богатых греческих жителей этого города к немедленным действиям, был варварски выдан австрийским правительством туркам. По пути на казнь он вырвался из рук своих стражников и убил двоих из них, но был побежден и тут же обезглавлен.

V. ГРЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Различные усилия, предпринятые греками в защиту свободы, или, как более полно выразился один из недавних писателей, "постоянство, с которым они держались за христианскую церковь в течение четырех веков несчастий и политического уничтожения; их незыблемая верность своей национальности под невыносимым гнетом; интеллектуальное превосходство, которое они никогда не переставали демонстрировать над своими тиранами; любовь к гуманным письмам, которую они никогда, во всех своих скорбях, не теряли; и мудрая подготовка к борьбе, которую они вели с помощью школ, распространения изданий своих древних авторов и переводов наиболее поучительных произведений современной литературы" - вот те влияния, которые в конце концов побудили греков искать своего восстановления в вооруженном восстании, которое впервые вспыхнуло весной 1821 года и положило начало Великой греческой революции. 7 марта Александр Ипсиланти, грек, бывший генерал-майор русской армии, провозгласил из Молдавии независимость Греции и заверил своих соотечественников в помощи России в предстоящей борьбе. Но российский император отказался от вмешательства, а Порта приняла самые решительные меры против греков, призвав всех мусульман вооружаться против повстанцев для защиты исламизма. Самый дикий фанатизм свирепствовал в Константинополе, где были безжалостно убиты тысячи греков-резидентов; в Молдавии кровавая борьба завершилась уничтожением патриотической армии и бегством Ипсиланти в Триест, где австрийское правительство схватило и заключило его в тюрьму.

В южной Греции, однако, никакие жестокости не могли угасить огонь свободы; через шестнадцать дней после провозглашения Ипсиланти революция Мореи началась в Суде, большом селении в северной части Ахайи, и распространилась по всей Ахайе и островам Эгеана. Древние имена были возрождены, а 6 апреля мессенский сенат, собравшийся в Каламате, провозгласил, что Греция сбросила турецкое иго, чтобы сохранить христианскую веру и восстановить древний характер страны. Этот орган обратился к народу Соединенных

Штатов с официальным обращением, которое было направлено в эту страну. В нем говорилось, что, "сознательно решив жить или умереть за свободу, греки были привлечены непреодолимым импульсом к народу Соединенных Штатов". Однако на том раннем этапе борьбы обращение не вызвало того сочувствия, которое, как мы увидим далее, было вызвано развитием событий и более глубоким пониманием ситуации.

В течение летних месяцев турки совершали большие грабежи в греческих городах на побережье Малой Азии; жители острова Кандия, не принимавшие участия в восстании, были разоружены, а их архиепископ и другие прелаты убиты. Самые варварские зверства были совершены также на Родосе и других островах Греческого архипелага, где деревни были сожжены, а страна опустошена. Но в августе греки захватили сильные турецкие крепости Монембасия и Наварино, а в октябре - Триполицу и страшно отомстили своим врагам. Только в Триполице было предано смерти восемь тысяч турок. Бесчинства турок показали грекам, что их борьба - это борьба не на жизнь, а на смерть, и поэтому неудивительно, что они часто мстили, когда власть оказывалась в их руках. В сентябре того же года греческий полководец Улисс разбил большую турецкую армию у Фермопильского перевала; с другой стороны, полуостров Кассандра, древняя Пеллея, был захвачен турками, и более трех тысяч греков были преданы мечу. Афинский Акрополь был захвачен турками и обнесен гарнизоном, а жители Афин, как и в прежние времена, бежали в Салмис для безопасности; но в целом по всей южной Греции в конце года турки были изгнаны из сельских районов и заперты в главных городах.

ПРОРОЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ БОРЬБЫ.

Когда разразилась греческая революция, английский поэт Шелли жил в Италии. Именно в первый год войны Шелли, преисполненный энтузиазма по отношению к греческому делу, написал из скудных материалов, которые были тогда доступны, свою прекрасную драматическую поэму "Эллада"; и хотя в то время он мог рассказать лишь о немногих событиях борьбы, его пророчества о конечном результате сбылись в своем общем значении. Построив свою поэму на основе "Персов" Эсхила, он открывает ее хором пленных гречанок, которые поют о ходе Свободы с самых ранних веков до тех пор, пока свет ее славы не вернется, чтобы осветить и обновить их увядшую землю:

В великое утро мира
Дух Божий с силой развернул
Флаг Свободы над Хаосом,
И все его анархи бежали,
как стервятники, испугавшиеся Имауса,
[Сноска: Скифский горный хребет].
перед ударом землетрясения,

Так с бурной зари времени
Свободы блеск вспыхнул и засиял:
Фермопилы и Марафон
Как горы, освещенные маяком,
Весенний огонь, крылатая слава
На Филиппах полулежала.
[Сноска: Республиканские римляне под командованием Брута и Кассия были разбиты здесь
Октавием и Марком Антонием в 42 г. до н.э.].
Как орел на мысе.

Его неутомимые крылья могли взмахнуть
Неугасимый пепел Милана.

[Сноска: *Милан* был центром сопротивления Ломбардской лиги против австрийского тирана Фридриха Барбароссы. Последний в 1162 году сжег город дотла, но свобода жила в его пепле и восстала, как выдох, из его руин].

Из века в век, от человека к человеку
Она жила; и горела, от земли к земле,
Флоренция, Альбион, Швейцария.

[Сноска: *Флоренция* освободилась от власти гибеллинских вельмож и стала свободной республикой в 1250 году. *Альбион - Англия*: Магна Чарта, вырванная у короля Иоанна: Содружество. *Швейцария*: великая победа при Могартене в 1315 году привела к объединению трех кантонов, образовав таким образом ядро Швейцарской конфедерации].

Наступила ночь, и, как из ночи,
Вновь уверяя в огненном полете
С Запада стремительно Свобода пришла,

[Сноска: Американская революция].

Против хода небес и судьбы,
Второе солнце, облаченное в пламя,
Чтобы гореть, зажигать, освещать.

Из далекой Атлантиды его юные лучи

[Сноска: сказочная Атлантида Платона; здесь используется для обозначения Америки].

Прогнали тени и мечты.

Франция, со всеми ее сангвиническими потоками,
Скрывала, но не гасила его; снова,

[Сноска: Имеется в виду Французская революция].

Сквозь облака дождь славы пролился
От пределов Германии до Испании.

[Сноска: Имеются в виду революции, вспыхнувшие в 1820 году].

Как орел, вскормленный утром,
презирает предупреждения бури,
Когда она ищет свой аэродром

В волосах горного кедра,
И выводок ее ожидает звона

ее крыльев в диком воздухе,
Больной голодом; Свобода, так,
К тому, что от Греции осталось, теперь
возвращается; ее хриплые руины сияют
Как восточные горы, потерянные в день;

Под безопасностью ее крыльев
Ее обновленные птенцы играют,

И под нагими молниями
правды они очищают свои ослепленные глаза.

Пусть Свобода уйдет, куда бы она ни летела,
Пустыню или рай;

Пусть прекрасные и храбрые
Разделят ее славу или могилу.

В продолжение своего повествования поэт представляет турецкого султана Махмуда, которого мучают сны об угрозе свержения его власти, и он посылает за Ахасуром, престарелым евреем, чтобы тот растолковал их. Тем временем женский хор воспеваает окончательный триумф Креста над полумесяцем и бегство темных "сил земли и воздуха" перед наступающим светом "Вифлеемской звезды".

Сила от неведомого Бога,
Пришел прометеевский завоеватель;
Как триумфальный путь он прошел
Тернии смерти и позора.
Смертный облик его
Был как пар тусклый.
Который планета Востока оживляет светом;
Пришли ад, грех и рабство,
Как ищайки кроткие и прирученные,
И не нападали, пока их повелитель не улетал.
Луна Ма'гомета
Взошла и зайдет;
А на небе, как в бессмертный полдень,
Крест ведет поколения вперед.

Стремительно, как лучезарные формы сна,
От того, чьи сны - рай,
Улетучиваются, когда плачущий несчастный просыпается,
И день глядит своими черными глазами;
Так стремительны, так слабы, так прекрасны,
Силы земли и воздуха
Улетели от восходящей Вифлеемской звезды.
Аполлон, Пан и Любовь,
И даже олимпиец Джов
ослабли, ибо на них смотрела убийственная Истина.
Наши холмы, и моря, и ручьи,
лишились своих снов.
Их воды превратились в кровь, их роса - в слезы.
Оплакивали золотые годы.

На языке Хасана, сопровождающего Махмуда, поэт излагает события, связанные с началом борьбы, и дает представление о ходе европейской политики: Египет посылает свои армии и флоты на помощь султану против восставшего мира; Англия, королева океана, на своем островном троне держится в стороне от борьбы; Россия, безразличная к тому, победит ли Греция или Турция, но готовая наступить на победителя; Австрия, ненавидящая свободу, но боящаяся успеха врагов свободы. Поэт не мог предвидеть тех перемен в английской политике, которые впоследствии позволили Англии, при поддержке Франции и России, вмешаться в дела Греции. Хассан говорит:

"Анархии Африки развязывают
Свои бурнокрылые города на море,
Чтобы громом возвестить мятежному миру.
Как сернистые облака, наполовину разбитые бурей,
Они проносятся по бледному Эгейскому морю, а королева
Океана, прикованная к своему островному трону,

Далеко на Западе, скорбит о своих сыновьях,
Которые хмурятся на Свободу, не жалеют улыбки для тебя:
Россия все еще парит, как орел
В облаке, возле которого коршун и журавль
Висят, спутавшись, в неразрывной борьбе,
чтобы опуститься на победителя; ибо она боится
Имени свободы, как и ненавидит твое;
Но восставшая Австрия любит тебя, как могила
Любит мор и своих медленных псов войны,
измученные погоней, приходят из Италии,
И воют в своих пределах; ибо видят они
Пантера Свободы скрылась в своем старом укрытии
Среди морей и гор, и могучий выводок
Приседает вокруг".

Хотя Хасан рассказывает о численности армий султана, о мощи его крепостей и арсеналов, унывающий Махмуд, наблюдая за убывающей луной, символизирует ее как слабую эмблему его угасающей власти:

"Посмотри, Хасан, на полумесяц, изображенный
На том разбитом флаге огненного облака.
Который ведет за собой уходящий день,
Эмблема угасающей империи!
Посмотрите, как он трепещет в кроваво-красном воздухе,
И, как могучая лампа, чье масло израсходовано,
сжимается на краю горизонта, в то время как сверху,
Одна звезда с дерзким и победоносным светом
Парит над его падением, и острыми лучами
как стрелы в слабую антилопу,
Поражает насмерть его слабую фигуру".

Когда к султану прибывает гонец за гонцом и сообщает о революционных восстаниях в разных частях его империи, он отказывается слушать дальше и укрывается в той фаталистической философии, которая является неизменным ресурсом последователей Пророка во всех их неудачах:

"Я больше ничего не услышу! Слишком долго
Мы смотрим на опасность сквозь туман страха,
И умножаем наши разбитые надежды
образы гибели. Приходите, что будет!
Завтрашний день и завтрашний день - как лампы.
Поставленные на нашем пути, чтобы освещать его до самого края,
сквозь трудности и невзгоды; и мы не можем страдать от того.
Которой не причинит Он, в чьих руках мы находимся".

Когда еврей Ахасер наконец прибывает, он говорит оракулами и вызывает видения, которые усиливают страх султана; а когда тот слышит крики о кратковременной победе над греками, он рассматривает это лишь как угасающий отблеск, который делает наступающую тьму еще более ужасной. Он так солирует:

"Слабая молния перед тьмой! Бедная слабая улыбка
умирающего ислама! Голос, который является ответом

Пустой слабости! Я проснулся и живу,
Если бы были такие вещи? Или, может быть, беспокойный мозг,
измученный мудрым безумием старого еврея,
И в нем зародились эти тени страха?
Неважно! Ведь ничего мы не видим и не видим во сне,
Обладаем или теряем, или хватаемся, не может стоять
больше, чем дает или учит. Что бы ни случилось,
Будущее должно стать прошлым, а я
Как и они, для которых когда-то был настоящий час,
Этот мрачный утес времени, за который я цепляюсь,
казался Елисейским островом мира и радости.
Который никогда не будет достигнут".

Хотя поэт предсказывает ряд бедствий и периодов мрака для борющейся Греции, в конце поэмы светлый век, более яркий, чем все, что она знала, представляется ей как сияющий "сквозь закат надежды".

1822 год открылся собранием первого греческого конгресса в Эпидаврусе, провозглашением временной конституции 13 января и изданием 27-го числа декларации, объявлявшей о союзе всей Греции с независимым федеративным правительством под председательством Александра Маврокордато. Но греки, не привыкшие пользоваться правами свободных людей, не смогли сразу создать мудрое и твердое правительство: они часто ссорились между собой, а тех, кто пользовался независимой властью под управлением турок, с трудом склонили к подчинению центральному правительству. Немногим умным и либеральным людям среди них предстояло выполнить трудную задачу; но жалкое недисциплинированное состояние турецких армий способствовало ее успешному выполнению. Главными военными событиями года стали ужасная резня турками жителей острова Сцио в апреле, поражение последних в Морее, где было убито более двадцати тысяч человек, успехи греческих огнестрельных кораблей, благодаря которым было уничтожено множество турецких судов, и сдача грекам Наплии, древней Науплии, порта Аргоса. В результате разрушения острова Сцио райский уголок превратился в сцену запустения, а более сорока тысяч человек были убиты или проданы в рабство. Вскоре после этого сто пятьдесят деревень в южной Македонии постигла участь Сцио, а паша Салониа похвастался, что за один день уничтожил пятнадцать сотен женщин и детей.

Доведенные до отчаяния, а не удрученные своими поражениями и безжалостной жестокостью турок, греки храбро боролись дальше, и в течение 1823 года результаты борьбы были в целом в их пользу. Они часто оказывались достойными сыновьями тех, кто пал.

"В мрачном проливе Фермопиле".

или на равнинах Марафона. Их патриотическая решимость быть свободными или умереть в этой попытке счастливо отражена в следующих строках поэта Кэмпбелла, чье сердце билось в сочувствии их усилиям по достижению свободы.

Песня греков.

Снова в бой, ахейцы!
Наши сердца бросают вызов тиранам!
Наша земля - первый сад дерева Свободы.
Она была и будет землей свободных;

Крест нашей веры возрождается,
И бледный, умирающий полумесяц не страшен,
И мы маршируем, чтобы следы рабов Магомета
Могут быть смыты кровью с могил наших предков.
Их духи витают над нами,
И меч вернет нам славу.

Ах! Что, если никто не придет на помощь,
И рыцарские копья христианства
Не протянут нам на помощь? Пусть бой будет наш собственный!
И мы погибнем или победим в гордом одиночестве!
Ведь мы поклялись нападающим на нашу страну,
Девственницами, которых они утащили с наших алтарей,
нашими убитыми патриотами, нашими детьми в цепях,
нашими героями древности, и их кровью в наших жилах,
Что, живя, мы будем побеждать,
Или чтобы, умирая, смерть наша была славной!

Мы не вздохнем покорно:
Меч, который мы достали, мы не укроем;
Его ножны остались там, где лежат наши мученики,
И месть веков отточила его лезвие.
Земля может скрыть, волны поглотить, огонь уничтожить нас;
Но они не обрекут нас на рабство.
Если они и будут править, то только над нашим пеплом и могилами:
Но мы уже поразили их огнем на волнах,
И новые триумфы на суше перед нами -
К ответу! Небесное знамя над нами.

В этот день вам придется краснеть за его историю,
Или скрасить свою жизнь его славой.
Наши женщины - о, скажите, будут ли они кричать в отчаянии?
Или обнимут нас с завоеваниями, с венками в волосах?
Проклят, да очернится его память,
Если найдется трус, который отступит.
Пока мы не растопчем тюрбан и не покажем, что достойны
Что происходим от бога земли и названы в его честь.
Ударьте домой! И мир будет почитать нас
Как героев, произошедших от героев.

Старая Греция светится от восторга!
Ее внутренние районы, ее острова в океане,
Отстроенные фанесы и прекрасные города зазвенят юбилеем,
И Девять вновь освятят свой источник Геликона.
Наши очаги зажгутся в радости,
Которые были холодны и погасли в печали;
А наши девы будут танцевать, размахивая белыми руками,
Поют радость храбрецам, что их очаровали,
Когда кровь мусульманских ворон
Окрасит клювы наших ворон!

СИМПАТИИ АМЕРИКАНЦЕВ К ГРЕЦИИ.

Ход событий в 1822 и 1823 годах привел к тому, что греки стали друзьями везде, где лелеяли свободные принципы; из Англии и Америки поступали крупные денежные пожертвования, одежда и провизия, чтобы облегчить страдания, причиняемые бесчеловечными жестокостями турок. Однако именно Соединенные Штаты, как говорит первый американский министр в Греции г-н Тукерман, первыми ответили "словами президента Монро, Уэбстера, Клея, Эверетта, Дуайта и многих других деятелей" на призыв греческого сената в Каламате, сделанный в 1821 году. Когда Конгресс собрался в декабре 1823 года, президент Монро сделал революцию в Греции темой одного из пунктов своего ежегодного послания, в котором он выразил надежду на успех греков и катастрофу турок; а мистер Вебстер впоследствии внес в Палату представителей резолюцию, предусматривающую назначение агента или комиссара в Грецию. Это были первые официальные высказывания в пользу борющейся страны, произнесенные каким-либо правительством; и, выступая в январе 1824 года в поддержку своей резолюции, мистер Вебстер начал свое выступление следующим образом:

"Случай, который привлекает внимание к такому выдающемуся месту, связанному с интересными воспоминаниями, как Греция, естественно, может вызвать теплоту и энтузиазм. Однако в серьезной политической дискуссии необходимо, чтобы эти чувства были остужены. Я постараюсь подавить их, хотя полностью погасить их невозможно. Мы должны, действительно, улететь за пределы цивилизованного мира; мы должны миновать владычество закона и границы знания; мы должны, в особенности, удалиться от этого места, от сцен и предметов, которые здесь нас окружают, если мы хотим полностью отделить себя от влияния всех тех памятников, которые Древняя Греция передала для восхищения и пользы человечества. Эта свободная форма правления, это народное собрание - общий совет для общего блага - где мы видели ее самые ранние образцы? Эта практика свободных дебатов и публичных обсуждений, состязание разума с разумом, и то народное красноречие, которое, будь оно сейчас здесь, на подобную тему, сдвинуло бы с места камни Капитолия - на чьем языке все это было впервые продемонстрировано? Даже здание, в котором мы собрались, эти пропорциональные колонны, эта украшенная архитектура - все напоминает нам о том, что Греция существовала, и что мы, как и все остальное человечество, являемся ее большими должниками.

"Но я внес это предложение не в тщетной надежде списать хоть что-то из этого накопленного веками долга. Я не действовал в расчете на то, что мы, унаследовавшие этот долг от наших предков, должны теперь пытаться выплатить его тем, кто, как может показаться, унаследовал от своих предков право на получение выплаты. Моя цель ближе и более насущна. Я хочу воспользоваться случаем борьбы интересного и доблестного народа за свободу и христианство, чтобы обратить внимание Палаты на обстоятельства, сопровождавшие эту борьбу, и на принципы, которые, по-видимому, определяли поведение великих государств Европы по отношению к ней, а также на последствия и влияние этих принципов на независимость наций, и особенно на институты свободных правительств. Поэтому то, что я хочу сказать о Греции, касается современной, а не древней - живой, а не мертвой. Она рассматривает ее не в том виде, в каком она существует в истории, торжествуя над временем, тиранией и невежеством, а такой, какая она есть сейчас, борясь с ужасающими трудностями за существование и за общие привилегии человеческой природы".

В своем пространном рассуждении мистер Вебстер решительно осуждает существующую в то время политику европейских держав, которые, считая, что все изменения в законодательстве и управлении "должны исходить только от королей", были поэтому

"совершенно неумолимы к страданиям греков и полностью враждебны к их успеху". Он требует, чтобы правительство выразило протест против такой политики, как в принципе, так и на практике; и он завершает свое обращение следующими ссылками на решимость греков и сочувствие, которое должна вызывать их борьба:

"Константинополь и северные провинции послали тысячи войск; они потерпели поражение. Триполи, и Алжир, и Египет предоставили свои морские контингенты; они не удержали океан. Полчища татар пересекли Босфор; они погибли там, где погибли персы. Могущественные монархии, расположенные по соседству, осуждали греческое дело и призывали греков отказаться от него и покориться своей судьбе. Они отвечали, что, хотя двести тысяч их соотечественников отдали свои жизни, еще остаются жизни, которые нужно отдать; и что решимость всех - "да, ВСЕХ" - упорствовать до тех пор, пока они не утвердят свою свободу или пока власть их угнетателей не избавит их от бремени существования. Теперь можно спросить, может ли выражение нашего собственного сочувствия и сочувствия всей страны принести им пользу? Я надеюсь, что да. Оно может придать им мужества и духа; оно может заверить их в общественном уважении, научить их тому, что они не полностью забыты цивилизованным миром, и вдохновить их на постоянство в достижении своей великой цели. Во всяком случае, мне кажется, что предложенная мною мера соответствует нашему характеру и вызвана нашим собственным долгом. Когда мы выполним этот долг, мы можем оставить остальное на усмотрение Провидения. Я не отношусь к тем, кто в час наивысшей опасности отказался бы от поощрения, которое может быть должным и законным образом оказано, и, когда кризис минует, осыпал бы спасенного страдальца добротой и лаской. Греки обращаются к цивилизованному миру с пафосом, которому нелегко противостоять. Они взывают к нашей благосклонности, руководствуясь более трогательными соображениями, чем те, которые можно отнести к состоянию любого другого народа. Они протягивают руки к христианским общинам земли, умоляя их, великодушно вспоминая своих предков, рассматривая их опустошенные и разрушенные города и деревни, их жен и детей, проданных в проклятое рабство, их кровь, которую они, кажется, готовы вылить как воду, общую веру и имя, объединяющее всех христиан, чтобы они оказали им хотя бы некоторый знак сострадания".

ВЫЛАЗКА В МИССОЛОНГИ.

Один из выдающихся подвигов греков в 1823 году, который отмечается многими способами, произошел в Миссолонги, столице Акарнании и Этолии, когда этот город осаждала турецкая армия; имя Марко Боз-Зариса, командующего гарнизоном, с тех пор причисляется к именам Леонида и других героев Древней Греции, павших в момент победы. Английский автор Уорбертон в своей книге *"Полумесяц и крест, или Романтика и реальность восточных путешествий"* так рассказывает об известном подвиге, который спас Миссолонги для греков и ускорил освобождение их страны:

"Когда Миссолонги был осажден турецкими войсками, Марко Боццарис командовал гарнизоном из двенадцати сотен человек, у которых едва хватало укреплений для того, чтобы создать гвардию. До него дошли сведения, что египетская армия вот-вот соединится с грозным осаждающим войском. Было приказано провести парад гарнизона, "слабого и немногочисленного, но бесстрашного". Боццарис рассказал им о разрушениях, нависших над Миссолонги, предложил сделать вылазку и объявил, что она должна состоять только из добровольцев. Добровольцы! Весь гарнизон выступил вперед, как один человек, и потребовал почетного и смертного поста. Я возьму только термопильцев", - сказал их предводитель и отобрал триста человек из своих верных и надежных сулиотов. Ночью эта преданная группа выступила в шести подразделениях, которые в глубокой тишине

расположились вокруг турецкого лагеря. Их приказ был прост: "Когда услышите звук моего горна, ищите меня в палатке паши".

"Марко Боццарис, переодетый албанцем, несущим паше депеши из египетской армии, беспрепятственно прошел через турецкий лагерь и был задержан только часовыми у палатки паши, которые сообщили ему, что он должен дожидаться утра. Тогда в ночной тишине раздался дикий вой горна; верное эхо донеслось извне, и до слуха мусульманина донесся боевой клич мстящего грека. Со всех сторон, казалось, разом разразилась эта страшная буря; крики агонии и ужаса подняли шум. Турки бежали во все стороны, и вскоре греческий вождь был окружен своими товарищами. Сбитый на землю мушкетной пулей, он поднялся на плечи двух греков и, поддерживаемый ими, бросился на летящего врага. Еще одна пуля пронзила его мозг в час триумфа, и он был унесен мертвым с поля своей славы". Но Миссолонги был спасен, и под командованием Константина и Ното Боццарисов, братьев погибшего героя, он выдержал многократные штурмы турок, пока в 1826 году, после того как его более года осаждали очень крупные морские и военные силы, он не был окончательно взят. Оставшиеся из небольшого гарнизона, способные сражаться, поставив женщин в центр, выступили в полночь 22 апреля и прорубили себе путь через турецкий лагерь; те же, кто был слишком слаб, чтобы пытаться бежать, собрались на большой мельнице, которая использовалась в качестве порохового склада, и разнесли себя и многих прибывших турок в пух и прах.

Примерно через пятнадцать лет после смерти Марко Боццариса американский путешественник и писатель Джон Л. Стивенс посетил Грецию и в Миссолонги был представлен Константину Боццарису, а также вдове и детям его покойного брата. В рассказе об этой беседе, который автор приводит в своих *"Происшествиях в Греции"*, он описывает Константина Боззариса, в то время полковника на службе у короля Отхо, как человека около пятидесяти лет, среднего роста и крепкого телосложения, который сразу после официального представления выразил свою благодарность как грек за услуги, оказанные его стране Америкой; и добавил, "сверкая глазами и раскрасневшимися щеками, что, когда греческий революционный флаг вошел в порт Наполи-ди-Румыния среди сотен судов всех наций, американский капитан первым узнал его и отдал честь". Мистер Стивенс так описывает вдову греческого героя: "Ей было под сорок, она была высокой и статной, одета в глубокий черный цвет. Она выглядела вдовой героя; она была достойна тех греческих матерей, которые отдавали свои волосы за тетиву лука, а пояса - за ремни мечей, и, пока их сердца трещали, посылали своих мужей сражаться и погибать за свою страну. Возможно, именно она вывела Марко Боццариса из дикой партизанской войны, в которой он провел свою раннюю жизнь, и воспламенила его высоким и святым стремлением освободить свою страну. Я уверен, что ни один человек, взглянув ей в лицо, не смог бы укрепить свои колеблющиеся цели и более твердо встать на путь высоких и благородных устремлений".

Мистер Стивенс завершает рассказ о своей беседе с вдовой и семьей следующим образом: "При расставании я сказал им, что имя Марко Боццариса так же хорошо известно в Америке, как имя героя нашей революции, и что оно было освящено вдохновением американского поэта. Я добавил, что, если это не будет неприемлемо, по возвращении на родину я отправлю упомянутую дань, как свидетельство чувства, существующего в Америке по отношению к памяти Марко Боццариса". Обещанной данью оказалось следующее прекрасное и волнующее стихотворение Фитц-Грине Халлека:

Марко Боццарис.

В полночь, в своем охраняемом шатре,
Турок мечтал о том часе.
Когда Греция, колено в покорности склонив,
Дрогнет перед его властью:
В мечтах, через лагерь и двор, он нес
Трофеи завоевателя;
Во сне он слышал свою песню триумфа;
Затем он надел перстень своего монарха;
То прижимался к трону монарха - король;
Так же дики его помыслы, так же прекрасны крылья,
Как садовая птица Эдема.

В полночь, в тени леса,
Боззарис выстроил свой отряд сулиотов,
верные, как сталь их испытанных клинков,
Герои в сердце и руке.
Там стояли тысячи персов,
Их кровь пила радостная земля.
В день старой Платеи;
А теперь здесь дышат призрачным воздухом
Сыновья тех, кто там побеждал,
С рукой на удар и душой на смелость,
Так же быстро, так же далеко, как они.

Прошел час - турок проснулся;
Этот яркий сон был его последним;
Он проснулся и услышал крик своих дозорных
"К оружию! Они идут! Грек! Грек!"
Он проснулся, чтобы умереть среди пламени и дыма,
И крики, и стоны, и сабельные удары,
И смертельные выстрелы падали густо и быстро.
Как молнии с горной тучи,
И услышал голос, как труба громкий,
Боццарис подбадривает свой отряд:
"Бейте! До последнего вооруженного врага;
Ударьте по алтарям и кострам;
Ударьте по зеленым могилам ваших предков,
Бога и родной земли!"

Они сражались как храбрые мужчины, долго и хорошо;
Они завалили эту землю убитыми мусульманами;
Они победили, но Боззарис пал,
истекая кровью из каждой жилки.
Его немногие оставшиеся в живых товарищи видели
Его улыбку, когда раздалось их гордое "ура",
И красное поле было завоевано,
А потом увидели, как закрылись его веки,
Спокойно, как на ночной отдых.
Как цветы на закате солнца.

Приди в брачный чертог, Смерть!

Приди к матери, когда она чувствует,
первые дыхание своего первенца;
Приди, когда благословенные печати
закрывающие мор, сломаны,
и переполненные города оплакивают ее удар;
Приходите в ужасающей форме чахотки,
толчок землетрясения, океанский шторм;
Приходите, когда сердце бьется высоко и тепло
От пиршественных песен, танцев и вина;
И ты ужасен: слеза,
стон, рыданье, плаха, труп,
И все, что знаем мы, и сон, и страх
Агонии - твои.

Но для героя, когда его меч
Победил в битве за свободу,
Твой голос звучит, как слово пророка,
И в его полых тонах слышна
Благодарность миллионов, которым еще предстоит жить.
Приди, когда его задача славы будет выполнена;
Приди, с лавровым листом, кровью купленным;
Приди в час ее венца - и тогда
Неземной свет твоих погруженных глаз
Для него желанный, как вид
Неба и звезд для заключенных;
Твоя хватка желанна, как рука
брата на чужбине;
Твой призыв желанен, как крик
Который возвестил о близости индийских островов
Генуэзцу, ищущему мир,
Когда ветер с суши, из пальмовых лесов,
И апельсиновых рощ, и полей бальзама,
Пронесся над морями Хайтьена.

Боззарис! С прославленными храбрецами
Греция взрастила во времена своей славы,
Покойся - нет горше могилы,
Даже в ее собственной гордой стране.
Она не носила для тебя погребальные травы,
И темный катафалк не взмахивал своим плюмажем,
Как сорванная ветвь с безлистного дерева смерти,
В скорбной помпезности и пышности,
Бессердечной роскоши могилы;
Но она помнит тебя как того.
Давно любимого, но на время ушедшего:
Для тебя лира ее поэта вьется,
Мрамор ее кован, музыкой дышит;
Для тебя она звонит в праздничные колокола;
О тебе рассказывает первый лепет ее младенцев;

Для тебя она вечернюю молитву произносит
На дворцовой кушетке и в домике;
Ее солдат, сражаясь с врагом,
Дает ради тебя смертельный удар;
Его дева, когда она боится
За него, радость юных лет,
Думает о судьбе твоей и сдерживает слезы.
И она, мать твоих мальчиков,
Хотя в глазах ее и в увядших щеках
Читается горе, о котором она молчит,
Память о погребенных радостях,
И даже та, что родила тебя,
У очага, обнесенного пилигримами,
О судьбе твоей говорить без вздоха:
Ибо ты теперь принадлежишь Свободе и Славе...
Одно из немногих, бессмертных имен.
Которые не рождены для смерти!

Примерно во время подвига Боццариса лорд Байрон прибыл в Грецию, чтобы принять активное участие в борьбе за греческую независимость, и отправился в Миссолонги в январе 1824 года. Не было на свете более теплого друга греков, чем Байрон; но хотя он сочувствовал и стремился всячески помогать тем, кто, по его собственным словам, "страдал от всех моральных и физических бедствий, какие только могут постигнуть человечество", он, очевидно, искренне верил, что единственное спасение для Греции заключается в том, чтобы она стала британским владением. В своих заметках к "*Чайльд Гарольду*", написанных до начала революции, но в то время, когда вся Греция пылала желанием свободы, он писал следующее: "Греки никогда не будут независимыми; они никогда не будут государями, как раньше, и не дай Бог, чтобы они когда-нибудь ими стали! Но они могут быть подданными, не будучи рабами. Наши колонии не независимы, но они свободны и трудолюбивы, и такой может быть Греция в будущем". Эти слова показывают, что он считал Грецию неспособной к самоуправлению, если она когда-нибудь вернет себе свободу; и поэтому он не одобрял возвращения к ее древнему суверенитету. В том, что таково было его мнение и что впоследствии он намеревался воплотить его в жизнь от своего лица, нас убеждает вполне обоснованное мнение, почерпнутое из его собственных заявлений, что, присоединившись к греческому делу, он намеревался поставить себя во главе его, надеясь и, возможно, веря, что сможет стать королем Эллады под защитой Великобритании. Но какими бы ни были его планы, они были прерваны его смертью в Миссолонги 19 апреля после его прибытия туда.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ.

В ходе кампании 1824 года греки потеряли Кандию и сильно укрепленный скалистый остров Ипсара, турецкий флот был отбит у острова Самос, а большой египетский флот, посланный для нападения на Морею, потерпел неудачу во всех своих замыслах. Кампания 1825 года, однако, была открыта высадкой в Морее большой египетской армии под командованием Ибрагима Пяши, сына вице-короля Египта. Навари'но вскоре перешел под его власть; к моменту падения Миссолонги в следующем году он владел большей частью южной Греции и многими островами Архипелага. Теперь казалось, что в Европе закладывается фундамент египетского военного и рабовладельческого государства; и эта опасность, в сочетании с благородной защитой и страданиями в Миссолонги и других местах, привлекла серьезное внимание европейских правительств и народов; были созданы многочисленные

филантропические общества для помощи грекам, и, наконец, три великие европейские державы были вынуждены вмешаться в их судьбу. 6 июля 1827 года в Лондоне был заключен договор между Англией, Россией и Францией, согласно которому греки должны были сами управлять собой, но платить дань Порте.

Для выполнения этого договора объединенная английская, французская и русская эскадра направилась к Греческому архипелагу; но турецкий султан надменно отверг вмешательство трех держав, и войска Ибрагима-паши продолжили опустошения в Морее. 20 октября союзная эскадра под командованием английского адмирала Эдварда Кодрингтона вошла в гавань Наварино, где стоял на якоре турецко-египетский флот; последовало кровопролитное морское сражение, в котором союзники почти уничтожили флот противника. Хотя британское правительство назвало эту акцию "несчастливым случаем", адмирал Кодрингтон был вознагражден и Англией, и Россией; а поэт Кэмпбелл в следующих строках, посвященных сражению, естественно, восхваляет его за планирование и нанесение этого решающего удара по греческой свободе:

Битва при Наварино.

Дубовые сердца, что храбро освободили храбрецов,
и подняли старую Грецию с края могилы!
Помогали беспомощным и спасали безнадежных,
Твои молнии пронесли над рассолом;
И до тех пор, пока солнце будет смотреть на волну.
Свет твоей славы будет сиять.

К чему стремились вы, проливая кровь и труд,
Были ли это рабы, или владычество, или грабеж, или добыча?
Нет! Ваша высокая цель была в том, чтобы сковать и запутать
Разрушителя владений Греции,
когда он вырывал последние остатки пищи из ее земли,
Пока ее голодающие не побледнели, как убитые!

И все же, герои Наварино, неужели христианство породило
Подлые сердца, что усомнятся в славе ваших деяний?
Разве они люди? Пусть невыразимое презрение будет их уделом,
И забвение покрывает их могилы!
Женщины ли они? Пусть мчатся к турецким рельсам,
И станут матерями рабов-мусульман!

Пособники резни! Смее ли вы сожалеть о том.
Что крик смерти затих на берегу Эллады?
Что мать в ужасе не видит больше своего отпрыска.
схваченного рукой детоубийцы?
И что, растянувшись на волнах, растерзанные их кровью
Убийцы Миссолонги задыхаются?

Горше сцены не было, чем та, что освящает пышность войны.
чем когда вымпелы христианства развевались на ветру,
И цветок ее храбрых на бой собрался.
Их клятва, клятва человечества:
Ни один моряк, сражавшийся в том деле, кроме человечества.
Не обязан гирляндой бона или чела!

Мы не обижаемся, что победить или пасть
Пришли выносливые, грубые русы и высокородные галлы:
Ибо чей гений замыслил, по зову своему,
Когда вихрь битвы должен пронестись?
Все были храбры! Но звезда успеха над всеми
Был свет души нашего Кодрингтона.

Эта звезда твоего дня-весны, возрожденный грек!
Потускнела луна сарацина и побледнела его щека:
В быстрое утро твои Музы заговорят,
Когда любовь свою и лютни они отвоюют;
И первая из их песен с вершины Парнаса
Будет "Слава имени Кодрингтона!".

Результат конфликта в Наварино настолько разгневал турок, что они прекратили всякое общение с союзными державами и приготовились к войне. В следующем году (1828) Франция и Англия направили армию в Морею: Россия объявила войну за нарушение договоров и посягательства на ее торговлю; 7 мая русская армия в сто пятнадцать тысяч человек под командованием графа Витгенштейна перешла Прут и ко 2 июля взяла у турок семь крепостей. В августе была заключена конвенция с Ибрагимом Пяшей, который согласился эвакуировать Морею и отпустил на свободу своих греческих пленников. Тем временем греки продолжали войну, вытеснили турок из страны к северу от Коринфского залива и снарядили множество каперов для охоты на торговлю своего врага. В январе 1829 года султан получил протокол от трех союзных держав, в котором объявлялось, что они берут Морею и Киклад под свою защиту и что вступление любых военных сил в Грецию будет рассматриваться как нападение на них самих. Опасность открытой войны с Францией и Англией, а также успехи и тревожные успехи русских под командованием маршала Дибича, который тем временем взял Адрианополь в ста тридцати милях от турецкой столицы, побудили султана прислушаться к предложениям о мире; и 14 сентября между Турцией и Россией был подписан "Адрианопольский мир", по которому первая признавала независимость Греции.

VI. ГРЕЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ.

Хотя Греция и освободилась от турецких угнетателей, ее сильно беспокоили внутренние недовольства, ревность и даже явные волнения. Граф Ча'по д'Ис'трия, грек на российской службе, избранный в 1828 году президентом временного правительства, вызвал подозрения в том, что он намеревается установить деспотию в своем лице, и в 1831 году на него было совершено покушение. Последовал период анархии. Великие державы ранее решили возвести Грецию в монархию и сначала предложили корону принцу Леопольду, впоследствии королю Бельгии, который, приняв предложение, вскоре отказался от него из-за нежелания греков принять его и их недовольства территориальными границами, предписанными для них. Наконец, границы королевства были более удовлетворительно определены договором между Турцией и державами в 1832 году, корона была возложена на баварского принца Отто, который прибыл в Науплию, тогдашнюю столицу Греции, в 1833 году. Афины стали резиденцией правительства в 1835 году. Греки не избирали ни своего государя, ни национальную политику. В духе великодушного доверия они позволили трем державам-покровительницам выбрать для них короля, и те вознаградили их, сделав самый худший выбор, какой только могли. Они дали грекам семнадцатилетнего мальчика, у которого не было ни характера, ни интеллекта, который можно было бы развить".

Договор, по которому Отто был посажен на трон, не предусматривал конституции, но ее ждали; и после десяти лет деспотичного подчинения короля и его баварских приспешников народ и восставшие солдаты окружили дворец и потребовали конституции. Король согласился, было проведено национальное собрание и разработана конституция, которая получила одобрение короля в марте 1844 года. В этой бескровной революции мы имеем пример как решительности, так и миролюбия, организованности и доброжелательности греческого народа. Один из очевидцев этой сцены так описывает ее:

"Я хорошо помню восстание 1843 года. Возмущенные жалким правлением Оттона, они замыслили вырвать у него конституцию, и когда все было готово, афиняне восстали. В полночь послышался стук копыт лошадей по тротуарам, на улицах замелькали факелы - народ и военные спешили к дворцу; а когда янтарный рассвет осветил Акрополь и афинскую равнину, царь оказался в окружении своих счастливых подданных и обнаружил два полевых орудия, указывающих на вход в царскую резиденцию. В твердых, но почтительных выражениях ему было предложено принять конституцию, а если просьба не будет удовлетворена до четырех часов дня, то дворец будет обстрелян. Тем временем все афиняне собрались на открытом пространстве вокруг дворца, болтали, шутили, принимали табак и курили, как будто собрались посмотреть представление или послушать оглашение завещания. Не прозвучало ни одного выстрела, не было предложено и не принято никакого насилия, и точно в назначенный час упрямый царь сдался осаждающим, а толпа спокойно разошлась по своим домам". [Сноска: Б. Г. В. Бенджамин, в книге "Турок и грек"].

Конституция, которую обеспечили греки, не содержала реальных гарантий законодательных прав народа, а те незначительные преимущества, которые она давала, игнорировались правительством. Продолжение острой борьбы между национальной партией и иностранными интриганами существенно мешало процветанию страны. Кроме того, произошли и другие события, нарушившие ее спокойствие. В 1847 году дипломатические затруднения с Турцией, а в 1848 году - разногласия с Англией, возникшие из-за различных претензий английских подданных и продолжавшиеся несколько лет, приняли угрожающие размеры и были прекращены только подчинением Греции предъявленным ей требованиям. Когда началась Крымская война, Греция заняла решительную позицию в пользу России, но Англия и Франция вскоре вынудили ее занять и сохранять строго нейтральную позицию. В 1859 году жители Ионических островов, находившихся под протекторатом Англии, добивались присоединения к Греции и выражали свои намерения в больших народных демонстрациях и даже восстаниях; но Греция, хотя и сочувствовала им, была слишком слаба, чтобы помочь им, и никаких изменений в их отношениях тогда не произошло.

НИЗЛОЖЕНИЕ КОРОЛЯ ОТТОНА.

Пока происходили эти события, в греческом народе все глубже укоренялось чувство враждебности к королю Отто и королевской семье, и часто происходили открытые демонстрации насилия. Король пообещал более либеральные меры управления, но они не удовлетворили народные требования, и греки решили свергнуть династию. В октябре 1862 года, после нескольких бурных демонстраций в других странах, события вылились в успешную революцию в Афинах. Временное правительство было создано лидерами народной партии, которые постановили низложить короля. Отто, который в это время отсутствовал в Афинах, находясь с визитом в Неаполе, оказавшись без трона, не вернулся в Афины, а издал прокламацию об уходе из Греции и отплыл в Германию на английской фрегате. Он занимал трон всего тридцать лет. МР. Тукерман так описывает его: "Честный сердцем, но лишенный интеллектуальной силы, одетый в греческую фустинеллу, он старался быть греком по духу; но под плетеной курткой его сердце билось в такт иностранным мерам, а

ухо склонялось к иностранным советам. Если бы не более сообразительная Амелия, королева, его безрассудства истощили бы терпение народа раньше, чем они это сделали". Состояние Греции при его правлении так описывает автор *"Британского ежеквартальника"*, который писал сразу после *государственного переворота*:

"Внешне Греция, которую филэллинисты времен Каннинга провозглашали возрожденной и восстановленной, за тридцать лет правления представляет собой страну коррумпированную, интригующую, продажную и бедную. Правительство не сохранило доверия ни к своим подданным, ни к кредиторам; оно стремилось всеми доступными ему средствами подавить конституционные свободы своих подданных; и, отказываясь на протяжении всего этого периода выплатить ни одной драхмы своего государственного долга, оно поставило на себе клеймо либо безнадежного банкрота, либо скандального мошенника. Между тем народ, подавленный инкубом нечестного и экстравагантного иностранного правления, остается почти в том же положении, в котором он находился при первом создании своего королевства. Одним словом, Греция тридцать лет назад перешла от одного деспотизма к другому. Баварское правление не стало заметным смягчением турецкого. Если христианский монарх ненавидел своих эллинских подданных меньше, чем мусульманский, он все равно был более невежественен в отношении условий процветания государства".

ВОЦАРЕНИЕ КОРОЛЯ ГЕОРГА.

Греческая независимость, если она вообще когда-либо существовала, может быть правильно датирована с момента низложения баварской династии. В декабре 1862 года комитет, назначенный временным правительством, приказал избрать нового короля. Вскоре после этого в Афинах собралось национальное собрание, и, предварительно подтвердив низложение Отто, из предложенных европейскими державами кандидатов на вакантный трон огромным большинством голосов при первом же голосовании был избран английский принц Альфред. Этот выбор отпрыска самой свободной и стабильной из конституционных монархий Европы был выражением желания и решимости греческого народа обеспечить себе настолько полные политические и гражданские свободы, насколько это было возможно при монархическом правлении. Но принц Альфред был признан неправомочным в силу пункта протокола держав-покровительниц, в котором говорилось, что правительство Греции не должно быть доверено принцу, выбранному из царствующих семей этих государств. После этого, в марте 1863 года, принц Георг Датский, нынешний король, был единогласно избран ассамблеей, и его избрание было подтверждено великими державами в июле следующего года. Есть все основания полагать, что Англия взяла на себя честь выбрать принца Георга. После ухода принца Альфреда она выразила готовность отказаться от протектората над Ионическими островами и уступить их Греции, если будет выбран король, против которого английское правительство не сможет возражать. Ионические острова были уступлены Греции в течение двух месяцев после вступления в должность короля Георга; и мистер Такерман рассказывает, что "когда принц Кристиан, король Дании, находился в Лондоне, присутствуя на свадьбе своей дочери с принцем Уэльским, лорд Джон Рассел обнаружил второго сына принца Кристиана в форме мичмана и предложил его имя в качестве преемника Отто".

Король Георг принес конституционную присягу в октябре 1863 года. В 1866 году вспыхнула революция на Крите, или Кандии, и из-за симпатий греков к повстанцам, тысячи которых нашли убежище в Греции, возникли серьезные осложнения между Грецией и Турцией, которые были урегулированы только на конференции великих держав в 1869 году. По договору 1832 года с Портой граница Греции была определена произвольно: от залива Воло вдоль цепи гор Отрис до залива Арта, в результате чего Греция лишилась высоких

плодородных равнин Фессалии и Эпира, самых больших и богатых в классической Греции. Однако по окончании Русско-турецкой войны границы были изменены державами таким образом, чтобы включить в состав королевства значительную часть этих древних владений; но это изменение вызвало серьезные конфликты между правительством и населением присоединенных районов, а также возникли трудности с Турцией. Но они были окончательно урегулированы поправкой к договору, принятой в 1881 году".

За исключением только что отмеченных исключений, никакие важные события не нарушали мир в Греции с момента воцарения короля Георга. В его лице страна получила достойного правителя, который в значительной степени сам является своим советником и понимает главное желание своих подданных, "чтобы Греция управляла Грецией". Как сказал Мр. Тукерман сказал о нем: "В отличие от своего предшественника, он грек по языковой и идейной симпатии. Он чувствует народный пульс и старается идти в ногу с ним, не столько из соображений политики, сколько из национальной симпатии; и его руки сравнительно свободны от помех тех иностранных советников-министров, которые, борясь за превосходство, объединялись только в том, чтобы препятствовать политическому продвижению королевства". Греческий народ не виноват в том, что при короле Отто Греция не смогла добиться внутреннего прогресса, которого от нее ожидали после освобождения от мусульманской тирании. Это была вина правительства; ибо, когда пришло лучшее правительство, произошли соответствующие изменения во внутренней жизни народа; и в настоящее время, при самой свободной из конституционных монархий и под руководством правителя, столь сочувствующего, компетентного и популярного, искупленная Греция делает быстрые шаги в интеллектуальном и материальном прогрессе. Об этом прогрессе мы имеем следующий рассказ видного американского богослова, недавно посетившего эту страну:

Прогресс в современной Греции.

[Сноска: преподобный Джозеф Кук, в газете "Нью-Йорк Индепендент", февраль, 1883 г.].

"Вы наклоняетесь над парапетом Акрополя, со стороны современного города, и тщетно ищете отпечаток венецианского скандала и турецкого копыта, которые шестьсот лет втаптывали Грецию в грязь. В долгом рабстве у варваров эллинский дух был ослаблен, но не сломлен. Греку, с его тонкой структурой, не нравится твердый, непрозрачный темперамент многоженца-турка. Браки между расами очень редки. Греческая раса не вымерла. Во многих сельских населенных пунктах Греции современная эллинская кровь так же чиста, как и древняя. Только эллинская кровь объясняет эллинские лица, которые еще легко найти; эллинский язык, который еще удивительно нетронут; и эллинский дух, который вездесущ в освобожденной Греции. Пятьдесят лет назад в Афинах нельзя было купить ни одной книги. Сегодня каждый восемнадцатый из всего населения Греции учится в школе. В 1881 году в Пирæусе можно было насчитать тринадцать очень высоких фабричных дымовых труб, из которых в 1873 году не было ни одной. Жалко, что Греция наконец-то открывает на Акрополе и в самом центре Афин национальные музеи для священных остатков своего древнего искусства, которые до сих пор разграблялись для обогащения музеев всей Западной Европы. За шестьдесят лет независимости эллинский дух удвоил население Греции, увеличил ее доходы на пятьсот процентов, телеграфная связь распространилась на все королевство, флот увеличился с четырехсот сорока до пяти тысяч судов, открыто восемь портов, основано одиннадцать новых городов, восстановлено сорок разрушенных городов, Афины из лачуги превратились в город с семидесятитысячным населением, в нем появились королевский дворец, законодательная палата, десять типографий, сорок печатных заведений, двадцать газет, астрономическая обсерватория, университет с восьмьюдесятью профессорами и пятнадцатью сотнями студентов. Спустя чуть более полувека независимости эллинский дух

выделяет на цели обучения больший процент государственных доходов, чем Франция, Италия, Англия, Германия или даже Соединенные Штаты. Современная Греция, шестьдесят лет назад бывшая рабом и нищим, сегодня, по признанию самых безжалостных статистиков, возглавляет список самообразованных наций."

КОНЕЦ.

